

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

Том 19. № 5

2020

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Главная тема номера: / Mainstream issue:

«Академический дискурс в социокультурном, межкультурном и транслингвальном аспектах»

“Academic Discourse in Sociocultural, Cross-Cultural and Translanguaging Perspectives”

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

Volume 19. No. 5

2020

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number **ПИ № ФС77-78163** of March 13, 2020)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер **ПИ № ФС77-78163** от 13 марта 2020 г.)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

Журнал включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

The journal is included into **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)**

Журнал включен в базу **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU** (Russia), **MLA** (USA), **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **EBSCO** (USA), **ProQuest** (USA), **CiteFactor** (Canada), **COPAC*** (Great Britain), **Google Scholar** (USA), **Journalindex.net** (USA), **JournalSeek** (USA), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (USA), **OCLC WorldCat®** (USA), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **MIAR** (Spain), **ZDB** (Germany), “**CyberLeninka**” **Scientific Electronic Library** (Russia), “**Socionet**” **Information Resources** (Russia), etc.

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **MLA** (США), **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **EBSCO** (США), **ProQuest** (США), **CiteFactor** (Канада), **COPAC*** (Великобритания), **Google Scholar** (США), **Journalindex.net** (США), **JournalSeek** (США), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (США), **OCLC WorldCat®** (США), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **MIAR** (Испания), **ZDB** (Германия), **Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»** (Россия), **Соционет** (Россия) и др.

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2020

Том 19. № 5

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2020

Volume 19. No. 5

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2020. Vol. 19. No. 5

Academic Periodical

First published in 1996

6 issues a year

**Mainstream issue: "Academic Discourse
in Sociocultural, Cross-Cultural and Translanguaging Perspectives"**

Editorial Staff:

Assoc. Prof., Dr. *E.M. Sheptukhina* – Chief Editor
(Volgograd)

Prof., Dr. *E.Yu. Ilyinova* – Deputy Chief Editor
(Volgograd)

Prof., Dr. *S.V. Ionova* (Moscow)

Prof., Dr. *S.S. Takhtarova* (Kazan)

Cand. *I.A. Safonova* – Executive Secretary (Volgograd)

Cand. *O.S. Volkova* – Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Prof., Dr. *R.S. Alikeev* (Nalchik);

Prof., Dr. *N.S. Bolotnova* (Tomsk);

Prof., Dr. *D. Voyvodich* (Novi Sad, Serbia);

Prof., Dr. *S. Vogeler* (Brussels, Belgium);

Prof., Dr. *V.Z. Demyankov* (Moscow);

Leading Researcher, Dr. *N.N. Zapolskaya* (Moscow);

Prof., Dr. *M.V. Zelikov* (Saint Petersburg);

Assoc. Prof., Dr. *D.Yu. Ilyin* (Volgograd);

Prof., Dr. *V.I. Karasik* (Volgograd);

Prof., Dr. *A.F. Kelletat* (Mainz, Germany);

Prof., Dr. *K. Koncharevich* (Belgrade, Serbia);

Prof., Dr. *L.P. Krysin* (Moscow);

Prof., Dr. *O.A. Leontovich* (Volgograd);

Prof., Dr. *I.P. Lysakova* (Saint Petersburg);

Prof., Dr. *O.A. Prokhvatilova* (Moscow);

Prof., Dr. *O.N. Prokhorova* (Belgorod);

Prof., Dr. *V.I. Terkulov* (Donetsk, Ukraine);

Dr. Phil., Prof. of Slavonic Philology *V.S. Tomelleri*
(Macerata, Italia);

Assoc. Prof., Dr. *E. Hoffmann* (Vienna, Austria);

Prof., Dr. *N.L. Shamne* (Volgograd);

Prof., Dr. *L. Shipelevich* (Warsaw, Poland);

Dr. *R. Schmitt* (Mannheim, Germany)

Editor, Proofreader: *I.V. Smetanina*

Editors of English texts: *O.S. Volkova, Yu.V. Chemeteva*

Making up and technical editing: *E.S. Reshetnikova*

Passed for printing Nov. 24, 2020.

Date of publication Jan. 29, 2021. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 17.3. Published pages 18.6.

Number of copies 500 (1st dublicate 1–50).

Order 6. «C» 36.

Open price

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-79. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik2@volsu.ru

Journal website: <https://l.jvolsu.com>

English version of the website: <https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2020. Т. 19. № 5

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

**Главная тема номера: «Академический дискурс
в социокультурном, межкультурном и транслингвальном аспектах»**

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, доц. *Е.М. Шептухина* – главный редактор (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *Е.Ю. Ильинова* – зам. главного редактора (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *С.В. Ионова* (г. Москва)
д-р филол. наук, проф. *С.С. Тахтарова* (г. Казань)
канд. филол. наук *И.А. Сафонова* – ответственный секретарь (г. Волгоград)
канд. филол. наук *О.С. Волкова* – технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р филол. наук, проф. *Р.С. Аликаев* (г. Нальчик);
д-р филол. наук, проф. *Н.С. Болотнова* (г. Томск);
д-р филол. наук, проф. *Д. Войводич* (г. Нови Сад, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *С. Вогелер* (г. Брюссель, Бельгия);
д-р филол. наук, проф. *В.З. Демьянков* (г. Москва);
д-р филол. наук, ведущий науч. сотр. *Н.Н. Запольская* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *М.В. Зеликов* (г. Санкт-Петербург);

д-р филол. наук, доц. *Д.Ю. Ильин* (г. Волгоград);
д-р филол. наук, проф. *В.И. Карасик* (г. Волгоград);
д-р, проф. *А.Ф. Келлетат* (г. Майнц, Германия);
д-р филол. наук, проф. *К. Кончаревич* (г. Белград, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *Л.П. Крысин* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *О.А. Леонтович* (г. Волгоград);
д-р филол. наук, проф. *И.П. Лысакова* (г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук, проф. *О.А. Прохвятилова* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *О.Н. Прохорова* (г. Белгород);
д-р филол. наук, проф. *В.И. Теркулов* (г. Донецк, Украина);
д-р филологии, проф. слав. филологии *В.С. Томеллери* (г. Мачерата, Италия);
д-р, доц. *Э. Хоффманн* (г. Вена, Австрия);
д-р филол. наук, проф. *Н.Л. Шамне* (г. Волгоград);
д-р гуманитар. наук, проф. *Л. Шипелевич* (г. Варшава, Польша);
д-р социол. наук *Р. Шмитт* (г. Мангейм, Германия)

Редактор, корректор *И.В. Сметанина*
Редакторы английских текстов:
О.С. Волкова, Ю.В. Чеметева
Верстка и техническое редактирование
Е.С. Решетниковой

Подписано в печать 24.11.2020 г.
Дата выхода в свет 29.01.2021 г. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 17,3.
Уч.-изд. л. 18,6. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–50).
Заказ 6. «С» 36.

Свободная цена

Адрес типографии:
400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.
Почтовый адрес:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Издательство
Волгоградского государственного университета
E-mail: izvolgu@volsu.ru

Адрес редакции и издателя:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 40-55-79. Факс: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik2@volsu.ru

Сайт журнала: <https://i.volsu.com>
Англояз. сайт журнала: <https://i.volsu.com/index.php/en/>

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВНАЯ ТЕМА НОМЕРА

- Стеблецова А.О.* Академический дискурс в западных исследованиях на рубеже XX–XXI вв.: эволюция направлений и концепций 5
- Ачкасов А.В., Барсова Я.В.* Гендерные различия выражения несогласия в устном академическом дискурсе 14
- Кочетова Л.А., Ильинова Е.Ю.* Англоязычный академический дискурс в транслингвальной ситуации: корпусно-ориентированное изучение лексических маркеров 25
- Миколайчик М.В.* Лексическое хеджирование в англоязычных аннотациях российских научных статей по экономике: корпусное исследование 38
- Гест М.* Моделирование клинического случая как разновидности коммуникативной ситуации медицинского дискурса 48
- Торубарова И.И.* Академичность русскоязычных научных текстов медицинского корпуса: способы реализации и особенности проявления 61

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

- Шептухина Е.М.* Жанровая параметризация расписок середины XVIII в. (на материале архивного фонда Михайловского станичного атамана) 74
- Загребельный А.В.* Декабрьское вооруженное восстание в Москве в 1905 г. в зеркале авторской паремииологии русского языка 87
- Евтушенко О.А., Первухина С.В.* Электронный модус современного административного дискурса 99

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

- Мосесова М.Э., Ширяева Т.А.* Вербализация перформативных единиц в англоязычных текстах международных конвенций: морфологический аспект 110
- Семенова Т.И.* Управление знанием в новостном дискурсе: социокогнитивный взгляд 122

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

- Криницкая М.Ю.* Лингвопрагматический потенциал рекламных имен (на примере названий косметических товаров) 133
- Амиров В.М.* Унифицированный образ советской женщины в системе маркеров газетного дискурса военного времени 145

ДИСКУССИИ

- Шапошникова И.В.* Образ мира человека и семантическое упорядочение лексики в междисциплинарной лингвистике 155
- Катышев П.А., Боженкова Н.А.* Позиция вовлечения в нелегитимной дискурсивной практике 173

CONTENTS

MAINSTREAM ISSUE

- Stebletsova A.O.* Academic Discourse in Western Research at the Turn of the 21st Century: Evolution of Approaches and Concepts 5
- Achkasov A.V., Barsova Ya.V.* Gender Differences in Disagreement Strategies in Oral Academic Discourse 14
- Kochetova L.A., Ilyinova E.Yu.* English Academic Discourse in Translinguistic Context: Corpus-Based Study of Lexical Markers 25
- Mikolaychik M.V.* Lexical Hedging in English Abstracts of Russian Economics Research Articles: A Corpus-Based Study 38
- Guest M.* Clinical Case Presentations: An Overview of an Exemplar Medical Speech Event 48
- Torubarova I.I.* ‘Academicity’ of Russian Research Medical Texts: Specific Aspects of Manifestation 61

EVOLUTION AND FUNCTIONING OF THE RUSSIAN LANGUAGE

- Sheptukhina E.M.* Genre Parametrization of Receipt in the Middle 18th Century (With Reference to “Mikhailovsky Stanitsa Ataman” Archive) 74
- Zagrebelsnyy A.V.* Armed Revolt in Moscow in December, 1905 in the Mirror of Original Russian Paremiology Adaptation 87
- Evtushenko O.A., Pervukhina S.V.* Electronic Mode of the Modern Administrative Discourse 99

INTERCULTURAL COMMUNICATION AND COMPARATIVE STUDIES OF LANGUAGES

- Mosesova M.E., Shiryayeva T.A.* Verbalization of Performative Units in English Texts of International Conventions: Morphological Aspect 110
- Semenova T.I.* Knowledge Management in News Discourse: A Socio-Cognitive View 122

MATERIALS AND REPORTS

- Krinitskaya M.Yu.* Linguistic and Pragmatic Potential of Advertising Names (As Exemplified by Names of Cosmetic Goods) 133
- Amirov V.M.* Unified Image of the Soviet Woman in Wartime Newspaper Discourse Markers 145

DISCUSSIONS

- Shaposhnikova I.V.* Image of the Human World and Semantic Organization of Lexicon in Interdisciplinary Linguistics 155
- Katyshev P.A., Bozhenkova N.A.* Engagement Stance in the Illegitimate Discourse Practice 173

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.1>

UDC 811.111'42
LBC 81.432.1-51

Submitted: 26.03.2020
Accepted: 15.06.2020

ACADEMIC DISCOURSE IN WESTERN RESEARCH AT THE TURN OF THE 21st CENTURY: EVOLUTION OF APPROACHES AND CONCEPTS

Anna O. Stebletsova

Voronezh N.N. Burdenko State Medical University, Voronezh, Russia

Abstract. This review paper discusses the concept of academic discourse as one of the most rapidly developing branches in contemporary linguistic research. The objective of the review was to observe and analyze basic paradigms and approaches to academic discourse in applied linguistics, genre analysis and discourse analysis developed by British, American and European linguists and examine academic discourse issues. The timeline of the review includes three periods from the middle of the 20th century to the present. The focus on the Anglophone literature is determined by the historical interrelation between academic discourse research and English for Academic Purposes (EAP) and by an increase of national research of academic discourse and EAP. The review demonstrates evolution of academic discourse research approaches according to the time periods and domineering concepts. The review results demonstrate the contribution of Swales' genre analysis approach to the development of academic discourse research and learning. The author indicates that current research into academic discourse obviously has a cross-disciplinary trend and is based on the combination of comparative analysis and corpus linguistics methods. The author makes a conclusion that this trend will remain a significant part of academic discourse investigation and results in an increase of national publications addressing the academic discourse issues.

Key words: discourse, academic discourse, English for Academic Purposes (EAP), genre analysis approach, disciplinary variation concept.

Citation. Stebletsova A.O. Academic Discourse in Western Research at the Turn of the 21st Century: Evolution of Approaches and Concepts. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 5, pp. 5-13. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.1>

УДК 811.111'42
ББК 81.432.1-51

Дата поступления статьи: 26.03.2020
Дата принятия статьи: 15.06.2020

АКАДЕМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ЗАПАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ НА РУБЕЖЕ XX–XXI вв.: ЭВОЛЮЦИЯ НАПРАВЛЕНИЙ И КОНЦЕПЦИЙ

Анна Олеговна Стеблецова

Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко, г. Воронеж, Россия

Аннотация. В статье обобщены результаты изучения зарубежной англоязычной научной литературы, отражающей ключевые этапы становления и развития теории академического дискурса. Цель работы заключается в представлении основных направлений и концепций прикладной лингвистики, исследующей академический дискурс, теорий жанрового и дискурсивного анализа с середины XX в. по настоящее время. Выбор англоязычных источников в качестве объекта рассмотрения продиктован исторической взаимосвя-

зью академического дискурса с академическим английским языком (ЕАР) как методическим направлением прикладной лингвистики, а также возросшим научным и методическим интересами отечественной лингвистики к вопросам англоязычного академического дискурса. В результате обзорного исследования была охарактеризована эволюция подходов к академическому дискурсу, определены их хронологические рамки, выявлены ключевые концепции, повлиявшие на современное понимание академического дискурса, обобщены его современные трактовки и обозначены перспективы дальнейшего изучения. Продемонстрирован фундаментальный вклад Дж. Свейлза, доказавшего на примере научной статьи методологическую значимость жанрового подхода к изучению письменного академического дискурса. Установлено, что на исследование академического дискурса большое влияние оказывают концепция дисциплинарной вариативности и инструментарий корпусной лингвистики. Прогнозируется повышение интереса к изучению академического дискурса в отечественной науке.

Ключевые слова: дискурс, академический дискурс, английский язык для академических целей (ЕАР), жанровый анализ в дискурсивных исследованиях, концепция дисциплинарной вариативности.

Цитирование. Стеблецова А. О. Академический дискурс в западных исследованиях на рубеже XX–XXI вв.: эволюция направлений и концепций // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 5. – С. 5–13. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.1>

Введение

Изучение академического дискурса как коммуникативного взаимодействия в сфере высшего образования и науки стало одним из наиболее активно развивающихся направлений лингвистических исследований в наши дни, что во многом обусловлено практическими потребностями российского высшего образования и необходимостью участия российских ученых в международном научном общении. Вместе с тем мало востребованными в отечественной лингвистике остаются работы зарубежных ученых, посвященные академическому дискурсу, хотя англо-американские и европейские лингвисты начали его исследование уже в середине XX века. Как следствие, недостаточно изученными в российском языкознании представляются вопросы взаимосвязи и преемственности исследовательских парадигм прикладной лингвистики, теории жанров и дискурсивного анализа в части академического дискурса, не совсем ясными остаются векторы и степень влияния проблематики исследования английского языка для академических целей (ЕАР) на исследования академического дискурса.

Данная статья посвящена обсуждению этих вопросов. Ее цель – рассмотреть возникновение и развитие концепции академического дискурса в англо-американской лингвистике с середины XX в. и до настоящего времени. Объектом нашего обзора стали основные направления, идеи и концепции прикладной

лингвистики, жанрового и дискурсивного анализа, в рамках которых затрагивались проблемы академической коммуникации.

Для организации описания временной период был разделен на три этапа с учетом периодизации, предложенной Лиз Хэмп-Лайонз [Hamp-Lyons, 2011]: ранний (1950–1970-е гг.), средний (1970–2000-е гг.), современный (2000-е гг. – настоящее время). Проследим эволюцию академического дискурса от английского для специальных целей до *lingua franca* международной науки, выявим наиболее влиятельные исследовательские парадигмы и проанализируем вклад ученых, их представляющих, в формирование концепции академического дискурса.

Результаты и обсуждение

Английский язык для академических целей: период становления

Английский для академических целей (ЕАР) начал развиваться в 1950–1970-е гг. с притоком иностранных студентов из развивающихся стран в вузы Великобритании при активной деятельности Британского Совета. Как считает Л. Хэмп-Лайонз, этот приток был во многом обусловлен национальной политикой по оказанию помощи бывшим колониям Британской империи и странам-членам Содружества [Hamp-Lyons, 2011]. В это время британские вузы столкнулись с острой необходимостью создавать образовательные программы, разрабатывать учебные материалы с учетом

академических потребностей новой студенческой аудитории, академическую грамотность которой только предстояло сформировать. ЕАР стал тем методическим направлением в прикладной лингвистике, которое было призвано обеспечить формирование конкретных коммуникативных навыков по созданию устных и письменных текстов научных жанров в академических контекстах у определенного дискурсивного сообщества.

Английский язык для академических целей как методический подход в этот период решал задачу по интеграции иностранных студентов в британскую и американскую образовательные системы. Это означало, что иностранные студенты должны были не просто владеть английским языком, но и быть коммуникативно компетентными при выполнении научных заданий, при написании эссе, докладов, отчетов, диссертаций. Возможно, именно в силу прикладного характера своих целей и задач новая дисциплина не признавалась самостоятельной и на протяжении многих лет считалась смежной отраслью английского для специальных целей (ESP). По мнению Л. Хэмп-Лайонз, в те годы английский для академических целей отличался от английского для специальных целей только целевой аудиторией, однако вскоре разделение дисциплин стало приобретать более отчетливый характер [Hamp-Lyons, 2001]. Теоретической основой для развития новой дисциплины стали функциональная грамматика М. Хэллидея, всемирно известного лингвиста, и методические работы П. Стрвенса, видного специалиста в области методики преподавания английского языка как иностранного, в свое время возглавлявшего Международную ассоциацию преподавателей английского языка (IATEFL). Их совместная с А. Макинтошем работа «The Linguistic Sciences and Language Teaching» [Halliday, Strevens, McIntosh, 1964] послужила методологической базой обеих дисциплин.

***Английский для академических целей:
на пути к академическому дискурсу***

1970-е – конец XX-го века – это период активного развития методик преподавания английского для академических целей. Это

время интенсивного изучения потребностей обучающихся и создания учебных материалов. Утверждается жанрово-дискурсивный подход к отбору учебных материалов. Основополагающей в этот период стала книга Дж. Свейлза «Genre Analysis. English in academic and research settings» [Swales, 1990] (далее «Genre Analysis»).

***Жанровый подход к академическому
дискурсу: концепция Дж. Свейлза***

Значимость и новаторский характер этой работы заключаются в гармоничном объединении концепций дискурсивного анализа и теории жанров в методических целях, а именно для обучения академическому английскому языку. В самом ее начале автор отмечает, что жанровый подход является практичным способом осмысления огромного множества коммуникативных событий, происходящих в современном англоязычном академическом пространстве, и это осмысление имеет непосредственное отношение к созданию курсов академического английского языка и к слушателям этих курсов. Ключевые понятия книги – *discourse community, genre, task* (*дискурсивное сообщество, жанр, задание*), на первый взгляд принадлежащие к отдельным лингвистическим направлениям (дискурсивному анализу, теории жанров и прикладной лингвистике), оказываются тесно связанными между собой. Жанры, по мнению Дж. Свейлза, являются достоянием дискурсивного сообщества, которое определяет их форму, содержание и номенклатуру. Задание в этой концепции становится методическим приемом, помогающим овладеть навыками создания текстов академических жанров. Взаимосвязь между дискурсивным сообществом и жанром обеспечивается коммуникативной целью, так как именно коммуникативная цель задает языковую деятельность внутри дискурсивного текста и необходимость его создания [Swales, 1990, p. 10]. Таким образом, жанр, по Дж. Свейлзу, – это коммуникативное событие, характерное для того или иного дискурсивного сообщества и преследующее конкретную коммуникативную цель, разделяемую всеми членами этого сообщества [Swales, 1990, p. 45]. Такая концепция, на наш взгляд, свидетельствует об

отсутствии непреодолимых барьеров между дискурсивным и жанровым подходами к анализу академического дискурса.

Жанровый анализ стал наиболее востребованным методологическим направлением английского для академических целей, а теоретические положения концепции Дж. Свейлза оказали непосредственное влияние на практику преподавания. Это влияние заключалось в разработке методики овладения академическим жанром посредством изучения композиционной и риторической структуры научного текста. На материале исследовательских публикаций Дж. Свейлз подробно охарактеризовал их традиционные разделы (введение, методы, результаты и обсуждение), которые и составляют жанровую структуру современной исследовательской статьи – IMRD (Introduction, Methods, Results, Discussion).

Для раздела научной статьи «Introduction» Дж. Свейлз предложил модель CARS (Create a Research Space) [Swales, 1990, p. 141]. Она является алгоритмом риторических ходов и шагов, вводящих тему, предмет и гипотезу исследования, обосновывающих их актуальность посредством определения пробелов в предыдущих исследованиях, а также формулирующих цель исследования, его тип и структуру. Три основных риторических хода этой модели – определение пространства для исследования (ход 1), определение лакуны в этом пространстве (ход 2) и заполнение этой лакуны (ход 3) – состоят их 3–4 риторических шагов, или опций. В целом модель выглядит следующим образом:

A CARS model for article introductions

Move 1. Establishing a territory

Step 1. Claiming centrality

(and/or)

Step 2. Making topic generalization(s)

(and/or)

Step 3. Reviewing items of previous research

Move 2. Establishing a niche

Step 1 A. Counter-claiming

(or)

Step 1 B. Indicating a gap

(or)

Step 1 C. Question-raising

(or)

Step 1 D Continuing a tradition

Move 3. Occupying the niche

Step 1 A. Outlining purposes

(or)

Step 1 B. Announcing present research

Step 2. Announcing principal findings

Step 3. Indicating RA(research article) structure

[Swales, 1990, p. 141]

Ниже предлагаем собственный перевод модели.

Риторический ход 1. Определение пространства для исследования

Шаг 1. Декларация значимости темы исследования (и/или)

Шаг 2. Обобщенное описание темы (и/или)

Шаг 3. Обзор предыдущих исследований по теме

Риторический ход 2. Определение ниши исследования

Шаг 1 A. Формулирование контрутверждения (или)

Шаг 1 B. Выявление пробела в предыдущих исследованиях (или)

Шаг 1 C. Формулирование вопроса или гипотезы (или)

Шаг 1 D. Продолжение традиции в исследовании

Риторический ход 3. Заполнение ниши исследования

Шаг 1 A. Формулирование цели (или)

Шаг 1 B. Анонс собственного исследования

Шаг 2. Анонс основных результатов

Шаг 3. Описание структуры статьи

По мнению многих исследователей [Bhatia, 2004, 2008; Flowerdew J., 2015; Flowerdew L., 2012; Hamp-Lyons, 2011; Hyland, 2005a; Martin-Martin, 2003; Master, 1992], работа Дж. Свейлза оказала определяющее влияние на становление английского для академических целей как самостоятельной отрасли прикладной лингвистики и на развитие академического дискурса как отдельной области дискурсивных исследований. Р. Master, в частности, отметил, что тщательность, точность и ясность, с которыми Дж. Свейлз формулирует свои идеи, делает их доступными как для студентов, так и для всех исследователей, желающих публиковать свои работы на этом языке [Master, 1992, p. 288].

*Прикладные исследования
академического английского языка*

Анализируя развитие английского для академических целей в этот период, отме-

тим, что наряду с жанровым подходом к исследованию и преподаванию академического английского активно развивались и другие. Например, в русле лексико-грамматического подхода исследовались особенности использования активного и пассивного залога в научном тексте, выявлялись наиболее распространенные лексические единицы, вошедшие впоследствии в так называемый список академических слов (Academic wordlist) [Coxhead, 2002; Paltridge 1994; Taron et al., 1981]. В русле функционального подхода рассматривались типичные риторические функции научной речи [Andrews, 2005; Driver, Newton, Osborne, 2000; Kaufer, Geisler, 1991; Mauranen, 1993]; глубокому изучению подвергались способы смягчения категоричности утверждений при аргументировании (хеджирование), характерные для английского академического дискурса [Hyland, 1998; Salager-Meyer, 2000; Skelton, Edwards, 2000].

Все эти подходы объединяет представление о существовании универсального набора навыков и стратегий научной речи, синтаксических конструкций, общенаучного лексикона, типичных риторических функций, характерных для академического языка в целом вне зависимости от научной дисциплины [Flowerdew J., 2002; Flowerdew L., 2012]. В методическом аспекте это означало, что овладение академическим английским сводится к формированию академических компетенций, необходимых для успешной научной и образовательной деятельности, или академической грамотности у всех участников академического дискурса.

В то же время накапливаются исследовательские данные о дискурсивных различиях, обнаруживаемых в академическом стиле разных научных дисциплин [Berkenkotter C., Huckin, 1995; Hyland, 1998, 2008]. Академические дискурсивные сообщества, представляющие эти дисциплины, не воспринимаются как статичные и монолитные, напротив, они подвижны и изменчивы, подобно движению участников сообщества. Лингвисты выявили расхождения в структурной организации магистерских и докторских диссертаций в разных научных дисциплинах [Basturkmen, 2009; Charles, 2006], обнаружили дискурсивные особенности описания методов в статьях разных

научных отраслей [Bloor, 1998], а также национально-культурную специфику академического дискурса [Connor, 1996, 2002; Duszak, 1997]. Результаты этих исследований послужили отправной точкой для возникновения концепции *дисциплинарной вариативности*, сформулированной К. Хайландом. Эта концепция будет рассмотрена ниже, при описании следующего периода развития академического дискурса.

Академический дискурс в XXI в.: современное состояние и перспективы развития

Современный период, охватывающий два первых десятилетия XXI в. – время бурного развития фундаментальных и прикладных исследований академического дискурса. В настоящее время мы наблюдаем по меньшей мере две основные тенденции:

1) обоснование и утверждение академического дискурса как важной составляющей теории дискурсивного анализа в традициях англо-американских научных школ [Bhatia, 1999; 2004; 2008; Flowerdew J. 2002; 2013; Hamp-Lyons, 2011; Hyland, 2004; 2005b; 2009; 2011; Swales, 1990; 2004];

2) рост контрастных исследований, авторами которых являются представители не англоязычных культур [Chen, Ge, 2007; Hirano, 2009; Martin-Martin, 2003; Mauranen, Hynninen, Ranta, 2010; Salager-Meyer, 2008].

На наш взгляд, эти тенденции тесно связаны: ключевые результаты фундаментальных работ ведущих ученых, благодаря которым понятие *академический дискурс* прочно вошло в научный обиход, открывают широкое поле деятельности по осмыслению теоретических положений и их реализации в национальных языковых культурах.

Академический дискурс и концепция дисциплинарной вариативности

Базируясь на академическом английском как дисциплине, изучающей репертуар универсальных коммуникативных навыков в сфере образования и науки, понятие академического дискурса в западной традиции весьма объемно. По мнению К. Хайланда, академический

дискурс меняет наш взгляд на мир, становясь главным способом интерпретации его и нашего места в нем [Hyland, 2011, p. 172]. *Академический дискурс* в широком смысле включает весь комплекс социально-коммуникативной деятельности в образовании, просвещении и науке, объединяет субъекты и объекты этой деятельности, а также ее продукты. Безусловно, язык является основным инструментом этой деятельности, поэтому в узком смысле академический дискурс представляет собой речевую деятельность во всех вышеперечисленных областях.

Развивая положение об академическом дискурсе как способе конструирования научного знания, К. Хайланд подчеркивает, что никакой научный текст нельзя воспринимать в качестве абсолютно беспристрастной картины реального мира, сколь бы убедительно ни звучали представленные в нем аргументы, поскольку их вербальная репрезентация зависит от автора, его взгляда и интерпретации [Hyland, 2011, p. 172]. Суть научного убеждения в риторическом смысле заключается в стремлении автора предвидеть и предотвратить возможную негативную реакцию читателя в отношении своих доводов, что и делается посредством дискурсивных инструментов той или иной научной дисциплины. Изучение академического дискурса с этих позиций приравнивается к исследованию особого репертуара риторических практик научного убеждения, которым располагают научные дисциплины и который воплощается в академических жанрах. Анализ таких академических жанров, как исследовательская статья, научный доклад, презентация и др., может рассматриваться в русле дискурсивного анализа, фокусирующегося на любых регулярно воспроизводимых в данных текстах языковых или речевых единицах. Например, статья представляет собой высоко рафинированный жанр, в котором процесс исследования и мышления трансформируется в дискурс по созданию научных фактов. Язык при этом становится техническим средством интерпретации нового знания и определенным способом позиционирует участников дискурса [Hyland, 2011, p. 175].

Между тем дальнейшие исследования устных и письменных жанров академического дискурса демонстрируют отчетливые раз-

личия в плане использования риторических приемов, например хеджирования, в способах цитирования и самоцитирования, репрезентации авторской позиции, в выборе приемов по вовлечению читателя в процесс конструирования знания (интерактивность академического дискурса), а также различия в выборе лексических и грамматических средств в зависимости от научной дисциплины [Biber, Conrad, 2009; Carter-Thomas, Rowley-Jolivet, 2008; Chen, Ge, 2007; Connor, 2002; Hyland, 2004; Hyland, Tse, 2007]. Все это приводит к идее *дисциплинарной вариативности*, согласно которой выбор определенных языковых средств и риторических приемов аргументации зависит от научной дисциплины, связан с внутренними традициями и практикой дискурсивного сообщества этой дисциплины [Hyland, 2004]. Иными словами, академический дискурс естественных и гуманитарных дисциплин различается языковыми и риторическими средствами аргументации, интерпретации, формулирования цели или гипотезы исследования [Hyland, 2011]. Так, К. Хайланд установил, что авторы гуманитарных публикаций чаще используют глаголы *discuss, hypothesize, suggest, argue*, что придает их аргументации оценочный и личностный характер. Авторы естественно-научных публикаций в сходных контекстах предпочитают глаголы *observe, discover, show, analyse, calculate*, которые переносят акцент на само исследование и имеют инструментальный характер [Hyland, 2004, p. 142]. Степень авторской вовлеченности в процесс аргументации, категоричность авторской позиции и способы ее смягчения с помощью модальных наречий *possible, might, probably* также варьируются в текстах разных научных дисциплин [Hyland, 1998]. Вместе с тем выявленные дисциплинарные различия не нарушают целостности научного понимания академического дискурса как сложного когнитивно-коммуникативного конструкта, включающего способы получения, структурирования и трансляции научных знаний.

Суммируя современные взгляды западных исследователей на природу и содержание академического дискурса, выразим их в следующих положениях:

– академический дискурс представляет собой способ конструирования современного

научного знания и комплекс социальных практик и институтов по распространению этого знания;

– жанры академического дискурса персуазивны по своей коммуникативной цели, система их коммуникативно-риторических средств направлена на убеждение читателей – представителей дискурсивного сообщества;

– коммуникативно-риторические средства аргументации академических жанров могут варьироваться в зависимости от научной дисциплины (дисциплинарная вариативность) и от языковой культуры (лингвокультурная вариативность).

Академический дискурс:

междисциплинарное взаимодействие

В настоящее время исследования академического дискурса в русле дисциплинарной вариативности продолжают наряду с исследованиями в аспекте его культурной и жанровой специфики. Необходимо отметить, что эти работы все активнее используют методы и технологии *корпусной лингвистики* [Chen, Ge, 2007; Flowerdew L., 2009; Tribble, 2002; Yoon, 2008]. Исследователи академического дискурса занимаются и созданием корпусов академического языка, например: Michigan Corpus of Academic Spoken English (MICASE; <http://quod.lib.umich.edu/m/micase>); British Academic Spoken English (BASE); British Corpus of Academic Written English (BAWE); Longman / Lancaster English Language Corpus; TOEFL2000 Spoken and Written Academic Language (T2K-SWOL).

Многочисленные контрастивные работы в области академического дискурса [Hirano, 2009; Martin-Martin, 2003; Salager-Meyer, 2008; и др.] подтверждают интерес современных ученых – носителей разных языков и культур – к проблемам английского языка как *lingua franca* международной науки и образования [Mauranen, Hynninen, Ranta, 2010]. Результаты их изысканий регулярно публикуются в «Journal of English for Academic Purposes», являющемся с 2002 г. ключевой научной платформой в этой области.

Заключение

Современный научный интерес к академическому дискурсу подкрепляется как

высокой прикладной и методической значимостью результатов исследований, так и стремлением изучить новые, ранее не исследованные стороны этого феномена. На основе аналитического обзора зарубежной научной литературы, посвященной академическому дискурсу, можно прогнозировать существенное расширение этнокультурного представительства исследователей академического дискурса – процесса, обусловленного глобализацией международной науки и экспансией англосаксонских образовательных практик в национальные лингвокультуры. Изучение академического дискурса приобретает особую актуальность и в российской лингвистической науке, что влечет увеличение числа публикаций отечественных авторов по данной проблематике.

REFERENCES

- Andrews R., 2005. Models of Argumentation in Educational Discourse. *Text – Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse*. Hague, De Gruyter, vol. 25 (1), pp. 107-127.
- Basturkmen H., 2009. Commenting on Results in Published Research Articles and Masters Dissertations in Language Teaching. *Journal of English for Academic Purposes*, vol. 8, pp. 241-251.
- Berkenkotter C., Huckin T., 1995. *Genre Knowledge in Disciplinary Communication: Cognition / Culture / Power*. Hillsdale, NJ, Lawrence Erlbaum. 190 p.
- Bhatia V.K., 1999. Integrating Products, Processes, and Participants in Professional Writing. *Writing: Texts, Processes and Practices*. Harlow, Longman, pp. 21-39.
- Bhatia V.K., 2004. *Worlds of Written Discourse: A Genre-Based View*. London, Continuum. 254 p.
- Bhatia V.K., 2008. Genre Analysis, ESP and Professional Practice. *English for Specific Purposes*, vol. 27, pp. 161-174.
- Biber D., Conrad S., 2009. *Register and Genre Variation*. Cambridge, Cambridge University Press. 261 p.
- Bloor M., 1998. Variations in the Method Sections of Research Articles Across Disciplines: The Case of Fast and Slow Text. *Issues in EAP Writing, Research and Instruction*. Reading, CALS, The University of Reading, pp. 84-106.
- Carter-Thomas S., Rowley-Jolivet E., 2008. If-Conditionals in Medical Discourse: From Theory

- to Disciplinary Practice. *Journal of English for Academic Purposes*, vol. 7, pp. 191-205.
- Charles M., 2006. The Construction of Stance in Reporting Clauses: A Cross-Disciplinary Study of Theses. *Applied Linguistics*, vol. 27, pp. 492-518.
- Chen Q., Ge G., 2007. A Corpus-Based Lexical Study on Frequency and Distribution of Coxhead's AWL Word Families in Medical Research Articles (RAs). *English for Specific Purposes*, vol. 26, pp. 502-514.
- Connor U., 1996. *Contrastive Rhetoric*. Cambridge, England, Cambridge University Press. 218 p.
- Connor U., 2002. 'New Directions in Contrastive Rhetoric'. *TESOL Quarterly*, vol. 36, pp. 493-510. DOI: 10.1002/9781405198431.
- Coxhead A., 2002. The Academic Word List: A Corpus-Based Word List for Academic Purposes. *Language and Computers*, vol. 42, iss. 1, pp. 73-89.
- Driver R., Newton P. and Osborne J., 2000. Establishing the Norms of Scientific Argumentation in Classrooms. *Science Education*, vol. 84 (3), pp. 297-312.
- Duszak A., 1997. Analyzing Digressiveness in Polish Academic Texts. *Culture and Styles of Academic Discourse*. Berlin, Mouton de Gruyter, pp. 323-341.
- Flowerdew J., 2002. *Academic Discourse*. London, England, Longman. 341 p.
- Flowerdew J., 2013. English for Research Publication Purposes. *The Handbook of English for Specific Purposes* (ed. Paltridge B. and Starfield S.). Oxford, Wiley-Blackwell. 554p.
- Flowerdew J., 2015. John Swales's Approach to Pedagogy in Genre Analysis: A Perspective from 25 Years On. *Journal of English for Academic Purposes*, pp. 1-11. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jeap.2015.02.003>.
- Flowerdew L., 2009. Applying Corpus Linguistics to Pedagogy. *International Journal of Corpus Linguistics*, vol. 14, pp. 393-417.
- Flowerdew L., 2012. Language for Specific Purposes: English for Academic Purposes. *The Encyclopedia of Applied Linguistics*. Oxford, Wiley-Blackwell. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781405198431.wbeal0376>.
- Halliday M.A.K., Strevens P., McIntosh A., 1964. *The Linguistic Sciences and Language Teaching*. London, Longman. 215 p.
- Hamp-Lyons L., 2001. English for Academic Purposes. *The Cambridge TESOL Guide*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 126-130.
- Hamp-Lyons L., 2011. English for Academic Purposes. Hinkel E., ed. *Handbook of Research on Second Language Learning and Teaching*. New York, Routledge/Taylor & Francis, pp. 89-105.
- Hirano E., 2009. Research Article Introductions in English for Specific Purposes: A Comparison Between Brazilian Portuguese and English. *English for Specific Purposes*, vol. 28, pp. 240-250.
- Hyland K., 1998. *Hedging in Scientific Research Articles*. Amsterdam, John Benjamins. 308 p.
- Hyland K., 2004. Disciplinary Interactions: Metadiscourse in L2 Postgraduate Writing. *Journal of Second Language Writing*, vol. 13, iss. 2, pp. 133-151.
- Hyland K., 2005a. *Metadiscourse*. London, Continuum. 230 p.
- Hyland K., 2005b. 'Stance and Engagement: A Model of Interaction in Academic Discourse'. *Discourse Studies*, vol. 6, no. 2, pp. 173-191.
- Hyland K., 2008. 'As Can Be Seen: Lexical Bundles and Disciplinary Variation'. *English for Specific Purposes*, vol. 27 (1), pp. 4-21.
- Hyland K., 2009. *Academic Discourse: English in a Global Context*. London, Continuum. 215 p.
- Hyland K., 2011. Academic Discourse. *Continuum Companion to Discourse Analysis*. London, Continuum, pp. 171-184.
- Hyland K., Tse P., 2007. 'Is There an "Academic Vocabulary"?' *TESOL Quarterly*, vol. 41 (2), pp. 235-254.
- Kaufert D., Geisler C., 1991. A Scheme for Representing Academic Argument. *The Journal of Advanced Composition*, vol. 11, pp. 107-122.
- Martin-Martin P., 2003. A Genre Analysis of English and Spanish Research Paper Abstracts in Experimental Social Sciences. *English for Specific Purposes*, vol. 22, pp. 25-43.
- Master P., 1992. Review: Genre Analysis: English in Academic and Research Settings by John Swales. *Journal of Pragmatics*, vol. 17 (3), pp. 286-289. DOI: 10.1016/0378-2166(92)90010-9.
- Mauranen A., 1993. Contrastive ESP Rhetoric: Metatext in Finnish-English Economics Texts. *English for Specific Purposes*, vol. 12, pp. 3-22.
- Mauranen A., Hynninen N., Ranta E., 2010. English as an Academic Lingua Franca: The ELFA Project. *English for Specific Purposes*, vol. 29, pp. 183-190.
- Paltridge B., 1994. Genre Analysis and the Identification of Textual Boundaries. *Applied Linguistics*, vol. 15, no. 3, pp. 288-299.
- Salager-Meyer F., 2000. Hedging and Positivism. *English for Specific Purposes*, vol. 19 (2), pp. 175-187.
- Salager-Meyer F., 2008. Scientific Publishing in Developing Countries: Challenges for the Future. *Journal of English for Academic Purposes*, vol. 7 (2), pp. 121-132.
- Skelton J., Edwards S., 2000. The Function of the Discussion Section in Academic Medical

- Writing. *British Medical Journal*, vol. 320 (7244), pp. 1269-1270.
- Swales J., 1990. *Genre Analysis: English in Academic and Research Settings*. Cambridge, Cambridge University Press. 260 p.
- Swales J., 2004. *Research Genres. Explorations and Applications*. New York, Cambridge University Press, 304. 260 p.
- Taron E., Dwyer S., Gillette S., Icke V., 1981. On the Use of the Passive in Two Astrophysics Journal Papers. *The ESP JPOurnal*, vol. 1 (2), pp. 123-140.
- Tribble C., 2002. Corpora and Corpus Analysis: New Windows on Academic Writing. J. Flowerdew, ed. *Academic Discourse*. London, Longman, pp. 131-149.
- Yoon H., 2008. More than a Linguistic Reference: The Influence of Corpus Technology on L2 Academic Writing. *Language Learning and Technology*, vol. 12, pp. 31-48.

Information About the Author

Anna O. Stebletsova, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Head of the Foreign Languages Department, Voronezh N.N. Burdenko State Medical University, Studencheskaya St, 10, 394036 Voronezh, Russia, annasteb1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4682-4887>

Информация об авторе

Анна Олеговна Стеблецова, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков, Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко, ул. Студенческая, 10, 394036 г. Воронеж, Россия, annasteb1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4682-4887>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.2>

UDC 81'42:001.4

LBC 81.055.51.1

Submitted: 25.02.2020

Accepted: 15.06.2020

GENDER DIFFERENCES IN DISAGREEMENT STRATEGIES IN ORAL ACADEMIC DISCOURSE

Andrei V. Achkasov

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia

Yana V. Barsova

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The research aims to identify the gender differences in expressing disagreement in oral academic discourse. Examples containing explicit and implicit ways of expressing disagreement are collected through reading a corpus of texts chosen from the Michigan Corpus of Academic Spoken English (MICASE), including speech genres of seminar, discussion, defense of the dissertation and colloquium. Our study confirmed previous observations that utterances of explicit unmitigated disagreement or criticism are generally not typical of the American academic environment. The research findings reveal that both men and women tend to express disagreement explicitly using basic mitigation strategies. Unmitigated utterances with straightforward disagreement are infrequent and used mainly by teachers, which is most likely due to the other sociolinguistic variables apart from gender, and in particular by the status of speakers in teacher-student situations. Contrary to previous claims, men prefer the tactics of down-toning, represented by language patterns with the meaning of problematic certainty and subjectivity, as well as the use of lexical hedges. Female teachers recurrently use particular ways of implementing the tactics of mitigating implicit expression of disagreement, which may be specific of their individual styles. The research confirms that the distribution of particular language patterns across speakers should be taken into account when studying the gender aspects of communication.

Key words: gender, gender linguistics, academic discourse, disagreement, corpus linguistics.

Citation. Achkasov A.V., Barsova Ya.V. Gender Differences in Disagreement Strategies in Oral Academic Discourse. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 5, pp. 14-24. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.2>

УДК 81'42:001.4

ББК 81.055.51.1

Дата поступления статьи: 25.02.2020

Дата принятия статьи: 15.06.2020

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ВЫРАЖЕНИЯ НЕСОГЛАСИЯ В УСТНОМ АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Андрей Валентинович Ачкасов

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

Яна Владимировна Барсова

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Цель исследования состоит в выявлении гендерной специфики выражения несогласия в устном академическом дискурсе. Источником для отбора речевого материала послужил Мичиганский корпус устного академического английского языка (MICASE). Примеры, содержащие эксплицитные и имплицитные способы выражения несогласия, собраны методом сплошного чтения текстов, фиксирующих научное общение в жанрах семинара, дискуссии, защиты диссертации и коллоквиума. Установлено, что в устном академическом дискурсе женщин и мужчин преобладает эксплицитное выражение несогласия в сочетании

с основными тактиками смягчения высказывания. Выражение прямого несогласия без использования тактик смягчения представлено незначительным количеством примеров в речи преподавателей, что обусловлено преимущественно негендерными социолингвистическими переменными, а именно статусом коммуникантов в ситуациях общения «преподаватель – студент». В речи мужчин предпочтение отдается тактике снижения категоричности, репрезентированной языковыми единицами с семантикой проблематической достоверности и субъективности, а также лексическими хеджами, что противоречит выводам, сделанным в исследованиях других ученых. Для речи женщин-преподавателей характерно регулярное использование конкретных приемов реализации тактик смягчения имплицитного выражения несогласия, что может иметь идиостилевый характер. Исследование подтверждает необходимость учитывать при анализе гендерного аспекта коммуникации характер дистрибуции языковых средств в речи конкретных коммуникантов.

Ключевые слова: гендер, гендерная лингвистика, академический дискурс, несогласие, корпусная лингвистика.

Цитирование. Ачкасов А. В., Барсова Я. В. Гендерные различия выражения несогласия в устном академическом дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 5. – С. 14–24. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.2>

Введение

Настоящая работа находится в русле гендерных исследований, предполагающих выявление специфического набора языковых единиц, типичных стратегий и тактик, характерных для речи мужчин и женщин в ситуациях профессиональной коммуникации. Исследования, выполненные в этой парадигме, дают разные, а нередко противоположные результаты для разных типов профессионального дискурса. Так, М. Чавес считает стратегию речевого поведения женщин в академической коммуникации наставнической [Chavez, 2000]. В. Савицки, М. Келли и Д. Лингенфельтер пришли к выводу о том, что гендер не оказывает существенного влияния на речевое поведение участников конференций по компьютерным технологиям [Savicki, Kelley, Lingenfelter, 1996].

Выводы о значимости гендерного фактора в ситуации полемики и несогласия в академическом дискурсе противоречивы (см., например: [Кирилина, Маслова, 2009; Baker, 2014; Koczogh, 2012]). Х. Коцог утверждает, что женщины чаще выражают несогласие в научном стиле в эксплицитной форме, чем мужчины, используя при этом более экспрессивные средства [Koczogh, 2012]. А.В. Кирилина и Л.Н. Маслова в работе о гендерной специфике согласия и несогласия в устной научной дискуссии отмечают, что выбор женщинами прямых форм высказывания не приводит к прямой критике [Кирилина, Маслова, 2009]. П. Бейкер не находит в речи женщин каких-либо последовательных тенденций

в выражении несогласия, обусловленных фактором гендера [Baker, 2014]. По мнению ряда лингвистов, в устной форме академического дискурса в целом преобладает коммуникативная стратегия неконфронтативности, а критика и несогласие принимают преимущественно косвенные, скрытые или смягченные формы [Кирилина, Маслова, 2009; Mauranen, 2002].

Противоречивость результатов указанных исследований может быть связана с различиями в интерпретациях ситуаций полемики и несогласия в академическом дискурсе. Вслед за Л.М. Гваджая [Гваджая, 2015], под коммуникативной ситуацией несогласия мы понимаем несогласие говорящего с адресатом, критику, иное мнение, мотивированные когнитивным противоречием участников общения и направленные на принятие одной из отстаиваемых позиций как верной.

Устный академический дискурс необходимо отграничить, с одной стороны, от других видов институционального и профессионального дискурса, а с другой – от письменного академического дискурса, отличающегося более жесткими конвенциями.

В лингвистике неоднократно отмечалось, что языковые средства, характерные для стилей речи, почти никогда напрямую не маркируют социальные категории. Стили речи и социальная категоризация опосредованы видами деятельности, отношениями, мнениями, конвенциональными формами поведения, отличающими этническую, социальную или профессиональную группу людей [Schleef, 2008].

В рамках академического дискурса как одного из видов институционального дискурса коммуниканты выступают как представители определенного социального института [Карасик, 2002]. Согласно мнению Е.И. Шейгал, институциональный дискурс осуществляется «в общественных институтах, общение в которых является составной частью их организации» [Шейгал, 2000, с. 43]. Академический дискурс в высших учебных заведениях отражает их цель – подготовку специалистов высокой квалификации [Зубкова, 2010], получение и трансляцию научного знания [Шилихина, 2013]. Устный академический дискурс – «устное интеллектуализированное общение с широкой аудиторией на темы специальности» [Скорикова, Орлов, 2017, с. 119]. Мы понимаем академический дискурс как разновидность институционального общения с целью передачи профессиональных знаний, объединяющего в себе все формы речевой деятельности, которые локализуются в коммуникативном пространстве высшего образования и науки.

Институциональные и профессиональные рамки, принятые в академическом дискурсе, накладывают определенные ограничения на используемые языковые средства и коммуникативные стратегии. Между устным и письменным видами академического дискурса существуют различия, обусловленные значительно большей близостью устного дискурса к разговорному языку. Вербальные особенности организации устной академической речи детерминируются фактором адресованности к конкретной аудитории в конкретный временной отрезок протекания речи, в условиях конкретной коммуникативной ситуации с учетом статуса коммуникантов, что не актуально в письменной форме сообщения научной информации. Как следствие, в процессе реализации коммуникативных стратегий и тактик, направленных на достижение той или иной коммуникативной цели в устном общении, речевое поведение говорящих может быть детерминировано различными факторами, в том числе гендером, и проявиться в предпочтении одних речевых приемов другим [Гриценко, 2005; Халеева, 2001; Tannen, 1996]. Основным внешним ограничением в устном академическом дискурсе становится необходи-

мость действовать в рамках заданной социальной роли, определяемой конкретной ситуацией (лекция, семинар, выступление на конференции, защита диссертации и т. д.). Роль вносит в академический дискурс элемент ритуальности и в значительной степени детерминирует набор возможных речевых действий. К внутреннему ограничению относятся требования научного стиля, характеризующегося логической доказательностью, терминологичностью, стремлением к точности изложения фактов и т. д. В связи с этим индивидуальная речевая манера говорящих проявляется в профессиональной речи с меньшей интенсивностью, чем в неинституциональных типах дискурса.

Материал и методы исследования

Указанная выше полемичность изучения устного академического дискурса обусловила подход к отбору и анализу материала. Значительная часть исследований, посвященных гендерной вариативности в речи, выполнена с применением количественных методов, которые на основе формализованного поиска позволяют получить данные о количественном распределении языковых единиц и статистически значимых тенденциях в их употреблении. Значимая статистическая асимметрия в использовании тех или иных единиц позволяет интерпретировать их как маркеры гендерных речевых стилей. При таком подходе, во-первых, не всегда учитываются коммуникативные контексты употребления языковых единиц, во-вторых, не обеспечивается выявление типичных коммуникативных ситуаций и стратегий, поскольку выполняется только формализованный поиск.

Обнаружение коммуникативных ситуаций несогласия методом формализованного поиска типичных речевых маркеров несогласия, таких как отрицательное слово *no*, частица *not*, глагол *disagree* и т. п., оказалось непродуктивным, поэтому сбор материала осуществлялся методом сплошного чтения, с опорой на макроконтексты (смежные реплики коммуникантов).

Источником материала для исследования послужил Мичиганский корпус устного академического английского языка (*Michigan*

Corpus of Academic Spoken English – MICASE (<https://quod.lib.umich.edu/cgi/c/corpus/corpus?page=home;c=micase;cc=micase>; дата обращения: 20.02.2020). Корпус содержит более 1,8 млн словоупотреблений, охватывает период с 1997 по 2001 г. и включает образцы устной академической речи преподавателей и студентов Мичиганского университета (США). На основе корпуса MICASE был создан подкорпус, содержащий тексты четырех речевых жанров, которые предполагают диалогическую форму общения и отражают ситуации, провоцирующие открытую полемику. В подкорпус вошли 25 текстов, относящихся к речевым жанрам «семинар» (7 текстов), «дискуссия» (9 текстов), «защита диссертации» (4 текста) и «коллоквиум» (5 текстов). Общий объем подкорпуса составляет 300 тыс. словоупотреблений.

Методом сплошного чтения было отобрано 147 примеров выражения несогласия в рамках отдельного высказывания или группы смежных высказываний. Классификация материала проведена с учетом нескольких принципов.

Как показал анализ, несогласие, понимаемое нами в широком смысле (не только как отрицание пропозиции, содержащейся в высказывании адресата, но и как критика позиции собеседника и выражение иного мнения), может быть представлено эксплицитно при помощи формальных маркеров (лексические и грамматические средства) или имплицитно на уровне дискурса или конкретной коммуникативной ситуации. Отобранные примеры в соответствии с классификацией В.Н. Бондаренко [Бондаренко, 1983, с. 139] делим на два типа. В высказываниях первого типа несогласие выражено эксплицитно на морфологическом, синтаксическом или лексическом уровне при помощи отрицательных частиц, аффиксов, местоимений и наречий. В высказываниях второго типа несогласие выражено имплицитно, в них отсутствует грамматический или лексический показатель с соответствующим значением, поэтому фраза декодируется как содержащая несогласие или критику с опорой на контекст в границах нескольких сверхфразовых единств – реплик, которыми обмениваются участники коммуникации. В примерах второй группы несогласие реализовано на

уровне дискурсивной ситуации, несчитываемой в поверхностной структуре предложения, либо выражено при помощи слов и словосочетаний с отрицательной семантикой (например, *mistake, omission*), риторических вопросов, восклицаний и т. д.

Еще одним принципом классификации высказываний стало наличие в них тактик смягчения критики с целью соответствия нормам речевой вежливости и успешного бесконфликтного взаимодействия в рамках институционального дискурса. В ходе анализа были выявлены четыре основные тактики, используемые участниками научной дискуссии при выражении несогласия или негативных оценок: тактика маскировки критики, тактика обоснования критики, тактика снижения категоричности высказывания и тактика одобрения (похвалы, положительной оценки). Все перечисленные тактики реализуются в высказываниях как с эксплицитно, так и с имплицитно выраженными несогласием или критикой.

К основным средствам, которые применяются в тактике маскировки критики, относятся противительные союзы (*but, yet*), в начале высказывания передающие оттенок возражения; вводные слова и конструкции, указывающие на расхождение мнений коммуникантов; дополняющие реплики, интенция которых заключается в побуждении собеседника обосновать свою позицию; риторические и аффективные вопросы, задаваемые с целью выразить возражение, недоверие, критику, а не запросить сведения.

При использовании тактики обоснования критики высказывание сопровождается комментарием, призванным мотивировать несогласие, на что могут указывать причинно-следственные союзы (*because, as, since, for*).

В случае использования тактики снижения категоричности высказывания реплика содержит языковые единицы с семантикой проблематической достоверности, неуверенности, субъективности (модальные глаголы *think, believe, guess, seem, suppose* и др.; наречия со значением неуверенности *probably, possibly, maybe*; наречия меры и степени *a little, a bit, somewhat*; лексические маркеры – хеджи *I mean, well, like*), а также инициальные формулы, снижающие

ультимативность высказывания (*I can be wrong; I'm not sure; I'm not saying you're wrong* и т. п.).

Тактика инициального одобрения предполагает выражение положительного отношения к точке зрения оппонента, частичное согласие с его мнением, в связи с чем высказывание дополняется компонентами с позитивной оценкой.

Анализ материала

В корпусе отобранных примеров реплики, содержащие эксплицитно или имплицитно выраженное несогласие, принадлежат 25 коммуникантам мужского пола и 23 коммуникантам женского пола, при этом 82 реплики принадлежат мужчинам и 65 – женщинам. Таким образом, в среднем на каждого коммуниканта мужского пола приходится 3,28 реплик, а на каждого коммуниканта женского пола – 2,82 реплик. Количественное преимущество в высказывании критики и несогласия мужчинами объясняется тем, что в текстах речевого жанра защиты диссертации, в котором реализация полемического, дискуссионно-

го начала проявилась с повышенной интенсивностью, отмечается абсолютное преобладание говорящих мужского пола. Из перечня выделенных нами примеров 44 реплики (30 % от общего числа проанализированных реплик) были отобраны из текстов жанра «защита диссертации», при этом 41 из них принадлежит мужчинам и только 3 – женщинам (в связи с тем, что в составе диссертационного совета, лишь за несколькими исключениями, были представлены только мужчины).

Полученные в ходе анализа количественные данные об эксплицитном и имплицитном выражении несогласия, а также использовании различных тактик в речи мужчин и женщин обобщены в таблице.

Как женщины, так и мужчины выражают несогласие преимущественно эксплицитно (60 % и 68 % соответственно). В таких высказываниях отрицается пропозиция реплики адресата при помощи отрицательного слова *no* или частицы *not*, присоединяемой к глагольным формам. Примерно в равной пропорции в речи женщин и мужчин представлены и примеры имплицитного выражения несогласия (40 % и 32 % соответственно).

Таблица. Количественные данные об эксплицитном и имплицитном выражении несогласия и использовании тактик смягчения несогласия в речи мужчин и женщин

Table. Distribution of cases of explicit and implicit disagreement and mitigation strategies in men's and women's speech

Способы выражения несогласия	Мужчины		Женщины	
	Количество высказываний	Доля от общего количества высказываний мужчин, %	Количество высказываний	Доля от общего количества высказываний женщин, %
Эксплицитное выражение несогласия / критики	56	68	39	60
Высказывания без тактик смягчения несогласия	11	13	10	15
Тактика маскировки критики	10	12	4	6
Тактика обоснования критики	4	5	5	8
Тактика снижения категоричности	41	50	22	34
Тактика инициальной похвалы, одобрения	6	7	3	5
Имплицитное выражение несогласия / критики	26	32	26	40
Тактика маскировки критики	26	32	26	40
Тактика обоснования критики	2	2	–	–
Тактика снижения категоричности	20	24	12	18
Тактика инициальной похвалы, одобрения	3	4	3	5

Доля прямого выражения несогласия без применения тактик смягчения в речи мужчин и женщин составляет соответственно 13 % и 15 % от общего количества высказываний в корпусе примеров. Предпочтений в употреблении формальных показателей несогласия для мужчин и женщин не выявлено. Следует отметить, что использование прямого несогласия без смягчения связано со статусом коммуникантов и отмечено преимущественно в речи преподавателей:

- (1) [преподаватель-женщина] Speaker 1: oh you, you have a kinetochore.
[студент] Speaker 6: but, it's on his side though.
[преподаватель-женщина] Speaker 1: **no** your kinetochore is here. it's it's over here;
- (2) [студент] Speaker 2: but he they did at one time, were able to hear confessions but that's not the same thing as being a priest like
[преподаватель-мужчина] Speaker 1: i don't _Francis **doesn't hear** confessions. he had, he had he has no, Francis had no authority to absolve sins or to do what a priest did.

Выражение прямого и имплицитного несогласия в сочетании с тактиками смягчения имеет ряд выраженных тенденций в речи мужчин и женщин и может быть проанализировано отдельно для каждой группы.

В речи женщин предпочтение отдается двум тактикам смягчения несогласия – маскировки критики (40 % от общего числа реплик) и снижения категоричности (18 % от общего числа реплик). В 16 примерах используется сразу несколько тактик, чаще всего сочетание косвенной критики и лексических средств снижения категоричности:

- (3) Speaker 10: i have a question regarding like the label of feminist um, as a student in the nuclear engineering department and working in the same clinical department as Jean <...>
Speaker 8: **yeah but i think it's i think it's a little bit more complicated than that.** i just finished reading a book that discussed that <...>

В приведенном примере (3) вводная конструкция с противительным союзом *but* включает глагол *think* с семантикой субъективного отношения к высказываемой информации, а основная часть высказывания, содержащая структуру со значением несогласия (*it's more*

complicated than that, где референт местоимения *that* – высказанное адресатом мнение), сопровождается наречием степени *a little bit*, что также смягчает категоричность высказывания.

В другом примере модератор дискуссии разворачивает полемику с участником обсуждения, используя широкий набор средств смягчения несогласия:

- (4) Speaker 2: well you need something to do. you go crazy when you like stagnate and have nothing to do.
Speaker 1: **i think** that's, that's **i mean** there's **definitely** um, **there's definitely, some truth to this, i mean, i'm not saying you're wrong, but on the other hand think** about um, did you ever read, um any novels by Jane Austin say or, see any of the movies?

Модератор употребляет модальные глаголы со значением мнения (*think, mean*) и формулу инициального одобрения с усилительным наречием уверенности *definitely*, признавая частично правоту говорящего (*there's definitely some truth to this*). В то же время противительный союз *but* вводит перформатив, стимулирующий дискуссию (*but on the other hand think about*).

В речи женщин значительно реже, чем в речи мужчин используются тактики обоснования критики (8 % от общего количества высказываний) и инициальной похвалы (5 % от общего количества высказываний). Тенденция к применению этой тактики прослеживается в речи только одной из коммуникантов-женщин:

- (5) Speakers: the horizon?
Speaker 1: **nope and that's because** the celestial equator is about here so farther up in the sky;
- (6) Speaker 1: <...> if we went out, and it's, six or seven P-M so just after it's getting dark, if we look over here to the southwestern part of the sky, about here, there will be a very, bright object, that's larger than any star that you'll see in the sky, any guesses on what that would be?
Speaker 4: Jupiter
Speaker 1: **nope** not Jupiter [S4: oh] **good guess**
Speaker 2: Saturn?
Speaker 1: **not Saturn, good guess.**

Результаты анализа показали, что в речи отдельных коммуникантов-женщин наблюда-

ется тенденция к использованию определенных приемов реализации тактик смягчения имплицитного выражения несогласия. Так, одна из преподавателей вместо прямого выражения несогласия последовательно прибегает к повторению вопроса до тех пор, пока не получает требуемого ответа:

(7) Speaker 1: <...> we think, s- we need some sort of central authority right? cuz we want what?

Speaker 5: we want, representation.

Speaker 1: **what do we want? what do we want from the government?**

Speakers: collective goods;

(8) Speaker 1: what does a stop sign mean?

Speaker-f: to stop.

Speaker 1: **what does a stop sign mean?**

В речи другого преподавателя несогласие выражается при помощи косвенных вопросов, которые одновременно выступают в качестве стимулирующих реплик, побуждающих студентов к самокоррекции:

(9) Speaker 4: crossing over, can occur i put meiosis one and two

Speaker 1: **wanna take something back?**

Speaker 4: um, not meiosis two;

(10) Speaker 10: meiosis is, haploid. right? <LAUGH> (xx)

Speaker 10: **anyone wanna help her out?**

В других случаях имплицитное несогласие выражено на лексическом уровне при помощи единиц с семантикой отрицания и негативной оценки либо единиц, контекстуально противопоставленных по значению единицам, использованным в высказывании собеседника.

(11) Speaker 4: you're s- producing the same amount <...>

Speaker 3: **yeah but** in terms of the amount of people that are involved in producing and benefitting from this activity, it's much more reduced <...>

В примере (11) противоречие точек зрения говорящих локализовано в словосочетании *the same amount* и противопоставленного ему прилагательного *reduced*, сопровождаемого в рамках фразового единства частицей *yeah* и противительным союзом *but*.

Как уже было отмечено, статистически способы выражения несогласия в речи мужчин в целом коррелируют со способами выражения несогласия в речи женщин. При имплицитно выраженном несогласии в речи мужчин тактика маскировки критики используется преимущественно в сочетании с тактикой снижения категоричности, реализованной при помощи различных лексических средств (20 из 26 высказываний). Например:

(12) Speaker 1: **i think you could** make it, **somewhat** broader than that. **i think you could** say, that after fourteen, twenty-five or something like that, that that... um

Критическое замечание в адрес автора доклада (*you could make it somewhat broader than that*) содержит модальный глагол *can* в сослагательном наклонении, что придает высказыванию рекомендательный характер, а также маркер предположения *I think* и наречие-димиутив *somewhat*:

Наименее распространенными тактиками смягчения критики в речи мужчин являются тактики обоснования критики (7 % от общего количества высказываний мужчин) и инициальной похвалы (11 % от общего количества высказываний).

Особенностью реализации критики и несогласия в речи мужчин является очевидное предпочтение тактики снижения категоричности высказывания (61 пример, 74 % от общего количества высказываний). В репликах мужчин используются конструкции с семантикой неуверенности, подчеркнуто субъективного отношения коммуниканта к сообщаемой им информации, снижения ответственности за высказываемое и уменьшения категоричности. Следует также отметить регулярное употребление в речи мужчин дискурсивных маркеров *I mean*, *right*, *okay*, *really* и маркер хеджинга *well*. Одно высказывание может содержать целый ряд средств хеджирования, уменьшения степени описываемого признака либо оценки, а также снижения категоричности:

(13) Speaker 2: i was concerned, with other's reaction and i, could feel... i mean i didn't, mean that, Western thinking is better, in all sense it's better for doing modern science <...>

S5: **well i i th- no i think it's fairly clear** Western thinking is better if you're gonna do science but

that doesn't mean, that it's better, in general. there_ it's it's not as good for other things;

- (14) Speaker 2: so <...> **i mean, seems to me** that there's a fun- there's a more fundamental problem, [S1: mhm] that, i don't hear you articulating <...> **i don't believe** that, **i'm not sure** that you've **really**, done your job in looking at the various ways that you could make the decision without having proof.

Результаты и обсуждение

Статистическое расхождение в эксплицитном и имплицитном выражении несогласия в речи мужчин и женщин составляет 8 %. Учитывая объем корпуса примеров, данное расхождение нельзя интерпретировать как значимое. Внутри указанных групп примеров не выявлено выраженной тенденции распределения эксплицитного и имплицитного выражения несогласия в зависимости от статусов коммуникантов или речевых жанров. Можно предположить, что использование той или иной формы несогласия мотивировано типичными прагматическими задачами коммуникантов, которые могут быть классифицированы только с учетом широкого контекста, что не входило в задачи настоящего исследования. Полученные результаты не подтверждают высказывавшийся исследователями тезис о тяготении женщин к уклончивости в выражении своей позиции в профессиональной коммуникации, и в частности к предпочтению имплицитной формы выражения критики и несогласия [Coates, 2004].

Проведенный анализ в целом подтверждает наблюдения А. Мауранен, согласно которым эксплицитное выражение несогласия или критики без употребления средств смягчения нехарактерно для коммуникации в американской академической среде [Mauranen, 2002]. Относительно небольшой подкорпус примеров использования прямого несогласия без каких-либо тактик смягчения не позволил выявить специфических прагматических условий или тенденции в употреблении формальных показателей несогласия для мужчин и женщин. Применение указанного способа выражения несогласия определяется в первую очередь статусом коммуникантов в ситуации «преподаватель – студент».

Наиболее статистически значимое расхождение для мужчин и женщин установлено в использовании тактики снижения категоричности при эксплицитном выражении несогласия (50 % и 34 % соответственно) и в меньшей степени – для имплицитного выражения несогласия (24 % и 19 % соответственно). Хотя в общем объеме высказываний женщин тактика снижения категоричности также занимает существенное место (51 % от общего числа реплик), мужчины не только чаще применяют эту тактику, но и совмещают ее с тактикой маскировки критики, регулярным использованием типичного набора дискурсивных маркеров и конструкций со значением проблематической достоверности и сомнения, призванных смягчить выражение несогласия или критики даже в тех случаях, когда они реализованы имплицитно. Таким образом, проведенный анализ не подтверждает выдвинутого Р. Лакоффом и другими исследователями [Lakoff, 2004; Mirzapour, 2016; Rezaee, Aghagolzadeh, Birjandi, 2015; Rosanti, Jaelani, 2016] предположения о том, что женщины склонны чаще использовать средства хеджирования и другие «семантически пустые» единицы, способствующие выстраиванию непрямой коммуникации и солидаризации с собеседником.

Мужчины чаще, чем женщины, применяют тактику маскировки критики при эксплицитном выражении несогласия, в то время как женщины используют эту тактику чаще при имплицитном выражении несогласия. Статистическая разница составляет 6 % и 8 % соответственно, а распределение количества примеров реализации указанной тактики между эксплицитным и имплицитным выражением несогласия является пропорциональным для мужчин и женщин. Учитывая полученные нами результаты, нет оснований утверждать, что установленные различия репрезентируют устойчивую тенденцию. Сказанное актуально и для статистических различий, выделенных для других тактик смягчения несогласия.

В ходе анализа широких контекстов было установлено, что в речи отдельных женщин-преподавателей регулярны такие приемы реализации тактик смягчения имплицитного выражения несогласия, как использование косвенных вопросов, побуждающих студентов к самокоррекции,

или повторение вопроса вместо прямого выражения несогласия. В речи мужчин указанная тенденция не обнаружена. Выделенный набор приемов реализации различных тактик может иметь идиостилевой характер, не связанный с гендерными характеристиками речи. Вместе с тем, так как тенденция, выявленная на конкретном корпусе текстов, свойственна именно речи женщин, она заслуживает дальнейшего изучения в гендерном аспекте.

Выводы

В академической устной речи преобладает эксплицитное выражение несогласия в сочетании с различными тактиками смягчения категоричности высказывания. Выражение прямого несогласия без использования тактик смягчения составляет не более 15 % от общего количества примеров, что коррелирует с результатами других исследований. Значимых статистических различий для речи мужчин и женщин в этом аспекте анализа не установлено, что не коррелирует с данными других исследований, согласно которым в научной коммуникации женщины тяготеют к имплицитной форме выражения критики и несогласия.

Можно утверждать, что в речи мужчин чаще используется тактика снижения категоричности как при эксплицитном, так и при имплицитном выражении несогласия. Высказывания мужчин, реализующие указанную тактику, характеризуются разнообразием лексических средств смягчения несогласия, что не подтверждает высказывавшуюся ранее гипотезу о преобладании таких средств в речи женщин. Данная тенденция характерна для всех исследованных нами жанров речи и не связана со статусом коммуникантов или типичными прагматическими контекстами.

Для речи женщин-преподавателей характерно регулярное применение определенных приемов реализации тактик смягчения имплицитного выражения несогласия, что может иметь идиостилевой характер. Так, достаточно частотный в корпусе высказываний женщин прием маскировки несогласия в форме риторического вопроса или повторения вопроса регулярно используется в речи только одного говорящего, на которого и приходится большин-

ство реплик с данным приемом. Из сказанного следует, что данные о специфике дистрибуции тех или иных языковых единиц и тенденций их употребления в речи конкретных коммуникантов не всегда могут быть экстраполированы на всю группу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бондаренко В. Н., 1983. Отрицание как логико-грамматическая категория. М. : Наука. 212 с.
- Гваджая Л. М., 2015. Полемичность как конститутивный признак текста и средства ее реализации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 1. С. 26–28.
- Гриценко Е. С., 2005. Язык. Гендер. Дискурс. Н. Новгород : Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского. 267 с.
- Зубкова Я. В., 2010. Признак институциональности в академическом дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 2 (12). С. 84–89.
- Карасик В. И., 2002. Язык социального статуса. М. : Гнозис. 333 с.
- Кирилина А. В., Маслова Л. Н., 2009. Устная научная дискуссия: взаимосвязь конструирования гендера и статуса компетентного лица // Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования = Sex. Gender. Kultur. Deutsche und russische Forschungen / под ред. Э. Шопе, К. Хайдер, Г. Зверевой. М. : РГТУ. С. 231–260.
- Скорикова Т. П., Орлов Е. А., 2017. Жанровые особенности устной научной коммуникации: концепция лингвистического описания // Вестник СВФУ. № 5 (61). С. 117–128.
- Халеева И. И., 2001. Гендер в теории и практике обучения межъязыковой коммуникации // Гендер: язык, культура, коммуникация : докл. I Междунар. конф. (Москва, 22–23 нояб. 2001 г.). М. : МГЛУ. С. 7–11.
- Шейгал Е. И., 2000. Семиотика политического дискурса. М. ; Волгоград : Перемена. 368 с.
- Шилихина К. М., 2013. Ирония в академическом дискурсе // Вестник ВГУ. Филология. № 1. С. 115–118.
- Baker P., 2014. Using Corpora to Analyze Gender. L. : Bloomsbury Academic. 240 p.
- Chavez M., 2000. Gender in the Language Classroom. Boston : McGraw-Hill Education. 264 p.
- Coates J., 2004. Women, Men and Language. L. : Routledge. 264 p.
- Koczogh H. V., 2012. The Role of Gender in Verbal Disagreement: A Study of Disagreement Strategies Employed by Hungarian Undergraduate Students

- // *Gender Studies*. Vol. 11, № 1. P. 233–244. DOI: 10.2478/V10320-012-0042-5.
- Lakoff R., 2004. *Language and Woman's Place: Text and Commentaries*. Oxford : Oxford University Press. 328 p.
- Mauranen A., 2002. "One Thing I'd Like to Clarify...". *Observations of Academic Speaking // Helsinki English Studies*. Vol. 2. P. 1–10.
- Mirzapour F., 2016. Gender Differences in the Use of Hedges and First Person Pronouns in Research Articles of Applied Linguistics and Chemistry // *International Journal of Applied Linguistics & English Literature*. Vol. 5, № 6. P. 166–173. DOI: 10.7575/aiac.ijalel.v.5n.6p.166.
- Rezaee M., Aghagolzadeh F., Birjandi P., 2015. The Effect of Lecturers' Gender on the Use of Discourse Markers // *International Journal of Research Studies in Language Learning*. Vol. 4, iss. 2. P. 69–87. DOI: 10.5861/ijrsl.2014.900.
- Rosanti E. D., Jaelani A., 2016. The Use of Lexical Hedges in Spoken Language by Female and Male Students // *Electronic Journals of UIKA Bogor*. Vol. 16, № 1. P. 29–39.
- Savicki V., Kelley M., Lingenfelter D., 1996. Gender, Group Composition and Task Type in Small Task Groups Using Computer Mediated Communication // *Computers in Human Behavior*. Vol. 2. P. 549–565. DOI: 10.1016/S0747-5632(96)00024-6.
- Schleef E., 2008. Gender and Academic Discourse: Global Restrictions and Local Possibilities // *Language in Society*. Vol. 37, iss. 4. P. 515–538. DOI: 10.1017/S0047404508080755.
- Tannen D., 1996. *Gender & Discourse*. Oxford : Oxford University Press. 240 p.
- Institutionalism in Academic Discourse]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 2 (12), pp. 84–89.
- Karasik V.I., 2002. *Yazyk sotsialnogo statusa* [Language of Social Status]. Moscow, Gnozis Publ. 333 p.
- Kirilina A.V., Maslova L.N., 2009. Ustnaya nauchnaya diskussiya: vzaimosvyaz konstruirovaniya genera i statusa kompetentnogo litsa [Oral Academic Discussion: The Relationship Between Gender and Role Competencies]. Cheaure E., Heyder C., Zvereva G., eds. *Pol. Gender. Kultura. Nemetskie i russkie issledovaniya = Sex. Gender. Kultur. Deutsche und russische Forschungen* [Sex. Gender. Culture. German and Russian Studies]. Moscow, RGTU, pp. 231–260.
- Skorikova T.P., Orlov Y.A., 2017. Zhanrovye osobennosti ustnoy nauchnoy kommunikatsii: konceptsiya lingvisticheskogo opisaniya [Genre Features of Spoken Academic Communication: The Concept of Linguistic Description]. *Vestnik SVFU* [SVFU Review], no. 5 (61), pp. 117–128.
- Khaleeva I.I., 2001. Gender v teorii i praktike obucheniya mezhyazykovoy kommunikatsii [Gender in the Theory and Practice of Teaching Interlanguage Communication]. *Gender: yazyk, kultura, kommunikatsiya: dokl. I Mezhdunar. konf.* (Moskva, 22–23 noyab. 2001 g.) [Gender: Language, Culture, Communication. Proceedings of the 1st International Conference (Moscow, November 22–23, 2001)]. Moscow, MGLU, pp. 7–11.
- Sheygal E.I., 2000. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of Political Discourse]. Moscow, Volgograd, Peremena Publ. 368 p.
- Shilikhina K.M., 2013. Ironiya v akademicheskom diskurse [Irony in Academic Discourse]. *Vestnik VGU. Filologiya* [VGU Philological Review], no. 1, pp. 115–118.
- Baker P., 2014. *Using Corpora to Analyze Gender*. London, Bloomsbury Academic. 240 p.
- Chavez M., 2000. *Gender in the Language Classroom*. Boston, McGraw-Hill Education. 264 p.
- Coates J., 2004. *Women, Men and Language*. London, Routledge. 264 p.
- Koczogh H.V., 2012. The Role of Gender in Verbal Disagreement: A Study of Disagreement Strategies Employed by Hungarian Undergraduate Students. *Gender Studies*, vol. 11, no 1, pp. 233–244. DOI: 10.2478/V10320-012-0042-5.
- Lakoff R., 2004. *Language and Woman's Place: Text and Commentaries*. Oxford, Oxford University Press. 328 p.

REFERENCES

- Bondarenko V.N., 1983. *Otritsanie kak logiko-grammaticheskaya kategoriya* [Negation as a Logical and Grammatical Category]. Moscow, Nauka Publ. 212 p.
- Gvazdhaya L.M., 2015. Polemichnost kak konstitutivnyy priznak teksta i sredstva ee realizatsii [Polemicality as a Constitutive Attribute of the Text and Means of Its Implementation]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [VSU Philological Review. Series: Linguistics and Intercultural Communication], no. 1, pp. 26–28.
- Gritsenko E.S., 2005. *Yazyk. Gender. Diskurs* [Language. Gender. Discourse]. Nizhniy Novgorod, Izd-vo NNGU im. N.I. Lobachevskogo. 267 p.
- Zubkova Y.V., 2010. Priznak institutsionalnosti v akademicheskom diskurse [Features of

- Mauranen A., 2002. "One Thing I'd Like to Clarify...". Observations of Academic Speaking. *Helsinki English Studies*, vol. 2, pp. 1-10.
- Mirzapour F., 2016. Gender Differences in the Use of Hedges and First Person Pronouns in Research Articles of Applied Linguistics and Chemistry. *International Journal of Applied Linguistics & English Literature*, vol. 5, no. 6, pp. 166-173. DOI: 10.7575/aiac.ijalel.v5n.6p.166.
- Rezaee M., Aghagolzadeh F., Birjandi P., 2015. The Effect of Lecturers' Gender on the Use of Discourse Markers. *International Journal of Research Studies in Language Learning*, vol. 4, iss. 2, pp. 69-87. DOI: 10.5861/ijrsl.2014.900.
- Rosanti E.D., Jaelani A., 2016. The Use of Lexical Hedges in Spoken Language by Female and Male Students. *Electronic Journals of UIKA Bogor*, vol. 16, no. 1, pp. 29-39.
- Savicki V., Kelley M., Lingenfelter D., 1996. Gender, Group Composition and Task Type in Small Task Groups Using Computer Mediated Communication. *Computers in Human Behavior*, vol. 2, pp. 549-565. DOI: 10.1016/S0747-5632(96)00024-6.
- Schleef E., 2008. Gender and Academic Discourse: Global Restrictions and Local Possibilities. *Language in Society*, vol. 37, iss. 4, pp. 515-538. DOI: 10.1017/S0047404508080755.
- Tannen D., 1996. *Gender & Discourse*. Oxford, Oxford University Press. 240 p.

Information About the Authors

Andrei V. Achkasov, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Director, Institute of Foreign Languages, Head of the Translation Department, Herzen State Pedagogical University of Russia, Reki Moyki Emb., 48, 191186 Saint Petersburg, Russia, avachkasov@herzen.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7637-4960>

Yana V. Barsova, Postgraduate Student, Department of English Philology, Herzen State Pedagogical University of Russia, Reki Moyki Emb., 48, 191186 Saint Petersburg, Russia, yanakhromenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8269-0695>

Информация об авторах

Андрей Валентинович Ачкасов, доктор филологических наук, профессор, директор института иностранных языков, заведующий кафедрой перевода, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, набережная реки Мойки, 48, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия, avachkasov@herzen.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7637-4960>

Яна Владимировна Барсова, аспирант кафедры английской филологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, набережная реки Мойки, 48, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия, yanakhromenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8269-0695>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.3>

UDC 811.111'42:001.4
LBC 81.432.1-51

Submitted: 03.02.2020
Accepted: 15.06.2020

ENGLISH ACADEMIC DISCOURSE IN TRANSLINGUISTIC CONTEXT: CORPUS-BASED STUDY OF LEXICAL MARKERS

Larisa A. Kochetova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Elena Yu. Ilyinova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The paper applies the Matrix method to an investigation into translinguistic features of English academic discourse that is serving worldwide a means of cross-cultural exchange between researchers with translingual skills. Based on the corpus approach to the comparison of the two corpora that comprise samples of professional academic writing in various fields of study (Art and Humanity, Natural and Social sciences), the paper seeks to identify both quantitatively and qualitatively correlations in repertoire and frequencies of recurrent linguistic expressions between the native English-language and non-native (Russian) academic discourse performers. The corpora were investigated along with the use of lexical bundles, re-occurring lexical units, which were grouped into noun-based and preposition-based phrases with post-modifier fragments, verb-based phrases with any form of verb components. The data comparison points to a code-mixing trend at the syntagmatic layer, which is a translingual fusion of English words in accord with a mixture of syntagmatic relations typical of English and Russian variations of academic discourse. It was found that non-native writing does not reveal as much lexical flexibility as native writers do and to a large extent relies on formulaic expressions, most of which are not conventional for expert native academic writing. Native Russian writers use excessively noun-based phrases with abstract nouns and underuse noun phrases without prepositions. Verb phrases with *that-* and *to-* clauses are mainly characteristic of native professional writing whereas non-native writing employs patterns with active verbs and passive constructions. It was found that non-native writing lacks quantifying phrases and hedging expressions that mitigate the proposition.

Key words: academic discourse, corpus, corpus methodology, lexical bundles, English language, translingualism.

Citation. Kochetova L.A., Ilyinova E. Yu. English Academic Discourse in Translinguistic Context: Corpus-Based Study of Lexical Markers. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 5, pp. 25-37. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.3>

УДК 811.111'42:001.4
ББК 81.432.1-51

Дата поступления статьи: 03.02.2020
Дата принятия статьи: 15.06.2020

АНГЛОЯЗЫЧНЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ТРАНСЛИНГВАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ: КОРПУСНО-ОРИЕНТИРОВАННОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ МАРКЕРОВ

Лариса Анатольевна Кочетова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Елена Юрьевна Ильинова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье представлены результаты, полученные при применении матричного подхода к изучению признаков транслингвальнойности англоязычного академического дискурса, ставшего каналом кросс-культурного обмена научной информацией между учеными, обладающими трансязычными средствами коммуникации. Корпусные методики сравнительного анализа двух корпусов научно-ориентированных текстов по различным сферам знаний (гуманитарные, социальные, естественные науки) позволили выявить количественные и функциональные корреляции в лексико-синтагматическом репертуаре единиц дискурса на основе критерия частотности употребления типичных конструкций носителями английского языка и русскоговорящими авторами научных статей. В качестве лексических маркеров английского академического дискурса были выбраны лексические коллокации, высокочастотные словосочетания трех синтагматических групп: именные и предложные словосочетания с атрибутивными компонентами, глагольные словосочетания, включающие любые предикативные формы, в том числе *to-clause*, безличные *it-patterns* модели. Сравнение корпусных данных указывает на наличие кодовых смещений на синтагматическом уровне, употребление английских слов, являющихся транслингвальными кальками, для выражения синтагматических отношений, характерных для русскоязычного академического дискурса. Показано, что русскоязычные авторы, пишущие на английском языке, часто используют формульные клише, не характерные для стандартного англоязычного академического текста, именные конструкции с абстрактными существительными и беспредложные номинативные конструкции. Глагольные конструкции с придаточными, вводимыми союзом *that* и частицей *to*, типичны для профессионального дискурса носителей английского языка, в то время как русскоязычные авторы употребляют преимущественно конструкции с глаголами в действительном залоге и синтагматические клише, содержащие глаголы определенной семантики в страдательном залоге. Установлено, что в академическом дискурсе русскоязычных авторов отсутствуют дискурсивные формулы с семантикой количества и выражения, смягчающие категоричность высказывания.

Ключевые слова: научный дискурс, корпус, корпусная методология, лексические сочетания, английский язык, транслингвизм.

Цитирование. Кочетова Л. А., Ильинова Е. Ю. Англоязычный академический дискурс в транслингвальной ситуации: корпусно-ориентированное изучение лексических маркеров // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 5. – С. 25–37. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.3>

Introduction

Translingualism has become increasingly popular as a theoretical construct that points to a current trend – a dynamic fusion between permeability and convergence of languages and cultures in human brains; it is a characteristic of modern translingual communication in the globalizing world. Translingualism results from an increase in the number of people who apart from their mother tongue have proficiency in one or several foreign languages, and while communicating information they might refer to translingual signs to convey their ideas through language code-switching and messing. It results in translanguaging, a kind of communication process whereby signs and rules of various languages are integratively used in the discursive practice without being merged or submitted.

The phenomenon of translingualism is being studied worldwide in social and psychological perspectives. Linguists focus more on the transcoding of grammatical and lexical features of various languages in the context of translingual

communication, in particular, some theoretical points are set on the bilingual corpus data and by employing a Matrix methodology groups of researchers investigate aspects of code-switching in written or oral speech [Chauncey, Grainger, Holcomb, 2008; Deuchar, 2006; Fricke, 2016; Gabdreeva, Ageeva, Timirgaleeva, 2013; Gardner-Chloros, 2009; Gevers, 2018; Gullberg, Indefrey, Muysken, 2009; Maksimova, 2016; Marinova, 2008; Molina, 2011; Moradi, Chen, 2019; Myers-Scotton, 2006; etc.]. While recognizing translanguaging as a hybrid cognitive strategy of communication using mixing language patterns and units from native and second languages, we would like to suggest for consideration another issue on translingualism – discursive aspect of academic writing in English by Russian professionals due to the necessity to exchange scientific facts and discoveries in the global academic discourse. This paper presents an analysis of corpus-based data to support a hypothesis on translingual code-mixing in scientific articles authored by Russian professional scientists that is manifested in some

lexical markers of Russian academic discourse incorporated into papers written in English.

Terminology review

The transcultural and translingual trend was distinguished in speech practices in the late 1990s by specialists in applied linguistics and language teaching [Zamel, 1996; 1997]. While analyzing speech behavior of bilinguals and translinguals, they noted that due to their polylanguage repertoire they could produce translinguistic discursive unities (based on a mix of language units and rules) which pointed to their ability to code-switching and code-mixing. Having chosen a syntactic (grammar) basis of one of the languages, they could layer morphemes from various languages with some evident deviations in syntagmatic patterns from the standard grammar and other rules of the basic language [Canagarajah, 2002; 2013; 2016; Pennycook, 2008; Zamel, 1996].

The trend on translanguaging is viewed in modern globalized communities worldwide, especially in prominent economically advanced, and cultural centers where the mixture of languages is an objective reality. In many locations a trend of expansive multilingualism with the English language as a basis of national-wide communicative behavior has been noticed; however, there has established some novel style of globalized communication that is based on English as *lingua franca*, used by professionally-oriented communities with their national mother tongues to exchange information on science and humanities, technical achievements, social issues.

The trend pronounced contradicts strict requirements in prescriptive grammar to bilingualism that means fluency in two languages (practical skills of efficient communication in a certain linguistic and cultural environment); however, the term *translingualism* states the fact of dynamics in speech behavior in times of transcultural globalization [Crystal, 2003; Tlostanova, 2008]. If there exists a trend than it is a task of linguists to start monitoring such type of discourse realization and with the tools of corpus linguistics collect data for further observation on social functions and linguistic patterns of mixed-speech discourse and pave the way to better understanding translanguage abilities represented in cognitive strategies of code-switching and code-mixing.

Thus, the term *translingualism* specifies some phenomenon in modern communicative practice; it is implemented in translanguage abilities that are used for constructing a kind of translanguage hybrid text through mixing units and grammar rules of various languages. In translingual situations people demonstrate cognitive abilities of code-switching and code-mixing due to which there appears some degree of syntagmatic fusion without one language expansion; by using non-native English the language users preserve their mother tongue identity, which is revealed in some language equivalents and represent some native-like cognitive strategy of discourse production. The mixture of language units and rules of their combinability while the native-like elements are installed into hybrid discourse structures point to the notion of *translingualism*, the way how non-native English users communicate in professionally oriented communication in Global English.

Methodological basis

Accepting the fact that *translingualism* is a dynamic feature of modern globalized communication it is necessary to lay theoretical background and methodological basis for linguistic analysis of translanguaging as a visual representation of the phenomenon under study. A critical review of publication by European, American, Asian, and Russian research groups tells about the corpus-assisted approach to translanguage markers studies which attempt to explain some cognitive strategies of this type of verbal behavior (code-switching and code-mixing, in particular) and offer some methods to single out some language markers.

Translingualism is supposed to present some novel ways of communication in oral and written forms. Translingual situations are specified, firstly, by participants – they are non-native English users with various cultural and linguistic bases; secondly, it is due to their goals of pragmatic efficiency of communication that they refer to hybrid strategies of discourse production; thirdly, in their translanguaging discursive performance, people refer to a fusion of language codes.

The data obtained through corpus analyses point to some translingual strategies that consist in switching and meshing language codes, cross-cultural borrowings, simplifications, and hybridization of syntactic layers of speech

utterances [Caragarajah, 2002; Gardner-Chloros, 2009; Lefringhausen, Marchall, 2016; Leonard, Nowacek, 2016; Proshina, 2016; Spencer-Oatey, 2018; etc.]. The methodology of linguistic analysis is based on a discrete approach with language layers distinction and interpretative comparison of real-life (natural) samples of translinguaging to the standard norms of languages that are mixed (as identified languages). To date, linguists have published many reports about dialectal translingual studies (for ex., Welsh-English, Persian-English, Spanish-English, French-English-Cyprian, Russian-English, etc. [Chauncey, Grainger, Holcomb, 2008; Gabdreeva, Ageeva, Timirgaleeva, 2013; Gardner-Chloros, 2009; Deuchar, 2006; Marinova, 2008; Moradi, Chen, 2019; Myers-Scotton, 2006; etc.]). In their works there dominates an opinion about the Matrix language basis for cases of translingualism, with a grammatical (syntactic) structure as some definite core of the utterances (referring to one language standard, usually standard English) and mixed-language lexical nominations inserted (words, phrases, set expressions from different languages). However, their explanations are mainly devoted to social and psycholinguistic aspects of translingualism, enumeration of cases when the transmixture of words are noted as cases of code-switching, identification of cases with deviations from standard norms of syntactic structure [Gardner-Chloros, 2009; Moradi, Chen, 2019; Myers-Scotton, 2006; etc.], the aspect of discourse production by non-native professionals in the translingual environment as the mechanism of code-mixing has not been by now in the focus of linguists' interest.

Considering blurring differences between code-switching and code-mixing, we assume that these mechanisms are described through various methodological approaches with more interest to code-switching, none of them on its own can provide a complete overview. The mechanism of code-switching is described as the process of alternation of units of two or more languages in an individual speech utterance. It is studied with a discrete method, translinguistic cases are described separately as leapfrogging at certain language layers (phonomorphological, grammatical, syntactical), and then multilayered data are used for making a general conclusion about the degree of social integration or

acculturation of a person, besides they might formulate grammatical tendencies rather than general syntactic rules of translingual language usage [Gardner-Chloros, 2009; Spencer-Oatey, 2018; Lefringhausen, Marchall, 2016]. However, code-mixing as a strategy of speech production remains practically unclear. Code-mixing can be described as the process of language blending, which presupposes mingled co-occurrence of signs of different languages and norms of their realization in speech practice produced by non-native users. It is not an individual switch from one language marker to another, it is a kind of switch-mode characteristic of a group of users. The conversational efforts of a certain group of non-natives (let's say in English) should demonstrate some common frequency of other language marker occurrences (mainly, mother tongue cognitive strategies). The veracity (reliability) of such data requires a corpus-oriented matrix methodology grounded on a multilayer search. The multilayered realization of code-mixing implies more technical efforts to result in distinguishing translingual cognitive patterns that require references to discourse oriented material for analysis. This research was based on two collections of academic papers written in English by Russian scientists who are thought to be proficient in written academic discourse and by native British scientists; their lexical matrix comparison resulted in distinguishing some syntagmatic and lexical markers of code-mixing.

The English language has undoubtedly become the preferred medium of communication in the academic context on a global scale. Non-native speakers of English in the academic professional community have been encouraged to use English without constant recourse to the native-speaker ideal. As a result, the English used in globalized professional academic writing lacks uniform standard but displays a variety in the use of language structures that is due to an array of factors among which the most important is a cognitive lingual background that determines how the non-native speakers verbalize their ideas in English. To date, a large number of papers that compare and contrast academic texts produced by native and non-native speakers have been published. They concentrated on the discrete-layered method of analysis, outlining lexical and grammatical features of the writings,

accentuating the use of linking adverbials, modal verbs, conjunctions, collocations [Altenberg, Granger, 2001; Chen, Baker, 2010; Gao, 2016; Martin, 2003; Siyanova, Schmitt, 2008; Yang, 2018]. These studies, most of which employed the corpus-based approach to counting and comparing the use of linguistic features, have found some ways in which professional academic writing of English natives and non-natives differ. However, markers of code-mixing in non-native academic writing have not been fully investigated and the lexical layer, which, in particular, is regarded as most prominent in revealing markers of code-mixing, has not received proper attention so far. Recent research in English academic discourse [Biber et al., 1999; Biber, 2006; Biber, Barbieri, 2007; Cortes, 2004; Hyland, 2008; Simpson-Vlach, Ellis, 2010; Wray, 2000] has evidenced the importance of discursive lexical bundles (recurrent sequences of words) as a major component in providing coherent discourse and an essential aspect of the shared knowledge of a professional discourse community on academic discourse genres. The focus of attention has been given to the identification and structural implementation of these discourse bundles as well as their functions and discipline variations. Having discovered some definite markers of academic discourse in native English writings, the researchers continued investigation by analyzing the use of lexical bundles in non-native speakers' writing and stated some deviation in the language means mainly based on implied references to the genre- and discipline-specific recurrent expressions typical of their native academic discourse.

The researches mentioned deal with academic English as *lingua franca* as it is used by speakers of Arabic, Chinese, German, Finnish, other European and Asian languages. It should be noted that English academic writing by native speakers of Russian is a relatively new field of research, and papers that compare and contrast the academic style writing have been far and few between. One of the most comprehensive comparative research based on the linguistic corpus of paper titles authored by native Russian and English speakers, style-forming properties of academic English [Ryabtseva, 2018a; 2018b; Stebletsova, Torubarova, 2019; Viktorova, 2015] revealed cross-cultural incongruence. Thus, the

titles in the academic discourse of Russian language speakers were noted not mapping the standard stylistic patterns characteristic to English academic speech; word-for-word translation techniques and the genre conventions of the Russian academic discourse are identified as the two major factors that determine the frequency and distribution of linguistic features in the academic paper titles offered for publication by Russian researchers. As compared to the English academic style that prefers a two-part title pattern, which, in its turn, uses the *and*-conjunction, a column, non-finite forms of the verb, prepositions, interrogative constructions, etc., the Russian academic style favors rather extended titles that include multiple abstract nouns, incorporated into a single noun group with repeated genitive constructions [Ryabtseva, 2018b]. Comprehensive contrastive research into two broad classes of discourse markers revealed significant differences in their usage in Russian and English language academic discourse [Viktorova, 2015]. However, the limitations of the studies mentioned are that it does not employ corpus methodology, and conclusions, though they seem to have been plausible, cannot be validated by statistical data.

In our previous studies, we used the corpus approach to contrast and compare the discourse functions of the first person plural pronoun *we* in *the BE2006 (learned)* corpus and the corpus of non-native academic writing that comprised papers written in English by Russian authors (EFLAW) which is also used in the present study [Kochetova, Kononova, 2018]. The pronoun *we* as a generic convention admits exclusive and inclusive references and represents culturally determined discursive strategy of construing communicative categories of solidarity, credibility, politeness. Although the statistical tests did not indicate significant differences in the frequency of the pronoun in the contrasted corpora, qualitative manual analysis of the concordance lines revealed that in the EFLAW corpus the inclusive *we* are employed to persuade the addressee to share and accept the author's arguments whereas in the BE2006 corpus it is used to construe solidarity based on common background, shared beliefs and opinions [Kochetova, Kononova, 2018].

The present study focuses on the use of recurrent lexical units as markers of code-

switching in academic papers written in English by Russian scientists. It uses corpus methodology, and its advances rely on statistical measures thus providing reliability in revealing correlations in the data and giving a precise and accurate picture of how language is used across various genres, text types, and registers.

The linguistic features analysis, which is at the center of the present study, uses the Matrix approach; after distinguishing the lexical layers with some core markers of academic discourse organization it allows to state the frequency and distribution of lexical bundles in the academic writing of the two groups, a group of English language native speakers and a group of non-native English writers, whose mother tongue is Russian. The present study is concerned with the comparative usage of lexical bundles in native and non-native academic discourse performers. The investigation is carried out on a corpus of professional academic writing of the Russian language scholars to find out quantitative data on functional types of lexical bundles typical of expert academic discourse in British and Russian discursive tradition. Lexical bundles as conventionalized expressions are also called *formulaic sequences* [Wray, 2002], *formulaic expressions* [Simpson, 2004], *fixed expressions* [Moon, 1992], *lexical phrases* [Nattinger, 1988], *multiword lexical units* [Cowie, 1999], *n-grams* [Cheng et al., 2009], or *lexical bundles* [Biber et al., 1999; Cortes, 2004; Hyland, 2008]. While the studies into conventionalized expressions apply different explanations and provide various criteria for the identification of multi-word sequences and thus approach their analysis from altered perspectives, they all conclusively show that conventionalized expressions constitute a large proportion of discourse and therefore indicate competent use of language in a particular context. This is in good agreement with Sinclair’s ‘idiom principle’ [Sinclair, 1987] which postulates that speakers and writers do not select the words that

they use one at a time, but rather choose units of meaning expressed by pre-constructed phrases.

Research questions and methodology

Based on the corpus methodology to the study of language in use, the research aims to reveal extended fixed collocations in academic discourse produced by the two categories of writers. Specifically, this study will address the following research questions: 1. In what ways does the professional academic writing of native and non-native speakers of English differ in the use of lexical bundles typical of English academic discourse? 2. How do these most notable differences report on code-switching strategies in the discursive behavior of non-native writers in English?

To achieve the goals a comparative research design was applied, in which frequently-used word combinations (i.e., lexical bundles) were identified by an automated frequency-driven approach, that is corpus linguistics methods employed as the *SketchEngine* software tool [Kilgariff et al., 2004], then they were compared to the most preferable by the British authors of academic texts functional types of lexical bundles in expert academic discourse.

By definition, **lexical bundles** are groups of three or more words that are the most frequent recurring fixed sequences in a register [Biber et al., 1999, p. 990]. Examples of lexical bundles in English academic writing are expressions like *on the other hand*, *as a result of* or *the end of the*, to mention just a few. To conduct the study, a corpus of English academic writing (EFLAW) that comprises papers written in English by Russian language authors was compiled. As a reference corpus of native academic writing, FLOB-J corpus was taken from [Chen, Baker, 2010]. Corpora information is presented in Table 1.

The results for the FLOB-J were taken from [Chen, Baker, 2010], they were obtained in the comparative study of lexical bundles in BAWE-EN

Table 1. Comparison of FLOB-J and English as a Foreign Language Academic Writing Corpus (EFLAW)

Corpus Information	FLOB-J	EFLAW Corpus
The number of texts	80	85
Average words per sample	2,059	3,726.07
Total number of words	164,742	316,716

and BAWE-CH as compared with native professional academic writing. Lexical bundles retrieved from a corpus of published professional academic texts written in English by native Russians EFLAW and the FLOB-J corpus were investigated both quantitatively and qualitatively.

Corpus structure

The corpus of non-native academic writing comprises professional academic papers written in English by Russian authors and published in the online editions of open access journals. The corpus design followed the one adopted in the BNC1994 and included texts dealing with a wide range of scientific topics, engineering, natural sciences, art and humanities, social sciences, law, education, and medicine. The articles were chosen randomly and the number of texts per journal has been adjusted according to the periodical's impact. The structure of the corpus is presented in Table 2.

As the corpora under study are relatively small, certain requirements were imposed, such as the minimum frequency of occurrence for each lexical bundle is five [Altenberg, 1998; De Cock, 1998] with the requirement to occur in at least 3-5 different texts [Biber, Barbieri, 2007; Cortes, 2004]. This criterion for n-grams selection enables to avoid idiosyncrasies from individual writers / speakers and retrieve fixed expression shared by different writers. It is found that the most researched length for writing studies is a four-word sequence, which, probably because the number of 4-word bundles is often within a manageable size (around 100) for manual categorization and concordance checks [Chen, Baker, 2010]. Using the corpus tool *SketchEngine*, 4-word clusters were retrieved automatically and after that word sequences with content words that were present in the corpus EFLAW, or any other context-

dependent bundles, usually incorporating proper nouns (e.g., *the Russian Federation, Constitution, Gogol*), were manually selected and put on the stop list. To avoid overlapping word sequences, we applied the option that allows to group sub-grams of another longer n-gram together with the longer n-gram. The range of lengths was set between four and five, which allowed us to group 4-word bundles which are derived from a single 5-word combination. For example, *it should be noted*, and *should be noted that* both occur 36 times, coming from the longer expression *it should be noted that*. Another case is when the occurrences of one of the bundles subsume those of the other overlapping bundle(s). For example, *is one of the* occurs 41 times, while *one of the most* occurs 41 times, both of which occur as a subset of the 5-word bundle *is one of the most*. Each case of the above overlapping word sequences was combined into one longer unit to guard against inflated results. The overlaps were grouped automatically and then concordance lines were checked manually.

Results and discussion

Three broad categories of bundles, namely Noun-based phrases (NP), Preposition-based phrases (PP), and Verb-based phrases (VP) were retrieved. Noun-based bundles include any noun phrases with post-modifier fragments, such as *the role of the* or *the way in which* (i.e., Category (1) in Table 3). Preposition-based expressions include those starting with a preposition plus a noun-phrase fragment, such as *at the end of* or *in relation to the* (i.e., Category (2) in Table 3). Concerning verb-based bundles, any word combinations with a verb component, such as *in order to make* or *was one of the*, is assigned to this category (i.e., Categories (3) to (8) in Table 3).

Table 2. The structure of the EFLAW Corpus

Field	Tokens	Percentage	The number of texts
Art&Humanities	82,305	21.83	19
Education	68,421	18.15	15
Law	41,541	11.01	9
Medicine	20,168	5.35	5
Natural Sciences	32,872	8.75	9
Philosophy	56,217	14.91	10
Social Sciences	50,058	13.27	9
Technical	25,385	6.73	9
<i>Total</i>	376,967	100	85

The proportion of noun-based bundles does not show a great difference in the two corpora. To explore the lexical bundles used in the corpora under study in greater depth, the noun-based combinations were grouped further into two structural subcategories to see if these two corpora could be distinguished from each other. These two subcategories are noun phrase fragments with *of* (e.g., *in the context of*) and any other noun phrase fragments without the preposition *of* (e.g., *the way in which*). Even though the proportion of NP-based bundles when compared with FLOB-J is relatively equal in the corpora under consideration, the EFLAW writing

is notably different in the subcategory of NP without the preposition *of* (Table 4). The combinations without the preposition *of* found in this investigation are all part of relative clauses, such as the *extent to which*, *the fact that this*, or *the way(s) in which*. It is evident that EFLAW writing did not use these types of relative clauses as frequently as native speakers did.

Further, we grouped *NP + of* and *PP + of* bundles into two productive frames: [the + Noun + of the/a] and [in the + Noun + of]. The professional writing in FLOB-J showed manifesting a relatively wide range of nouns that collocate with these two frames (Table 5 and

Table 3. Frequency of lexical bundles in the corpora under study

Types of <i>n</i> -grams	FLOB-J, %	EFLAW, %	Examples
(1) noun phrase with a post-modifier fragment□	32.5	33.9	<i>the point of view, the way in which, the purpose of the/a, the structure of the/a, the problem of the/a, the extent to which, the fact that this, etc.</i>
(2) preposition noun-phrase	36	27.5	<i>As a result of, due to the fact, on the basis of, on the one hand, in the course of, at the same time, as a result of, in the process of etc.</i>
(3) be + NP/Adjective P	2.6	2.5	<i>is one of the, is due to the, is a part of the, is a function of</i>
(4) verbal phrase with active verb	0.9	4.2	<i>has a number of, take into account the, make it possible to, turns out to be, have a positive effect</i>
(5) anticipatory <i>it</i> + VP/adjective P + (complement clause)	8.8	9.1	<i>it is possible to, it is necessary to, it is important to, it is impossible to, it is obvious that</i>
(6) passive verb + PP fragment	7	17.3	<i>is based on the, is considered to be, is related to the, is regarded as a, is determined by the, is seen as a, is explained by the</i>
(7) (verbal phrase +) that-clause fragment	2.6	1.2	<i>should be noted that, can be argued that</i>
(8) (verb/adjective +) to-clause fragment	7	2.6	<i>are likely to be, to be able to</i>
Others	2.6	1.7	<i>as well as the (a)</i>
<i>Total</i>	100	100	–

Table 4. The occurrences of NP phrases without the preposition *of* in the FLOB-J and EFLAW corpora (with raw frequencies)

FLOB-J	EFLAW
the degree to which (5)	the degree to which (1)
the extent to which (6)	the extent to which (1)
the fact that this (4)	the fact that this (2)
the way in which (14)	
the ways in which (4)	

Table 5. The occurrences of lexical bundles *the Noun+of the/a* in the FLOB-J, and EFLAW corpora (with raw frequencies)

FLOB-J	EFLAW
rest (11), end (10), history (7), size (7), basis (5), function (5), role (5), rules (5), strength (5), value (5), creation (4), existence (4), example (4), impact (4), level (4), magnitude (4), point (4), results (4), status (4), structure (4)	basis (28), point (28), results (27), structure (22), end (22), study (21), beginning (19), problem (18), level (15), importance (14), concept (13), role (13), definition (12), choice (11), formation (11), purpose (15), history (9), impact (8), creation (14), existence (11), value (9), use (7)

Table 6). The EFLAW writers also use a variety of lexical items, however, the fact that the non-native authors recognize the importance of these structures leads to the situation when many of them are heavily overused. At the same time, some expressions that are characteristic to the Russian language academic prose, namely phrases formed by the nouns *choice*, *problem*, *role*, *study*, *purpose* are hardly ever found in the native professional academic writing (Table 5) and are considered as markers of code-mixing of Russian performers. The nouns that are shared by the two corpora are in bold.

As for prepositional phrases, the corpora under investigation share a small proportion of nouns used in the pattern [in the + Noun + of]; as is seen in Table 6, the non-native professional academic writing makes use of framing expressions such as *in the context of*, *in the framework of*, authors very often employ place / time / text-deictic expressions, such as *at the same time*, *are shown in fig.*, whereas quantifying expressions (e.g., *the extent to which*, *percent of the*, *the size of the*) related to anything potentially measurable, such as size, number, amount or extent are conspicuously absent.

Although the proportion of VP-based bundles in FLOB-J and EFLAW corpora are approximately equal (Table 3), they vary in the subcategories of lexical bundles employed. As the data show, verbal phrases with active verbs and passive constructions are used much more frequently in EFLAW corpus as compared to native professional writing.

In the subcategory Verb / Adjective followed by *to*-clause fragment the EFLAW writers showed a strong preference for the construction *in order to* followed by a variety of verbs: *in order to increase*, *in order to allow*, *in order to examine*, *in order to achieve*, *in order to show*, *in order to draw*, etc. which occurs in 38 out of 80 texts whereas the structure *is likely to* followed by *to*-clause fragment is much less evenly distributed as 8 out of 12 occurrences are found in one text so this can be attributed to an individual writer's style. In comparison, in FLOB-J the construction Verb / Adjective followed by *to*-clause fragment occurs 47 times and is found in 25 texts.

Non-native speakers use the "Passive verb + prepositional phrases" form much more frequently than native speakers did. As can be seen in Table 7, there are seven passive-verb

Table 6. The occurrences of lexical bundles *in the Noun+of the/a* in the FLOB-J, and EFLAW corpora (with raw frequencies)

FLOB-J	EFLAW
case (19), context (19), form (8), presence (8), absence (7), light (6), number (6), course (5), hands (5), face (4)	process (83), course (50), context (19), form (36), field (28), framework (26), case (26), number (17), system (15), structure (14), way (8), presence (21), terms (7), variety (7)

Table 7. Bundles in the Subcategory 'Passive Verb + Prepositional Phrases'

FLOB-J	EFLAW
are shown in fig. (6) be found in the (5) be seen in the (5) be taken into account (5) can be found in (6) is concerned with (4) was found by a (4)	is based on the/a (45) explained by the fact (19) is associated with the (18) is characterized by the/a (18) is connected with the (18) is determined by the (12) are based on the (12) can be regarded as (9) can be seen from (8) can be found in (8) is understood as a (7) is shown on fig. (7) is seen as a (7) is related to the (7) is regarded as a (7) be taken into account (7) is expressed in the (5) is confirmed by the (5)

bundles in FLOB-J as compared to as many as eighteen in the EFLAW writing. In comparison to the FLOB-J, where they make up around twenty percent of the VP-based bundle types, the eighteen passive-verb bundles in EFLAW constitute 35 percent of the total VP-based bundle types. Additionally, only the three passive bundles, which are marked in bold in Table 7, were shared by the EFLAW group of writers. The number of those which are not shared exceeds the native writing considerably thus serving as markers of code-mixing. It has been suggested that the more frequent use of VP-based phrases with prepositional passive constructions should be attributed to the conventions of Russian language academic prose that require to present information in a non-personal and detached way thus emphasizing the objectivity of research. Russian language writers refer to a loan translation, supposing such calque to be a mark of English academic writing.

The concordance lines showed that verbal phrases followed by *that*-clause occur 61 times in 35 texts in the EFLAW corpus. Most of the expressions have the verb *note* in combination with the modal verb *should*, and five instances use the verb *argue* in combination with the modal verb *can*.

Table 8 shows the difference between the two corpora in the category (8) that can be explained by the fact that although there is no significant difference in the use of expressions that denote ability (*it is difficult to*, *to be able to*), non-native speakers tend to use fewer lexical bundles that help to minimize categorical propositions as compared to the native speakers writing, namely *would have to be*, *seems to have been*, *would be difficult*, *it has been suggested*, etc.

In the non-native writing, phrases with anticipatory *it* are used nearly as frequently as in

the native speakers' writing. Most of the phrases with the anticipatory *it* are used to express the writer's attitude about proposition (obligation/directive) (e.g., *it is important to*) or ability (e.g., *it is difficult to*). However, the native writers avoid using negative phrases that are too categorical and show a preference for hedging expressions.

Conclusion

The comparative corpus-based study of the two corpora of native and non-native academic writing in English has revealed lexical markers that are used as pre-constructed phrases to provide coherent discourse. Due to the Matrix approach, that allowed us to draw structural and functional comparisons of lexical markers in their syntagmatic environment, it has been proved that the use of discourse organizing lexical bundles in native and non-native academic writing in English demonstrates some generic similarities and differences. Both corpus data contain NP-based bundles to organize academic discourse, VP-based bundles composed by the anticipatory *it*-clause (*with a complement clause*). To sum up, non-native professional academic writing by a group of academic researchers was found to exhibit the widest range of reoccurring lexical bundles with abstract nouns that are markers of code-mixing, whereas native writing showed a much lower range. It should be noted that non-native writing lacked noun-based phrases without prepositions, such as *the extent to which*, *to a large extent*, whereas it overused certain expressions (e.g., *all over the world*), which native academics rarely used. Some high-frequency expressions in Russian academic writing that are typical of genre conventions in Russian are loan translations from the Russian academic discourse, namely *from our point of view*, *with the help of*, *by means of*.

Table 8. Bundles in the Subcategory “Anticipatory It+ VP/adjective P + (complement clause)”

FLOB-J	EFLAW
It is necessary to (14)	It is necessary to (46)
It is clear that (11)	It is important to (30)
It is difficult to (6)	It is possible to (19)
It is possible to (6)	It is impossible to (12)
It is important to (6)	It is obvious that (7)
It can be seen that (5)	It is difficult to (7)
It has been suggested that (4)	It is clear that (6)

As the analysis shows, native academic writers, exhibit a wider range of VP-based bundles composed by the (*verbal phrase*) + *that clause fragment* or (*verb/adjective*) + *to-clause fragment*, whereas Russian researchers overuse verbal phrases with active verbs as well as constructions with passive verbs or participle clauses (*is confirmed, is expressed*), which is an evident cognitive mark of code-mixing. The non-native academic writers rarely modify their writing by hedges to mitigate propositions and the statements imply strictness and needless categoricalness. In general, non-native writers relied on formulaic expressions most, while the expert writers used the fewest clusters, which confirms lower academic proficiency.

Thus, the application of the Matrix approaches jointly with the corpus techniques allowed us to retrieve word combinations that are used as generic building blocks in constructing the logical development of academic discourse. In particular, lexical bundles that make a core of native English expert academic discourse were retrieved and used for comparison with the non-native writing. Further studies on the frequency-driven formulaic expressions and syntagmatic combinations of words found in native expert writing can help in identifying extra valid and authentic data for reconstructing the models of English academic discourse and monitor its variability as code-mixing in global academic exchange in the English language.

REFERENCES

- Altenberg B., 1998. On the Phraseology of Spoken English: The Evidence of Recurrent Word-Combinations. *Phraseology: Theory, Analysis and Applications*. Oxford, Oxford University Press, pp. 101-122.
- Altenberg B., Granger S., 2001. The Grammatical and Lexical Patterning of MAKE in Native and Non-Native Student Writing. *Applied Linguistics*, no. 22, pp. 173-194.
- Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E., 1999. *The Longman Grammar of Spoken and Written English*. London, Longman. 1203 p.
- Biber D., 2006. *University Language: A Corpus-Based Study of Spoken and Written Registers*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins. 261 p.
- Biber D., Barbieri F., 2007. Lexical Bundles in University Spoken and Written Registers. *English for Specific Purposes*, no. 26, pp. 263-286.
- Canagarajah S., 2002. Multilingual Writers and the Academic Community: Towards a Critical Relationship. *Journal of English for Academic Purposes*, no. 1, pp. 29-44.
- Canagarajah S., 2013. *Translingual Practice: Global Englishes and Cosmopolitan Relations*. London, New York, Routledge, Taylor and Francis Group. 240 p.
- Canagarajah S., 2016. Mul'tilingval'naja pedagogika neoliberal'nogo vremeni: raschistka territorii i planirovanie dvizhenija vpered [Multilingual Pedagogies in Neoliberal Times: Clearing the Terrain and Charting the Way Forward]. *Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* [The Humanities and Social Studies in the Far East], no. 2 (50). URL: <http://www.eastjournal.ru/journalE.htm> (accessed 23 January 2020).
- Chauncey K., Grainger J., Holcomb P.J., 2008. Code-Switching Effects in Bilingual Word Recognition: A Masked Priming Study with Event-Related Potentials. *Brain and Language*, vol. 105, iss. 3, pp. 161-174. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC2684792/> (accessed 23 January 2020).
- Chen Yu., Baker P., 2010. Lexical Bundles in L1 and L2 Academic Writing. *Language Learning & Technology*, vol. 14, no. 2, pp. 30-49. URL: https://www.researchgate.net/publication/45681690_Lexical_Bundles_in_L1_and_L2_Academic_Writing (accessed 23 January 2020).
- Cheng W., Greaves Ch., Sinclair J., Warren M., 2009. Uncovering the Extent of the Phraseological Tendency: Towards a Systematic Analysis of Congrams. *Applied Linguistics*, no. 30, pp. 236-252.
- Cortes V., 2004. Lexical Bundles in Published and Student Disciplinary Writing: Examples from History and Biology. *English for Specific Purposes*, no. 23, pp. 397-423.
- Cowie F., 1999. *What's Within? Nativism Reconsidered*. Oxford, Oxford University Press. 334 p.
- Crystal D., 2003. *English as a Global Language*. Cambridge, Cambridge University Press. 212 p.
- De Cock S., 1998. A Recurrent Word Combination Approach to the Study of Formulae in the Speech of Native and Non-Native Speakers of English. *International Journal of Corpus Linguistics*, no. 3 (1), pp. 59-80.
- Deuchar M., 2006. Welsh-English Code Switching and the Matrix Language Frame Model. *Lingua*, vol. 116, iss. 11, pp. 1986-2011.
- Fricke M., Kootstra G.J., 2016. Primed Codeswitching in Spontaneous Bilingual Dialogue. *Journal of Memory and Language*, vol. 91, pp. 181-201.

- Gabdreeva N.V., Ageeva A.V., Timirgaleeva A.R., 2013. *Inojazychnaja leksika v russkom jazyke novejshego perioda* [Foreign Lexis in the Russian Language of a Modern Period]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 328 p.
- Gao X., 2016. A Cross-Disciplinary Corpus-Based Study on English and Chinese Native Speaker' Use of Linking Adverbials in Academic Writing. *Journal of English for Academic Purposes*, vol. 24, pp. 14-28.
- Gardner-Chloros P., 2009. *Code-Switching*. Cambridge, New York, Cambridge University Press. 242 p. URL: https://www.academia.edu/12864556/Code-Switching_by_Gardner-Chloros (accessed 23 January 2020).
- Gevers J., 2018. Translingualism Revisited: Language Difference and Hybridity in L2 Writing. *Journal of Second Language Writing*, vol. 40, pp. 73-83. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S1060374317302965> (accessed 23 January 2020).
- Gullberg M., Indefrey P., Muysken P., 2009. Code-Switching Between Structural and Sociolinguistic Perspectives. *The Cambridge Handbook on Linguistic Code-Switching. Vol. 43*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 21-39.
- Hyland K., 2008. As Can Be Seen: Lexical Bundles and Disciplinary Variation. *English for Specific Purposes*, no. 27 (1), pp. 4-21.
- Kilgarriff A., Rychlý P., Smrž P., Tugwell D., 2004. *The Sketch Engine. Proceedings of the XI EURALEX International Congress*. Lorient, Universite de Bretagne-Sud, pp. 105-116. URL: https://www.sketchengine.co.uk/wp-content/uploads/The_Sketch_Engine_2004.pdf (accessed 11 January 2015).
- Kochetova L.A., Kononova I.V., 2018. Corpus-Based Contrastive Study of Discursive Strategy of Construing Interpersonal Relations in English Language Academic Discourse. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, pp. 1-11. DOI: 10.17516/1997-1370-0353.
- Lefringhausen K., Marchall T.C., 2016. Locals' Bidimensional Acculturation Model: Validation and Associations with Psychological and Sociocultural Adjustment Outcomes. *Cross-Cultural Research*, no. 50 (4), pp. 356-392. DOI:10.1177/1069397116659048.
- Leonard R., Nowacek R., 2016. Transfer and Translingualism. *College English*, vol. 78, no. 3, pp. 258-264.
- Maksimova Ju.S., 2016. Razvitie kontaktov kul'tur cherez jazykovoj kompromiss [Evolution of Cultural Contacts by Means of Language Cooperation]. *Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* [The Humanities and Social Studies in the Far East], no. 2 (50), pp. 120-124. URL: <http://www.eastjournal.ru/journalE.htm> (accessed 23 January 2020).
- Marinova E.V., 2008. *Inojazychnye slova v russkoj rechi konca XX – nachala XXI v.: problemy osvoenija i funkcionirovanija* [Foreign Words in Russian Speech of the End of the 20th – Beginning 21st: Issues of Adaptation and Functioning]. Moscow, Jelpis Publ. 509 p.
- Martin P.M., 2003. A Genre Analysis of English and Spanish Research Paper Abstracts in Experimental Social Sciences. *English for Specific Purposes*, no. 1, pp. 25-43.
- Molina C., 2011. Curricular Insights into Translingualism as a Communicative Competence. *Journal of Language Teaching and Research*, vol. 2, no. 6, pp. 1244-1251.
- Moon R., 1992. Textual Aspects of Fixed Expressions in Learners' Dictionaries. *Vocabulary and Applied Linguistics*. Palgrave, Macmillan, pp. 13-27.
- Moore A.M., Barker G.G., 2012. Confused or Multicultural: Third Culture Individuals' Cultural Identity. *International Journal of Intercultural Relations*, vol. 36, pp. 553-562.
- Moradi H., Chen J., 2019. Structural Analysis of Persian-English Reverse Codeswitching and Code-Mixing. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2019, vol. 18, no. 1, pp. 122-131. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.10>.
- Myers-Scotton C., 2006. *Multiple Voices: An Introduction to Bilingualism*. New York, Blackwell Publisher. 473 p.
- Nattinger J., 1988. Some Current Trends in Vocabulary Teaching. *Vocabulary and Language Teaching*. London, New York, Longman, pp. 62-82.
- Pennycook A., 2008. English as Language Always in Translation. *Australian Review of Applied Linguistics, International Forum on English as an International Language, Special Forum Issue*. Sydney, vol. 32, no. 3, pp. 30.1-30.9.
- Proshina Z.G., 2016. Problemy i perspektivy translingval'nyh i transkul'turnyh kontaktov [Issues and Challenges of Translingual and Cross-Cultural Contacts]. *Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* [The Humanities and Social Studies in the Far East], no. 2 (50), pp. 6-9. URL: <http://www.eastjournal.ru/journalE.htm> (accessed 21 January 2020).
- Ryabtseva N.K., 2018a. Academic Papers Titles: A Russian – English Perspective. *Nauchnyy dialog* [Academic Dialogue], no. 6, pp. 32-42. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-6-32-42.
- Ryabtseva N.K., 2018b. Academic Paper Titles and Their Dominating Patterns: A Russian-English Perspective. *Vestnik Volgogradskogo*

- gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 17, no. 2, pp. 33-43. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.4>.
- Simpson R., 2004. Stylistic Features of Academic Speech: The Role of Formulaic Expressions. *Discourse in the Professions. Perspectives from Corpus Linguistics*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins, pp. 37-64.
- Simpson-Vlach R., Ellis N., 2010. An Academic Formulas List: New Methods in Phraseology Research. *Applied Linguistics*, no. 31 (4), pp. 463-512.
- Sinclair J., 1987. Collocation: A Progress Report. *Language Topics: Essays in Honour of Michael Halliday. Vol. 2*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins, pp. 319-332.
- Siyanova A., Schmitt N., 2008. The Canadian Modern Language Review. *La Revue canadienne des langues vivantes*, no. 64 (3), pp. 429-458.
- Spencer-Oatey H., Franklin P., 2009. *Intercultural Interaction: A Multidisciplinary Approach to Intercultural Communication*. London, Palgrave, MacMillan. 367 p. DOI: 10.1057/9780244511.
- Spencer-Oatey H., 2018. Transformative Learning for Social Integration: Overcoming the Challenge of Greetings. *Intercultural Education*, no. 29 (2), pp. 301-315. DOI: 10.1080/14675986.2018.1425828.
- Stebletsova A.O., Torubarova I.I., 2019. Formality as a Style-Forming Property of Academic English: Synchronic Analysis of Medical Research Texts. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 18, no. 4, pp. 157-173. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.12>.
- Tlostanova M.V., 2008. *Ot filosofii mul'tikul'turalizma k filosofii transkul'turacii* [From Philosophy of Multiculturalism to Philosophy of Transculturation]. Moscow, RUDN Publ. 251 p.
- Viktorova E.Yu., 2015. *Vspomogatel'naya sistema diskursa* [Supportive System of Discourse]. Saratov, Izdatel'skiy tsentr Nauka. 404 p.
- Wray A., 2000. Formulaic Sequences in Second Language Teaching: Principle and Practice. *Applied Linguistics*, no. 21 (4), pp. 487-489.
- Wray A., 2002. *Formulaic Language and the Lexicon*. Cambridge, Cambridge University Press. 348 p.
- Yang X., 2018. A Corpus-Based Study of Modal Verbs in Chinese Learners' Academic Writing. *English Language Teaching*, vol. 11, no. 2, pp. 122-130.
- Zamel V., 1996. Transcending Boundaries: Complicating the Scene of Teaching Language. *College English*, vol. 6, no. 2, pp. 1-11.
- Zamel V., 1997. Towards a Model of Transculturation. *TESO: Quarterly*, vol. 31, no. 2, pp. 341-351.

Information About the Authors

Larisa A. Kochetova, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Head of the Department of English Philology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, kochetova@volsu.ru, english_philology@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5278-7373>

Elena Yu. Ilyinova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of English Philology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, ilynov@volsu.ru, english_philology@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3310-4020>

Информация об авторах

Лариса Анатольевна Кочетова, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английской филологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, kochetova@volsu.ru, english_philology@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5278-7373>

Елена Юрьевна Ильинова, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, ilynov@volsu.ru, english_philology@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3310-4020>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.4>

UDC 811.111'42:001.4
LBC 81.432.1-51

Submitted: 13.06.2019
Accepted: 25.05.2020

**LEXICAL HEDGING IN ENGLISH ABSTRACTS
OF RUSSIAN ECONOMICS RESEARCH ARTICLES:
A CORPUS-BASED STUDY**

Margarita V. Mikolaychik

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

Abstract. An important area of academic English competence, the use of hedges in various regional varieties of English, has been the subject of numerous cross-cultural studies worldwide. However, hedging in the Russian variety of English as an academic lingua franca remains largely under-researched. This paper reports the results of a corpus-based study of lexical hedges in English abstracts of 200 Russian research articles published over the past few years in the leading national economics journals. The data obtained in this research are compared to the findings of an earlier similarly designed study of British and American abstracts, shedding light on the peculiarities of lexical hedging use by Russian authors. Quantitative corpus linguistics methods are used, notably statistical analysis of corpus frequency data based on Dunning's log-likelihood test. Our analysis shows that although Russian economics research writers employ quite a wide range of lexical hedging devices largely – over 70% – coinciding with those used by native English writers, they use most categories of lexical hedges (modal verbs, adverbials, quantifiers and full verbs) less frequently while employing hedging nouns more frequently than their British and American counterparts. The findings can be useful for further research into hedging in the abstracts of scientific articles in other disciplines as well as for teaching English research abstract writing to Russian speakers.

Key words: scholarly discourse, academic discourse, academic lingua franca, corpus, hedge, hedging.

Citation. Mikolaychik M.V. Lexical Hedging in English Abstracts of Russian Economics Research Articles: A Corpus-Based Study. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 5, pp. 38-47. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.4>

УДК 811.111'42:001.4
ББК 81.432.1-51

Дата поступления статьи: 13.06.2019
Дата принятия статьи: 25.05.2020

**ЛЕКСИЧЕСКОЕ ХЕДЖИРОВАНИЕ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ АННОТАЦИЯХ
РОССИЙСКИХ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ПО ЭКОНОМИКЕ:
КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

Маргарита Владимировна Миколайчик

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Россия

Аннотация. Особенности употребления средств хеджирования в российском варианте академического английского лингва франка – актуальная, но малоизученная проблема. В статье представлены результаты корпусного исследования использования российскими авторами лексических средств хеджирования в англоязычных аннотациях научных статей по экономике. Данные, полученные на материале 200 современных англоязычных российских аннотаций из ведущих отечественных профильных журналов, с помощью статистического теста отношения правдоподобия G^2 Даннинга сопоставляются с результатами предшествующей работы, выполненной на материале британских и американских аннотаций. Выявлено, что российские авторы используют в англоязычных аннотациях достаточно широкий диапазон лексических средств хеджирования, более чем на 70 % совпадающий с тем, который задействован в аннотациях носителей английского языка; общая частотность лексических хеджей в англоязычном российском дискурсе достоверно ниже, чем

в англо-американском, главным образом за счет более редкого употребления российскими авторами модальных глаголов, наречий и адвербиальных выражений, квантификаторов и полных глаголов; российские авторы достоверно чаще носителей английского языка используют в качестве средств хеджирования существительные. Полученные результаты могут быть использованы при проведении исследований хеджирования на материале аннотаций статей и в рамках других научных отраслей, а также при обучении аннотированию на английском языке.

Ключевые слова: научный дискурс, академический дискурс, академический английский лингва франка, корпус, хедж, хеджирование.

Цитирование. Миколайчик М. В. Лексическое хеджирование в англоязычных аннотациях российских научных статей по экономике: корпусное исследование // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 5. – С. 38–47. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.4>

Введение

Существенную роль в научном дискурсе носителей английского языка, по мнению многих лингвистов [Hinkel, 2004; Hyland, 1998; Swales, 1990], играет такое явление, как хеджирование (англ. *hedging*) – составляющая метадискурса [Hyland, 2017, p. 20], представленная лингвистическими средствами, которые, по словам К. Хайланда, указывают на неполноту приверженности автора истинностному значению высказывания либо нежелание автора выражать эту приверженность в категоричной форме [Hyland, 1998, p. 1].

В последние десятилетия устойчивое усиление позиций английского языка как международного языка науки, отмечаемое лингвистами (см., например: [Tardy, 2004; Van Weijen, 2012]), обусловило проведение большого количества корпусных исследований хеджирования в различных региональных вариантах академического английского лингва франка в странах «расширяющегося круга». Результаты многих из них свидетельствуют о менее интенсивном использовании средств хеджирования авторами, которые не являются носителями английского языка. В частности, такие данные получены по итогам анализа научных статей болгарских [Vassileva, 2001], чешских [Dontcheva-Navratilova, 2016; Sládková, 2017], турецких [Yagiz, Demir, 2014], иранских [Afshar, Asakereh, Rahimi, 2014; Rezanejad, Lari, Mosalli, 2015; Samaie, Khosravian, Boghayeri, 2014], вьетнамских [Thuу, 2018], китайских [Chen, Zhang 2017; Ting, 2014] исследователей. В то же время обнаружено, что по использованию средств отдельных категорий хеджирования представители некоторых лингвокультур превосходят носителей английского языка. Например, вьет-

намские лингвисты чаще носителей английского языка употребляют модальный глагол *should* [Thuу, 2018], иранские филологи – наречия [Samaie, Khosravian, Boghayeri, 2014], в частности аппроксиматоры [Rezanejad, Lari, Mosalli, 2015], ряд средств хеджирования с более высокой частотностью, чем американцы, используют японские специалисты по медицине [Iida, 2007]. Такого рода изыскания дают целостную картину употребления средств хеджирования представителями той или иной лингвокультурной общности по сравнению с носителями английского языка, что может быть учтено при разработке курсов английского языка для академических и профессиональных целей.

Необходимость включения такого важного для формирования профессиональных компетенций аспекта, как хеджирование, в содержание соответствующих курсов все чаще отмечается и отечественными специалистами [Азарова, Кудряшов, Седова, 2017; Ветрова, 2012; Вознюк, 2013; Городецкая, 2018; Занина, 2015; Поспелова, 2017; Щемелева, 2013]. Между тем явление хеджирования в современном российском англоязычном научном дискурсе остается малоизученным. Имеющиеся на сегодняшний день немногочисленные исследования по этой теме указывают на недостаточность использования приемов хеджирования носителями русского языка (в частности, студентами) [Азарова и др., 2017; Ветрова, 2012; Поспелова, 2017], однако не дают целостной картины, подобной той, которая восстановлена на основе анализа материала других региональных вариантов английского лингва франка.

Получение такой картины на репрезентативном эмпирическом материале – цель данного исследования. В связи с тем, что наибо-

лее распространенным жанром современного англоязычного российского научного дискурса является аннотация научной статьи, а к числу лидеров по частотности и разнообразию средств хеджирования, как свидетельствуют результаты кросс-дисциплинарных исследований, относятся экономические науки [Hardjanto, 2016; Vartalla, 2001], в качестве материала для работы были выбраны аннотации научных статей по экономике. Поскольку, по данным К. Хайланда, 85 % всех случаев хеджирования в научном тексте приходится на лексические средства [Hyland, 1998, p. 104], именно они и рассматриваются в статье.

Материал и методы исследования

Для проведения исследования был создан корпус из 200 англоязычных аннотаций статей по экономике, опубликованных в 2014–2017 гг. в пяти ведущих отечественных научных экономических журналах: «Вестнике Московского университета. Серия 6. Экономика», «Вестнике Санкт-Петербургского университета. Экономика», «Вопросах экономики», «Журнале Новой экономической ассоциации» и «Экономическом журнале Высшей школы экономики». В корпус включены аннотации только российских авторов. Отбор аннотаций осуществлялся методом простой случайной выборки. Общий объем корпуса – 28 028 словоупотреблений.

Обработка корпуса проводилась в соответствии с процедурой, которая применялась в отношении британских и американских аннотаций в предшествующей работе [Миколайчик, 2019]. Она осуществлялась преимущественно вручную с использованием технических возможностей программы Microsoft Office Word и состояла в выявлении лексических средств хеджирования с опорой на таксономию Т. Варталлы [Vartalla, 2001, p. 299] и подсчете их частотности в корпусе. Поскольку между британским и американским подкорпусами в предшествующем исследовании [Миколайчик, 2019] статистически значимых различий обнаружено не было, в настоящей работе российский корпус сопоставлялся с объединенным англо-американским корпусом из 200 аннотаций общим объемом 21 941 словоупотребление. Статистическая значимость различий в частотности средств хеджирования между корпусами

определялась с помощью теста отношения правдоподобия G^2 Даннинга [Dunning, 1993], с учетом ограничений в отношении минимальных значений математического ожидания, оговоренных в работе П. Рейсона и соавторов [Rayson, Berridge, Francis, 2004]. При проведении исследования использовались статистические инструменты, представленные на сайте Ланкастерского университета (URL: <http://corpora.lancs.ac.uk/sigtest/#guidance>).

Результаты и обсуждение

В результате проведенного исследования в российском корпусе установлено 143 лексических хеджа, что лишь на 3 меньше, чем в англо-американском. 104 из них, то есть более 70 %, совпадают с лексическими хеджами, зафиксированными в британских и американских аннотациях и охарактеризованными в предыдущей работе (подробнее см.: [Миколайчик, 2019]). Между тем общая частотность средств хеджирования, как показано в приведенной ниже таблице, в российских аннотациях оказалась достоверно более низкой, чем в англо-американских. Статистически значимые различия обнаружены и по отдельным категориям и подкатегориям средств хеджирования. Выявленные в корпусах лексические средства хеджирования перечислены в таблице в порядке убывания частотности.

Из таблицы видно, что наиболее частотная категория средств хеджирования в российском корпусе – **существительные** (а не полнозначные глаголы, как в аннотациях статей носителей английского языка). Существительные оказались единственной категорией, для которой широта спектра и частотность средств хеджирования в российском корпусе превысили англо-американские показатели: в российских аннотациях выявлено 32 хеджирующих существительных, совокупная частотность которых составляет 6,49 словоупотребления на 1 000 слов, в англо-американских – 23 хеджирующих существительных при общей частотности 4,93. Такой перевес создается за счет тентативных когнитивных существительных и существительных тентативной вероятности. По каждой из этих подкатегорий между англо-американскими и российскими аннотациями установлены достоверные различия. Противо-

положную картину демонстрируют нефактивные ассертивные существительные, суммарная частотность которых в российских публикациях оказалась, напротив, достоверно ниже, чем в англо-американских работах. Статистически значимые различия выявлены и отдельно по существительному *implication*, которое встречается в российских аннотациях с частотой всего 0,14 словоупотребления на 1 000 слов, тогда как его частотность в англо-американском корпусе достигает 0,78. В российском корпусе, кроме того, встречается использованное в качестве средства хеджирования и не зафиксированное в рассмотренных нами британских и американских аннотациях существительное *attempt*. По аналогии с конативными глаголами оно выделено в отдельную подкатегорию конативных существительных.

Второй по частотности категорией средств хеджирования в российском корпусе, как и в англо-американском, оказались **прилагательные**. Хотя в российских аннотациях диапазон прилагательных, использованных в качестве средств хеджирования, на

4 лексические единицы меньше, чем в англо-американских, данные по суммарной частотности этой категории в двух корпусах практически совпадают. Полное соответствие демонстрируют англо-американский и российский корпуса и по соотношению частотностей подкатегорий хеджирующих прилагательных: наиболее представленными подкатегориями в обоих случаях являются прилагательные неопределенной степени, за которыми следуют прилагательные вероятности, прилагательные неопределенной частоты и, наконец, аппроксимативные прилагательные. Вместе с тем статистически значимые различия при наивысшем уровне достоверности ($p < 0,0001$) выявлены в частотности двух хеджирующих прилагательных: *main*, которое достоверно чаще используется российскими авторами (с частотностью 1,82 словоупотребления на 1 000 по сравнению с 0,05 в англо-американском корпусе), и *likely*, которое встречается в российских аннотациях достоверно реже, чем в англо-американских (0,07 и 0,91 словоупотребления на 1 000 соответственно).

Лексические средства хеджирования в англоязычных аннотациях российских и англо-американских научных статей по экономике

Lexical hedges in Russian and Anglo-American Economics research article abstracts written in English

Категория средств хеджирования	Нормированная частотность (на 1 000 словоупотреблений)		G ²	p
	Российские аннотации	Англо-американские аннотации		
Существительные	6,49	4,93	5,28	< 0,05
тенативные когнитивные существительные	3,78 <i>estimate, conclusion, estimation, hypothesis, assessment, view, assumption, scenario, interpretation, idea, evaluation, opinion, concept, conceptualization, illusion, doubt, vision</i>	2,60 <i>estimate, hypothesis, assumption, estimation, interpretation, concept, assessment, conclusion, view, belief, idea, scenario</i>	5,38	< 0,05
существительные тенативной вероятности	2,18 <i>possibility, potential, probability, opportunity, trend, prospect, chance, threat, outlook, tendency</i>	1,05 <i>probability, potential, possibility, trend, likelihood, odds, prospect, tendency</i>	9,77	< 0,01
нефактивные ассертивные существительные	0,39 <i>implication, argument, forecast, indication</i>	1,28 <i>implication, prediction, argument</i>	12,40	< 0,001
конативные существительные	0,14 <i>attempt</i>	0	4,63	< 0,05*
Прилагательные	6,06	6,06	0,00	> 0,05
прилагательные неопределенной степени	3,74 <i>main, significant, major, considerable, large, marked, reasonable, slight, substantial, primary, relative, small</i>	2,83 <i>large, significant, substantial, major, small, considerable, central, modest, sizeable, main, negligible, principal, pronounced, reasonable</i>	3,16	> 0,05
прилагательные вероятности	1,68 <i>possible, potential, hypothetical, likely, plausible, alleged, alternative, apparent, arguable, doubtful, theoretical, unlikely</i>	2,28 <i>likely, consistent (with), possible, plausible, attributable (to), potential, apparent, prone (to), suggestive, unlikely, preferred, alternative, not inconsistent (with)</i>	2,27	> 0,05
прилагательные неопределенной частоты	0,50 <i>popular, typical, general, average, characteristic, common, scarce</i>	0,59 <i>average, pervasive, typical, widespread, common, general, usual</i>	0,20	> 0,05
аппроксимативные прилагательные	0,14 <i>preliminary, approximate, close</i>	0,36 <i>close (to), approximate, proximate, back-of-the-envelope</i>	2,52	> 0,05

Окончание таблицы

End of Table

Категория средств хеджирования	Нормированная частотность (на 1000 словоупотреблений)		G ²	p
	Российские аннотации	Англо-американские аннотации		
Полнозначные глаголы	4,96	6,61	5,81	< 0,05
тентативные когнитивные глаголы	3,03 <i>estimate, conclude, evaluate, assume, consider, assess, interpret, treat (as), regard (as), believe, expect, extrapolate, guess, presume, speculate, think, understand (as)</i>	2,87 <i>estimate, assess, evaluate, conclude, assume, expect, consider, deem, feel, interpret, perceive, regard (as), think, conjecture</i>	0,11	> 0,05
нефактивные глаголы отчетности	1,11 <i>suggest, argue, indicate, predict, imply</i>	3,10 <i>suggest, indicate, argue, point (to/out), imply, predict, assert, posit, postulate, submit (that)</i>	24,66	< 0,0001
тентативные глаголы-связки	0,64 <i>seem, appear, look, tend</i>	0,50 <i>appear, tend, seem, look</i>	0,43	> 0,05
конативные глаголы	0,18 <i>try, attempt</i>	0,14 <i>attempt, try</i>	0,14	> 0,05
Наречия и адverbиальные выражения	3,75	5,56	8,79	< 0,01
наречия и адverbиальные выражения неопределенной степени	2,07 <i>significantly, rather, primarily, relatively, mainly, mostly, partly, quite, slightly, largely, partially, substantially, widely, considerably</i>	2,46 <i>rather, significantly, primarily, substantially, largely, mainly, partly, mostly, quite, widely, considerably, partially, relatively, substantively, in part</i>	0,84	> 0,05
аппроксимативные наречия и адverbиальные выражения	0,79 <i>more than, about, at least, nearly, almost, practically, approximately, essentially, over, roughly</i>	1,64 <i>approximately, around, nearly, almost, about, over, roughly, more than, at least, on the order of</i>	7,70	< 0,01
наречия и адverbиальные выражения неопределенной частоты	0,64 <i>often, commonly, sometimes, in general, generally, typically, usually</i>	0,91 <i>often, typically, frequently, generally, commonly, in general, sometimes, usually</i>	1,16	> 0,05
наречия вероятности	0,25 <i>likely, perhaps, possibly, probably, supposedly, allegedly</i>	0,55 <i>potentially, likely, possibly, apparently, arguably, perhaps, probably, theoretically</i>	2,84	> 0,05
Квантификаторы	2,07	3,37	7,81	< 0,01
	<i>some, most, many, a number of, a few, much, little, part of</i>	<i>many, some, most, little, much, part of, few, a number of</i>		
Модальные глаголы	0,93	3,28	35,12	< 0,0001
	<i>could, may, can</i>	<i>may, can, could, might, should, would</i>		
Другие	0,36	0	11,56	< 0,001**
	<i>according to</i>			
Всего	24,62	29,81	11,92	< 0,001

Примечание. Отмеченные астерисками различия по подкатегориям не могут считаться статистически достоверными ввиду несоблюдения ограничений в отношении минимальных значений математического ожидания, оговоренных в работе П. Рейсона и соавторов [Rayson, Berridge, Francis, 2004].

Note. The asterisked differences cannot be regarded as statistically significant due to the fact that the expected values in their contingency tables were lower than those stipulated by P. Rayson et al. [Rayson, Berridge, Francis, 2004].

Следующей по частотности категорией средств хеджирования в российском корпусе являются **полнозначные глаголы**. Статистическая значимость различий по этой категории в пользу англо-американского корпуса возникает за счет средств подкатегории нефактивных глаголов отчетности. В пределах этой подкатегории российские авторы задействуют гораздо более узкий набор хеджей (всего 5, а не 10, как носители английского языка), к тому же употребляя каждое из этих 5 средств реже, чем британцы и американцы.

Статистически значимые различия зафиксированы и отдельно по глаголу *suggest*, частотность которого в российском корпусе более чем в два раза ниже, чем в англо-американском (0,61 и 1,28 словоупотребления на 1 000 соответственно). Средства остальных подкатегорий полнозначных глаголов российские авторы используют так же, как и носители английского языка, в некоторых случаях демонстрируя даже небольшой перевес, не достигающий, впрочем, уровня статистической достоверности.

Следующая по частоте употребления категория хеджей в российском корпусе – **наречия и адвербиальные выражения**. В аннотациях российских авторов спектр использованных средств хеджирования этой категории несколько уже, чем в англо-американских (37 и 41 соответственно). По частоте употребления хеджирующих наречий и адвербиальных выражений российские авторы значительно уступают носителям английского языка. Тенденция к менее частотному употреблению средств хеджирования российскими авторами прослеживается по всем подкатегориям этой категории, однако достигает уровня статистической достоверности только в подкатегории аппроксимативных наречий и адвербиальных выражений. Последнее (как и многие другие выявленные в работе различия), вероятно, объясняется interfering влиянием русского языка и сложившегося в русскоязычной научной среде коммуникативного стиля. Так, А.П. Марюхин обращает внимание на нечастое по сравнению с английским и немецким языками употребление лингвистических модификаторов *более, менее, почти* и т. п. в сочетаниях с числительными в русскоязычном научном дискурсе, где значение приблизительности передается преимущественно графическими средствами (например, с помощью тире) [Марюхин, 2015, с. 161]. В подтверждение этого тезиса отметим, что в рассмотренных нами англоязычных российских аннотациях тире для обозначения приблизительности (например, *33–39 %, 2.5–5 times*) встречается 5 раз, в англо-американских – всего 1 раз.

Предпоследнее место среди категорий средств хеджирования в российских аннотациях, как и в англо-американских, занимают **квантификаторы**. В пределах этой категории российские авторы используют тот же диапазон средств, что и носители английского языка, однако с достоверно более низкой частотностью.

Наименее частотная категория хеджей в российских аннотациях, как и в англо-американских, – **модальные глаголы**. В рамках этой категории, по данным сравнительного анализа значений коэффициента G^2 (см. таблицу), зафиксированы наиболее существенные различия между двумя корпуса-

ми. Такой результат связан с тем, что российские авторы применяют в качестве средств хеджирования очень узкий спектр модальных глаголов (*could, may* и *can*), причем употребляют каждый из них реже, чем носители английского языка. Наиболее значимые различия выявлены по частоте употребления модального глагола *may*: если в англо-американских аннотациях он используется как средство хеджирования с частотой 1,37 словоупотребления на 1 000 слов, то в российских аннотациях его частотность составляет лишь 0,32 словоупотребления (показатель G^2 для этого глагола оставил 17,64, что соответствует наивысшему уровню достоверности $p < 0,0001$). Подчеркнем, что модальный глагол *might*, достаточно часто встречающийся в британских и американских аннотациях по экономике (0,41 словоупотребления на 1000 слов), не зафиксирован в российском корпусе ни разу. Не использовали российские авторы в качестве средств хеджирования и редко встречающиеся в англо-американских аннотациях *should* и *would* (хотя в иных, не связанных с хеджированием значениях эти глаголы в российских текстах все же представлены).

В российских аннотациях отмечается довольно частое употребление составного предлога *according to* (0,36 словоупотребления на 1 000 слов). Хотя этот предлог упоминается в числе средств хеджирования зарубежными лингвистами [Hinkel, 2004, p. 323], в 200 рассмотренных нами аннотациях англо-американских статей по экономике он не встретился ни разу. В приведенной выше таблице данное средство хеджирования отнесено к категории «другие».

Выводы

Исследование показало, что в англоязычных аннотациях научных статей по экономике российские авторы используют достаточно широкий диапазон лексических средств хеджирования (143 лексических единицы, из которых более 70 % совпадают с теми, которые встречаются в аннотациях британских и американских экономистов), однако частота их использования отличается от частоты употребления этих средств в аннотациях, созданных носите-

лями английского языка. По сравнению с англо-американскими текстами в российских аннотациях встречается достоверно меньше модальных глаголов, наречий и адвербиальных выражений (особенно аппроксиматоров), квантификаторов и полнозначных глаголов (в частности, нефактивных глаголов отчетности). Частотность существительных в российских аннотациях (за исключением нефактивных ассертивных существительных, по которым лидируют носители английского языка), напротив, достоверно выше, чем в англо-американских. Значимых различий в употреблении хеджирующих прилагательных российскими и англо-американскими авторами (за исключением отдельных прилагательных – *main* и *likely*) не выявлено.

Хотя вопрос о целесообразности «подражания» носителям языка в процессе коммуникации на академическом английском лингва франка достаточно дискусионен и среди неанглоязычных ученых иногда высказываются сомнения на этот счет, продиктованные, в частности, опасениями за сохранение национальной идентичности [Vieira Santos, Da Silva, 2016], трудно не согласиться с весьма прагматичным тезисом одного из ведущих специалистов по англоязычному научному дискурсу К. Хайланда о том, что неноситель, который хочет функционировать в мире международной науки, должен быть знаком с его правилами, уметь узнавать и соответствующим образом употреблять средства хеджирования [Hyland, 1995, p. 40]. В связи с этим результаты исследования могут иметь практическую ценность при обучении носителей русского языка аннотированию на английском языке. Для получения более целостной картины использования средств хеджирования в российском варианте английского научного *lingua franca* представляется перспективным проведение аналогичных исследований на материале аннотаций статей и по другим научным отраслям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Азарова О. А., Кудряшов И. А., Седова Т. В., 2017. Проблемы обучения прагматической технике хеджирования в контексте академического письма // Успехи современной науки и образования. Т. 5, № 3. С. 93–98.
- Ветрова О. Г., 2012. Культура научного общения: хеджинг в академическом дискурсе // Problems of Modern Philology, Pedagogics and Psychology : Materials Digest of the XXV International Scientific and Practical Conference, 16-21 May 2012. L. : International Academy of Science and Higher Education. P. 120–121.
- Вознюк А. В., 2013. Языковые средства реализации хеджинга и проблема их классификации // European Social Science Journal. Т. 1, № 12 (39). С. 255–260.
- Городецкая Л. А., 2018. Научная дискуссия в обучении академическому английскому // Взаимодействие языков и культур. В 2 т. Т. 2 : материалы Междунар. науч. конф. (28–30 мая 2018 г.). Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ. С. 166–169.
- Занина Е. Л., 2015. К вопросу об обучении стратегии смягчения критики в англоязычной письменной научной коммуникации // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. № 3 (13). С. 102–112.
- Марюхин А. П., 2015. Наука и язык. Опыт логического эмпиризма. М. : Прогресс-Традиция. 328 с.
- Миколайчик М. В., 2019. Лексические хеджи в британском и американском вариантах научного экономического дискурса: корпусное исследование // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 12, вып. 3. С. 63–67. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.13>.
- Поспелова Т. Б., 2017. Эмоциональные и когнитивные компетенции в контексте академического письма на английском языке // Коммуникация в современном поликультурном мире: массовая коммуникация и языковая личность. Вып. 5. М. : Pearson. С. 274–291.
- Щемелева И. Ю., 2013. Лексические средства хеджирования в англо-американском академическом дискурсе: теория и ее практическое применение в курсе английского языка для академических целей // Коммуникация в современном поликультурном мире: этнопсихолингвистический анализ. Вып. 1. М. : Pearson. С. 320–330.
- Afshar H. S., Asakereh A., Rahimi M., 2014. The Impact of Discipline and Being Native/Non-Native on the Use of Hedging Devices // Procedia - Social and Behavioral Sciences. Vol. 136. P. 260–264. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.05.325>.
- Chen C., Zhang L. J., 2017. An Intercultural Analysis of the Use of Hedging by Chinese and Anglophone Academic English Writers // Applied Linguistics Review. Vol. 8, iss. 1. P. 1–34. DOI: <https://doi.org/10.1515/applirev-2016-2009>.

- Dontcheva-Navratilova O., 2016. Cross-Cultural Variation in the Use of Hedges and Boosters in Academic Discourse // *Prague Journal of English Studies*. Vol. 5, № 1. P. 163–184. DOI: <https://doi.org/10.1515/pjes-2016-0009>.
- Dunning T., 1993. Accurate Methods for the Statistics of Surprise and Coincidence // *Computational Linguistics*. Vol. 19, № 1. P. 61–74.
- Hardjanto T. D., 2016. Hedging Through the Use of Modal Auxiliaries in English Academic Discourse // *Humaniora*. Vol. 28, № 1. P. 37–50. DOI: <https://doi.org/10.22146/jh.v28i1.11412>.
- Hinkel E., 2004. Teaching Academic ESL Writing: Practical Techniques in Vocabulary and Grammar. Mahwah ; L. : Lawrence Erlbaum Associates. 360 p.
- Hyland K., 1995. The Author in the Text: Hedging Scientific Writing // *Hong Kong Papers in Linguistics and Language Teaching*. Vol. 18. P. 33–42.
- Hyland K., 1998. Hedging in Scientific Research Articles. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins. 307 p.
- Hyland K., 2017. Metadiscourse: What Is It and Where Is It Going? // *Journal of Pragmatics*. Vol. 113. P. 16–29. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2017.03.007>.
- Iida E., 2007. Hedges in Japanese English and American English Medical Research Articles : MA thesis. Montreal : McGill University. 124 p.
- Rayson P., Berridge D., Francis B., 2004. Extending the Cochran Rule for the Comparison of Word Frequencies Between Corpora // *Le Poids des mots : Actes des 7es Journées internationales d'Analyse Statistique des Données Textuelles*. Louvain : Presses universitaires de Louvain. P. 926–936.
- Rezanejad A., Lari Z., Mosalli Z., 2015. A Cross-Cultural Analysis of the Use of Hedging Devices in Scientific Research Articles // *Journal of Language Teaching and Research*. Vol. 6, № 6. P. 1384–1392. DOI: <http://dx.doi.org/10.17507/jltr.0606.29>.
- Samaie M., Khosravian F., Boghayeri M., 2014. The Frequency and Types of Hedges in Research Article Introductions by Persian and English Native Authors // *Procedia - Social and Behavioral Sciences*. Vol. 98. P. 1678–1685. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.03.593>.
- Sládková V., 2017. Hedging in Academic Discourse: Native English Speakers vs. Czech and Slovak Writers // *Littera Scripta*. Vol. 10, iss. 2. P. 110–129.
- Swales J. M., 1990. Genre Analysis: English in Academic and Research Settings. Cambridge : Cambridge University Press. 274 p.
- Tardy C., 2004. The Role of English in Scientific Communication: Lingua Franca or Tyrannosaurus Rex? // *Journal of English for Academic Purposes*. Vol. 3, № 3. P. 247–269. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jeap.2003.10.001>.
- Thuy T. N. T., 2018. A Corpus-Based Study on Cross-Cultural Divergence in the Use of Hedges in Academic Research Articles Written by Vietnamese and Native English-Speaking Authors // *Social Sciences*. Vol. 7, iss. 4, № 70. DOI: <https://doi.org/10.3390/socsci7040070>.
- Ting L., 2014. Application and English Translation of Hedges in Scientific Research Articles // *Proceedings of International Symposium on Globalization: Challenges for Translators and Interpreters, 6–8 December 2013, Zhuhai, China*. Marietta : American Scholars Press. P. 396–402.
- Van Weijen D., 2012. The Language of (Future) Scientific Communication // *Research Trends*. Iss. 31. URL: <https://www.researchtrends.com/issue-31-november-2012/the-language-of-future-scientific-communication> (accessed 10 June 2019).
- Vartalla T., 2001. Hedging in Scientifically Oriented Discourse: Exploring Variation According to Discipline and Intended Audience : Doctoral Dissertation. Tampere : University of Tampere. 321 p.
- Vassileva I., 2001. Commitment and Detachment in English and Bulgarian Academic Writing // *English for Specific Purposes*. Vol. 20. P. 83–102.
- Vieira Santos J., Da Silva P. N., 2016. Issues with Publishing Abstracts in English: Challenges for Portuguese Linguists' Authorial Voices // *Publications*. Vol. 4, iss. 2. DOI: <https://doi.org/10.3390/publications4020012>.
- Yagiz O., Demir C., 2014. Hedging Strategies in Academic Discourse: A Comparative Analysis of Turkish Writers and Native Writers of English // *Procedia - Social and Behavioral Sciences*. Vol. 158. P. 260–268. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.12.085>.

REFERENCES

- Azarova O. A., Kudryashov I. A., Sedova T. V., 2017. Problems of Teaching to Hedging Pragmatic Technique in the Context of Academic Writing. *Uspekhi sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Success of Modern Science and Education], vol. 5, no. 3, pp. 93–98.
- Vetrova O. G., 2012. Kul'tura nauchnogo obshcheniya: khedzhing v akademicheskom diskurse [The Culture of Scientific Communication: Hedging in Academic Discourse]. *Problems of Modern Philology, Pedagogics and Psychology. Materials Digest of the XXV International*

- Scientific and Practical Conference, 16-21 May 2012*. London, International Academy of Science and Higher Education, pp. 120-121.
- Vozniuk A. V., 2013. Hedging Devices and Problem of Their Classification. *European Social Science Journal*, vol. 1, no. 12 (39), pp. 255-260.
- Gorodetskaya L. A., 2018. Scientific Discussion in Teaching Academic English. *Interaction of Languages and Cultures: Proceedings of the International Scientific Conference, 28-30 May 2018*. Vol. 2. Chelyabinsk, SUSU Publ., pp. 166-169.
- Zanina E. L., 2015. On Teaching Criticism Mitigation in English-Language Written Academic Discourse. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Problemy yazykoznanija i pedagogiki* [PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin], no. 3 (13), pp. 102-112.
- Maryukhin A. P., 2015. *Nauka i yazyk. Opyt logicheskogo empirizma* [Science and Language. A Study in Logical Empiricism]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ. 328 p.
- Mikolaychik M. V., 2019. Lexical Hedges in the British and American Varieties of Academic Discourse in Economics: A Corpus-Based Study. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], vol. 12, iss. 3, pp. 63-67. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.13>.
- Pospelova T. B., 2017. Emotional and Cognitive Competence in the Context of Academic Writing in English. *Kommunikatsiya v sovremennom polikul'turnom mire: massovaya kommunikatsiya i yazykovaya lichnost'* [Communication in the Modern Multicultural World: Mass Communication and Linguistic Personality]. Moscow, Pearson, pp. 274-291.
- Shchemeleva I. Yu., 2013. Lexical Hedges in Anglo-American Academic Discourse: Theory and Its Pedagogical Implication in English for Academic Purposes Courses. *Kommunikatsiya v sovremennom polikul'turnom mire: etnopsikholingvisticheskiy analiz* [Communication in the Modern Multicultural World: Ethnopsycholinguistic Analysis]. Moscow, Pearson, pp. 320-330.
- Afshar H. S., Asakereh A., Rahimi M., 2014. The Impact of Discipline and Being Native/Non-native on the Use of Hedging Devices. *Procedia - Social and Behavioral Sciences*, vol. 136, pp. 260-264. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.05.325>.
- Chen C., Zhang L. J., 2017. An Intercultural Analysis of the Use of Hedging by Chinese and Anglophone Academic English Writers. *Applied Linguistics Review*, vol. 8, iss. 1, pp. 1-34. DOI: <https://doi.org/10.1515/applirev-2016-2009>.
- Dontcheva-Navratilova O., 2016. Cross-Cultural Variation in the Use of Hedges and Boosters in Academic Discourse. *Prague Journal of English Studies*, vol. 5, no. 1, pp. 163-184. DOI: <https://doi.org/10.1515/pjes-2016-0009>.
- Dunning T., 1993. Accurate Methods for the Statistics of Surprise and Coincidence. *Computational Linguistics*, vol. 19, no. 1, pp. 61-74.
- Hardjanto T.D., 2016. Hedging Through the Use of Modal Auxiliaries in English Academic Discourse. *Humaniora*, vol. 28, no. 1, pp. 37-50. DOI: <https://doi.org/10.22146/jh.v28i1.11412>.
- Hinkel E., 2004. *Teaching Academic ESL Writing: Practical Techniques in Vocabulary and Grammar*. Mahwah; London, Lawrence Erlbaum Associates. 360 p.
- Hyland K., 1995. The Author in the Text: Hedging Scientific Writing. *Hong Kong Papers in Linguistics and Language Teaching*, vol. 18, pp. 33-42.
- Hyland K., 1998. *Hedging in Scientific Research Articles*. Amsterdam; Philadelphia, John Benjamins. 307 p.
- Hyland K., 2017. Metadiscourse: What Is It and Where Is It Going? *Journal of Pragmatics*, vol. 113, pp. 16-29. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2017.03.007>.
- Iida E., 2007. *Hedges in Japanese English and American English Medical Research Articles: MA thesis*. Montreal, McGill University. 124 p.
- Rayson P., Berridge D., Francis B., 2004. Extending the Cochran Rule for the Comparison of Word Frequencies Between Corpora. *Le Poids des mots: Actes des 7es Journées internationales d'Analyse Statistique des Données Textuelles* [The Power of Words: Proceedings of 7th International Conference on Textual Data Statistical Analysis]. Louvain, Presses universitaires de Louvain, pp. 926-936.
- Rezanejad A., Lari Z., Mosalli Z., 2015. A Cross-Cultural Analysis of the Use of Hedging Devices in Scientific Research Articles. *Journal of Language Teaching and Research*, vol. 6, no. 6, pp. 1384-1392. DOI: <http://dx.doi.org/10.17507/jltr.0606.29>.
- Samaie M., Khosravian F., Boghayeri M., 2014. The Frequency and Types of Hedges in Research Article Introductions by Persian and English Native Authors. *Procedia - Social and Behavioral Sciences*, vol. 98, pp. 1678-1685. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.03.593>.
- Sládková V., 2017. Hedging in Academic Discourse: Native English Speakers vs. Czech and Slovak Writers. *Littera Scripta*, vol. 10, iss. 2, pp. 110-129.
- Swales J. M., 1990. *Genre Analysis: English in Academic and Research Settings*. Cambridge, Cambridge University Press. 274 p.

- Tardy C., 2004. The Role of English in Scientific Communication: Lingua Franca or Tyrannosaurus Rex? *Journal of English for Academic Purposes*, vol. 3, no. 3, pp. 247-269. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jeap.2003.10.001>.
- Thuy T.N.T., 2018. A Corpus-Based Study on Cross-Cultural Divergence in the Use of Hedges in Academic Research Articles Written by Vietnamese and Native English-Speaking Authors. *Social Sciences*, vol. 7, iss. 4, no. 70. DOI: <https://doi.org/10.3390/socsci7040070>.
- Ting L., 2014. Application and English Translation of Hedges in Scientific Research Articles. *Proceedings of International Symposium on Globalization: Challenges for Translators and Interpreters, 6-8 December 2013, Zhuhai, China*. Marietta, American Scholars Press, pp. 396-402.
- Van Weijen D., 2012. The Language of (Future) Scientific Communication. *Research Trends*, iss. 31. URL: <https://www.researchtrends.com/issue-31-november-2012/the-language-of-future-scientific-communication> (Accessed 10 June 2019).
- Vartalla T., 2001. *Hedging in Scientifically Oriented Discourse: Exploring Variation According to Discipline and Intended Audience: Doctoral Dissertation*. Tampere, University of Tampere. 321 p.
- Vassileva I., 2001. Commitment and Detachment in English and Bulgarian Academic Writing. *English for Specific Purposes*, vol. 20, pp. 83-102.
- Vieira Santos J., da Silva P.N., 2016. Issues with Publishing Abstracts in English: Challenges for Portuguese Linguists' Authorial Voices. *Publications*, vol. 4, iss. 2. DOI: <https://doi.org/10.3390/publications4020012>.
- Yagiz O., Demir C., 2014. Hedging Strategies in Academic Discourse: A Comparative Analysis of Turkish Writers and Native Writers of English. *Procedia - Social and Behavioral Sciences*, vol. 158, pp. 260-268. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.12.085>.

Information About the Author

Margarita V. Mikolaychik, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages No. 3, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Prosp. Akademika Vernadskogo, 4, 295007 Simferopol, Russia, margarita8383@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6201-6716>

Информация об авторе

Маргарита Владимировна Миколайчик, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 3, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, просп. Академика Вернадского, 4, 295007 г. Симферополь, Россия, margarita8383@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6201-6716>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.5>

UDC 811.111'243
LBC 81.432.1-51

Submitted: 13.02.2020
Accepted: 15.06.2020

CLINICAL CASE PRESENTATIONS: AN OVERVIEW OF AN EXEMPLAR MEDICAL SPEECH EVENT

Michael Guest

University of Miyazaki, Miyazaki Pref., Japan

Abstract. Clinical case presentations are core medical speech events carried out in medical and teaching institutions worldwide among both students and active practitioners. While in most non-English speaking locales these events will usually be communicated in a local language they are also, on set occasions, often performed in English. In order to understand both how and why clinical case presentations are carried out in English in non-English speaking Asian locales, the author visited 8 medical universities and/or affiliated hospitals in 6 Asian countries, observing a total of 36 English clinical case presentations, followed by interviews with 25 different clinical practitioners, teachers, or medical students. The author then analyzed the collected speech event data in terms of Hymes' (1974) SPEAKING model, augmented by Swales' (1990) focus upon 'moves' in genre analysis, and further informed by Bhatia's (1994) introduction of a socio-cognitive dimension to genre analysis, in order to develop a well-rounded descriptive synoptic model of how this speech event is both perceived and performed in non-English speaking English settings. It is hoped that these insights can be further applied to the development of English for Medical Purposes (EMP) materials or curricula and that this case may serve as an exemplar for other inquiries into professional, situated ESP speech events.

Key words: academic discourse, spoken discourse, genre analysis, clinical case presentations, English for medical purposes (EMP), non-native English speakers.

Citation. Guest M. Clinical Case Presentations: An Overview of an Exemplar Medical Speech Event. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 5, pp. 48-60. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.5>

УДК 811.111'243
ББК 81.432.1-51

Дата поступления статьи: 13.02.2020
Дата принятия статьи: 15.06.2020

МОДЕЛИРОВАНИЕ КЛИНИЧЕСКОГО СЛУЧАЯ КАК РАЗНОВИДНОСТИ КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ МЕДИЦИНСКОГО ДИСКУРСА

Майкл Гест

Университет Миядзаки, префектура Миязаки, Япония

Аннотация. В статье описывается коммуникативная модель одного из центральных жанров медицинского дискурса – разбора клинического случая, который широко используется как на консилиумах практикующих докторов, так и при обучении студентов-медиков. Опираясь на собственный опыт, автор отмечает, что в большинстве стран Азии и Дальнего Востока подобные обсуждения проходят не только на местном языке, но и на глобальном английском, что объясняется доминирующей ролью информирования на этом языке в медицинском дискурсе. Материалом исследования стали записи 36 разборов клинических случаев в 8 медицинских университетах с аффилированными госпиталями, сделанные автором статьи в 6 азиатских странах, а также 25 интервью с практикующими докторами, преподавателями и студентами-медиками, посвященные содержанию и структуре этого жанра. При воссоздании (моделировании) коммуникативно-дискурсивной составляющей жанра автор использовал SPEAKING модель Д. Хаймса с выделением стратегических ходов Дж. Суэлса и социокогнитивных особенностей коммуникативной ситуации, что позволило создать полимодусное описание жанра разбора клинического случая, выделить дискурсивные и лингвистические особенности его репрезентации на английском языке в сообществе профессионалов, для которых английский язык

не является родным. В заключении автор отметил, что представленное описание моделирования жанра может быть использовано для разработки программ обучения студентов-медиков на английском языке (EMP) или для моделирования коммуникативных жанров иных профессиональных дискурсов.

Ключевые слова: академический дискурс, устный дискурс, жанровый анализ, обсуждение клинического случая, английский язык для медиков (EMP), английский как неродной язык.

Цитирование. Гест М. Моделирование клинического случая как разновидности коммуникативной ситуации медицинского дискурса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 5. – С. 48–60. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.5>

1. Introduction and background

Clinical case presentations (hereafter CPs) are standardized, formalized, and situated core medical speech events. Such presentations, occasionally termed ‘Grand Rounds’, are basically oral clinical case reports carried out between healthcare professionals, usually involving, but not limited to, doctors.

It is imperative at the outset to note that the term ‘speech’ here does not imply simply reading a written case report aloud but rather that the choice of speech mode demands a great deal of emphasis upon editing and selectivity for prioritization, emphasis, and significance. While a written case report is invariably comprehensive and allows the reader to search out those particular items considered to be of greatest importance, CPs, being multimodal, demand selectivity of content such that a narrative flow is created for the listener/viewer, thereby allowing fellow clinicians the greatest opportunity to comprehend the clinical data in a concise, accurate, fashion.

CPs should also not be thought of as being functionally equivalent to oral conference presentations, even though the two may share some extant features (such as when exemplar clinical cases are utilized *within* a conference presentation), but rather serve primarily as means of in-house or interdepartmental education or edification among in-service practitioners. Such sessions are normative within the medical profession worldwide. Every institution in South-East Asia included in this study that the author contacted regarding requests for observations or interviews regularly conducted CPs, not only in the local language but also, at least to a certain degree, English.

In most cases, CPs will be carried out in the native tongue of the participants, although many institutions located outside the Anglosphere also use CPs as an opportunity to enhance their English skills (and, in some locales, *require* it). This is a

fairly widespread practice given that most medical research worldwide is conducted in English, that most medical professionals will have some degree of English proficiency, and because a large amount of English medical discourse has already built into the speakers’ L1 in the form of specialist medical terminology, often to the extent that standard medical speech encounters between non-native English speaking practitioners invariably involves a certain amount of linguistic code-switching.

It is because of this centrality and ubiquity of these speech events within the domain of medicine that the author chose to analyze CPs at a deeper level. Most discourse and genre analysis of clinical speech has previously focused upon healthcare worker-patient encounters, perhaps reflecting the fact that most linguists and language teachers are used to taking the perspective of patients/clients and are thus more inclined to emphasize such ‘vertical’ discourses, as opposed to more horizontal ‘insider-insider’ speech events.

By analyzing the characteristics of CPs, it is believed that light can be shed on important interactive speech features used by the medical / academic discourse community, as well as pertinent clinical functions, since such genre analysis represents a starting point for describing how texts are organized [Dudley-Evans, 1993]. As language teachers, knowledge of these forms and features will also allow us to further enable our ESP / EMP learners to participate in the international medical discourse community, particularly in the field of collaborative research, with confidence and skill since genre analysis is directly relevant to the classroom due to the importance of understanding rhetorical text structures [Hyland, 1992]. Or, as Boswood and Marriot state, “Through close engagement with the contexts of communication, ESP practitioners can further develop their ability to contribute positively and directly to the development of their students’ abilities and to the

development of their client communities” [Boswood, Marriot, 1994, p. 3]. DudleyEvans likewise emphasizes the pedagogical applicability of genre analysis, noting that it provides, “...a flexible prescription based on analysis that makes suggestions about the layout, ordering and language appropriate to a particular writing or speaking task” [Dudley-Evans, 1987, p. 28].

For readers who operate outside the scope of teaching medical English, I believe that this inquiry into a single speech event within a single genre / domain may also serve as an example that can be applied to those engaged in other academic / professional ESP domains, particularly standardized / formalized speech events carried out between members of any specific discourse community, particularly in light of Bhatia’s descriptions of intertextuality (textual devices used beyond the domain of a single academic / professional discipline) in carrying out genre analyses of academic / professional discourses [Bhatia, 1994]. The use of Hymes’ SPEAKING model [Hymes, 1974] to frame the structure of CPs also allows for Bhatia’s notion of ‘interdiscursivity’ [Bhatia, 1993] (text-external features of genre analysis) to be utilized – as it is the surrounding spoken text environment that determines much of a spoken text’s internal structure.

In the present study, the author aimed to answer two core inquiries: 1) for what purposes do healthcare professionals (HPs) in non-English speaking environments carry out English CPs and 2) in what way or ways are these managed by the participants? These core inquiries further hint at several secondary questions: Is there a set form or structure to CPs that is applied in all or nearly cases? Where variation exists, what are the factors that affect variation and how are these variations most commonly manifested? To what extent and in what manner do non-native speakers of English manage these speech events differently than those who might be classified as ‘native or native-like’? The present inquiry builds upon and updates the author’s previous research into the structure of clinical case presentations [Guest, 2017] through the application of an established framework (Hymes’ SPEAKING model) that allows more a more thorough analyses of the genre. It is hoped that the resulting data and observations arising from this extended inquiry may hereafter

serve as templates as well as hinting of good pedagogical practices for others teaching or learning English within healthcare professions.

2. Literature Survey

Hymes’ SPEAKING model (1974) has been long established as a framework for the discourse analysis of speech events. The acronym covers the following speech categories:

S- Setting and scene (physical environment and circumstances of speech event)

P- Participants (also including the field or domain of discourse)

E- Ends (purpose or goal of speech event)

A- Acts (order/structure of speech acts or ‘moves’)

K- Key (tone/tenor of speech)

I- Instrumentalities (mode or modes of speech, including language, dialect, and register)

N- Norms (social rules of, or constraints on, interaction)

G- Genre (type of speech event)

Most of these categories have since been expanded in scope by researchers and commentators to contain further sub-categories, however, for our immediate purposes, it is not necessary to list these. Readers familiar with either discourse or genre analysis may also recognize that, over time, some of these categories have been expanded by subsequent researchers under slightly different nomenclature and/or that some boundaries between categories have become blurred.

It should be noted at the outset that the purpose of the SPEAKING model is not to establish a step-by-step methodology into discourse inquiry but rather to serve as general guidelines in terms of separating discourse categories and/or considerations as a basis for research inquiry into the analysis of speech events. As such, while the Hymes model informed the author’s inquiry, particularly in terms of grounding those features crucial to understanding the form and content of specific clinical speech events such as CPs, the author’s study was not absolutely beholden to every category during every CP observation.

The most well-known extensions of similar inquiries into spoken discourse, particularly in terms

of application to our present study, are those of Swales' genre analysis [Swales, 1990], particular the analysis of rhetorical 'moves', and Bhatia's (1994) inclusion of socio-cognitive features into the realm of genre analysis (using the term 'interdiscursivity'). These approaches also both served as discourse framing and interpretative sources for the author both before carrying out CP observations as well as in the post-observation analysis of the data. These were not applied in the present study as 'scientific' models per se but rather as qualitative means of describing the categories of Acts and Norms respectively.

What role does genre analysis play in applying Hymes' SPEAKING model to a particular speech event? Swales emphasized the role that genre analysis plays in establishing '...the importance of structuring and ordering' and the 'correlations between cognitive, rhetorical, and linguistic features'. This occurs, he says, because genre allows language to be '...sufficiently conventionalised' allowing one to '...establish pedagogically-employable generalisations that may will capture useful relationships between function and form' [Swales, 1988, p. 212-213]. In other words, in order to understand discourse, one must first understand the context in which the discourse arises [Van Dijk, 1997].

Genre analysis helps to identify communicative purposes and ties these purposes to particular forms or structures. Naturally, this demands that the scope of analysis extends not only beyond the sentential level and supra-sentential levels [Winter, 1977] but also into the meta-textual and macro-structural levels of analysis [Bhatia, 2002; Bhatia V.K., Bhatia A., 2007; Hoey, 1983]. Fairclough describes such discourse as being three-pronged: including the text, the related discursive practice, and the social practice [Fairclough, 1992]. As such, Bhatia (2004) considers them to be cognitive, as opposed to a merely linguistic, structures. Such analyses, including the present study, therefore require interpretation beyond the merely descriptive levels. This would include then, as Bhatia has argued, explanations of the socio-cultural, organisational, and institutionalised or conventionalised constraints and expectations that govern specialized discourse genres, representing broader socio-cognitive factors in that, "...language use in a conventionalised

setting, in order to give expression to a specific set of communicative goals of a disciplinary or social institution, which gives rise to stable structural forms by imposing constraints on the use of lexico-grammatical as well as discursive resources" [Bhatia, 1993, p. 23].

It should be noted, however, that this should not imply that genres are static, but simply, "...recognised and sufficiently standardised" [Bhatia, 1993, p. 29] in a manner that most members of the speech community share. Bhatia (2002) later argues that these text-external, extra-linguistic factors also introduce the increased possibility of genre innovation and exploitation, or, as Hart earlier put it, "Genre analysis is pattern seeking rather than pattern imposing" [Hart, 1986, p. 280].

Such structures are conventionalised in 'speech communities' (or 'discourse communities') which share rules for the conduct of speech, allowable patterns of usage, or the appropriacy of utterances [Hymes, 1974]. At professional levels, this includes displaying discourse expertise in terms of the use of a particular lexis, established notions of relevant content, an agreed set of common or public goals, and mechanisms of intercommunication among members, Swales states that, "...exemplars of a genre exhibit various patterns of similarity in terms of structure, style, content and intended audience" and that, "the exemplar will be viewed as prototypical by the parent discourse community" [Swales, 1990, p. 58].

That genres are not dynamic rhetorical structures and therefore allow for manipulation by members, as a form of 'social cognition', has been further pointed out by Berkenkotter and Huckin [Berkenkotter, Huckin, 1995]. And while the implication is that conventional constraints will be placed upon 'allowable' contributions, these constraints can be, "...exploited by expert members of the community to achieve private intentions within the framework of socially recognised purpose" [Bhatia, 1993, p. 13].

Before beginning our analysis, it is also worth noting that Hymes (1974) distinguishes between 'genres' and 'speech events', even though their characteristics often coincide, with 'genre' being the broader term whose properties may be applied beyond a single speech event (although Saville-Troike (1982) significantly

equates genre with ‘communicative events’). Couture (1986) makes a further important distinction between genre and register, noting that the former operates at the syntactic / lexical level, whereas the latter operates at the level of discourse. This dichotomy, too, has been incorporated into the author’s description.

3. Research background and methods

For the purpose of gathering authentic data on the management and performance of CPs, the author visited 8 clinical institutions (hospitals and/or medical faculties at universities) in 6 different Asian countries in which English is not used as an official or colonial language nor as a standard language of tertiary instruction. These included: Japan (University of Miyazaki), Vietnam (Can Tho University and Hong Bang International University), Indonesia (Brawijaya University), Myanmar (Yangon Medical University), Taiwan (Cheng Kung University), and Thailand (Thammasat University and Chiang Mai University). These research visit purposes were twofold: to observe actual English CPs and note

their generic features and to interview local HPs regarding the role and function of English CPs at the institution, or more widely, across the respective countries.

In total, 36 CPs were observed, connected to 10 different clinical departments: Obstetrics-Gynecology, Surgery, Pediatrics, Family Medicine, Community Medicine, Anesthesiology, Respiratory, Endocrinology, Nursing, and Ophthalmology. During these observations, the investigator / author took case notes based on a self-developed checklist outlining the following features (Fig. 1).

Not all categories listed in Figure 1 below were filled in upon each observation as not all items were addressed in every CP, in which case they were marked n/a. Only 3 of the CPs were recorded due to difficulty in gaining recording consent. In 5 of the observations I was presented with the local standardized English written document used by the speakers in order to formulate the CP.

Follow-up interviews were conducted with full consent of the presenters and/or departmental representatives. These interviews (6 were recorded, the rest notated by hand) generally

External categories:
<i>Date</i>
<i>Location</i>
<i>Clinical Department</i>
<i>Presenter’s position / role / status</i>
<i>Text modes (other than speech)</i>
Internal (generic) categories:
<i>Opening framework / management of background</i>
<i>Order of data</i>
<i>Interpretations / Expansion</i>
<i>Adherence to standardized CP forms</i>
<i>Notable Exclusions / Omissions</i>
<i>Special emphases</i>
<i>Novel or local acronyms / abbreviations</i>
<i>Academic formulaic phrases</i>
<i>Notable interactive / narrative/transitional features</i>
<i>Closing framework</i>
<i>Discussion / Follow up points of note</i>
<i>Take home message and/or Investigator’s additional comments</i>

Fig 1. Author’s Checklist for Investigation of Case Presentation Structure

followed a pattern involving the following pre-established questions (Fig. 2 and 3).

The above line of inquiry was far less concerned with quantifying particular incidences of speech forms or interview responses than it was with spotting developing or significant qualitative trends, which might have more immediate application to understanding the deeper structure and/or the socio-cultural environment of the CP speech event, as well as related ESP/EMP teaching pedagogy. The next section outlines and discusses some of the most compelling features that these observations and interviews unearthed.

4. Findings and discussion

The clinical categories that serve as a synopsis for the majority of CPs, based on the author's observations and interviews, typically included the categories listed below in Figure 3 (updated and revised from [Guest, 2017]). These were the items most regularly noted in performance and, on four occasions corresponded to the particular institution's written worksheets / check sheet used to augment the oral presentation.

Precise nomenclature might vary slightly from setting to setting but, generally speaking, these

1. *Do you perform clinical case presentations in English or in your indigenous / local language? If both, what are the percentages?*
2. *In what situations do doctors carry out English case presentations at your medical / educational institution as opposed to using the local / mother tongue?*
3. *What elements are typically included in a case presentation?*
4. *Is there any formal style or template used for doing case presentations?*
5. *At what points do students usually learn how to do case presentations, mother tongue and/or English?*
6. *How are these taught and/or practiced?*
7. *What aspects of my (attached) model are you familiar or unfamiliar with?*
8. *Do you have any wish or need to upgrade education in this particular area? If so, what or how?*

Fig 2. Author's Interview Questions

- ID (basic patient data)
- Chief Complaint (CC)
- History of Present Illness (HPI): primary and associated symptoms
- Physical Examinations (including palpation; visible manifestations; vital signs; Review of Systems / RoS: e.g. Cardio-Vascular, Respiratory, Central Nervous etc.; HEENT: Head Eyes Ears Nose Throat)
- Current medications / allergies / ongoing treatments / complications
- Past Medical History (PMH / PMx): including surgeries, hospitalizations, underlying conditions, injuries / trauma, treatments / therapies
- Family History (Sx)
- Social History (Sx)
- Investigations (lab tests / imaging / biopsy etc.)
- Summary (e.g., problem list / pertinent findings)
- Post-admission developments
- Initial/Provisional / Differential diagnoses (Dx)
- Assessment and treatment / therapy / management plan
- Follow-up / Outcomes / Operational findings
- Treatment successes / failures / adherence

Fig 3. Synopsis of Clinical Case Presentation Categories or 'Moves'

constituted the core categories used in most CPs, with the presentation of each item within a CP marking a specific generic 'move'.

However, CPs involving a deviation from a standard / synoptic CP form drew particular attention. In practice, many of these moves were circumvented, omitted, or relegated to the speech event periphery. Many of the most significant variations on this canonical form and speculation on the reasons underlying them, which constitutes a central component of the inquiry, are discussed in the Acts section below.

Using Hymes' SPEAKING acronym (with Genre here occupying the primary position due to its fundamental relevance) as a baseline parameter, a synoptic outline of the CP speech event, based upon observations made in this study, are as follows: *genre, setting and scene, participants, ends, acts, keys, instrumentalities, norms*.

4.1. Genre – Clinical case oral presentations.

4.2. Setting and scene – 1) *Departmental conference rooms at hospitals or medical universities.* 2) *Standard university classroom settings, both lecture and seminar / tutorial style.* 3) *During student clerkship rounds in the hospital patient wards.*

CPs were most often performed as departmental sessions in small meeting or study rooms within the hospital, usually in the early morning. Presenters tended to be younger doctors or residents, often those who had recently experienced an 'interesting case' or were actively carrying out research. In some institutions, CPs were performed daily, in others only once every week or two weeks. Bedside teaching sessions were held in the wards with small groups of upper-grade students and an instructor. These were carried out in a much more impromptu fashion than the formalized intra-departmental CDs. Standard teaching seminar rooms within the attached university constituted the third setting, that of interactive discussion CPs.

The CPs observed in the present study did not fall into a single consistent structure. Rather, the extant purpose of the particular presentation determined both the form and structure of the speech event. Some presentations attended were peer-to-peer '*interesting case*' presentations, meant largely to edify and inform peers (particularly residents). Some were evaluative,

with senior clinicians present who subsequently critiqued and further advised presenters regarding the presentation contents. Some were bedside teaching sessions held between a clinician and upper-grade medical students, the latter of whom were carrying out case presentations as a part of their rounds in clinical clerkship sessions. Some were actual scheduled teaching classroom scenarios with medical students who had been assigned teacher-chosen case data to report upon in a standard classroom. In four observed CPs, the presentation revolved around the discussion of published research external to the hospital / university. In these sessions, the presenter focused upon recent English research papers for discussion and exposition but with particular emphasis upon the exemplar case(s) that had been presented as evidence in the research paper.

In 12 cases, CPs were performed individually, in 14 cases as pairs / trios, and in 10 cases as fully interactive sessions between a leader (preceptor) and a small number of participants (preceptees).

The speech functions of the CPs ranged from monologues, to elicited dialogues, to team evaluative responses, and group discussion. These factors also drastically affected both the content, order, and structure of the case reports (which further negatively impacted the author's intention to note and classify features and speech moves according to pre-established categories.)

The majority (26) of presenters provided multimodal presentation resources (PowerPoint, lab results, imaging samples, textbook data, online websites, medical documents) to augment their presentations while others, typically those of the interactive discussion type, referred primarily to PowerPoint slides and/or printed data sheets (generally provided to participants in advance). In short, the roles and functions of CPs within university hospitals appear to be multi-faceted.

Once-per-month required English CPs for each department were standard at Thailand's Thammasat University Hospital and Cheng Kung University Hospital in Taiwan. Brawijaya University (Indonesia) and Hanoi Medical University (Vietnam) required that doctors perform all CPs in English, although this standard was not always strictly met. Based on interviews, it appears that the balance between English and

L1 CPs ranged from 10–90%, with the average being approximately 40% delivered in English.

Some institutions required presenters to adhere to an established clinical format based on ‘global standards’. Such clinical case presentation formats include all the synoptic categories described earlier but are subsumed under an established discourse superstructure such that the presentation of the data does not necessarily follow the order of the synopsis. Five institutions followed the SOAP format (Subjective Observation Assessment Plan) closely. The SNAPPS presentation model (Summarize, Narrow, Analyze, Probe, Plan, Select) was employed at two of the facilities I visited. Eight CPs followed a locally established format, whereas most others allowed for formal flexibility as determined by the clinician depending upon the type of case. These invariably followed the synoptic form.

4.3. Participants – 1) *Young, practicing physicians and residents with peers and seniors present.* 2) *Established physicians with both students and residents / young doctors present.* 3) *Small groups (3-5 members) of upper grade medical students with instructors (doctors / professors).*

At a linguistic level, an interesting phenomenon regarding the participants was noted: Due to the fact that in every one of the CPs observed both presenters and ‘audience’ were non-native English speakers, often, articles, verbal agreement, plurality, and other formal minutiae of English were omitted or rendered in non-standard forms. However, although instructors committed these numerous formal ‘errors’ in their English speech (*‘...if it is infect or not infect’*; *‘is there anything vomiting?’*; *‘How to assess about X?’*), this use of non-standard forms never notably impeded the discussion nor the intended teaching content or teaching purpose of the presentation session. In many cases, speakers assumed non-standard English forms consistent with emerging English as a Lingua Franca (ELF) speech. This further suggests that formal English accuracy not be confused with communicative or performance English efficacy, even within academic and professional domains. On the rare occasions that clarification was called for, negotiation (often multi-coded) ensued.

4.4. Ends – 1) *Informative, for the edification of peers (‘Interesting Cases’).* 2) *Assessment / evaluative.* 3) *Instructional (for students).*

The most common immediate purpose of performing CPs was said to be that of informing and educating peers regarding interesting or enlightening cases that might be encountered in future clinical practice. CPs were also used as a basis for the assessment of a young / trainee clinician’s reasoning skills, with senior members of the staff providing feedback. As such, the CP is considered an integral element of the clinical training of young doctors. When performed during bedside teaching sessions with upper-grade medical students, it was the students’ ability to organize, prioritize, and recognize the most pertinent features of a patient / case that were regarded paramount.

The purpose as to why CPs were carried out in English varied significantly according to the interviewed clinicians / presenters, institutions, and even countries. Bedside CPs involving students were said to be due to the students’ choice of having entered an English-specialized seminar or program. Departmental peer-to-peer English CP sessions were asked to be utilized largely as staff English brush-up sessions. Only five of the presenters I observed and interviewed, however, spoke of any immediate plan to study / practice abroad, present at an international conference, or engage in an upcoming collaborative task, although, in subsequent interviews, ‘preparation for international research / studies’ was noted by four department heads as a primary motivation for establishing English CPs as normative.

The notion that performance skills in English should be equated with ‘professionalism’ and the increasing number of both foreign patients and foreign collaborators / researchers (with whom the lingua franca would be English) were also widely given as reasons for requiring English CPs.

The belief that arranging and performing a CP in English had a positive washback effect on the clinician’s holistic reasoning and analytic skills, even on the presenter’s L1, was also expressed. This rather interesting purpose for performing CPs was offered during three separate interviews. English was preferred over the local language, it was said, because performing in English required the speaker to be more vigilant about the structure

of the speech event, particularly causal and temporal connections, as well as organization and prioritization. It is *not*, as one interview hastened to add, because English was somehow inherently superior in manifesting these qualities – presumably any foreign language would do – but it was the act of ‘linguaging’ itself, in a foreign tongue, that forced presenters to pay attention to both structure and clinical detail.

4.5. Acts (order / structure or ‘moves’).

The general synoptic order of moves within the CPs observed has been described earlier (see Fig. 3). However, specific features within each category varied widely, largely depending on whether an established, superstructural format was required to be used or not.

In several CPs, the data arising from the history taking portion was elicited through audience / peer participation and thereby occasionally deviated from the synoptic form (particularly when presenters had to address tangents and extenuating features appearing among the responses). However, in the majority of CPs, the first seven sections listed in the earlier synopsis (Patient ID through Social History) were covered in a span of less than a minute with the bulk of the presentation instead focusing upon the investigations, treatment / management, and follow-up sections.

This unexpected feature may be of particular significance to those EMP instructors whose backgrounds are from outside healthcare fields as they may tend to overemphasize the more layman-friendly history data at the expense of the often more clinically-compelling and pertinent post-history taking sections. Summaries of pertinent findings and related problem lists (the ninth section listed in the synopsis) took up far more presentation time, on average, than the history taking data.

Moves widely used in CPs that had not been previously noted by the author (see: [Guest, 2017]) included the development of ‘problem lists’, ‘post-admission developments’, ‘pertinent findings’, and/or the generating of lists of ‘operative approaches’, ‘operative findings’, and ‘post-operative findings’. These categories thus merit inclusion in a core synopsis of the CP speech event.

However, the most compelling finding was that of the relative amount of time, emphasis, or prioritization given to the different categories

within the synopsis. For example, when the case was presented as part of a bedside learning session (also known as ‘preceptor-preceptee’ training), much greater focus was placed upon presenting an accurate rendering of the HPI, the interpretation of lab results / imaging, and, in particular, plans regarding the future management of the patient.

Individual clinical department factors also strongly affected the prioritization structure and sequencing of the presentation on several occasions. For example, social and family histories were discussed at length only in the cases of Community Medicine and Nursing. In OBGYN / Pediatrics, day-to-day recent or post-admission developments and active monitoring of the fetus / mother / baby were given priority, as regular updates on the status of the mother and fetus are paramount. In Endocrinology, review of systems and physical examinations were prioritized. In Surgery too, the physical examination, developed as a ‘baseline status’ of the patient, was discussed more comprehensively. The interpretation of images (whether by the presenter or elicited from participants) was emphasized in all departments, with the notable exceptions of Family and Community Medicine. Respiratory focused particularly on family history and lab investigations. In the Anesthesiology CP, a large section was devoted to listing and explaining interventions, a feature noted otherwise only in Nursing.

According to interviewees, in most standard peer-to-peer CPs, the greatest teaching value to departmental colleagues is thought to be contained within the management (or mismanagement) of such clinical events, whereas history taking tended to be allotted a more central role when students were either present or performing the CP. Therefore, in departmental CPs, the treatment and prognosis section was often presented in thorough detail, whereas categories more fundamental to history taking, such as HPI or PMH, were occasionally moved to the chronological and textual periphery.

Pertinent negative data (i.e., ‘*There was no sign of X*’) also figured prominently in both past medical history (PMH) and physical examination (PE) / lab report sections, as well as, although to a lesser degree, with imaging. The ruling out or exclusion of certain possible diagnoses was

carried out most noticeably in the interactive teaching-based sessions. As negative data (a negative lab test result or the lack of specific symptoms or history) is often considered highly significant, young clinicians should learn how to assess negative data pertinence and subsequently prioritize such cases. For example, in a case from a respiratory department, the presenter strongly emphasized the negative data (no family history of tuberculosis, negative AFB blood test results) in a suspected case of tuberculosis, which allowed the clinician, at least provisionally, to rule out the initial diagnosis of tuberculosis and posit a more accurate differential diagnosis.

Contraindications were also frequently mentioned when formulating initial or provisional diagnoses (IDx / PDx), a feature that the author had been hitherto unaware of. Occasionally, instructors and/or presenters appeared uncertain as to whether to generate a list of initial or provisional diagnoses at all or to proceed quickly to the differential diagnosis. However, if the emphasis of the case was upon management and follow-up, the latter approach was generally preferred.

Interestingly, overly comprehensive CPs, in which irrelevant or insignificant details were included, were a particular hallmark of trainee or student presenters, who were likely being careful not to omit any item of possible interest, particularly in the presence of their instructors or adjudicators. Unfortunately, however, such an approach often had the upshot of obscuring or inadvertently de-prioritizing the more pertinent data, as was pointed out by adjudicators on several occasions.

4.6. Key (tone / tenor of speech).

4.6.1. Formulaic Academic Phrases.

Bhatia emphasizes the interactive nature of academic discourses by focusing upon set structures in language use that can occur across different fields, which he refers to as 'intertextuality' [Bhatia, 1993]. One of the hybrid features of academic / professional discourse intertextuality is the usage of formulaic academic phrases in set speech events and these were highly evident in every CP the author observed.

Formulaic academic phrases are those set lexical items that fall between general English and specialist terminology [Guest, 2017; 2018]. Although most presenting clinicians used specialist

English terminology almost flawlessly, some younger practitioners did appear to have trouble with the appropriate use of English formulaic academic phrases (e.g., '*did a survey*', as opposed to, '*conducted a survey*'; '*We saw X so we thought...*', as opposed to, '*The presence of X indicated...*'). Guest notes two telling examples in which young, inexperienced CP presenters said, '*Because X is there, it means there's more chance that it's because of Y*' and '*He drinks a lot of alcohol but, except for that, his social life is normal.*' [Guest, 2018, p. 74].

The lack of appropriate academic register, conveyed through the bypassing of suitable academic / professional phrases in favour of 'everyday speech', distinguished such CP speakers markedly from the more proficient presenters and hinted at a less advanced degree of professionalism. One prominent example from a student presenter drew an immediate repair response from an instructor, who added the appropriate professional register:

Student presenter: ...*stuff will come out.*

Instructor: ...*foreign agents will be discharged.*

According to interviewees, academic formulaic phrases are not explicitly taught at any of the institutions that the author visited, even though they are a central feature of professional peer discourse and thus should be included in EMP training and represent an area in which might be of particular value to non-Anglophone healthcare instructors and workers.

The marking of temporal expressions (especially the accurate use of the perfect or past perfect tenses) and the occasional failure to use appropriate discourse signals to mark transitions in the speaker's moves, also occasionally lead to confusion regarding the nature of, or connections within, the data on some occasions which required a negotiated (often in both L1 and English) conclusion. EMP teachers might wish to address this potential area of concern.

The CPs observed were also notable for the prevalent usage of formulaic academic / professional phrases used effectively even among those presenters who did not appear to be otherwise wholly proficient in general English. Enabling our learners to speak in the manner of academics and professionals will better allow

them to carry out CPs as well as other peer-to-peer clinical discourses.

4.6.2. The multimodal use of acronyms and abbreviations.

The frequent use of acronyms / abbreviations in CPs was viscerally notable. Among the regularly noted acronyms were *NPO* (*nothing by mouth*), *PTA* (*prior to arrival*), *GA* (*gestational age*), *NS* (*not significant*), *PR* (*peripheral*), and *CBC* (*complete blood count*). Interestingly, these forms were often deployed in speech as well as in written mode.

Other written forms were rendered in full form in speech. For example, *Sx* represents symptoms in written form while *Dx* was generally written for ‘diagnosis’, with treatment being usually rendered as *Tx*. However, in all cases, the full terms were used in speech.

The visceral importance of acronyms and abbreviations in CPs does not necessarily call for a taxonomic teaching / learning of all such items from EMP teachers, but it should demand learner familiarity with at least the most commonly used abbreviations and acronyms in order to ensure succinct and speedy CP data transmission both as a presenter and as a participant. ESP / EMP teachers and clinicians should also be careful not to assume universal knowledge of certain acronyms and abbreviations as some acronyms are local or highly genre-specific constructions that may not have currency across institutions.

4.7. Instrumentalities (mode or modes of speech / communication).

PowerPoint, white board, lab images, data lists and clinical charts (projected or on handouts), check sheets, and printed assessment forms.

Non-native English speaking clinician presenters and instructors were not always confident with the quality of their own English but, more importantly, were also often uncertain how to manage or balance the language and clinical content when it was conducted as a standard classroom or bedside teaching lesson (in many cases, students had superior English speaking skills). This also affected the number of instances of ‘reading aloud’ of case notes by presenters in peer-to-peer sessions. In some such cases, English became mixed with the speakers’ native language, either leading to or requiring a great degree of linguistic code switching by all participants.

This, however, should not necessarily be considered a problematic feature in non-native English speaker interactions in which participants share the same L1. This feature, too, rarely impeded the effective conveyance of clinical data.

4.8. Norms (social rules of, or constraints on, interaction).

Power differentials between speaker and ‘audience’ were dependant upon the function of the CP. In the case of assessed or instructional CPs, the (invariably) young presenters were highly conscious of maintaining an established CP form or synopsis before listening to commentary and questions from adjudicators. In the peer-to-peer informative sessions, however, the structure of the PC was less formalized and more interactive, with active contributions from participants (particularly when questions or commentary from participants were elicited by the presenter), as authoritative figures in the speech event were not explicitly marked. L1 appeared far more frequently in these latter sessions, often resulting in constant code-switching with English. In bedside or classroom teaching sessions, carried out for instructional purposes, the sessions were wholly directed by the instructor even though the content of the CP itself was the result of teamwork among the students. Students waited for explicit signals from the instructor eliciting their data.

5. Conclusions

In short, CPs are considered a core speech event within many clinical settings and it is therefore imperative that non-Anglophone clinicians master this skill in order to manifest their membership within the international medical discourse community. Hymes’ SPEAKING model, despite being forty-five years old at the time of writing, can still help teachers and language researchers to elucidate many generic features of the extant structure of CPs, which further serve to illuminate important and interesting internal discourse features of this speech event. If EMP teachers understand how this speech event is structured and managed, they can better aid in having their clinical learners achieve this goal. Thus, such analyses can prove valuable to both learners and instructors. It is believed by the author that similar analyses of such professional and/or

academic speech events can also be applied to other academic and professional fields, eventually leading to productive insights that might be of value to students within other ESP domains.

Acknowledgement

The author would like to thank Dr. Prakritpunthu Tomtitchong of the Faculty of Medicine, Thammasat University, Thailand, for his help in arranging visits to observe clinical case presentations in Thailand.

REFERENCES

- Berkenkotter C., Huckin T., 1995. *Genre Knowledge in Disciplinary Communication*. Hillsdale, NJ, Lawrence Erlbaum. 195 p.
- Bhatia V.K., 1993. *Analyzing Genre: Language Use in Professional Settings*. London, New York, Longman. 246 p.
- Bhatia V.K., 1994. Generic Integrity in Professional Discourse. *Text and Talk in Professional Contexts*, no. 6, pp. 61-76.
- Bhatia V.K., 2002. Applied Genre Analysis: Analytical Advances and Pedagogical Procedures. Johns A.M., ed. *Genre in the Classroom: Multiple Perspectives*. Mahwah, NJ, Erlbaum, pp. 279-283.
- Bhatia V.K., Bhatia A., 2007. Global Genres in Local Context. *Linguistic Insights. Studies in Language and Communication*, vol. 14, pp. 263-281.
- Boswood T., Marriot A. 1994. Ethnography for Specific Purposes: Teaching and Training in Parallel. *English for Specific Purposes*, vol. 13, iss. 1, pp. 3-21. DOI: 10.1016/0889-4906(94)90021-3.
- Couture B., 1986. Effective Ideation in Written Text: A Functional Approach to Clarity and Exigence. Couture B., ed. *Functional Approaches to Writing: Research Perspectives*. London, Frances Pinter, pp. 69-92.
- Dudley-Evans T., 1987. Introduction to Genre Analysis and ESP. *ELR Journal*, vol. 1, pp. 27-39.
- Dudley-Evans T., 1993. Variation in Communication Patterns Between Discourse Communities: The Case of Highway Engineering and Plant Biology. Blue G.M., ed. *Language Learning and Success: Studying Through English*. London, Macmillan, pp. 141-147.
- Fairclough N., 1992. *Discourse and Social Change*. Cambridge, Polity. 259 p.
- Guest M., 2017. What are FAPs? And Why Should Medical Students Focus upon Them? *Journal of Medical English Education*, vol. 16, iss. 1, pp. 18-23.
- Guest M., 2018. *Conferencing and Presentation English for Young Academics*. Singapore, Springer. 238 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-981-13-247>.
- Hart R.P., 1986. Of Genre, Computers and the Reagan Inaugural. Simons H., Aghazarian A., eds. *Form, Genre and the Study of Political Discourse*. Columbia, SC, University of South Carolina Press, pp. 278-298.
- Hopkins A., Dudley-Evans T., 1988. A Genre-Based Investigation of the Discussions Sections in Articles and Dissertation. *English for Specific Purposes*, vol. 7, iss. 2, pp. 113-121. DOI: 10.1016/0889-4906(88)90029-4.
- Hoey M., 1983. *On the Surface of Discourse*. London, George Allen and Unwin. 211 p.
- Hyland K., 1992. Genre Analysis: Just Another Fad? *Forum*, vol. 30, iss. 2, pp. 14-17.
- Hymes D.H., 1974. *Foundations in Sociolinguistics: An Ethnographic Approach*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press. 260 p.
- Saville-Troike M., 1982. *The Ethnology of Communication*. Oxford, Oxford University Press. 338 p.
- Swales J., 1988. Discourse Communities, Genres and English as an International Language. *World Englishes*, vol. 7, iss. 2, pp. 211-220. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-971X.1988.tb00232.x>.
- Swales J., 1990. *Genre Analysis: English in Academic and Research Settings*. Cambridge, Cambridge University Press. 260 p.
- Van Dijk T.A., 1997. Introduction: The Study of Discourse. *The Study of Discourse: A Multidisciplinary Introduction. Vol. 1. Discourse as Structure and Process*. Thousand Oaks, CA, US, Sage Publications, Inc., pp. 1-34.
- Winter E.O., 1977. A Clause-Relational Approach to English Texts: A Study of Some Predictive Lexical Items in Written Discourse. *Instructional Science*, vol. 6, iss. 1, pp. 1-92. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF0012559>.

Information About the Author

Michael Guest, Associate Professor of English, University of Miyazaki, 5200 Kihara, Oaza, Kiyotakecho, Miyazaki Pref., Japan 889-1692, mikeguest59@yahoo.ca, <https://orcid.org/0000-0002-7829-8818>

Информация об авторе

Майкл Гест, доцент, Университет Миядзаки, 5200 Киара, Оаза, Киотакэ-чэ, префектура Миядзаки, Япония 889-1692, mikeguest59@yahoo.ca, <https://orcid.org/0000-0002-7829-8818>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.6>

UDC 811.161.1'42:61
LBC 81.411.2-51

Submitted: 27.02.2020
Accepted: 15.06.2020

‘ACADEMICITY’ OF RUSSIAN RESEARCH MEDICAL TEXTS: SPECIFIC ASPECTS OF MANIFESTATION

Irina I. Torubarova

Voronezh N.N. Burdenko State Medical University, Voronezh, Russia

Abstract. The article discusses specific aspects of medical research texts. The author argues that academicity is one of the basic properties of research medical texts and analyses the way it is manifested in Russian research papers of the medical corpus. The study involves full-text medical articles published in the peer-reviewed scientific and practical journal “Bulletin of Siberian Medicine”, which is included in international databases. The coefficient of lexical diversity, lexical, grammatical and stylistic means of academicity manifestation are the main parameters for the study. Quantitative analysis demonstrates that Russian-language texts are characterized by a higher coefficient of lexical diversity and contain more unique lexemes than texts of the English-language corpus. Special attention is paid to the use of first-person pronouns: their number is relatively low, which indicates that the researchers’ position is not actively expressed in the papers. Other aspects that are considered to be manifestations of the academic style in the texts of the Russian-speaking authors are as follows: the use of a significant number of adjectives and international character of the texts, which is due to the presence of a large number of cognate words. In general, it is noted that academic style is manifested at all levels of text organization. The study has important applied value, since the knowledge of the properties of the academic style will help healthcare professionals to create high-quality articles for presentation of the results of their research.

Key words: academicity, scientific medical text, linguistic analysis, special vocabulary, passivity, introductory words, verb constructions.

Citation. Torubarova I.I. ‘Academicity’ of Russian Research Medical Texts: Specific Aspects of Manifestation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 5, pp. 61-73. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.6>

УДК 811.161.1'42:61
ББК 81.411.2-51

Дата поступления статьи: 27.02.2020
Дата принятия статьи: 15.06.2020

АКАДЕМИЧНОСТЬ РУССКОЯЗЫЧНЫХ НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ МЕДИЦИНСКОГО КОРПУСА: СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ

Ирина Ивановна Торубарова

Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко, г. Воронеж, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются отличительные характеристики текстов научного медицинского дискурса. Предлагается обоснование понятия академичности как одной из стилиобразующих характеристик научных текстов медицинского корпуса. Описываются способы манифестации академичности в научных русскоязычных текстах медицинского корпуса. Материалом для исследования послужили полнотекстовые статьи медицинской тематики, опубликованные в научно-практическом рецензируемом журнале «Бюллетень сибирской медицины», включенном в международные базы данных. Основными параметрами для исследования стали коэффициент лексического разнообразия, характеристики лексических, грамматических и стилистических средств реализации академичности. Количественный анализ материала показал, что русскоязычные тексты характеризуются более высоким коэффициентом лексического разнообразия и содержат большее количество уникальных лексем, чем тексты англоязычного корпуса; авторам

не свойственно активное выражение собственной позиции, на что указывает невысокий процент употребления местоимений 1-го лица. Выявлены особенности научного стиля в текстах русскоязычных авторов: использование значительного количества прилагательных и интернациональный характер текстов, что обусловлено широким распространением слов-когнатов. Делается вывод о том, что академичность реализуется на всех уровнях организации текста. Проведенное исследование имеет прикладное значение, так как знание особенностей научного стиля поможет специалистам здравоохранения создавать качественные статьи для презентации результатов своей научной деятельности.

Ключевые слова: академичность, научный медицинский текст, лингвистический анализ, специальная лексика, пассивность, вводные слова, глагольные конструкции.

Цитирование. Торубарова И. И. Академичность русскоязычных научных текстов медицинского корпуса: способы реализации и особенности проявления // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 5. – С. 61–73. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.6>

Введение

Академичность научных текстов традиционно рассматривается как индикатор соответствия текста научному стилю речи. Именно язык академической сферы всегда был и остается нормой стиля научной литературы. При этом особенности русского научного стиля могут проявляться в насыщенности текста абстрактными существительными, цепочками существительных в родительном падеже, многосложными синтаксическими конструкциями и др. Функционирование таких текстов в национальном дискурсе очевидно и подкрепляется распространенным представлением о том, что научная речь должна быть сложной и понятной только специалистам. Однако в настоящее время на фоне интернационализации науки и выхода научных публикаций за их национальные рамки понятие академичности научного текста приобретает новое значение и новые трактовки. Вот почему вопрос об академичности русского научного текста, особенно его последующей адаптации к международным, то есть англоязычным нормам академического письма, составляет особый исследовательский интерес.

В центре нашего внимания в данной работе находятся научные письменные тексты медицинской тематики, созданные на русском языке. Исследования, проведенные ранее на материале англоязычного корпуса [Стеблецова, Торубарова, 2019], дают нам основание считать, что формальность в англоязычном академическом письме (Academic English) и академичность русских научных текстов – это сходные, но не идентичные понятия.

Продемонстрировать это можно, подвергнув количественному и качественному анализу современные тексты научного корпуса. Мы провели анализ медицинских текстов, поскольку в настоящее время медицинская наука является одной из активно развивающихся сфер: по данным Web of Science (WoS), за 2018 г. в мире опубликовано более полумиллиона медицинских научных текстов [Шевченко].

Еще в 1990 г. Дж. Свейлз в работе «Genre Analysis» («Анализ жанров») описал некоторые характеристики, типичные для научного стиля речи, а также определил направление развития теоретических и методических подходов для обучения английскому языку для академических и исследовательских целей [Swales, 1990]. Данные характеристики являются универсальными, свойственными в том числе и текстам медицинского научного корпуса. Зарубежные исследователи в области прикладной лингвистики выделяли такие признаки научного медицинского текста, как номинализация, употребление технических фраз и распространенных номинативных групп, хеджирование (уклончивость / отсутствие категоричности при выражении суждений), употребление каузативных и аргументативных глаголов, безличных и пассивных выражений [Gillett, Hammond, Martala-Lockett, 2009; Mičić, 2013; Parkinson, 2000].

Внимание отечественных лингвистов сосредоточено на проблемах научного стиля русского языка. Так, Н.И. Колесникова говорит о начале формирования языка науки в России в XVIII в. [Колесникова, 2010a]. Исследователь отмечает, что уже в это время

особенностями российской науки и научной литературы были практическая направленность и просветительский характер. Однако как самостоятельный функциональный стиль речи «язык науки» начинает рассматриваться лишь в 60-е гг. XX в., когда появляются работы, посвященные функциональным стилям и стилистике жанров.

Цель нашего исследования – выявить особенности реализации академичности как стилиобразующей характеристики медицинских научных текстов, созданных на русском языке, – потребовала решения следующих задач: предложить собственную трактовку понятия «академичность» в применении к научному медицинскому тексту; определить способы реализации академичности в научных медицинских текстах на разных языковых уровнях; описать особенности реализации академичности в научном медицинском тексте на русском языке.

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужили полнотекстовые статьи, опубликованные в научно-практическом рецензируемом журнале «Бюллетень сибирской медицины / Bulletin of Siberian Medicine» в 2019 году на русском языке. Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук (Перечень ВАК, редакция 01.12.2015), российские и международные базы данных (РИНЦ (RSCI; Science Index), КиберЛенинка, DIRECTORY OF OPEN ACCESS JOURNALS, Web of Science (WoS) (ESCI) с 2016 г., Scopus с 2018 г.). Издание имеет междисциплинарный характер (рубрики журнала соответствуют номенклатуре медицинских и биологических специальностей: биофизика, молекулярная биология, биохимия, молекулярная генетика, математическая биология, акушерство и гинекология, внутренние болезни, кардиология, педиатрия, онкология, гематология и переливание крови и др. Журнал издается Сибирским государственным медицинским университетом с 2001 г. по настоящее время. Импакт-фактор РИНЦ журнала в 2018 г. – 0,503. Журнал пред-

ставляет полные тексты статей в печатной и электронной онлайн-версиях. Количество исследуемого материала составило 7 статей, 917 предложений, 16 819 слов, 8 190 уникальных лексем. Критериями включения статей в исследовательский корпус были следующие:

- оригинальность исследования (рубрика журнала «Оригинальная статья»);
- наличие структуры и разделов: «Введение», «Цель», «Материалы и методы», «Результаты», «Обсуждение», «Выводы» / «Заключение»;
- наличие структурированного «Резюме» (эти метаданные были включены в корпус исследования);
- отсутствие узкоспециальной направленности (тематика статей: алкогольный фиброз печени, гнойная рана, глаукома, дорсопатия и др.).

Заголовки статей, рисунки, таблицы, диаграммы и подписи к ним были исключены из материалов исследования.

Для обработки данных применялись методы дескриптивно-лингвистического, сравнительного и количественного анализа. Для количественного и качественного скрипт-анализа использовались программы ЗнакоСчиталка v.2 и Microsoft Word 2016. Параметрами для исследования стали коэффициент лексического разнообразия, характеристики лексических, грамматических и стилистических средств реализации академичности.

Результаты и обсуждение

Академичность как свойство научного текста

Выявлению специфических свойств, присущих «языку науки», посвящено большое количество исследований, однако единства мнений не наблюдается.

В «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка», в словарной статье, посвященной научному стилю, выделяются следующие характеристики научного жанра, которые, исходя из определения, можно назвать стилиобразующими:

- объективность;
- отвлечение от конкретного и случайного;

– логическая доказательность;
– последовательность изложения [Кожина, 2006, с. 242].

В.Е. Чернявская пишет о «типичных, регулярно повторяющихся... стандартизированных характеристиках, общих для каждого научного текста» [Чернявская, 2006, с. 22]: обобщенности, подчеркнутой логичности, объективности, некатегоричности, доказательности, точности и ясности.

Н.И. Колесникова выделяет такие черты научного стиля, как:

- отвлеченность, обобщенность;
- подчеркнутая логичность;
- терминологичность, или терминированность;
- смысловая точность (точность и однозначность);
- ясность;
- объективность изложения;
- стандартность, стереотипность (устойчивость и единообразие при организации языкового материала);
- краткость, сжатость, лаконичность;
- безличность;
- некатегоричность (толерантность);
- эмотивность (разные виды экспрессии и эмоциональности);
- образность [Колесникова, 2010а].

Аргументируя правомерность выделения эмотивности и образности в качестве черт научного стиля, Н.И. Колесникова приводит точку зрения О.Н. Григорьевой: «Формализация языка, несомненно, оправдана в области естественных и технических наук, однако написанный “живым” языком технический текст лучше воспринимается и не становится менее точным» [Григорьева, 2000, с. 96–97]. Однако, полагаем, опираясь на наблюдения над реализацией свойств научного стиля в медицинских текстах, что эмотивность и образность не являются характеристиками, типичными для научного стиля речи.

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что одной из стилеобразующих характеристик научных текстов является академичность.

Общеизвестно, что между понятием и значением слова существует тесная взаимосвязь, поэтому, прежде чем предложить толкование понятия академичности, обратимся

к словарному значению слова *академичность*. «Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка» трактует *академичность* как «строго научное исследование предмета и объективное его изложение» (Словарь иностранных слов..., 1910). В словаре английского языка находим следующее определение слова *Academicism*: «a formal academic quality» (*формальное академическое качество*), где *academic* употребляется в том числе в значении «традиционный» (Merriam-Webster Dictionary, 2020). В толковых словарях современного русского языка *академичность* характеризуется как производное от прилагательного *академичный* – «соблюдающий установившиеся традиции (в науке, искусстве)», «учебный» (см., например: Толковый словарь Ожегова).

Итак, принимая во внимание семантику слова *академичность*, перейдем к толкованию обозначенного им понятия. Необходимо отметить, что одна из наших предыдущих работ (выполнена в соавторстве) была посвящена формальности – стилеобразующей характеристике английского языка и ее реализации в медицинских научных текстах, созданных на английском языке носителями английского языка как родного и носителями английского языка как иностранного [Стеблецова, Торубарова, 2019]. Формальность рассмотрена как сложный феномен, состоящий из многих компонентов и реализующийся на всех уровнях языка с использованием различных языковых средств, что в совокупности дает возможность определить текст как принадлежащий к медицинскому академическому дискурсу. Однако, по нашему мнению, термин «академичность» более широк, он включает все аспекты понятия «формальность» и выражается, подобно формальности, формальным вокабуляром, абстрактными существительными, образованными от глаголов, сложносоставными номинативными группами. Академичность проявляется в объективном, обезличенном характере повествования и связана с такими признаками, как «типичность», «стандартизованность», «традиционность», в значительной степени свойственными качественным научным текстам. Именно традиционность, стандартизованность, типичность отличают академичность от формальности.

Далее рассмотрим средства реализации академичности в медицинских научных текстах на материале оригинальных статей, созданных на русском языке.

Количественный анализ текстов

Для количественного анализа текстов мы, вслед за В. Йоханссоном, использовали коэффициент лингвистического разнообразия, который представляет собой отношение количества уникальных (неповторяющихся) слов – словообразовательных гнезд (word families) к общему количеству слов [Johansson, 2008]. Коэффициент лингвистического разнообразия исследуемого корпуса находится в диапазоне 0,44–0,55 (см. таблицу). В работе, проведенной нами ранее, установлено, что коэффициент лингвистического разнообразия в научных медицинских текстах, созданных на английском языке, составляет 0,16–0,28 [Стеблецова, Торубарова, 2019]. Такие различия можно объяснить стремлением русскоязычных авторов избегать тавтологии.

Важная качественная характеристика научных текстов – пассивность – в русском языке трактуется как «исходно-объектная ориентация действия-предиката» [Бондарко, 1991, с. 125]. Пассивность в русском языке может быть выражена как морфологически, так и синтаксически. И.В. Корытко к морфологическим средствам относит формы возвратных глаголов, страдательные причастия (*применялись, явилось, показано, выявлены*), к синтаксическим – глагольные конструкции в страдательном залоге (*были обнаружены, был подсчитан* и т. д.) [Корытко, 2010].

Количественная характеристика исследуемого корпуса (лексический и морфологический уровни)

Quantitative characteristics of the studied corpus (lexical and morphological levels)

Номер статьи	Кол-во слов / знаков	Кол-во уникальных слов (словообразовательные гнезда)	Коэффициент лингвистического разнообразия	Кол-во предложений / из них в пассивном залоге (%)	Кол-во форм местоимений 1-го лица (%)
III	4 424 / 31 087	1 932	0,44	220 / 43 (19,5)	22 (0,5)
VI	2 537 / 19 424	1 351	0,53	114 / 28 (26,6)	3 (0,1)
VII	2 099 / 15 351	1 023	0,49	111 / 26 (23,4)	5 (0,2)
V	2 090 / 15 137	1 025	0,49	122 / 12 (9,8)	8 (0,4)
I	1 954 / 13 386	928	0,47	113 / 21 (18,6)	3 (0,2)
II	1 898 / 13 216	927	0,52	104 / 24 (23)	2 (0,1)
IV	1 817 / 12 813	1 004	0,55	133 / 18 (13,5)	12 (0,7)

Как видно из таблицы 1, в исследуемых текстах предложения, содержащие средства выражения пассивности, составили 9,8–26,6 % от общего количества предложений. Такой большой процент пассивных предложений, несомненно, является признаком академичности, так как на первый план выдвигается объект и действие, направленное на него, что способствует объективности и беспристрастности изложения материала.

Кроме того, нами был проведен анализ частоты употребления местоимений 1-го лица (*мы, наш, нами, нас*) (см. таблицу) и установлено, что авторам не свойственно активное выражение собственной позиции посредством этих местоимений: наибольший показатель равен 0,7 % (1 статья), наименьший – 0,1 % (2 статьи).

Средства реализации академичности на лексическом уровне

Характеризуя лексические параметры научных медицинских текстов, созданных на русском языке, необходимо отметить следующее:

– наличие большого количества общих и специальных терминов: *популяция, этиологический фактор, трансформация, миграция, кровоток, патогенез, стеатоз, фиброз, цирроз* и др.;

– наличие большого количества аббревиатур и акронимов, как общепринятых: *интерлейкины (ИЛ), макрофагальный воспалительный протеин (МВП), фолликулярной жидкости (ФЖ), экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО), алкогольный фиброз печени (АФП), первичная открытоугольная глаукома (ПОУГ)*, так и созданных авторами

статей: *индекс иммунорегуляции (ИР), процент уменьшения площади ран (ПУП);*

– наличие абстрактных и отглагольных существительных: *увеличение, изучение, развитие, заключение, подтверждение, актуальность, сущность, эффективность* и др.;

– наличие значительного количества многосоставных номинативных групп: *холодовая гиперреактивность дыхательных путей; деструктивно-цитолитические процессы в бокаловидном эпителии бронхов больных БА; увеличение секреторной активности бокаловидных клеток; методы лечения гнойно-воспалительных процессов мягких тканей; статистически достоверные различия по уровню рН; средний или повышенный уровень непродуктивной нервно-психической напряженности; психоэмоциональное состояние пациентов; процедура древовидной кластеризации* и др.

Все вышеперечисленные параметры проявляются в равной мере и в научных медицинских текстах, созданных на английском языке (см.: [Стеблецова, Торубарова, 2019]). Существуют, однако, параметры, которые в силу разных причин свойственны только русскоязычным научным медицинским текстам:

– наличие большого количества прилагательных, что вызвано необходимостью определить видовую (или другого рода) характеристику какого-либо явления, предмета, процесса, установить его свойства и т. п.: *детектируемые концентрации, стимулированная овуляция, проведенные исследования, широкий спектр противомикробного действия разработанной пленки, местно-анестезирующая активность, экспериментальные гнойные раны* (хотя сравнение текстов англоязычного и русскоязычного корпуса не входит в задачи данного исследования, здесь необходимо уточнить, что описанная выше родо-видовая характеристика явлений, объектов и процессов встречается и в английских медицинских текстах, но атрибутивный смысл в них далеко не всегда выражен прилагательными, для этого могут использоваться существительные, и неопределенная форма глагола в значении «attribute»;

– интернациональный характер текстов, что подтверждается наличием в них когнатов

(слов, сходных по значению и звучанию в двух и более языках), а также большого количества слов с иноязычными по происхождению элементами: *изоформы, пролиферация, цитометрия, субпопуляция, дегенерация, дисбаланс, декомпенсация* и др.

Средства реализации академичности на морфолого-синтаксическом уровне

В текстах исследуемого корпуса активно употребляются цепочки существительных в родительном падеже в составе номинативной группы: *на основании микробиологического метода исследования; сопровождается снижением уровня содержания гликопротеинов в цитоплазме; методы лечения гнойно-воспалительных процессов мягких тканей* и т. д. Данная характеристика свойственна только текстам на русском языке в силу особенностей его морфолого-синтаксического строя. Как отмечает Н.И. Колесникова, в 70–80-х гг. прошлого столетия такие цепочки считались особенностью научного стиля речи. В настоящее время такие конструкции считаются недостатком. «При этом разница между “особенностью” и “недостатком” при использовании цепочек родительных падежей заключается в количестве звеньев: оно не должно превышать трех-пяти слов» [Колесникова, 2010б, 143–144].

В текстах исследуемого корпуса представлено значительное количество пассивных конструкций, что является одной из особенностей научного стиля и проявлением академичности. Причем, как отмечалось выше, пассивность в русских научных текстах, в отличие, например, от текстов, созданных на английском языке, может выражаться не только глагольными конструкциями страдательного залога, но и морфологическими средствами (морфемами и глагольными словоформами), что наблюдается в каждой статье исследуемого корпуса. Приведем некоторые примеры:

(1) **Было установлено** отсутствие в ВГЖ пациентов обследованных групп фактора некроза опухоли (ФНО) α , интерлейкина (ИЛ) 5, ИЛ-13, гранулоцитарного колониестимулирующего фактора и интерферона (И);

(2) Из исследования **исключались** пациенты, принимавшие для нормализации внутриглазного давления препараты, содержащие аналоги простагландинов (II);

(3) В результате проведенного исследования **были получены** данные, представленные в таблице (II);

(4) **Выявлены** статистически значимо более высокие ($p < 0,05$) концентрации ИЛ-6 (II).

В примерах 1–4 сказуемые выражены краткими страдательными причастиями (в том числе в сочетании со связочным глаголом *быть*) и возвратным глаголом с постфиксом *-ся*.

Данные лингвистического анализа корпуса научных текстов медицинской тематики, созданных на русском языке, не подтверждают тенденции, которая была выявлена нами при изучении формальности как стилиобразующей характеристики англоязычного научного текста: русскоязычные исследователи в большинстве своем не стремятся активно выразить свою авторскую позицию посредством местоимений 1-го лица и не выходят тем самым за нормативные рамки категорий объективности, обезличенности, сдержанности; процент использования данных единиц не велик – от 0,1 до 0,7 %. Приведем некоторые примеры:

(5) Материалом для исследования явилось разработанное **нами...** раневое покрытие в виде пленки (раздел «Методы») (III);

(6) В первую очередь **мы** провели исследование по определению спектра антимикробной активности разработанной пленки (раздел «Методы») (III);

(7) В **нашем** исследовании разработанная пленка (раневое покрытие) содержит различные антисептики и противомикробные вещества (раздел «Обсуждение») (III);

(8) Применение разработанной **нами** пленки статистически значимо ускоряло процесс заживления ран (раздел «Заключение») (III).

Известно, что безличные конструкции являются широко употребительным средством выражения академичности английских текстов на синтаксическом уровне. Данные изучаемого нами корпуса демонстрируют использование большого количества неопределенноличных предложений, когда сказуемое выражено глаголом 3-го лица множественного чис-

ла. Функционально такие предложения служат для акцентуации действия, а не деятеля. Например:

(9) Для этого перед вступлением в программу экстракорпорального оплодотворения (ЭКО) у женщины **определяют** уровень антимюллерового гормона (АМГ) и число антральных фолликулов (АФ) (IV).

По мнению лингвистов, ярким проявлением научного стиля в корпусе русских текстов на синтаксическом уровне служат простые предложения, длина которых в среднем составляет 16,5 слов [Колесникова, 2010б], простые предложения, осложненные причастными, деепричастными оборотами, вводными конструкциями, имеющие четкую упорядоченность, наличие в своем составе синтаксических повторов для устранения какой-либо двойственности толкования [Костомаров, 2005, с. 63; Очерки..., 1994, с. 16–17]. Результаты нашего исследования не полностью подтверждают тенденции, обозначенные выше: рассмотренные научные русскоязычные тексты медицинской тематики содержат большое количество простых и сложных предложений, которые изобилуют причастными, деепричастными оборотами, вводными конструкциями, однородными членами и иногда нарушают требования логичности и ясности изложения. Ниже приведем примеры, иллюстрирующие данный факт.

(10) Выявленное нами в крови больных АФП с терминальными (III–IV) ст. заболевания снижение (относительно контроля и группы сравнения) относительного числа наивных (T_N) и T-лимфоцитов центральной памяти (T_{CM}), ассоциированное с ростом количества эффекторных клеток (T_{EM} и T_{EMRA}), позволяет нам предположить у этой категории больных факт прямой дифференцировки лимфоцитов T_N и T_{CM} в эффекторные (T_{EM} и T_{EMRA}), что может усугублять течение тканедеструктивного процесса за счет высокой биоцидной активности последних (I).

Предложение (10) содержит 47 лексических единиц, исключая краткие обозначения лимфоцитов, союзы и предлоги, является сложным с двумя грамматическими основами, простые предложения в составе сложного содержат причастные обороты, группы однородных членов.

(11) Установлено наличие статистически значимо более высоких концентраций цитокинов и факторов роста во внутриглазной жидкости пациентов с развитой стадией первичной открытоугольной глаукомы относительно данных, полученных при исследовании внутриглазной жидкости лиц с неосложненной катарактой (интерлейкины (ИЛ) 6, 7, 8, 12, 17, ТФРβ 1, 2, 3, макрофагальный воспалительный протеин (МВП) 1в), а также статистически значимо более низкие концентрации ИЛ-2, ИЛ-10, гранулоцитарно-макрофагального колониестимулирующего фактора (И).

Предложение (11) содержит 47 лексических единиц, исключая аббревиатуры и акронимы, является простым, осложненным причастным оборотом, однородными членами, многосоставными номинативными группами.

(12) Психосемантический анализ указывает на то, что после процедур массажа происходит выделение в кластеры значимых жизненных ценностей, связанных со здоровьем, восприятия себя более нужным и привлекательным, есть основания судить о том, что человек перестает «уходить в болезнь» и, наоборот, «разворачивается» ко внешнему окружению, улучшаются семейные и любовно-эротические отношения (V).

Предложение (12) содержит 47 лексических единиц, является сложным с тремя грамматическими основами, простые предложения в составе сложного содержат причастный оборот и однородные члены.

(13) Известно, что гетерогенные по фенотипическим, анатомическим и функциональным характеристикам субпопуляции Т-клеток памяти характеризуются аниген-независимой персистенцией, самообновлением и способностью к самоподдержанию, обеспечивая быстрый и эффективный ответ при повторном воздействии патогенов инфекционной и неинфекционной природы (I).

Предложение (13) содержит 35 лексических единиц, является сложным с двумя грамматическими основами, четырьмя группами однородных членов, деепричастным оборотом.

Некоторые лингвисты считают стилистическими средствами научного стиля глагольные формы времени: настоящего исторического и будущего в значении настоящего (см., например: [Колесникова, 2010б]). В статьях исследуемого корпуса глагольные фор-

мы в указанных значениях не обнаружены. Авторы проанализированных научных статей использовали в разделе «Введение» формы настоящего времени (для обобщения теоретических положений), в разделах «Материалы и методы», «Результаты», «Обсуждение», «Выводы» / «Заключение» формы прошедшего времени (для описания проведенных экспериментов), настоящего времени (для обсуждения полученных результатов). Закономерность в выборе форм времени не просматривается, они, на наш взгляд, использованы случайно. Однако для выявления специфики употребления временных глагольных конструкций требуется отдельное исследование с привлечением большего количества текстового материала.

Средства реализации академичности на стилистическом уровне

Ярким стилистическим средством реализации академичности являются связующие конструкции – вводные фразы, так называемые переходные слова (*transitional words*), которые помогают читателю перейти от одной идеи, высказанной автором, к следующей и таким образом обеспечивают связность текста, поддерживают его логическую организацию, четкость, позволяют структурировать высказывание. В текстах исследуемого корпуса содержится немало таких примеров, как правило, в разделах «Обсуждение» и «Выводы» / «Заключение»:

(14) **Логично предположить**, что повышенные уровни клеток CD34 и CD133 в периферической крови пациентов (I);

(15) **Следует отметить**, что CD34 является маркером эндотелиальных клеток при хронических дегенеративных заболеваниях печени (I);

(16) **С другой стороны**, снижение количества клеток CD34 и CD133 в циркуляции на терминальных стадиях фиброза у обследованных нами пациентов (I);

(17) **В то же время** при спирометрическом исследовании зарегистрированы более низкие значения (VI);

(18) **Вероятно**, это было связано с более интенсивным накоплением в дыхательных путях курильщиков пероксидазы гранулярных лейкоцитов (VI);

(19) **Кроме того**, определяли площадь ран, рассчитывали процент уменьшения площади ран (ПУП) (VII);

(20) **Более того**, метронидазол способствует профилактике присоединения анаэробной инфекции (VII);

(21) **Таким образом**, результаты проведенного нами исследования свидетельствуют... (VII).

Типичным проявлением академичности на стилистическом уровне можно считать лексические повторы и синтаксический параллелизм. Однако они не так часто встречаются в корпусе русских текстов и обнаруживаются в основном в разделе «Материалы и методы». Приведем примеры:

(22) **Причиной бесплодия** в 13 % случаев *был* мужской фактор, в 87 % случаев – **женское бесплодие**. **Причиной женского бесплодия** в 45 % случаев *являлся* трубно-перитонеальный фактор, 5 % – эндокринный фактор, 50 % – сочетанное бесплодие (IV);

(23) Так, в ФЖ **женщин с бесплодием** более 5 лет **уровень свДНК** *был* выше, чем в группе с длительностью бесплодия ≤ 5 лет (36,6 vs 40,9 нг/мл; $p = 0,03$) (рис. 1, с). **Уровень свДНК** в группах **женщин с первичным и вторичным бесплодием** (40,0 vs 41,1 нг/мл), мужским и женским **факторами бесплодия** (40,9 vs 39,2 нг/мл), а также с различными **факторами женского бесплодия** (трубно-перитонеальным, эндокринным, сочетанным) *значимо не различались* (IV).

Проанализированные примеры позволяют утверждать, что в русскоязычном корпусе авторы стараются избегать лексических повторов и используют сказуемые-синонимы для выражения одинакового действия. Возможно, это объясняется стремлением избежать тавтологии, которая для русской речи считается негативной характеристикой.

Реализации академичности научных текстов способствует хеджирование. Отметим, что данный прием использовался в исследуемых статьях нечасто: фразы, смягчающие категоричность авторской позиции, широко употреблялись лишь в 1 из 7 рассмотренных статей. В качестве средств реализации хеджирования как проявления академичности стиля зафиксированы вводные слова и фразы, а также глагольные конструкции с глаголом *мочь* в 3-м лице единственного или множественного числа.

Вероятно, такое поведение авторов – не проявлять уклончивость и осторожность,

представляя информацию, – можно объяснить их стремлением быть объективными, категорично и уверенно заявить о результатах собственных исследований с претензией на универсальность и обобщение. Кроме того, такая позиция авторов может быть обусловлена национально-культурной спецификой.

Выводы

Академичность является стилеобразующей чертой корпуса русскоязычных текстов медицинской тематики и имеет такие характеристики, как «типичность», «стандартизованность», «традиционность», отличающие ее от формальности.

Академичность реализуется на всех уровнях организации текста – лексическом, морфолого-синтаксическом, стилистическом.

К средствам реализации академичности на лексическом уровне относятся термины, аббревиатуры и акронимы, абстрактные существительные и существительные, образованные от глаголов, многосоставные номинативные группы, прилагательные (для определения видовой или иного рода характеристики предмета / явления), когнаты и слова, имеющие в своем составе элементы иноязычного происхождения. Высокая частотность использования прилагательных, когнативных и слов с заимствованными элементами отличают русскоязычные научные тексты от научных текстов на английском языке.

Реализация академичности на морфолого-синтаксическом уровне в текстах русскоязычного корпуса имеет ярко выраженную специфику, что может быть обусловлено структурой языка: употребление цепочек существительных в родительном падеже для образования многосоставных номинативных групп; пассивность, эксплицированная не только пассивными конструкциями – кратким страдательным причастием с глаголом *быть* и без него, но и возвратными глаголами с постфиксом *-ся* (*сь*); неактивное использование местоимений 1-го лица для декларирования авторской позиции. В научных текстах русскоязычного корпуса частотны неопределенно-личные предложения, акцентирующие внимание на действии, а не на его субъекте, но позволяющие автору оставаться в рамках логичности, объективности, от-

влеченности; простые предложения составляют незначительное количество и, как правило, осложнены вводными конструкциями, причастными и деепричастными оборотами, однородными членами; для описания результатов своих исследований авторы медицинских статей используют формы настоящего и прошедшего время.

На стилистическом уровне академичность реализуется с помощью связующих конструкций – вводных слов, лексических и синтаксических повторов и др.

Результаты проведенного количественного и дескриптивно-лингвистического анализа научных медицинских текстов русскоязычного корпуса имеют прикладное значение, так как знание особенностей научного стиля поможет работнику здравоохранения совершенствовать профессионально значимую компетенцию – «академическую грамотность», предполагающую умение создавать качественные статьи для презентации результатов научной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бондарко А. В., 1991. К определению понятия «залоговость». Активность и пассивность // Теория функциональной грамматики : Персональность. Залоговость. СПб. : Наука. С. 125–141.
- Григорьева О. Н., 2000. Стилистика русского языка. М. : НВИ-ТЕЗАУРУС. 164 с.
- Кожина М. Н., 2006. Научный стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М. : Флинта : Наука. С. 242–248.
- Колесникова Н. И., 2010а. Что важно знать о языке и стиле научных текстов (Статья 1) // Высшее образование в России. № 3. С. 130–137.
- Колесникова Н. И., 2010б. Что важно знать о языке и стиле научных текстов (Статья 2) // Высшее образование в России. № 6. С. 143–148.
- Корытко И. В., 2010. Категория залога и средства выражения пассивности в русском и английском языках (на материале произведений А.П. Чехова) // Вестник Брянского государственного университета. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-zaloga-i-sredstva-vyrasheniya-passivnosti-v-russkom-i-angliyskom-yazykah-na-materiale-proizvedeniya-p-chehova> (дата обращения: 24.02.2020).
- Костомаров В. Г., 2005. Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики. М. : Гардарики. 287 с.
- Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. В 2 т. Т. 1. Ч. 2, 1994 / под ред. М. Н. Кожиной. Пермь : Изд-во Перм. ун-та. 155 с.
- Стеблецова А. О., Торубарова И. И., 2019. Формальность как стилеобразующая характеристика академического английского: синхронический анализ научных медицинских текстов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 18, № 4. С. 157–173. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.12>.
- Чернявская В. Е., 2006. Интерпретация научного текста. М. : КомКнига. 128 с.
- Шевченко Р. Россия опустилась на 32-е место в мировом рейтинге по числу медицинских публикаций // Медвестник: портал российского врача. URL: <https://medvestnik.ru/content/news/Rossiya-opustilas-na-32-e-mesto-v-mirovom-reitinge-po-chislumedicinskih-publikacii.html> (дата обращения: 20.02.2020).
- Gillett A., Hammond A., Martala-Lockett M., 2009. Successful Academic Writing. Inside track. Harlow : Pearson Education. 334 p.
- Johansson V., 2008. Lexical Diversity and Lexical Density in Speech and Writing: A Developmental Perspective // Lund University, Dept. of Linguistics and Phonetics. Working Papers. Vol. 53. P. 61–79.
- Mićić S., 2013. Languages of Medicine – Present and Future // European Journal of Bioethics. Vol. 4, № 7. P. 217–233.
- Parkinson J., 2000. Acquiring Scientific Literacy Through Content and Genre: A Theme-Based Language Course for Science Students // English for Specific Purposes. Vol. 19, iss. 4. P. 369–387.
- Swales J. M., 1990. Genre Analysis: English in Academic and Research Settings. Cambridge : Cambridge University Press. 262 p.

ИСТОЧНИКИ

- I – Андреева Е. А., Хонина Н. А., Демченко Е. Н., Гаврилова Е. Д., Пасман Н. М., Козлов В. А., Черных Е. Р. Свободная ДНК в фолликулярной жидкости у женщин с различными показателями овариальной функции // Бюллетень сибирской медицины. 2019. Т. 18, № 2. С. 16–23. DOI: <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2019-2-16-23>.

- II – Васильева И. В., Григорьев П. Е. Изменения в эмоциональном состоянии и представлениях об образе своего тела у пациентов с дорсопатиями после курса медицинского массажа // Бюллетень сибирской медицины. 2019. Т. 18, № 2. С. 44–51. DOI: <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2019-2-44-51>.
- III – Газатова Н. Д., Юрова К. А., Гаврилов Д. В., Вульф М. А., Новицкий В. В., Тодосенко Н. М., Литвинова Л. С. Особенности клеточного иммунитета и регенерации при алкогольном фиброзе печени // Бюллетень сибирской медицины. 2019. Т. 18, № 1. С. 175–189. DOI: <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2019-1-175-189>.
- IV – Григорьян А. Ю., Бежин А. И., Панкрушева Т. А., Суковатых Б. С., Чекмарева М. С., Жилиева Л. В. Многокомпонентное раневое покрытие в лечении экспериментальной гнойной раны // Бюллетень сибирской медицины. 2019. Т. 18, № 3. С. 29–36. DOI: <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2019-3-29-36>.
- V – Григорьян А. Ю., Бежин А. И., Панкрушева Т. А., Суковатых Б. С., Чекмарева М. С., Жилиева Л. В. Применение многокомпонентной пленки в лечении ран в эксперименте // Бюллетень сибирской медицины. 2019. Т. 18, № 2. С. 60–68. DOI: <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2019-2-60-68>.
- VI – Пирогов А. Б., Приходько А. Г., Колосов В. П., Перельман Ю. М. Взаимосвязь курения с холодовой гиперреактивностью дыхательных путей и течением деструктивно-цитолитических процессов в бокаловидном эпителии бронхов больных бронхиальной астмой // Бюллетень сибирской медицины. 2019. Т. 18, № 3. С. 90–100. DOI: <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2019-3-90-100>.
- VII – Черных В. В., Коненков В. И., Ермакова О. В., Орлов Н. Б., Обухова О. О., Еремина А. В., Трунов А. Н. Содержание цитокинов и факторов роста во внутриглазной жидкости у пациентов с первичной открытоугольной глаукомой // Бюллетень сибирской медицины. 2019. Т. 18, № 3. С. 257–265. DOI: <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2019-1-257-265>.

СЛОВАРИ

Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка : Материалы для лексической разработки заимствованных слов в рус. лит. речи : С портретом и краткой биографией А.Н. Чудинова / сост. под ред. А. Н. Чудинова. 3-е изд. СПб. : В.И. Губинский, [1910]. X, 676 с., 1 л. портр. URL: [https://rusneb.ru/catalog/](https://rusneb.ru/catalog/000202_000006_2580523/viewer/?page=48)

000202_000006_2580523/viewer/?page=48 (дата обращения: 20.02.2020).

Толковый словарь Ожегова. URL: <http://ozhegov.org/> (дата обращения: 12.02.2020).

Merriam-Webster. URL: <https://www.merriam-webster.com> (date of access: 24.02.2020).

REFERENCES

- Bondarko A.V., 1991. K opredeleniyu ponyatiya «zalogovost'». Aktivnost' i passivnost' [To the Definition of “Voice Category”. Activity and Passivity]. *Teoriya funktsional'noy grammatiki: Personal'nost'. Zalogovost'* [Theory of Functional Grammar: Personality. Voice Category]. Saint Petersburg, Nauka Publ., pp. 125-141.
- Grigor'eva O.N., 2000. *Stilistika russkogo yazyka* [Stylistics of the Russian Language]. Moscow, NVI-TEZAVRUS. 164 p.
- Kozhina M.N., 2006. Nauchnyy stil [Scientific Style]. *Stilisticheskii entsiklopedicheskiy slovar russkogo yazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., pp. 242-248.
- Kolesnikova N.I., 2010a. Chto vazhno znat o yazyke i stile nauchnykh tekstov (Statya 1) [What Is Important to Know About the Language and Style of Academic Texts]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], no. 3, pp. 130-137.
- Kolesnikova N.I., 2010b. Chto vazhno znat o yazyke i stile nauchnykh tekstov (Statya 2) [What Is Important to Know About the Language and Style of Academic Texts]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], no. 6, pp. 143-148.
- Korytko I.V., 2010. Kategoriya zaloga i sredstva vyrazheniya passivnosti v russkom i angliyskom yazykah (na materiale proizvedeniy A. P. Chekhova) [Voice Category and Means of Expressing Passivity in Russian and English (Based on the Works of A.P. Chekhov)]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo univsiteta* [Bryansk State University Herald], no. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-zaloga-i-sredstva-vyrazheniya-passivnosti-v-russkom-i-angliyskom-yazykah-na-materiale-proizvedeniy-a-p-chehova> (accessed 24 February 2020).
- Kostomarov V.G., 2005. *Nash yazyk v deystvii. Ocherki sovremennoy russkoy stilistiki* [Our Language in Action. Essays on Contemporary Russian Stylistics]. Moscow, Gardarik Publ. 287 p.
- Kozhina M.N., ed., 1994. *Ocherki istorii nauchnogo stilya russkogo literaturnogo yazyka XVIII-XX vv. V 2 t. T. 1. Ch. 2* [Essays on the History of the Scientific

- Style of the Russian Literary Language, XVIII–XX Century. In 2 Vols. Vol. 1. Pt. 2]. Perm, Izd-vo Permskogo universiteta. 155 p.
- Stebletsova A.O., Torubarova I.I., 2019. Formalnost kak stileobrazuyushchaya kharakteristika akademicheskogo angliyskogo: sinkhronicheskiy analiz nauchnykh meditsinskikh tekstov [Formality as a Style-Forming Property of Academic English: Synchronic Analysis of Medical Research Texts]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 18, no. 4, pp. 157-173. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.12>.
- Chernyavskaya V.E., 2006. *Interpretatsiya nauchnogo teksta* [Interpretation of a Scientific Text]. Moscow, KomKniga Publ. 128 p.
- Shevchenko R. Shevchenko R. Rossiya opustilas na 32-e mesto v mirovom reytinge po chislu meditsinskikh publikatsiy [Russia Dropped to 32nd Place in the World Ranking in Terms of the Number of Medical Publications]. *Medvestnik: portal rossiyskogo vracha* [Medvestnik: Portal of a Russian Doctor]. URL: <https://medvestnik.ru/content/news/Rossiya-opustilas-na-32-e-mesto-v-mirovom-reytinge-po-chislu-medicinskih-publikatsiy.html> (accessed 20 February 2020).
- Gillett A., Hammond A., Martala-Lockett M., 2009. *Successful Academic Writing. Inside Track*. Harlow, Pearson Education. 334 p.
- Johansson V., 2008. Lexical Diversity and Lexical Density in Speech and Writing: A Developmental Perspective. *Lund University, Dept. of Linguistics and Phonetics. Working Papers*, vol. 53, pp. 61-79.
- Mičić S., 2013. Languages of Medicine – Present and Future. *European Journal of Bioethics*, vol. 4, no. 7, pp. 217-233.
- Parkinson J., 2000. Acquiring Scientific Literacy Through Content and Genre: A Theme-Based Language Course for Science Students. *English for Specific Purposes*, vol. 19, iss. 4, pp. 369-387.
- Swales J.M., 1990. *Genre Analysis: English in Academic and Research Settings*. Cambridge, Cambridge University Press. 262 p.
- Parameters of Ovarian Function]. *Byulleten sibirskoy meditsiny* [Bulletin of Siberian Medicine], 2019, vol. 18, no. 2, pp. 16-23. DOI: <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2019-2-16-23>.
- Vasilieva I.V., Grigoriev P.E. Izmeneniya v emotsionalnom sostoyanii i predstavleniyakh ob obraze svoego tela u patsientov s dorsopatiyami posle kursa meditsinskogo massazha [Changes in Emotional State and the Perception of Body Image in Patients with Dorsopathies after a Course of Medical Massage]. *Byulleten sibirskoy meditsiny* [Bulletin of Siberian Medicine], 2019, vol. 18, no. 2, pp. 44-51. DOI: <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2019-2-44-51>.
- Gazatova N.D., Yurova K.A., Gavrilov D.V., Vulf M.A., Novitskii V.V., Todosenko N.M., Litvinova L.S. Osobennosti kletochnogo immuniteta i regeneratsii pri alkoholnom fibroze pecheni [Features of Cellular Immunity and Regeneration for Alcoholic Fibrosis of the Liver]. *Byulleten sibirskoy meditsiny* [Bulletin of Siberian Medicine], 2019, vol. 18, no. 1, pp. 175-189. DOI: <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2019-1-175-189>.
- Grigoryan A.Y., Bezhin A.I., Pankrusheva T.A., Sukovatykh B.S., Chekmareva M.S., Zhilyaeva L.V. Mnogokomponentnoe ranevoe pokrytie v lechenii eksperimentalnoy gnoynoy rany [Multicomponent Wound Coating in Treatment of an Experimental, Purulent Wound]. *Byulleten sibirskoy meditsiny* [Bulletin of Siberian Medicine], 2019, vol. 18, no. 3, pp. 29-36. DOI: <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2019-3-29-36>.
- Grigoryan A.Y., Bezhin A.I., Pankrusheva T.A., Sukovatykh B.S., Chekmareva M.S., Zhilyaeva L.V. Primenenie mnogokomponentnoy plenki v lechenii ran v eksperimente [Experimental Usage of a Multicomponent Film in Treatment of Wounds]. *Byulleten sibirskoy meditsiny* [Bulletin of Siberian Medicine], 2019, vol. 18, no. 2, pp. 60-68. DOI: <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2019-2-60-68>.
- Pirogov A.B., Prikhodko A.G., Kolosov V.P., Perelman J.M. Vzaimosvyaz kureniya s kholodovoy giperreaktivnostyu dykhatelnykh putey i techeniem destruktivno-tsitoliticheskikh protsessov v bokalovidnom epiteli bronkhov bolnykh bronkhialnoy astmoy [The Influence of Smoking on the Formation of Airway Hyperresponsiveness to Cold and the Course of Destructive-Cytological Processes in the Goblet Cells of the Bronchial Epithelium in Patients With Asthma]. *Byulleten sibirskoy meditsiny* [Bulletin of Siberian Medicine], 2019, vol. 18,

SOURCES

- Andreeva E.A., Khonina N.A., Demchenko E.N., Gavrilova E.D., Pisman N.M., Kozlov V.A., Chernykh E.R. Svobodnaya DNK v follikulyarnoy zhidkosti u zhenshchin s razlichnymi pokazatelyami ovarialnoy funktsii [Cell-Free DNA in Follicular Fluid of Women with Different

no. 3, pp. 90-100. DOI: <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2019-3-90-100>.

Chernykh V.V., Konenkov V.I., Ermakova O.V., Orlov N.B., Obukhova O.O., Eremina A.V., Trunov A.N. Soderzhanie tsitokinov i faktorov rosta vo vnutriglaznoy zhidkosti u patsientov s pervichnoy otkrytougolnoy glaukomoy [Content of Cytokines and Growth Factors in the Intraocular Fluid of Patients with Primary Open-Angle Glaucoma]. *Byulleten sibirskoy meditsiny* [Bulletin of Siberian Medicine], 2019; vol. 18, no. 1, pp. 257-265. DOI: <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2019-1-257-265>.

DICTIONARIES

Chudinov A.N., ed. *Slovar' inostrannyh slov, voshedshih v sostav russkogo yazyka*:

Materialy dlya leksicheskoy razrabotki zaimstvovannyh slov v rus. lit. rechi: S portretom i kratkoy biografiey A.N. Chudinova [Dictionary of Foreign Words Included in the Russian Language: Materials for the Lexical Development of Borrowed Words in Russian Literary Speech. With a Portrait and a Brief Biography of A.N. Chudinov]. Saint Petersburg, V.I. Gubinskiy, [1910]. X, 676 p., 1 l. portr. URL: https://rusneb.ru/catalog/000202_000006_2580523/viewer/?page=48 (accessed 20 February 2020).

Tolkovyy slovar' Ozhegova [The Explanatory Dictionary by Ozhegov]. URL: <http://ozhegov.org/> (accessed 12 February 2020).

Merriam-Webster. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/academicism> (accessed 24 February 2020).

Information About the Author

Irina I. Torubarova, Senior Lecturer, Foreign Languages Department, Voronezh N.N. Burdenko State Medical University, Studencheskaya St, 10, 394036 Voronezh, Russia, torubarova69@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6712-1865>

Информация об авторе

Ирина Ивановна Торубарова, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко, ул. Студенческая, 10, 394036 г. Воронеж, Россия, torubarova69@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6712-1865>

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.7>

UDC 811.161.1(091)

LBC 81.411.2-03

Submitted: 31.01.2020

Accepted: 15.06.2020

GENRE PARAMETRIZATION OF RECEIPT IN THE MIDDLE 18th CENTURY (WITH REFERENCE TO “MIKHAILOVSKY STANITSA ATAMAN” ARCHIVE)¹

Elena M. Sheptukhina

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The relevance of the study is determined by the need to create linguistic corpora of historical sources – the acts and other documents of limited accessibility, which are stored in regional archives. The material for the work was the fund of Mikhailovsky village ataman of the State Archive of the Volgograd Region (SAVR, fund 332). The variety of genres, the documents of the fund belong to, determines elaboration of criteria for their genre parameterization aimed at their automatic identification. Thus, parametrization of receipts dating back to 1752 and 1753 has been carried out in the article. In the system of Cossack Don Host area administrative communication, the receipts are noted to have been assertive documents, which conveyed official and personal information. The speech means of expressing genre parameters determined by the communicative situation and correlated with the document form are identified: name, addresser, addressee, function, structure, the type of transmitted information, spatio-temporal localization of the document. The variability of speech embodiment of the receipt form is shown. The genre speech markers, significant for meta-marking, include: the self-name of the document in combination with a demonstrative or possessive pronoun (*сию расписку* / this receipt); verb forms expressing an alleged action; addresser’s signature, regarded as a document identification marker. The set of markers relevant for meta-marking might be extended, conditioned by the range of sources growth and contrasting the receipts with the documents of some other genres.

Key words: history of the Russian language, regional business writing, document, genre, genre parameter, receipt, linguistic corpora.

Citation. Sheptukhina E.M. Genre Parametrization of Receipt in the Middle 18th Century (With Reference to “Mikhailovsky Stanitsa Ataman” Archive). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 5, pp. 74-86. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.7>

УДК 811.161.1(091)

ББК 81.411.2-03

Дата поступления статьи: 31.01.2020

Дата принятия статьи: 15.06.2020

ЖАНРОВАЯ ПАРАМЕТРИЗАЦИЯ РАСПИСОК СЕРЕДИНЫ XVIII в. (НА МАТЕРИАЛЕ АРХИВНОГО ФОНДА МИХАЙЛОВСКОГО СТАНИЧНОГО АТАМАНА)¹

Елена Михайловна Шептухина

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблеме квалифицирования документов разных жанров в процессе создания лингвистических корпусов малодоступных исторических актовых источников, хранящихся в региональных архивах. Материалом для работы избран фонд Михайловского станичного атамана Государственного архива Волгоградской области (фонд 332, опись 1). В статье с целью описания жанровых параметров документа для его автоматического распознавания произведена параметризация расписок, датированных 1752 и 1753 годами. Установлено, что в системе делопроизводства канцелярий Войска Донского расписки представляют собой утвердительные документы официального или личного характера. Выявлены речевые средства выражения параметров жанра, задаваемые коммуникативной ситуацией и формуляром документа: название, адресант, адресат, функция, структура, характер передаваемой информации, пространственно-временная локализация документа. Показана вариативность речевого воплощения формуляра расписки. В качестве речевых маркеров жанра для метаразметки определены самоназвание документа в сочетании с указательным местоимением (*сию расписку*), глагольные формы, выражающие утверждаемое действие, подпись адресанта, оформленная как реквизит документа. Набор маркеров для жанровой метаразметки может быть дополнен при расширении источников и сопоставлении расписок с документами других жанров.

Ключевые слова: история русского языка, региональная деловая письменность, документ, жанр, параметры жанра, расписка, лингвистический корпус.

Цитирование. Шептухина Е. М. Жанровая параметризация расписок середины XVIII в. (на материале архивного фонда Михайловского станичного атамана) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 5. – С. 74–86. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.7>

Введение

Разноаспектное изучение локальной деловой письменности стало актуальным направлением диахронической лингвистики. Об этом свидетельствует появление в последние годы большого количества публикаций, выполненных на материале исторических актовых источников (см., например: [Ганжина, 2019; Городилова, 2019; Картавенко, 2019; Кюршунова, 2019; Руссу, Челак, 2019; и др.]). Особый научный интерес вызывают документы XVIII в., хранящиеся в региональных архивах и отражающие бытование русского языка в различных этно- и социокультурных условиях в процессе его становления как литературного языка (см., например: [Майоров, 2019; Русанова, 2019; Сусеева, Торопицын, Кундакбаева, 2019; Шамшин, 2019; и др.]). Одним из инструментов описания таких текстов может стать их представление в формате лингвистического корпуса. На решение задач создания аннотированного лингвистического корпуса локальных документов направлены исследования коллектива русистов Волгоградского государственного университета. В качестве материала для работы избран фонд Михайловского станичного атамана² (Государственный архив Волгоградской области, фонд 332, опись 1, дела 1–158, 1734–1837 гг.), так как это целостное собрание до-

кументов, объединенных местом их создания, преемственностью правил составления, писцовыми традициями и функционировавших в одной языковой среде.

Целесообразным при разработке критериев представления документных текстов в электронно-поисковой системе следует признать жанровый подход³, поскольку он является универсальным способом осмысления всего многообразия документов, обеспечивающих деловую коммуникацию на территории Войска Донского. В фонд входят войсковые грамоты, доношения, рапорты, прошения, предложения, промемории, сказки, письма, подорожные, высочайшие указы, приговоры, списки казаков, реестры, записи о почтовых отправлениях, казаках, расписки, ведомости прихода / расхода денег, покормежные, сообщения, справки, известия, определения военного суда, доездные памяти и другие документы. Такое жанровое разнообразие обусловило поиск общих параметров, на основе которых может осуществляться метаразметка, позволяющая, с одной стороны, автоматизировать обработку всего массива источников, с другой стороны, производить поиск лингвистической информации по их метаданным.

В статье «Жанровые особенности войсковых грамот середины XVIII в. (по материалам архивного фонда “Михайловский станичный атаман”» членами исследовательского

коллектива предложена коммуникативно-дискурсивная модель документного жанра, объединяющая следующие параметры: адресант, адресат, функция, структура, характер передаваемой информации, пространственно-временная локализация документа [Горбань и др., 2016, с. 184]. При этом важно отметить, что «параметры жанра соотносятся с общими текстовыми категориями и свойствами документа; эксплицированы в речевой структуре текста разноуровневыми средствами языка и допускают вариативность; взаимодействуют между собой, и это взаимодействие не линейное, а многовекторное и разноплановое» [Горбань и др., 2016, с. 184]. Эта модель апробирована в публикациях, отражающих результаты параметризации документов фонда Михайловского станичного атамана для их метаразметки. Охарактеризованы прежде всего документы середины и второй половины XVIII в., широко представленные в фонде в силу их активного функционирования на территории Войска Донского: войсковые грамоты [Горбань и др., 2016; Косова, 2016; Шептухина, 2017], доношения [Горбань, 2019; Сафонова, 2017], рапорты (репорты) [Горбань, 2019; Косова, 2016], пашпорты [Косова, 2019], предложения [Сафонова, 2018]. Кроме того, с использованием указанной модели проведена параметризация документов разных жанров, единичных в исследуемом фонде: сказок [Шептухина, 2019], сообщений и известий [Косова, 2020]. Мало представлены в фонде и расписки – документы, удостоверяющие факт принятия в распоряжение кого-, чего-либо. Они проанализированы в статье в аспекте выявления жанровых параметров и речевых средств их выражения.

Материал и методы исследования

Самые ранние расписки, сохранившиеся в фонде, датированы 1752 г. (д. 7, л. 18) и 1753 г. (д. 8, л. 22, 25, 43, 44; д. 9, л. 14–15, 33, 37, 39). Именно эти документы и стали объектом анализа в статье. Они написаны скорописью начала XVIII в., являются подлинниками входящих и внутренних документов и не содержат исправлений. Исключение составляет расписка поручика Кирилы Колыванова в принятии колодника Ильи Давыдова с женою,

датированная 14 ноября 1753 г. (д. 9, л. 33). В тексте документа пропущено имя колодника. Правка осуществлена посредством вставки пропущенного имени, которое приписано на левом поле документа. Место вставки в тексте и на левом поле помечено специальным символом (подробно о способах правки в документах фонда см.: [Горбань, Косова, Шептухина, 2018, с. 44–45]). Текст каждого документа написан одним почерком, при этом некоторые расписки (д. 8, л. 25, 43, 44; д. 9, л. 33, 37, 39) содержат подписи и удостоверяющие записи, выполненные другими почерками.

В статье рассматриваются расписки, которые имеют самоназвание, и документы, которые не имеют его, но на основании содержания и общности речевых средств его выражения с документами, имеющими самоназвание, могут быть охарактеризованы как документы этого жанра.

Жанровая параметризация проводилась с использованием методов, общих для работ членов исследовательского коллектива: формулярного и содержательного анализа, лексико-семантического и контекстуального анализа документов (подробно о методах анализа документов фонда см.: [Горбань, 2019, с. 47–48]). Общность методов анализа обеспечивает возможность корректного сопоставления документов разных жанров (видов) и использования полученных результатов для проведения метаразметки всех источников, хранящихся в фонде.

Результаты и обсуждение

Временем появления расписки как жанра (вида) документа, согласно наблюдениям А.Н. Качалкина, можно считать вторую половину XVI в. – первую половину XVII века. Его закрепление в делопроизводственной практике способствовало Соборное уложение 1649 г. [Качалкин].

Представленные в фонде расписки различаются по содержанию. Используя современную терминологию, их можно определить как официальные документы: расписки в принятии колодников (д. 8, л. 24, 43; д. 9, л. 33, 37), почтовых отправок (д. 8, л. 22) – и личные документы: расписки в получении денег и продуктов, иногда с росписью купленного или взя-

того (д. 7, л. 18; д. 8, л. 43; д. 9, л. 14–15, 39). Параметризация расписок осуществляется с учетом этого деления, поскольку отмеченные содержательные различия находят отражение в структуре документов и речевом воплощении жанровых параметров.

Параметр «адресант» в исследуемых документах эксплицирован, однако способы его выражения различаются. Так, в документах официального характера адресант – это всегда конкретное лицо, указание на которое содержится в реквизите «подпись». Оно выражено существительным (со значением социального статуса лица) в сочетании с антропонимом: *писарь Иванъ Долговъ*⁴ (д. 8, л. 22), *порутчикъ Кирила Колывановъ, канцеляристъ Алексеѣи Белскои* (д. 8, л. 25, 43, д. 9, л. 37). В тексте расписки адресант не выражен ни лексически, ни грамматически; юридически значимое действие, фиксирующее факт принятия кого-, чего-либо выражено кратким страдательным причастием – *принеты*. Использование этой грамматической формы отражает тенденцию к безличности как проявлению объективности – одного из свойств документа.

В документах личного характера адресант – это тоже всегда конкретное лицо, на которое указывают антропонимы и/или существительные, обозначающие социальный статус: *Ажень Лащилин* (д. 8, л. 44); *Воска*⁵ *Доньскаго старшына Петръ Лащилинъ* (д. 7, л. 18); *Михайловскои станицы казакъ Проковий Одетовъ* (д. 9, л. 15). Эти документы написаны от первого лица, на что указывает местоимение: *принел я церковных денег у Василя панамаря* (д. 8, л. 44); *определенъ я от нашеи Михайловскои станицы ц(е)рковнаго управителя Ажена Лащилина для покупки црковным кирпичнымъ мастерамъ договорнаго числа запасу и хорчехова и протчихъ принадлежностей* (д. 9, л. 14); *куплено мною* (д. 9, л. 14). В некоторых расписках их личный характер актуализирован в тексте указанием на собственноручное составление документа: *сию расписку дал за рукою моею* (д. 8, л. 44), *своелично писал* (д. 9, л. 15).

Параметр «адресат» по-разному реализуется в расписках официального и личного характера.

В документах официального характера адресат не эксплицирован и определяется ситуативно. Расписка не является самостоятельным документом: она – часть документного сопровождения поимки и этапирования колодников, беглых, пленных и т. д. Ее оформление требуется в соответствии с выданными конвойному документами (пашпортом, промеморией и др.). Например, в пашпорте от станичного атамана Михайловской станицы Мирона Дежемесова казакам той же станицы Максиму Пахомову и Петру Деменкову для сопровождения бывшего пленного однодворца Акима Никитина (19 ноября 1747 г.) читаем: *а в городе Казлове г(о)с(по)д(и)ну команду имѣющему пожаловат оного пленного Никитина принять и в принятии предписанным козакам благоволено б было приказат дать расписку* (д. 4, л. 4); а в промемории Волжского войска донским станичным атаманам станиц от Качалинской до Михайловской о препровождении трех колодников в Хоперскую крепость (31 августа 1752 г.): *отправлѣных от Волсаго войска трех ч(е)л(о)в(ѣ)къ колодниковъ... <...> ...Даже до Хоперскои крѣпости отправлят(ь) за своим камвоем и ис Качалинскои станицы в приеме оных здешнѣму камвоем дат(ь) росписку* (д. 7, л. 16). Таким образом, в качестве адресата официальных расписок в принятии колодников может быть установлен адресант сопроводительного документа – пашпорта или промемории.

В расписках личного характера адресат эксплицирован посредством существительных, обозначающих лицо по социальному статусу, и/или антропонимов: *ктитору Акѣону Лащилину* (д. 9, л. 15); *Михайловскои станицы станицному атаману* (д. 9, л. 39). Адресатом может быть лицо, от которого принимаются денежные средства. На это указывает местоимение третьего лица в дат. п. и повтор антропонима: *принел я церковных денег у Василя панамаря... <...> ...В том сию ему Василю сию расписку дал* (д. 8, л. 44).

Параметр «функция» характеризует цель документа и обусловленное ею содержание. В соответствии с имеющимися в исследованиях функциональными классификациями документов XVIII в., расписки являются удостоверительными документами [Майоров,

2006, с. 28, 69]. Они фиксируют такие предметные ситуации, как передача, дарение имущества, предоставление права на имущество [Качалкин, 1988, с. 41], а также состояние документов в канцелярии и архиве [Качалкин, 1988, с. 45]. Согласно предложенной А.Г. Косовым классификации, основанной на прагматическом критерии, расписка относится к жанрам, придающим какому-либо событию юридический статус. Они противопоставлены документным жанрам, выражающим побуждение к действию и информирующим адресата [Косов, 2004, с. 10].

Итак, расписки выполняли удостоверительную функцию, поскольку цель документа состояла в фиксации факта приятия в свое распоряжение кого-, чего-либо каким-либо (должностным) лицом. Этот параметр реализуется в тексте посредством глаголов лексико-семантической группы приобщения объекта: в официальных расписках это только краткое страдательное причастие *приняты* (от *принять*), в личных расписках это формы прошедшего времени и кратких страдательных причастий от глаголов *забрать*, *принять*, *купить*.

Функция документа обуславливает его модальность. В расписках доминирует модальное значение реальности сообщаемого. Реальные события в прошлом обозначаются глаголами совершенного вида в форме прошедшего времени (*принял*, *дал*) и страдательными причастиями прошедшего времени (*приняты*, *куплено*, *забрано*).

Параметр «структура» задается параметром «функция» и реализуется в формуляре – наборе элементов, расположенных в определенном порядке. Важным элементом формуляра является название документа, поскольку оно эксплицирует жанровую (видовую) принадлежность документа. Слово *расписка*, выступающее в качестве самоназвания, фиксируется в «Словаре Академии Российской» в одном значении: «собственноручное свидетельство, в знак удостоверения чего-либо данное» (САР, стб. 850). В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» представлена развернутая система значений слова *расписка*, связанных с официально-деловой сферой: 1) распределение, осуществленное письменно, закрепленное на письме; 2) запись

за разными владельцами частей разделенного угодья; 3) процедура приема-передачи дел (при смене должностных лиц); 4) роспись, перечень; 5) документ с подписью, удостоверяющий что-либо; 6) расхождение в показаниях разных документов, написанных одним лицом (или от его имени) (СлРЯ XI–XVII вв., с. 24–25). В словарном толковании отражены минимальные различия в предметных ситуациях, которые могут быть утверждены распиской. В документах архивного фонда слово *расписка* использовано в качестве самоназвания документов только в значении «документ с подписью, удостоверяющий что-либо».

Наличие самоназвания дифференцирует анализируемый материал: официальные документы самоназвания не имеют, в личных документах оно является обязательным элементом формуляра, хотя графически и синтаксически не выделено из текста и включено в состав предложения, например: *в томъ сию и росписку ц(е)рковныхъ управителъ ктитору Акѣону Лащилину далъ* (д. 9, л. 15). Существенным для проведения жанровой разметки считаем употребление в исследуемых документах самоназвания в сочетании с указательным местоимением: *сию расписку (росписку)*, разграничивающим самоназвание и название документа, упоминаемого в других актовых источниках – пашпортах и промемориях.

Официальные и личные расписки обнаруживают отличия в структурной организации. Официальные расписки имеют типовую структуру, которая включает следующие компоненты: дату и место создания документа (они совпадают с датой и местом осуществления удостоверяемого события), исходный пункт, кто (что) доставлен(о), в соответствии с каким документом, сопровождающее (передающее) лицо, подпись принимающего лица, подпись лица, составившего документ. (см. табл. 1).

Элементы структуры, кроме подписей, графически не выделены из текста. Имея жесткую последовательность расположения, они образуют одно предложение.

Подписи лица, принимающего колодников, и должностного лица канцелярии, составившего документ, оформлены как реквизиты формуляра: они выделены графически

(расположены после отступа от текста документа и смещены к правому краю листа; выполнены разными почерками) и синтаксически (представляют собой сочетание антропонима с существительным, обозначающим со-

циальный статус лица, в им. п.; не являются предложением).

Расписка в приеме почтовых отправлений имеет структуру, схожую со структурой расписок в приеме колодников (табл. 2).

Таблица 1. Структура расписки поручика Кирилы Колыванова в приеме колодников у казака Лариона Сонины, 4 июля 1753 г.

Table 1. The structure of receipt issued by poruchick Kirila Kolyvanov on acceptance of prisoners from Cossack Larion Sonin on July 4, 1753

Документ ГАВО, фонд 332, опись 1, дело 8, лист 43	Структура документа
1753г(о) году июля 4г(о) дня в канцелярии Хоперской крепости присланные Волскаго воиска из воисковой канцелярии при проеморий колодники Шацкаго уѣзду села Преображенскаго Вердеревщина тожь церкви Преображения Господня понамар Владимир Ивановъ Епифанскаго уѣзду села Рождественнаго княз Михаила Михайловича Галицына крестьянинъ Степан Василевъ сын Плотниковъ и в Шацкую правинциальную канцелярию о вышеписанном понамаре проемория у канвоинаго косака Михайловской станицы Лариона Сонины приняты	дата, место создания документа исходный пункт, отсылка к другому документу, перечисление принятых
Порутчикъ Кирилы Колывановъ	отсылка к другому документу, сопровождающее лицо
Канцеляристъ Алезѣи Белской	утверждаемое действие принимающее лицо = адресант (подпись) должностное лицо, составившее документ (подпись)

Таблица 2. Структура расписки писаря Ивана Долгова в принятии почтовых отправлений, 4 апреля 1753 г.

Table 2. The structure of receipt issued by pisar Ivan Dolgov on acceptance of mail on April 4, 1753

Документ ГАВО, фонд 332, опись 1, дело 8, лист 22	Структура документа
1753г(о) году апреля 4г(о) дня присланные из Михайловско станицы 6 пакетовъ крѣпости святаы Анны из гарнизонно канцелярии три да от инженерной команды одинъ 1; 2 в г(о)с(у)д(а)рстввенную каморъ ² коллегию 3 в кантору артиллерискою 4 полковнику Даниле Деувскому да Воиска Донскаго из воисковой канцелярии два 1 в Нижеломовскую воевоцкую канцелярию 2 в Пензенскую правинциальную канцелярию в Хоперской крѣпости на почтѣ чрез то станицы казака Ѳедора Пчеленцова принеты писарь Иванъ Долговъ	дата, место создания документа исходный пункт, перечисление принятого сопровожающее лицо принимающее лицо = адресант = должностное лицо, составившее документ (подпись)

Структура расписок личного характера отличается от структуры документов официального характера вариативностью компонентов формуляра и последовательности их расположения. Содержательно большинство личных расписок можно представить как двухчастные: первая часть содержит сведения о дате и месте создания документа (они совпадают с датой и местом осуществления утверждаемого действия), адресанте, адресате, утверждаемом действии, свидетелях, о том, что принимается), вторая часть содержит утверждение,

которое вводится предложно-падежной формой указательного местоимения *в том*, а также самоназвание и подпись (табл. 3).

Среди документов фонда представлены расписки с иным расположением компонентов формуляра: в первой части содержится дата составления документа, указаны адресант, адресат, дано самоназвание и утверждение действия, во второй части обозначено утверждаемое действие, даны характеристика полученного и подпись, графически и синтаксически выделенная из текста (табл. 4).

Таблица 3. Структура расписки Аксена Лащилина в принятии церковных денег от пономаря Василия, 5 июля 1753 г.

Table 3. The structure of receipt issued by Aksjon Lashchilin on acceptance of the church money from sexton Vasilij on July 5, 1753

Документ	Структура документа
ГАВО, фонд 332, опись 1, дело 8, лист 44	
1753го годъ июля 5 числа принял я церковных денег у Василя панамаря при свещеннике Иване Назарове и при станищном атамане Григорю Пекову есауле Меренову девеноста рублевь в том сию ему Василию сию расписку дал за рукою моею Азень Лащилин	дата, утверждаемое действие, адресант, свидетели
вѣрно	перечисление принятого самоназвание адресант (подпись?)
	утверждение (выполнено другим почерком)

Таблица 4. Структура расписки старшины Андрея Юдина михайловскому станищному атаману в принятии из кабаков Михайловской станицы меда, 18 ноября 1753 г.

Table 4. The structure of receipt issued by starshina Andrey Yudin to Mikhailovsky ataman on acceptance of honey from the pubs of Mikhailovskaya Cossack village on November 18, 1753

Документ	Структура документа
ГАВО, фонд 332, опись 1, дело 9, лист 39	
1753 году ноября 18 г(о) дня Войска Донскаго старшина Андреи Юдинъ дал сию расписку, Михайловской станицы станищному атаману, что забрано им, с ыюня месеца по вышеписанное число в Михайловских войсковых и станищных ихъ кабаках по билетам меду; у Малика двесте дватцат две; у Семидетнова двесте шестнацат; у Калмыкова сорокъ семь; у Шеметова восемдесят девят; у Исаева дватцат три; да еще у Малика ж петдесят пять всего шестьсот петдесят две асмухи;	дата адресант утверждение, самоназвание адресат утверждаемое действие перечисление полученного
старшина Андреи Юдинъ	принимающее лицо = адресант (подпись) (выполнено другим почерком)

Как видим, личные расписки, характеризуясь структурной вариативностью, отличаются от официальных расписок тем, что, во-первых, включают такие компоненты формуляра, как «адресант» и самоназвание, во-вторых, указание на утверждаемое действие расположено в начале документа, в-третьих, не содержат компонента «место совершения утверждаемого действия» (эти документы, видимо, действуют в рамках одной станицы). В расписках личного характера, как и в официальных расписках, компоненты формуляра ни графически, ни синтаксически не выделены из текста. Их функцию выполняют некоторые лексические единицы и речевые формулы в структуре предложений. Однако подпись может быть оформлена как реквизит.

Параметр «характер передаваемой информации» связан с функцией документа, в соответствии с которой расписка передает фактуальную информацию. Она выражается вербально-цифровыми обозначениями даты создания документа: *1752 году сентябрь 14 дня* (д. 7, л. 18); *1753 г(о) году мая 10 дня* (д. 8, л. 25) – и места его создания: *в канцелярии Хоперской крепости* (д. 8, л. 43).

Характер информации отражает функционирующая в документе лексика:

– антропонимы: *Петр Лащилин, Иванъ Долговъ, Кирила Колыванов, Иван Рябухов, Селиверстъ Яковлевъ, Семидетнов, Калмыков, Авонасеи Ивановъ сынъ Милованов* и мн. др.;

– топонимы: *Михайловская станица, село Преображенское, город Козлов*;

– наименования фортификационных сооружений: *Хоперская крепость, крѣпости святыя Анны*;

– наименования административно-территориальных единиц и учреждений: *Воиска Донскаго, Волуискаго уѣзду, Епифановский уѣзд, Нижеломовская канцелярия, каморъ колегия, кантору артилерискую, на почтѣ* и др.;

– наименования армейских подразделений: *от инженерной команды, Волскаго (Волжского) воиска*;

– наименования видов документов: *про-мемория*;

– наименования лиц по социальному статусу и воинские звания: *станицный атаман,*

старшина, ктитър, казак, канцеляристъ, колодник, однадворецъ, крестьянин, поручик, есаул и др.

– наименования мер и денежных единиц: *асьмухи, ведро, пуд, четвертей; рублев, копеек*;

– числительные, обозначающие количество принятого, например, в расписке старшины Андрея Юдина михайловскому станичному атаману в принятии из кабаков Михайловской станицы меда, 18 ноября 1753 г. (см. табл. 4).

– наименования предметов быта: *лопаты, ушаты, шайки, бочки* и др.;

– наименования продуктов: *масла, сала, муки, вина* и др.

Фактуальную информацию эксплицируют и языковые средства, создающие объективированность изложения: подчеркивающее достоверность изложенных фактов наречие *вѣрно* (= правильно, действительно); предложно-падежные конструкции, выражающие значение ‘свидетельствование’: антропонимы в предл. п. с предлогом *при*, который использовался при обозначении лица, в присутствии которого совершается действие: *при священнике Иване Назарове и при станицном атамане Григорю Пекову есауле Меренову* (д. 8, л. 44).

Информация фактуального характера составляет основу содержания документа исследуемого вида. Кроме нее, в расписках передается и социокультурная информация, которую, по мнению М.В. Косовой, «можно понимать как культурно-исторический фон, знания, обуславливающие достоверность интерпретации фактуальной информации. Передача такой информации не является целью документа, но содержание текста отражает определенную систему социальных координат, канонов отношений, правил, которые существовали в Войске Донском» [Косова, 2019, с. 11–12]. Социокультурной информацией в анализируемых расписках считаем информацию об организации в канцеляриях Войска делопроизводства, ведении следственных дел, организации хозяйственной деятельности и т. д.

Параметр «пространственно-временная локализация». В каждом документе, как мы уже отмечали, содержится вербально-цифровое обозначение даты его созда-

ния, которая характеризует локализацию документа во времени. Пространственная локализация документа осуществляется при указании на адресанта и удостоверяемое действие посредством употребления названий административных единиц, входящих в Войско Донское (*Михайловская станица* и *Хоперская крепость*).

Заключение

Результаты проведенного анализа жанровых параметров в их взаимодействии, выявленные речевые средства их реализации позволили определить расписку как документ официального или личного характера, который выполняет утвердительную функцию и действует в пределах Войска Донского. Формуляр официальных расписок имеет типовую структуру, формуляр личных расписок обнаруживает вариативность в наборе компонентов и последовательности их расположения. Речевое воплощение жанровых параметров обнаруживает сходства и различия, однако представляется возможным определить речевые маркеры расписки, которые в совокупности могут быть использованы для метаразметки, позволяющей осуществлять автоматическое распознавание жанра источника. Это самоназвание документа в сочетании с указательным местоимением (*сию расписку*), краткое страдательное причастие *приняты*, выражающее утверждаемое действие, подпись адресанта, оформленная как реквизит документа.

Набор маркеров для жанровой метаразметки может быть дополнен при расширении источников за счет текстов второй половины XVIII в. и сопоставлении расписок с документами других жанров.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00246 «Параметризация текстов как основа создания лингвистического корпуса архивных документов XVIII–XIX вв. канцелярий Войска Донского».

The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) in the

framework of research project no. 19-012-00246 “Parameterization of Texts as a Base for Creating the Linguistic Corpora of Archive Documents of the 18th–19th c. of Don Cossack Host Chancelleries”.

² Станица Михайловская исторически входила в Хоперский округ Войска Донского [Рябов, 2018, с. 269].

³ Жанровый подход активно используется в диахронической лингвистике при выявлении специфики функционирования языковых единиц разных уровней, изучении истории функциональных стилей, формирования свойств документного текста, функционирования документных систем (см., например: [Гедеева, 2019; Трофимова, 2002; Чирейкин, 2019; и мн. др.]).

⁴ Тексты документов и примеры из них приводятся в упрощенной графике (титла раскрыты, выносные буквы даны в строку) с отдельным написанием предлогов и союзов, использованием прописных букв в именах собственных. В остальном орфография оригинальных документов сохранена. При цитировании указывается номер дела и листа.

⁵ *Воска* – так в документе; в м. *Войска*.

⁶ Так в документе.

⁷ Так в документе; в м. *камерь*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ганжина И. М., 2019. К вопросу об одной функции личных имен (на материале тверской деловой письменности XVI–XVII веков) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. № 5. С. 63–70. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.5.63.
- Гедеева Д. Б., 2019. Увольнительное письмо как жанр калмыцкой деловой письменности XVIII вв. // Монголоведение. № 3. С. 583–593. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-32-583-593.
- Горбань О. А., 2019. Доношения и рапорты донских казаков в середине XVIII в.: источниковедческий анализ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 24, № 4. С. 45–59. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.4.4>.
- Горбань О. А., Ильинова Е. Ю., Косова М. В., Шептухина Е. М., 2016. Жанровые особенности войсковых грамот середины XVIII в. (по материалам архивного фонда «Михайловский станичный атаман») // Известия Уральского федерального университета. Серия 2, Гуманитарные науки. Т. 18, № 4 (157). С. 182–199. DOI: 10.15826/izv2.2016.18.4.074.

- Горбань О. А., Косова М. В., Шептухина Е. М., 2018. Черновой текст как основа реконструкции речемыслительной деятельности (на материале региональных документов XVIII в.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 17, № 4. С. 40–54. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.4>.
- Городилова Л. М., 2019. Экстралингвистические условия формирования русского топонимикона Приенисейской Сибири (на материале памятников деловой письменности XVII века) // Научный диалог. № 5. С. 25–45. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-5-25-45.
- Картавенко В. С., 2019. Социалингвистическая характеристика смоленских памятников письменности XVI–XVII веков // Известия Смоленского государственного университета. № 2 (46). С. 87–99.
- Качалкин А. Н., 1988. Жанры русского документа допетровской эпохи. В 2 ч. Ч. 2. Филологический метод анализа документа. М. : МГУ. 119 с.
- Качалкин А. Н. Русские документы до XVIII века. URL: http://genhis.philol.msu.ru/printer_136.html (дата обращения: 30.01.2020).
- Косов А. Г., 2004. Эволюция документных жанров в деловом языке XVIII века : На материале рукописных и печатных текстов Объединенного государственного архива Челябинской области : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск. 25 с.
- Косова М. В., 2016. Динамика жанровых параметров региональных документов XVIII века // Текст в языке, речи, культуре : сб. науч. ст. Минск : РИВШ. С. 123–134.
- Косова М. В., 2019. Жанровые параметры паспорта середины XVIII в. (по материалам архивного фонда «Михайловский станичный атаман») // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 18, № 2. С. 6–15. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.1>.
- Косова М. В., 2020. Параметризация текстов документов как способ жанровой идентификации // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия «Филология, педагогика, психология». Вып. 1. С. 48–55.
- Кюршунова И. А., 2019. Личное имя как антропонимическая презентация человека в документах Карелии XV–XVII веков // Научный диалог. № 9. С. 103–129. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-103-129.
- Майоров А. П., 2006. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. М. : Азбуковник. 263 с.
- Майоров А. П., 2019. Сверхтекст в Забайкальской деловой письменности XVIII в. как источник реконструкции региолекта того времени // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. № 3. С. 34–45. DOI: 10.23683/1995-0640-2019-3-34-45.
- Русанова С. В., 2019. Наименования просительных документов в законодательных актах и региональных документах XVIII века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 18, № 2. С. 16–26. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.2>.
- Руссу К. Р., Челак Е. А., 2019. Архивные документы XIX века как источник изучения розыскного делового языка // Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 11, № 5. С. 63–72. DOI: 10.17748/2075-9908-2019-11-5-63-72.
- Рябов С. И., 2018. Область Войска Донского. Хоперский округ (Поселения и население). Волгоград : ПринТерра-Дизайн. 648 с.
- Сафонова И. А., 2017. Структурные и речевые особенности доношений XVIII века (на материале архивного фонда «Михайловский станичный атаман») // Документ как текст культуры. Тула : Тул. произв. полиграф. об-ние. С. 48–52.
- Сафонова И. А., 2018. Композиционно-речевые особенности предложений канцелярии Области Войска Донского (на материале архивного фонда «Михайловский станичный атаман») // Национальные коды в языке и литературе. Язык и культура : сб. ст. по материалам Международ. науч. конф. «Национальные коды в языке и литературе» (1–3 декабря 2017 г.). Н. Новгород : ДЕКОМ. С. 274–280.
- Сусеева Д. А., Торопицын И. В., Кундакбаева Ж. Б., 2019. Лингвистические аспекты документов Калмыцкой комиссии (1741–1745 гг.) о взаимоотношениях между калмыками и казаками // Вестник Калмыцкого университета. № 2 (42). С. 74–83.
- Трофимова О. В., 2002. Тюменская деловая письменность. 1762–1796 гг. Кн. III. Тюменские рукописные деловые тексты 1762–1796 гг. в аспектах лингвистики и документоведения : Лингвистический анализ текста. Тюмень : Вектор Бук. 232 с.
- Чирейкин М. К., 2019. Жанры деловой письменности XVII века как инструментальный диахронного анализа исторического текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 12, вып. 5. С. 33–37. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.5.7>.
- Шамшин И. В., 2019. Наименования должностных лиц в памятниках деловой письменности конца XVII – первой четверти XVIII века // Русский

язык в славянской межкультурной коммуникации : сб. науч. тр. по итогам Междунар. конф., посвящ. памяти д-ра филол. наук, проф. К. А. Войловой / отв. ред. О. В. Шаталова. М. : ИИУ МГОУ. С. 245–253.

Шептухина Е. М., 2017. Сфера субъекта региональных документов XVIII века: динамический аспект // Научный диалог. № 1. С. 46–59. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-114-129.

Шептухина Е. М., 2019. Жанровые параметры сказки как документа середины XVIII века в аспекте создания лингвистического корпуса // Научный диалог. № 11. С. 114–120. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-114-129.

ИСТОЧНИК И СЛОВАРИ

Михайловский станичный атаман // Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. 332. Оп. 1.

САР – Словарь Академии Российской. В 6 т. Т. 4. М–Р. СПб. : При Императ. Акад. наук, 1793. 1292 стб.

СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. М. : Наука, 1975– . Вып. 22 : Раскидаться – Рященко. 1997. 298 с.

REFERENCES

- Ganzhina I.M., 2019. K voprosu ob odnoy funktsii lichnykh imen (na materiale tverskoy delovoy pis'mennosti XVI–XVII vekov) [On One Function of Personal Names (Based on Tver Business Manuscripts of the 16th-17th Centuries)]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsialnye nauki* [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian and Social Sciences"], no 5, pp. 63-70. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.5.63.
- Gedeeva D.B., 2019. Uvolnitelnoe pismo kak zhanr kalmytskoy delovoy pismennosti XVIII vv. [Enfranchisement Letters as a Genre of 18th-Century Kalmyk Official Writing]. *Mongolovedenie* [Mongolian Studies], no 3, pp. 583-593. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-32-583-593.
- Gorban O.A., 2019. Donosheniya i raporty donskikh kazakov v seredine XVIII v.: istochnikovedcheskiy analiz [The Donosheniya and Reports of Don Cossacks in the Mid 18th c.: Source Analysis]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], vol. 24, no. 4, pp. 45-59. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.4.4>.
- Gorban O.A., Ilyinova E.Yu., Kosova M.V., Sheptukhina E.M., 2016. Zhanrovye osobennosti voyskovykh gramot serediny XVIII v. (po materialam arkhivnogo fonda «Mikhaylovskiy stanichnyy ataman») [Genre Characteristics of Military Charters of the 18th c. (On Materials of the Mikhailovsky Stanitsa Ataman Archive Fund)]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], vol. 18, no. 4 (157), pp. 182-199. DOI: 10.15826/izv2.2016.18.4.074.
- Gorban O.A., Kosova M.V., Sheptukhina E.M., 2018. Chernovoy tekst kak osnova rekonstruktsii rechemyslitelnoy deyatel'nosti (na material regionalnykh dokumentov XVIII v.) [Draft Text as a Basis for Reconstructing Mental and Speech Activity (Exemplified with Regional Documents of the 18th c.).] *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 17, no. 4, pp. 40-54 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.4>.
- Gorodilova L.M., 2019. Ekstralingvisticheskie usloviya formirovaniya russkogo toponimikona Prieniseyskoy Sibiri (na materiale pamyatnikov delovoy pismennosti XVII veka) [Extralinguistic Conditions of Formation of Russian Toponymical System of Yenisei Siberia (based on Business Manuscripts of 17 Century)]. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], no 5, pp. 25-45. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-5-25-45.
- Kartavenko V.S., 2019. Sotsiolingvisticheskaya kharakteristika smolenskikh pamyatnikov pismennosti XVI–XVII vekov [Sociolinguistic characteristics of Smolensk written records of the 16th-17th centuries]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, no 2 (46), pp. 87-99.
- Kachalkin, A.N., 1988. *Zhanry russkogo dokumenta dopetrovskoy epokhi. V 2 ch. Ch. 2. Filologicheskii metod analiza dokumenta* [Genres of the Russian Document in the PrePeter-the-First Period. In 2 Parts. Part 2. Philological Method of Analysis of the Document]. Moscow, MGUPubl. 119 p.
- Kachalkin A.N. *Russkie dokumenty do XVIII veka* [Russian documents before the 18th century]. URL: http://genhis.philol.msu.ru/printer_136.html (accessed 30 January 2020).
- Kosov A.G., 2004. *Evolyutsiya dokumentnykh zhanrov v delovom yazyke XVIII veka : Na materiale*

- rukopisnykh i pechatnykh tekstov Obyedinennogo gosudarstvennogo arkhiva Chelyabinskoy oblasti: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Evolution of documentary genres in the business language of the 18th century. Based on the material of handwritten and printed texts of the United state archive of the Chelyabinsk region. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Chelyabinsk. 25 p.
- Kosova M.V., 2016. Dinamika zhanrovyykh parametrov regionalnykh dokumentov XVIII vek [Dynamics of Genre Parameters of the Regional Documents of the 18th Century]. *Tekst v yazyke, rechi, kulture: sb. nauch. st.* [Text in Language, Speech, Culture: Collected Articles]. Minsk, RIVSh, pp. 123-134.
- Kosova M.V., 2019. Zhanrovye parametry pasporta serediny XVIII v. (po materialam arkhivnogo fonda «Mikhailovskiy stanichnyy ataman») [The Genre Parameters of the Passport of the Mid-Eighteenth Century (On Materials of the Archival Fund of Mikhailovsky Stanitsa Ataman)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 18, no. 2, pp. 6-15. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.1>.
- Kosova M.V., 2020. Parametrizatsiya tekstov dokumentov kak sposob zhanrovoy identifikatsii [Parameterization of document texts as a method of genre identification]. *Vestnik Baltiyskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta. Seriya "Filologiya, pedagogika, psikhologiya"* [IKBFUs Vestnik. Philology, pedagogy, psychology], iss. 1, pp. 48-55.
- Kyurshunova I.A., 2019. Lichnoe imya kak antroponimicheskaya prezentatsiya cheloveka v dokumentakh Karelii XV–XVII vekov [Personal Name as Anthroponymic Presentation of Person in Karelian Documents of the 15th–17th Centuries]. *Nauchnyy dialog [Scientific Dialogue]*, no 9, pp. 103-129. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-103-129.
- Mayorov A.P., 2006. *Ocherki leksiki regionalnoy delovoy pismennosti XVIII veka* [Essays on the vocabulary of regional business writing of the 18th century]. Moscow, Azbukovnik Publ. 263 p.
- Mayorov A.P., 2019. Sverkhtekst v Zabaykalskoy delovoy pismennosti XVIII v. kak istochnik rekonstruktsii regiolektov togo vremeni Supratext [Supratext in Trans Baikal Business Written Texts of the 18th Century as a Source of Reconstruction of the Regional Dialect of that Time]. *Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Proceedings of Southern Federal University. Philology], no 3, pp. 34-45. DOI 10.23683/1995-0640-2019-3-34-45.
- Rusanova S.V., 2019. Naimenovaniya prositelnykh dokumentov v zakonodatelnykh aktakh i regionalnykh dokumentakh XVIII veka [Headings of the Pleading Documents in Russian Legislative Acts and Regional Business Writing of the 18th Century]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 18, no. 2, pp. 16-26. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.2>.
- Russu K.R., Chelak E.A., 2019. Arkhivnye dokumenty XIX veka kak istochnik izucheniya rozysknogo delovogo yazyka [Archival documents of the XIX century as a source of investigation business language learning]. *Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatel'naya mysl* [Historical and Social-Pedagogical studies], vol. 11, no 5, pp. 63-72. DOI: 10.17748/2075-9908-2019-11-5-63-72.
- Ryabov S.I., 2018. *Oblast Voyska Donskogo. Khoperskiy okrug (Poseleniya i naselenie)* [Region of the Don Army. Khopersky district (Settlements and population)]. Volgograd, PrinTerra-Dizayn Publ. 648 p.
- Safonova I.A., 2017. Strukturnye i rechevye osobnosti donosheniy XVIII veka (na materiale arkhivnogo fonda «Mikhailovskiy stanichnyy ataman») [Structural and Speech Features of the Relations of the 18th Century (On the Material of the Archival Fund of Mikhailovsky Stanitsa Ataman)]. *Dokument kak tekst kulture* [Documents as a Text of Culture]. Tula, Tulscoe pr oi zvodstven noe pol igraficheskoe obyedinenie, iss. 9, pp. 48-52.
- Safonova I.A., 2018. Kompozitsionno-rechevye osobnosti predlozheniy kantselyarii Oblasti Voyska Donskogo (na materiale arkhivnogo fonda «Mikhailovskiy stanichnyy ataman») [Composite and Speech Features of the Texts of Chancery's Messages of Don Cossack Host (Based on the Archival Fund of Mikhailovsky Stanitsa Ataman)]. *Natsionalnye kody v yazyke i literature: sb. st. po materialam Mezhdunar. nauch. konf. (1–3 dekabrya 2017 g.)* [National Codes in Language and Literature: Collection of Articles on Materials of the International Scientific Conference (1–3 December 2017)]. Nizhniy Novgorod, DEKOM Publ., pp. 274-280.
- Suseeva D.A., Toropitsyn I.V., Kundakbaeva Zh.B., 2019. Lingvisticheskie aspekty dokumentov Kalmytskoy komissii (1741–1745 gg.) o vzaimootnosheniyakh mezhdru kalmykami i kazakhami [Linguistic inquiry into the Kalmyk commission (1741–1745) documents about relations between kalmyks and Kazakhs].

- Vestnik Kalmytskogo universiteta* [Bulletin of kalmyk university], no 2 (42), pp. 74-83.
- Trofimova O.V., 2002. *Tyumenskaya delovaya pismennost. 1762–1796 gg. Kniga III. Tyumenskie rukopisnye delovye teksty 1762–1796 gg. v aspektakh lingvistiki i dokumentovedeniya: Lingvisticheskiy analiz teksta* [Tyumen business writing. 1762–1796. Book III. Tyumen handwritten business texts 1762-1796 in aspects of linguistics and documentation: Linguistic analysis of the text]. Tyumen, Vektor Buk Publ. 232 p.
- Chireykin M.K., 2019. Zhanry delovoy pismennosti XVII veka kak instrumentariy diakhronnogo analiza istoricheskogo teksta [Genres of 17th century business writing as tools for diachronic analysis of historical text]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], vol. 12, iss. 5, pp. 33-37. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.5.7>.
- Shamshin I.V., 2019. Naimenovaniya dolzhnostnykh lits v pamyatnikakh delovoy pismennosti kontsa XVII – pervoy chetverti XVIII veka [Names of officialisms in the ancient manuscripts of the end of the 17th - the first quarter of the 18th century]. Shatalov O.V. *Russkiy yazyk v slavyanskoy mezhkulturnoy kommunikatsii: sb. nauch. tr. po itoga Mezhdunar. konf.* Moscow, IUMGOU, pp. 245-253.
- Sheptukhina E.M., 2017. Sfera subyektov regionalnykh dokumentov XVIII veka: dinamicheskiy aspekt [Sphere of Subject of Regional Documents of 18th Century: Dynamical Aspect]. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], no 1, pp. 46-59. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-114-129.
- Sheptukhina E.M., 2019. Zhanrovye parametry skazki kak dokumenta serediny XVIII veka v aspekte sozdaniya lingvisticheskogo korpusa [Genre Parameters of a Narrating as a Document of the Mid-18th Century in the Aspect of Creating a Linguistic Corps]. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], no 11, pp. 114-120. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-114-129.

SOURCE AND DICTIONARIES

- Mikhaylovskiy stanichnyy ataman [Mikhailovsky Stanitsa Ataman]. *Gosudarstvennyy arkhiv Volgogradskoy oblasti (GAVO)* [State Archive of Volgograd Region], Fund. 332, register 1.
- Slovar Akademii Rossiyskoy*. V 6 t. T. 4. M–R [Dictionary of the Russian Academy. In 6 Volumes. Vol. 4. M–R]. Saint Petersburg, Pri Imperatorskoy Akademii nauk, 1793. 1292 cols.
- Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th c.]. Moscow, Nauka Publ., 1979, iss. 22. 298 p.

Information About the Author

Elena M. Sheptukhina, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetskiy, 100, 400062 Volgograd, Russia, em_sheptuhina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8007-6042>

Информация об авторе

Елена Михайловна Шептухина, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, em_sheptuhina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8007-6042>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.8>

UDC 81'367:398.9
LBC 81.053.6

Submitted: 18.07.2019
Accepted: 25.05.2020

ARMED REVOLT IN MOSCOW IN DECEMBER, 1905 IN THE MIRROR OF ORIGINAL RUSSIAN PAREMIOLOGY ADAPTATION

Artur V. Zagrebelnyy

Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia

Abstract. The purpose of the article is to display some results of linguistic analysis of proverb adaptation motivated by the armed revolt in Moscow in December, 1905. The novelty of the research is that the adapted proverbs *Moscow is not beautiful for its houses, but it is beautiful for its blood traces* and *Moscow brings no damage to Dubasov* were chosen for the first time as objects of analysis in historical and cultural aspects by the method of historically distanced adapted proverb analysis, developed and approved by the author. The research method comprises elements of componential, contextual, logical and semiotic analysis along with the dictionary definition interpretations. The article states the following results: original proverbial sources for cultural transformation may be stated as identification potential of the adapted proverbs by establishing a prototypical comparison system based on structural model similarity and assigning both adapted and proverbial phrases in Russian to one of the four highest logical and semiotic invariant groups; the method of historically distanced adapted proverb analysis contributes to defining extralinguistic factors which caused formation of new language units; the judgments expressed by the adapted proverbs under studies were formulated; the types of adapted proverbs were singled out. The further studies of adapted paremiology motivated by social and political events in 1905–1907 Russia might be considered as research prospects with compliancy of adapted paremiology dictionary for the period of the first Russian revolution.

Key words: paremiology, adapted proverb, structural paremiology, structural source proverb, proverb, anti-proverb.

Citation. Zagrebelnyy A. V. Armed Revolt in Moscow in December, 1905 in the Mirror of Original Russian Paremiology Adaptation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 5, pp. 87-98. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.8>

УДК 81'367:398.9
ББК 81.053.6

Дата поступления статьи: 18.07.2019
Дата принятия статьи: 25.05.2020

ДЕКАБРЬСКОЕ ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ В МОСКВЕ В 1905 г. В ЗЕРКАЛЕ АВТОРСКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Артур Владимирович Загребельный

Вологодский научный центр РАН, г. Вологда, Россия

Аннотация. Цель статьи заключается в изучении авторских паремий, мотивирующим событием для образования которых стало вооруженное восстание в Москве в декабре 1905 г., в лингвистическом, логико-семиотическом и культурно-историческом аспектах. Новизна исследования состоит в том, что в научный оборот вводятся авторские паремии *Не красна Москва домами, а кровавыми следами* и *Быль молодцу не укор, а Москва Дубасову не убыток*, а также в том, что они описаны в соответствии с разработанной и апробированной автором статьи методикой анализа исторически дистанцированных авторских паремий русского языка. В результате проведенного исследования установлены паремии – источники трансформации; научно обоснована узнаваемость в рассмотренных авторских паремиях их системных прототипов путем установления общности их структурных моделей, определения принадлежности паремий-источников и авторских паремий к одной из четырех высших логико-семиотических инвариантных групп; проанализированы факторы внешней среды, обусловившие появление новых языковых единиц; сформулированы суждения, выражаемые рассмот-

ренными авторскими паремиями; определены типы авторских паремий. В качестве перспектив исследования отмечены дальнейшее изучение авторской паремиологии русского языка периода 1905–1907 гг., систематизация авторских паремий в зависимости от мотивировавших их образование событий общественно-политической жизни страны, создание словаря авторской паремиологии периода первой русской революции.

Ключевые слова: паремия, авторская паремия, структурная паремиология, паремия-источник, пословица, антипословица.

Цитирование. Загребельный А. В. Декабрьское вооруженное восстание в Москве в 1905 г. в зеркале авторской паремиологии русского языка // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 5. – С. 87–98. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.8>

Введение

Авторская паремиология современного русского языка в настоящее время активно исследуется учеными [Антонова, 2011; Батулина, 2003; Бегун, 2010; Буренкова, 2008; Бутко, 2008; Вальтер, Мокиенко, 2005; Гнедаш, 2005; Демидкина, 2017; Дидковская, Петрова, 2014; Жигарина, 2006; Зайкина, 2018; Кирсанова, 2014; Константинова, 2009; Никитина, 2014; Савенкова, 2014; Соловьева, 2011; Сташкова, 2015; Швыдка, 2011; и др.]. Столь пристальное внимание к данному языковому материалу вполне объяснимо: получаемые в ходе анализа результаты позволяют, как мы уже писали, «установить и классифицировать сами механизмы преобразований; определить роль широкого экстралингвистического контекста и непосредственного языкового окружения в формировании выражаемых ими суждений, что важно не только для самой паремиологии, но и для дальнейшего изучения проблемы взаимообусловленности развития языка и социума; отследить динамику изменений в культурно-духовной сфере жизни общества и его ценностной картине мира, отражающуюся в зеркале новой трансформированной паремиологии; изучить вопрос об их статусе, что даст ученым еще одну возможность взглянуть на фундаментальную проблему соотношения языка и речи под новым углом; углубить наши знания об использовании приемов языковой игры в процессах их создания» [Загребельный, 2018]. Однако исследования в области исторической авторской паремиологии все еще остаются немногочисленными (см.: [Загребельный, 2018; 2019а; 2019б; и др.]).

Первая русская революция 1905–1907 гг. в Российской империи была перенасыщена разнообразными событиями общественно-политической жизни. Напряженная обще-

ственно-политическая борьба, как было показано нами ранее, не только «актуализировала и утвердила в тезаурусе наименования политических партий и их представителей, наименования новых демократических прав и свобод человека в России, названия представительных органов власти, названия системы выборов власти в государстве и др.» [Загребельный, 2013, с. 4], но и обусловила изменения в других системах и подсистемах языка. Так, авторы журналов общественно-политической сатиры стали активно создавать трансформированные (авторские) паремии на базе уже существовавших в языке пословиц, поговорок и пословично-поговорочных выражений. Как показала О.Н. Антонова, цель, которую они преследовали, была достаточно проста: привлечь внимание общественности к тем или иным событиям, поступкам политических деятелей [Антонова, 2011, с. 5].

Одним из самых резонансных событий 1905 г. было декабрьское вооруженное восстание в Москве. Небывалая жестокость, с которой правительство подавило это восстание, не могла не мотивировать создание авторских паремий. На страницах общественно-политических сатирических журналов в 1906 г. появились «новые пословицы», выражавшие через измененные классические паремии резко негативное отношение их авторов как в целом к произошедшему событию и его ужасным последствиям, так и к руководившему подавлением восстания московскому генерал-губернатору, адмиралу Ф.В. Дубасову.

Цель нашей работы заключается в исследовании авторских паремий русского языка периода первой русской революции, мотивирующим событием для образования которых послужило декабрьское вооруженное восстание в Москве в 1905 г., в лингвистическом,

логики-семиотическом и культурно-историческом аспектах.

Материал и методика исследования

Нами выявлены три языковые единицы, мотивированные событиями московского декабрьского восстания 1905 г.: *Не красна Москва домами, а кровавыми следами, Быль молодцу не укор, а Москва Дубасову не убыток и Бей, адмирал, наместником будешь*. В статье мы остановимся на анализе первых двух. Изучение обнаруженных авторских паремий проведено с использованием разработанной нами методики [Загребельный, 2019а, с. 198–199], в соответствии с которой устанавливается паремия-источник; определяется принадлежность паремии-источника и образованной на ее основе авторской паремии к одной из четырех высших логики-семиотических инвариантных групп (обих выделении и о методе логики-семиотического анализа подробно написано в трудах Г.Л. Пермякова [Пермяков, 1970; 1979; 1988]); устанавливается механизм образования новой языковой единицы; определяются значения слов – компонентов авторской паремии, приводится сумма этих значений; устанавливаются факты общественно-политической жизни страны, которые привели к образованию исследуемой языковой единицы; формулируется выражаемое авторской паремией суждение; определяется тип авторской паремии (пословица, поговорка, пословично-поговорочное выражение) [Загребельный, 2019а, с. 199].

В рамках указанной методики используются методы компонентного контекстуального и логики-семиотического анализа, анализа словарных дефиниций.

Результаты и обсуждение

Авторская паремия *Не красна Москва домами, а кровавыми следами* (Зарницы, с. 7) образована на базе паремии-источника *Не красна изба углами, а красна пирогами*, выражающей следующее суждение 'Дом хорош не внешним видом, убранством, а хлебосольством, гостеприимством хозяев' (СРП, с. 129). Тип паремии-источника – пословично-поговорочное выражение (сло-

во *изба* является первично маркированным).

Образование новой языковой единицы стало результатом структурной трансформации паремии-источника, состоящая в замене слов-компонентов *изба углами* на *Москва домами* и *красна пирогами* на *кровавыми следами*.

В основу исследуемой авторской паремии положена типическая ситуация, при которой наличие у одной вещи (P1) какого-либо одного свойства (x1), а у другой вещи (P2) – другого свойства или другой степени его проявления (x2) предполагает, что одна из вещей предпочтительнее другой [Пермяков, 1979, с. 50]. Под P1 и P2 понимается *Москва* (P2 не объективирована словом-компонентом, но подразумевается), под свойством x1 – *красна домами*, под свойством x2 – *красна кровавыми следами*. Москва, которая *красна кровавыми следами*, предпочтительнее (исходя из содержания авторской паремии) Москвы, которая *красна домами*. Следовательно, анализируемая авторская паремия входит в состав высшей логики-семиотической инвариантной группы II (2). Паремия-источник трансформации входит в состав той же высшей логики-семиотической инвариантной группы.

Узнаваемости в авторской паремии *Не красна Москва домами, а кровавыми следами* ее системного прототипа наравне с общностью отнесения к одной и той же высшей логики-семиотической инвариантной группе, сходством структурных моделей способствует и их вхождение в одну и ту же логику-тематическую группу «Красивый – уродливый» (здесь и далее названия групп указаны по: [Пермяков, 1979, с. 42]).

Рассмотрим компонентный состав исследуемой языковой единицы. Отрицательная частица *не* употреблена вместе с союзом *а* в конструкции противопоставления; эта частица '1. Вносит знач. полного отрицания того, что обозначает слово или словосочетание, перед которым оно стоит' (НБАС, т. 11, с. 498). Прилагательное *красный*, представленное в краткой форме в женском роде и в ед. ч., имеет значение '3. Устар. и нар.-поэт. Красивый, прекрасный (обычно как постоянный эпитет)' (НБАС, т. 8, с. 592). Существительное *Моск-*

ва является именем собственным, называющим столицу российского государства. Существительное *дом*, использованное в форме твор. п. мн. ч., определяется как '1. Здание, строение, предназначенное для жилья, для размещения учреждений и предприятий' (НБАС, т. 5, с. 245). Союз *а* употреблен в противительном значении: '1. Употребляется для соединения противопоставляемых предложений или отдельных членов предложения; соответствует по значению словам: но, зато, наоборот, напротив' (МАС, т. 1, с. 17). Прилагательное *кровавый*, использованное в форме твор. п. мн. ч., толкуется следующим образом: '1. Покрытый, залитый кровью, окровавленный' (НБАС, т. 8, с. 652). Существительное *след* в форме твор. п. мн. ч. означает '2. Углубление, знак, метка на чем-либо от прикосновения, надавливания, царапания и т. п.' (БАС, т. 13, с. 1167).

Сумма значений слов-компонентов анализируемой авторской паремии может быть представлена в следующем виде: 'Москва красива не своими зданиями, а залитыми кровью отметками'. Как видим, данная сумма значений не составляет выражаемого исследуемой языковой единицей суждения, следовательно, перед нами либо пословица, либо пословично-поговорочное выражение.

Обратимся к экстралингвистическим факторам, обусловившим появление рассматриваемой авторской паремии.

Наиболее масштабным событием всей первой русской революции 1905–1907 гг., произошедшим в Москве, несомненно, было декабрьское вооруженное восстание, в ходе которого погибли тысячи человек: «Трепов уверяет, что в Москве перебито до 10 000 революционеров, несомненно вздор. Много – тысячи две. Ведь собственно боя открытого нет. Стреляют из-за засад, из окон и убегают» (Киреев, с. 116).

В начале активных боевых действий в Москве революционерам противостояли 1 350 солдат московского гарнизона, что позволяло «удерживать только положение, занятое в центре города, оставляя все станции железных дорог и все окраины города открытыми» (Революция 1905 года, с. 186). Кардинально ситуация изменилась после прихода в город Семеновского и Ладожского полков об-

щей численностью 1 200 человек (Революция 1905 года, с. 186). В итоге восстание было жестоко подавлено. В опубликованных воспоминаниях современники тех событий А.А. Пилленко и Л.А. Тихомиров назвали все происшедшее в Москве в декабре 1905 г. страшной резней (Стенографический отчет, с. 94) и светопреставлением (Тихомиров, с. 172).

Использование артиллерии в совокупности с неизбирательным применением силы привело к многочисленным жертвам среди мирного населения. Достоверных сведений о количестве убитых и раненых граждан, не принимавших участия в вооруженном восстании, на сегодняшний день не существует. Тем не менее о масштабах катастрофы можно судить уже по тому, что организатор подавления восстания московский генерал-губернатор Ф.В. Дубасов в своем донесении от 19 декабря 1905 г. на имя императора Николая II отметил страшные последствия применения регулярных частей армии в Москве и просил оказать поддержку всем пострадавшим: «Всепопданнейше доношу вашему императорскому величеству, что при действиях войск против мятежников неизбежно пострадало мирное вернопопданное население столицы, потерявшее убитыми и ранеными членов семей – мужчин, женщин и даже детей, а также оставшееся без крова вследствие уничтожения или повреждения многих жилищ артиллерийским огнем. <...> Осмеливаюсь поэтому усердно просить ваше императорское величество повелеть мне объявить обывателям Москвы, что правительство придет теперь же на помощь пострадавшим и облегчит их тяжелое положение в форме и размере, какие благоугодно будет вашему императорскому величеству указать» (Революция 1905 года, с. 181).

В результате подавления вооруженного восстания Москва в декабре 1905 г. в действительности была покрыта кровавыми следами. Именно такой запомнилась столица Российской империи очевидцам тех событий. Например, известный революционер-большевик В.И. Невский в работе «Советы и вооруженное восстание в 1905 году» писал следующее: «Хорошо было министру внутренних дел, сидя у себя в кабинете и зная, что семеновцы залили кровью рабочее восстание в Москве,

благодарно успокаивать царя, но каково было чувствовать себя Воронцову-Дашкову, у которого командиров роты повстанцы стреляли, как куропаток. Было от чего переутомиться!» (Невский, с. 243).

Приведенные экстралингвистические факты позволяют однозначно определить декабрьское вооруженное восстание в Москве в 1905 г. в качестве события, положенного в основу образования авторской паремии *Не красна Москва домами, а кровавыми следами*.

Для того чтобы сформулировать выражаемое анализируемой языковой единицей суждение, еще раз обратимся к ее компонентному составу. Прилагательное *красный*, употребленное в краткой форме, может выражать не только значение '3. Устар. и нар.-поэт. Красивый, прекрасный (обычно как постоянный эпитет)' (НБАС, т. 8, с. 592), но и значение '1. Имеющий окраску одного из основных цветов радуги; цвета крови и его близких оттенков' (БАС, т. 5, стб. 1596). Конструкция противопоставления, лежащая в основе структурной модели анализируемой авторской паремии, изначально предполагает противопоставление разных предметов (дома, кровавые следы) по одному и тому же качественному признаку (*красна*), то есть Москва, которая *не красна* (красива) *домами*, должна быть *красна* (красива) *кровавыми следами*. Как видим, вторая часть данной конструкции по своему содержанию противоречит ценностной картине мира: кровавые следы независимо от причин их происхождения могут ассоциироваться лишь с болью и даже смертью (в основе данной ассоциативной связи лежит негативное отношение к объекту номинации, объективируемое семой логической негативной оценки, локализуемой в околядерной части денотативного макрокомпонента значения слова *кровавый*).

Таким образом, анализируемая авторская паремия была создана на базе паремии-источника с использованием не только структурно-смысловой трансформации, но и языковой игры, состоящей в создании синтаксической единицы (словосочетание **красна кровавыми следами* восстанавливается из содержания паремии), главное и зависимые слова которой имеют несовместимые значения. Намеренное объединение неизвестным авто-

ром прилагательного *красный*, употребленного в краткой форме и выражающего положительную оценку (сема логической положительной оценки входит в околядерную часть понятийного макрокомпонента значения прилагательного *красный*, а также понятийные семы 'красивый', 'прекрасный') и словосочетания *кровавый след*, в структуре значения которого выделяются как микрокомпонент отрицательной понятийной семантики, так и актуализированные негативные семы коннотативного блока значения (сема 'отрицательная оценка' оценочного компонента значения, семы 'неодобрение' и 'ужас' эмотивного компонента значения), привело к появлению сочетания слов, прямые смыслы которых вступают в противоречие друг с другом. В системе выразительных средств русского языка подобный прием принято называть катахрезой – «троп, тропеическое сочетание в одной синтагме двух или нескольких несовместимых, но не контрастных слов» (Энциклопедический словарь-справочник, с. 153).

Использование данного тропа обусловило значительную экспрессивность исследуемой авторской паремии.

Следует отметить, что рассмотренная языковая игра не ограничивается катахрезой. В восстановленном словосочетании *красна кровавыми следами* расположение рядом прилагательных *красный* (в краткой форме) и *кровавый*, несмотря на снятую многозначность (первая часть авторской паремии – предложение *Не красна Москва домами* – исключает двойственность понимания значения слова *красный* при его сочетании со второй частью паремии) и возможность употребления зависимых слов (*кровавыми следами*) только в творительном падеже (что обусловлено валентными свойствами лексемы *красный* в значении 'красивый, прекрасный'), создает предпосылки для восприятия слова *красный* в его основном значении ('имеющий окраску одного из основных цветов радуги; цвета крови и его близких оттенков'). Достоверность данного понимания подтверждают мотивирующий экстралингвистический контекст (Москва в действительности была не «красива кровавыми следами», а «красна от этих многочисленных следов») и аллитерация (симметричное повторение согласных *кр*).

В итоге вариативность содержания авторской паремии *Не красна Москва домами, а кровавыми следами*, явившаяся следствием обыгрывания значения слова-компонента *красный*, способствовала усилению ее образного потенциала и воздействующей функции.

Основываясь на анализе мотивирующих внеязыковых факторов, а также учитывая использованные неизвестным автором приемы языковой игры, выражаемое анализируемой единицей языка суждение может быть сформулировано таким образом: 'Из-за неоправданно жестоких действий регулярных армейских частей по подавлению декабрьского вооруженного восстания вся Москва была покрыта кровавыми следами'. Тип авторской паремии – пословично-поговорочное выражение.

Авторская паремия *Быль молодцу не укор, а Москва Дубасову не убыток* (Стрелы, с. 8) образована на базе паремии-источника *Быль молодцу не укор*, выражающей следующее суждение: 'За грехи прошлого не упрекают' (Жуков, с. 54). Так как слово-компонент *укор* употреблено в своем основном значении '1. Упрек, порицание; укоризна' (БАС, т. 16, стб. 470–471), паремия-прототип является пословично-поговорочным выражением.

Способ образования анализируемой языковой единицы – расширение компонентного состава паремии-источника путем добавления предложения *а Москва Дубасову не убыток*, построенного на базе такой же структурной модели (сущ. в форме им. п., ед. ч., жен. р. + сущ. в форме дат. п., ед. ч., муж. р. + отриц. частица *не* + сущ. в форме им. п., ед. ч., муж. р.), что и первая часть.

Отнесение рассматриваемой паремии к одной из четырех высших логико-семиотических инвариантных групп сопряжено с определенными сложностями, поскольку расширение компонентного состава исходной паремии посредством добавления полностью идентичного в структурном отношении, но отличающегося по компонентному составу предложения, по сути, обуславливает дублирование объективированной классической паремией типической ситуации. Обобщенный смысл паремии *Быль молодцу не укор* (а также добавленного неизвестным автором предложения *а Москва Дубасову не убыток*) может быть

передан следующим образом: 'Что-либо, выраженное словом-существительным, для лица мужского пола не является чем-либо, выраженным словом-существительным'. Как нам известно, все паремии (и классические, и трансформированные) построены на противопоставлении (иногда – сопоставлении) ключевых слов-компонентов. В рассматриваемой паремии противопоставленными оказываются, с одной стороны, «быль» (молодцу) и «Москва» (Дубасову), с другой – «не укор» и «не убыток». Иначе говоря, если есть *быль* (прошлое), то не будет *укора* (упреков за это прошлое) молодцу, так же как если есть *Москва*, то не будет *убытка* (ущерба, вреда) Дубасову (русскому военачальнику, адмиралу Ф.В. Дубасову, который в 1905–1906 гг. занимал пост московского генерал-губернатора). Согласно теории структурной паремиологии, пословицы, поговорки и пословично-поговорочные выражения, объективирующие типические ситуации, в которых «различные вещи, и прежде всего противоположные, враждебны друг другу и стремятся не быть вместе (наличие одной из вещей делает вероятным отсутствие другой)» [Пермяков, 1979, с. 119], входят в состав высшей логико-семиотической инвариантной группы I (2), в которой моделируются отношения между вещами [Пермяков, 1970, с. 20].

Таким образом, и паремия-источник, и образованная на ее основе новая языковая единица входят в состав одной и той же высшей логико-семиотической инвариантной группы. Объединяет две указанные языковые единицы также и то, что они обе входят в состав одной логико-тематической группы «Хорошее – плохое».

Так как в процессе образования анализируемой языковой единицы паремия-источник не была подвергнута каким-либо изменениям, ее узнавание в составе данной единицы не представляет никакого труда для носителей языка.

Рассмотрим компонентный состав анализируемой авторской паремии.

Существительное *быль* имеет значение '1. Устар. То, что уже прошло; прошлое, бывшее' (НБАС, т. 2, с. 287). Существительное *молодец* определяется как '1. Молодой человек в расцвете сил, крепкий и статный' (НБАС, т. 10, с. 338). Отрицательная частица

не имеет следующее значение: '1. Вносит знач. полного отрицания того, что обозначает слово или словосочетание, перед которым оно стоит' (НБАС, т. 11, с. 498). Существительное *укор* имеет следующее толкование: '1. Упрек, порицание; укоризна' (БАС, т. 16, с. 470). Союз *а* употреблен в сопоставительном значении и выражает следующее: '2. Присоединяет предложения или члены предложения, уточняющие, раскрывающие или дополняющие содержание ранее сказанного' (НБАС, т. 1, с. 59). Существительное *Москва* именуется город, столицу России. Дубасов – фамилия русского военачальника. Существительное *убыток* имеет следующее значение: '2. Вред, ущерб, наносимый, причиняемый кому-, чему-либо' (БАС, т. 16, с. 86).

Сумма значений слов-компонентов авторской паремии *Был молодцу не укор, а Москва Дубасову не убыток* может быть представлена следующим образом: 'Прошлое крепкого и статного молодого человека в расцвете сил не является ему упреком, так же, как Москва не наносит ущерба генерал-губернатору Ф.В. Дубасову'. С большой долей вероятности можем предположить, что данная сумма значений слов-компонентов паремии не являет собой выражаемое ею суждение. Таким образом, перед нами либо пословица, либо пословично-поговорочное выражение.

Анализируемая авторская паремия объяснена своим появлением прославившемуся жестокостью в подавлении вооруженного восстания в Москве в декабре 1905 г. русскому адмиралу, московскому генерал-губернатору Ф.В. Дубасову. Участники и очевидцы тех событий описывают в воспоминаниях ужас происшедшего в Москве. Так, революционер, большевик и советский государственный деятель З.Н. Доссер писал: «Около 7-ми часов утра (17 декабря 1905 года. – А. З.) я проснулся от непрерывного хлопанья дверей, как мне показалось. Это началась бомбардировка пушками Пресни с трех сторон от Кудрина и Ваганьковского кладбища и гаубичной батареей из Дорогомилова. Горбатый мост обстреливался из пулемета. Были пулеметы и в других местах. Нападавшие сразу же развили интенсивный огонь, в минуту делалось до пяти орудийных выстрелов. Вся Пресня за-

сыпалась свинцом и сталью. Окраинные дома загорались один за другим. <...> Они (войска. – А. З.) занимались поджогом уцелевших домов и беспощадным расстрелом всех, кто пытался найти себе спасение через реку Москву или переулки. Бомбардировка не стихала до самой ночи, светлой от зарева пожаров. Мы были окружены огненным кольцом в буквальном смысле слова» (Доссер, с. 19–20).

Как было отмечено ранее, точные сведения о количестве убитых и раненых в ходе вооруженного восстания в Москве в декабре 1905 г. отсутствуют. Сторонники монархии старались представить действия войск в выгодном для себя свете. Так, один из видных монархистов А.А. Киреев в дневниковых записях от 26 декабря 1905 г. отмечал следующее: «Открытая революция подавлена в Москве, но потери людьми в рядах революции очень незначительны, убитых не много... Ведь войска действовали (как оказывается) очень мягко – разгоняя банды вместо того, чтобы их уничтожать» (Киреев, с. 120). Однако, если войсками были применены тяжелые дальнобойные артиллерийские орудия и пулеметы, число жертв должно было исчисляться тысячами, а может быть, и десятками тысяч.

Таким образом, суждение, выражаемое авторской паремией *Был молодцу не укор, а Москва Дубасову не убыток*, может быть сформулировано следующим образом: 'В связи с тем, что Ф.В. Дубасов является приближенным императора Николая II и занимает высокий пост московского генерал-губернатора, никакого наказания за отданные им приказы по жестокому подавлению декабрьского вооруженного восстания в декабре 1905 г. в Москве он не понесет'. Тип авторской паремии – пословично-поговорочное выражение.

Выводы

Декабрьское вооруженное восстание в Москве в 1905 г. было одним из самых резонансных событий в истории первой русской революции. Небывалая жестокость царской власти, проявленная при его подавлении, вызвала мощнейший всплеск негодования в российском обществе, способствовала усилению позиций левых и центристских партий,

стала неоспоримым аргументом в пользу смены системы политического устройства страны.

Данное событие отразилось на системе русского языка. Неизвестные авторы общественно-политических сатирических журналов, стремясь акцентировать внимание читателей на ужасных последствиях использования регулярных частей армии Российской империи против граждан своей страны, создали новые паремии *Не красна Москва домами, а кровавыми следами* и *Быль молодцу не укор, а Москва Дубасову не убыток* на основе общеизвестных паремий *Не красна изба углами, а красна пирогами* и *Быль молодцу не укор*.

Проведенный анализ данных языковых единиц позволил установить паремии-источники трансформации, научно обосновать узнаваемость в авторских паремиях их паремий-прототипов, рассмотреть мотивирующее событие внешней среды, сформулировать выражаемые новыми единицами языка суждения, определить их типы. Авторская паремия *Не красна Москва домами, а кровавыми следами* и ее паремия-источник входят в состав высшей логико-семиотической инвариантной группы II (2) и логико-тематической группы «Красивый – уродливый». Авторская паремия *Быль молодцу не укор, а Москва Дубасову не убыток* вместе с паремией-источником относятся к высшей логико-семиотической инвариантной группе I (2) и логико-тематической группе «Хорошее – плохое». Общность отношения рассмотренных единиц и их паремий-источников к одним и тем же высшим логико-семиотическим инвариантным группам и логико-тематическим группам в совокупности с общностью их структурных моделей обусловила узнаваемость в них классических паремий русского языка, послуживших основой для их образования.

На основе оценки событий декабрьского вооруженного восстания, произошедшего в Москве в 1905 г., которая была дана их современниками, сформулированы выражаемые рассмотренными единицами языка суждения. Авторская паремия *Не красна Москва домами, а кровавыми следами* выражает суждение ‘Из-за неоправданно жестоких действий регулярных армейских частей по подавлению декабрьского вооруженного восстания вся

Москва была покрыта кровавыми следами’. Авторская паремия *Быль молодцу не укор, а Москва Дубасову не убыток* выражает суждение ‘В связи с тем, что Ф.В. Дубасов является приближенным императора Николая II и занимает высокий пост московского генерал-губернатора, никакого наказания за отданные им приказы по жестокому подавлению декабрьского вооруженного восстания в декабре 1905 г. в Москве он не понесет’.

Наличие в обеих авторских паремиях первично маркированных слов-компонентов позволило определить их как пословично-поговорочные выражения.

В качестве перспектив исследования можно отметить дальнейшее изучение авторской паремиологии русского языка периода 1905–1907 гг., систематизацию авторских паремий в зависимости от мотивировавших их образование событий общественно-политической жизни страны, создание словаря авторской паремиологии периода первой русской революции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антонова О. Н., 2011. Изменение компонентного состава как вид трансформации паремий (на материале англоязычных массмедиа) // Вестник Бурятского государственного университета. № 11. С. 3–5.
- Батулина А. В., 2003. Пословично-поговорочные выражения в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород. 211 с.
- Бегун В. В., 2010. Рекламный слоган как трансформация культурных стереотипов // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Вып. 1 (7). С. 31–37.
- Буренкова С. В., 2008. Комизм псевдопословиц как способ переоценки витальных ценностей // Фундаментальная наука вузам. № 4. С. 80–86.
- Бутько Ю. В., 2008. Ассоциативный контекст и его реализация в новых паремиях // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. № 6. С. 142–153.
- Вальтер Х., Мокиенко В. М., 2005. Антипословицы русского народа. СПб. : Нева. 576 с.
- Гнедаш С. И., 2005. Провербиальные трансформанты в функциональном стиле прессы и публицистики (на материале немецкоязычной печати ФРГ) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 24 с.

- Демидкина Е. А., 2017. Репрезентация интеллектуальных качеств человека в немецких паремиях и антипословицах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 1 (67), ч. 1. С. 91–94.
- Дидковская В. Г., Петрова Л. А., 2014. Пословицы и поговорки как объект «наивной лингвистики» // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. № 77. С. 68–70.
- Жигарина Е. Е., 2006. Современное бытование пословиц: вариативность и полифункциональность текстов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 24 с.
- Загребельный А. В., 2013. Лексика общественно-политической сферы русского языка начала XX века в семасиологическом и функциональном аспектах. Вологда : ИСЭРТ РАН. 248 с.
- Загребельный А. В., 2018. Авторская паремия *Красному утру не верь! Хвались вечером утром несеченный* в русском языке 1905–1907 годов // Ученые записки Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. № 6 (18). URL: <https://www.novsu.ru/file/1484325> (дата обращения: 01.07.2019).
- Загребельный А. В., 2019а. Методика диахронического анализа авторских паремий русского языка: возможности применения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 18, № 1. С. 196–208. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.17>.
- Загребельный А. В., 2019б. Авторская паремия *Старого воробья на овсе не поймаешь* в русском языке начала XX века // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. № 3. С. 13–20.
- Зайкина З. М., 2018. Понятийная и структурно-типологическая специфика паремиологических единиц // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 1 (79), ч. 1. С. 108–112.
- Кирсанова М. А., 2014. Антипословицы с гендерным компонентом в современном английском языке // Наука и школа. № 1. С. 91–95.
- Константинова А. А., 2009. Пословицы и поговорки в современной англо-американской прессе: авторское использование традиционных паремий // Вестник Томского государственного университета. № 322. С. 22–25.
- Никитина Т. Г., 2014. Новый «статус» русских антипословиц // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. № 77. С. 87–89.
- Пермяков Г. Л., 1970. От поговорки до сказки. М. : Наука. 240 с.
- Пермяков Г. Л., 1979. Пословицы и поговорки народов Востока. Систематизированное собрание изречений двухсот народов. М. : Наука. 671 с.
- Пермяков Г. Л., 1988. Основы структурной паремиологии / сост., вступ. ст. Г. Л. Капчица. М. : Наука. 235 с.
- Савенкова Л. Б., 2014. Представление о коллективном субъекте в пространстве современных русских антипословиц // Вестник Новгородского государственного университета. № 77. С. 35–37.
- Соловьева Н. С., 2011. Социолингвистический портрет американцев и русских по материалам словарей антипословиц (сопоставительный анализ) // Проблемы истории, филологии, культуры. № 3. С. 231–235.
- Сташкова М. А., 2015. Функционирование пословиц и антипословиц с гендерным компонентом в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 23 с.
- Швыдкая Л. И., 2011. Лингвистический статус традиционных паремий и антипословиц (на материале русских и английских фразеографических источников) // Проблемы истории, филологии, культуры. № 3. С. 236–239.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- БАС – Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950–1965.
- Доссер – Доссер З. На Пресне и в Московском Комитете в декабрьские дни 1905 г. // Декабрь 1905 года на Красной Пресне : сб. ст. и воспоминаний / под ред. В. Невского ; Агитпропотдел Красно-Преснинск. Райкома Р. К. П. (б.). М. ; Пг. : Гос. изд-во, 1924. С. 9–20.
- Жуков – Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. 7-е изд., стер. М. : Рус. яз., 2000. 544 с.
- Зарницы – Зарницы. 1906. № 5. 12 с.
- Киреев – Киреев А. А. Дневник. 1905–1910 / сост. К. А. Соловьев. М. : Рос. полит. энцикл. (РОС-СПЭН), 2010. 472 с.
- МАС – Словарь русского языка. В 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. 3-е изд., стер. М. : Рус. яз., 1985–1988.
- НБАС – Большой академический словарь русского языка / РАН. Ин-т лингвист. исслед. ; гл. ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд. Т. 1 – . М. ; СПб. : Наука, 2004– .
- Невский – Невский В. И. Советы и вооруженное восстание в 1905. М. : Всесоюз. о-во полит. каторжан и ссыльно-поселенцев, 1931. 429 с.
- Революция 1905 года – Революция 1905 года и самодержавие / Центрархив ; подгот. к печ. В. П. Се-

- менников ; предисл. А. М. Панкратовой ; примеч. сост. М. И. Ахун, В. А. Петров. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1928. 284 с.
- СПП – Словарь русских пословиц : Около 1000 единиц / под ред. В. М. Мокиенко. М. : Астрель : АСТ, 2007. 381 с.
- Стенографический отчет – Стенографический отчет заседания 29 января 1906 года общего собрания членов «Союза 17 октября» // Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. В 2 т. Т. 1. Протоколы съездов и заседаний ЦК. 1905–1907 гг. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 1996. С. 84–119.
- Стрелы – Стрелы. 1906. № 9. 12 с.
- Тихомиров – Дневник Л.А. Тихомирова. 1905–1907 гг. / сост. А. В. Репников, Б. С. Котов ; [авт. предисл., коммент. и примеч. А. В. Репников]. М. : Полит. энцикл., 2015. 599 с.
- Энциклопедический словарь-справочник – Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А. П. Сковородникова. 2-е изд. М. : Флинта : Наука, 2009. 480 с.
- Antonova O.N., 2011. *Izmenenie komponentnogo sostava kak vid transformacii paremij (na materiale angloyazychnyh massmedia)* [Change of component structure as a type of transformation of paremias (on material of English-language mass media)]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat state university], no. 11, pp. 3-5.
- Batulina A.V., 2003. *Poslovichno-pogovorochnye vyrazheniya v sovremennom russkom yazyke: diss. ... kand. filol. nauk* [Proverbial expressions in modern Russian. Cand. philol. sci. diss.]. Velikiy Novgorod. 211 p.
- Begun V.V., 2010. *Reklamnyj slogan kak transformaciya kul'turnyh stereotipov* [Advertisings Slogans as Cultural Stereotypes Transformation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], iss. 1 (7), pp. 31-37.
- Burenkova S.V., 2008. *Komizm psevdoposlovic kak sposob pereocenki vital'nyh cennostej* [Comedy of pseudo-proverbs as way of revaluation of vital values]. *Fundamental'naja nauka vuzam* [Fundamental Science to Higher Education Institutions], no. 4, pp. 80-86.
- But'ko YU.V., 2008. *Associativnyj kontekst i ego realizaciya v novyh paremiyah* [Associative Context and Its Realization in New Paremias]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Herald of the Chelyabinsk State Pedagogical University], no. 6, pp. 142-153.
- Val'ter H., Mokienko V.M., 2005. *Antiposloviy russkogo naroda*. [Anti-proverbs of the Russian People]. Saint-Petersburg, Neva Publ. 576 p.
- Gnedash S.I., 2005. *Proverbial'nye transformanty v funkcional'nom stile pressy i publicistiki (na materiale nemeckoyazychnoj pechati FRG): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk*. [Proverbialny Transformants in Functional Style of the Press and Journalism (on Material of the German-Speaking Press of Germany). Cand. philol. sci. abs. diss.]. Moscow. 24 p.
- Demidkina E.A., 2017. *Reprezentaciya intellektual'nyh kachestv cheloveka v nemeckih paremiyah i antiposlovicah* [Representation of Person's Intelligent Qualities in the German Proverbs and Antiproverbs]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], no. 1 (67), part 1, pp. 91-94.
- Didkovskaya V.G., Petrova, L.A., 2014. *Posloviy i pogovorki kak ob'ekt «naivnoj lingvistiki»* [Proverbs and Sayings as an Object of "Naive Linguistics"]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo* [Vestnik of Yaroslav the Wise Novgorod State University], no. 77, pp. 68-70.
- Zhigarina E.E., 2006. *Sovremennoe bytovanie poslovic: variativnost' i polifunkcional'nost' tekstov: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Modern existence of Proverbs: variability and polyfunctionality of texts: author's abstract. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Moscow. 24 p.
- Zagrebenny A.V., 2013. *Leksika obshchestvenno-politicheskoy sfery russkogo yazyka nachala XX veka v semasiologicheskom i funkcional'nom aspektah* [Lexicon of the Social and Political Sphere of the Russian Language of the Beginning of the 20th Century in Semasiological and Functional Aspects]. Vologda, ISEDT RAS Publ. 248 p.
- Zagrebenny A.V., 2018. *Avtorskaya paremiya Krasnomu utru ne ver'! Hvalis' vecherom utrom nesechennyj v russkom yazyke 1905 – 1907 godov* [Author's Paroimia Do not Trust Good Morning! Praise Yourself in the Evening if You Have not Been Flogged in the Morning in the Russian Language of the 1905 – 1907]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta ime. Jaroslava Mudrogo* [Research notes the Yaroslav the Wise Novgorod State University], no. 6 (18). URL: <https://www.novsu.ru/file/1484325>.

REFERENCES

- Zagrebel'nyy A.V., 2019a. Metodika diahronicheskogo analiza avtorskih paremij russkogo yazyka: vozmozhnosti primeneniya [Methods of the diachronic analysis of author's proverbs of the Russian language: the possibility of application]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2. Jazykoznanie* [Science Journal of VolSU. Linguistics], vol. 18, no. 1, pp. 196-208. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.17>.
- Zagrebel'nyy A.V., 2019b. Avtorskaya paremiya Starogo vorob'ya na ovse ne pojmaesh' v russkom yazyke nachala XX veka [The author's paroimia You can not catch an old sparrow with oat in the Russian Language of the beginning of the 20th century]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshej shkoly* [Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education], no. 3, pp. 13-20.
- Zaykina Z.M., 2018. Ponyatijnaya i strukturno-tipologicheskaya specifika paremiologicheskikh edinic [Conceptual and Structural-Typological Peculiarities of Paremiological Units]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], no. 1 (79), part 1, pp. 108-112.
- Kirsanova M.A., 2014. Antiposloviy s gendernym komponentom v sovremennom anglijskom yazyke [Anti-Proverbs with Gender Component in the Modern English Language]. *Nauka i shkola* [Science and School], no. 1, pp. 91-95.
- Konstantinova A.A., 2009. Posloviy i pogovorki v sovremennoj anglo-amerikanskoj presse: avtorskoe ispol'zovanie tradicionnyh paremij [Proverbs and Sayings in the Modern England and American Press: Author's Use of Traditional Paremiology]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], no. 322, pp. 22-25.
- Nikitina T.G., 2014. Novyj «status» russkikh antiposloviy [New “status” of the Russian anti-proverbs]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Jaroslava Mudrogo* [Bulletin of the Novgorod State University of Yaroslav the Wise], no. 77, pp. 87-89.
- Permyakov G.L., 1970. *Ot pogovorki do skazki* [From a saying to the fairy tale]. Moscow, Nauka Publ. 240 p.
- Permyakov G.L., 1979. *Posloviy i pogovorki narodov Vostoka. Sistematizirovannoe sobranie izrechenij dnuhsot narodov* [Proverbs and sayings of the people of the East. The systematized meeting of sayings of two hundred people], Moscow, Nauka Publ. 671 p.
- Permyakov G.L., 1988. *Osnovy strukturnoj paremiologii* [Fundamentals of Structural Paremiology]. Moscow, Nauka Publ. 235 p.
- Savenkova L.B., 2014. Predstavlenie o kollektivnom sub'ekte v prostranstve sovremennyh russkikh antiposloviy [Idea of the collective subject in space of modern Russian anti-proverbs]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Messenger of the Novgorod state university], no. 77, pp. 35-37.
- Solov'eva N.S., 2011. Sociolingvisticheskiy portret amerikancev i russkikh po materialam slovarij antiposloviy (sopostavitel'nyj analiz) [Sociolingvisticheskiy a portrait of Americans and Russians on materials of dictionaries of anti-proverbs (the comparative analysis)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of history, philology, culture], no. 3, pp. 231-235.
- Stashkova M.A., 2015. *Funkcionirovanie posloviy i antiposloviy s gendernym komponentom v sovremennom anglijskom yazyke: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Functioning of proverbs and anti-proverbs with a gender component in modern English: Cand. philol. sci. abs. diss.], Moscow. 23 p.
- Shvydkaya L.I., 2011. Lingvisticheskiy status tradicionnyh paremij i antiposloviy (na materiale russkikh i anglijskikh frazeograficheskikh istochnikov) [The linguistic status of traditional paremiology and anti-proverbs (on material of the Russian and English frazeograficheskiy sources)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of history, philology, culture]. no. 3, pp. 236-239.

SOURCES AND DICTIONARIES

- Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka*. T. 1-17. [Dictionary of the modern Russian literary language. Vol. 1-17], Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR, 1950-1965.
- Dossjer Z., 1924. *Na Presne i v Moskovskom Komitete v dekabr'skie dni 1905 g.* [On Presnya and in the Moscow Committee in December days 1905]. Dekabr' 1905 goda na Krasnoj Presne: sbornik statej i vospominanij / pod red. V. Nevskogo, Agitpropotdel Krasno-Presninsk. Rajkoma R. K. P. (b.) [December, 1905 on Krasnaya Presnya: the collection of articles and memoirs / under the editorship of V. Nevsky, Agitpropotdel Red Presninsk district committee. R.K. P. (b.)]. Moscow; Petersburg, State. publishing house, pp. 9-20.
- Zhukov V.P., 2000. *Slovar' russkikh posloviy i pogovorok* [Dictionary of the Russian proverbs and sayings], Moscow, Russian Language, 544 p.
- Zarnicy* [Summer lightnings], 1906, no. 5, 12 p.

- Kireev A.A., 2010. *Dnevnik. 1905 – 1910* / sost. K.A. Solov'ev [Diary. 1905 – 1910]. Moscow, Russian political encyclopedia (ROSSPEN), 472 pp.
- Slovar' russkogo jazyka. V 4 t. AN SSSR, In-t rus. jaz. 3-e izd., ster.* [Dictionary of Russian. In 4 t. Academy of Sciences of the USSR]. Moscow, Russian language publ. house, 1985-1988.
- Nevskij V.I., 1931. *Sovety i vooruzhennoe vosstanie v 1905 godu* [Councils and an armed revolt in 1905]. Moscow: All-Union society of political convicts and exiled of settlers publ. house, 429 pp.
- Bol'shoj akademicheskij slovar' russkogo jazyka. T. 1-* [Big Academy dictionary of Russian. Vol. 1-], Moscow, Science Publ., 2004 – .
- Revoljucija 1905 goda i samodержавie. Centrarkhiv ; podgot. k pech. V.P. Semennikov ; predisl. A.M. Pankratovoj ; primech. sost. M.I. Ahun i V.A. Petrov* [Revolution of 1905 and autocracy. Centrarkhiv; preparation for printing V.P. Semennikov; A.M. Pankratova's preface; the note is made M.I. Akhun and V.A. Petrov]. Moscow; Leningrad: State publishing house, 1928, 284 pp.
- Slovar' russkih poslovic: okolo 1000 edinic. V.M. Mokienko, Ju.A. Ermolaeva, A.A. Zajnul'dinov i dr.; pod red. V.M. Mokienko* [Dictionary of the Russian proverbs: about 1000 units/V.M. Mokiienko, Yu.A. Yermolaeva, A.A. Zaynuldinov, etc.; under the editorship of V.M. Mokiienko]. Moscow, Astrel Publ., AST Publ., 2007, 381 pp.
- Stenograficheskiy otchet zasedanija 29 janvarja 1906 goda obshhego sobranija chlenov «Sojuza 17 oktjabrja»* [Verbatim record of a meeting on January 29, 1906 general meeting of members "Union on October 17"]. *Partija «Sojuz 17 oktjabrja». Protokoly sezдов, konferencij i zasedanij CK. V 2-h tomah. T. 1. Protokoly sezдов i zasedanij CK. 1905 – 1907 gg.* [Batch "Union on October 17". Protocols of congresses, conferences and meetings of the Central Committee. In 2 volumes. Vol. 1. Protocols of congresses and meetings of the Central Committee. 1905 – 1907]. Moscow, Russian political encyclopedia (ROSSPEN) Publ., 1996, pp. 84-119.
- Strely* [Arrows], 1906, № 9, 12 pp.
- Dnevnik L.A. Tihomirova. 1905 – 1907 gg. Sost. A.V. Repnikov, B.S. Kotov* [L.A. Tikhomirov's diary. 1905 – 1907. Originators A.V. Repnikov, B.S. Kotov]. Moscow, Political encyclopedia Publ., 2015, 599 pp.
- Jenciklopedicheskij slovar'-spravochnik. Vyrazitel'nye sredstva russkogo jazyka i rechevye oshibki i nedochety. Pod red. A.P. Skovorodnikova* [Encyclopedic dictionary reference. Means of expression of Russian and speech mistakes and defects. Under the editorship of A.P. Skovorodnikov]. Moscow, Flint Publ., Science Publ., 2009, 480 pp.

Information About the Author

Artur V. Zagrebelnyy, Candidate of Sciences (Philology), Researcher, Department of Editorial-and-Publishing Activity and Science-Information Support, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Gorkogo St, 56a, 160014 Vologda, Russia, pechorin2106@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4573-4222>

Информация об авторе

Артур Владимирович Загребельный, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела редакционно-издательской деятельности и научно-информационного обеспечения, Вологодский научный центр РАН, ул. Горького, 56а, 160014 г. Вологда, Россия, pechorin2106@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4573-4222>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.9>

UDC 81'42:004.738.5
LBC 81.055.51.5

Submitted: 18.09.2019
Accepted: 25.05.2020

ELECTRONIC MODE OF THE MODERN ADMINISTRATIVE DISCOURSE

Oksana A. Evtushenko

Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia

Svetlana V. Pervukhina

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

Abstracts. The study has been carried out in line with the current problems of modern discourse and genre studies related to the study of the evolution of administrative discourse, which is understood as a hybrid of oral and written communication. The article presents the results of the analysis of the Internet influence on the long-established genres of administrative discourse. The concept of administrative Internet communication has been clarified. The study of administrative discourse in the Internet space clearly demonstrates that even the most conservative sphere of activity is influenced by modern technologies and extralinguistic factors have the most direct impact on the genres formation. The administrative Internet functions are singled out: informing, requesting information, initiating discussions, organization. The genres of administrative Internet communication are analyzed, in the modern administrative discourse we have identified the most indicative in terms of management hypergenres and genres: the hypergenre “corporate web portal” or “Intranet”, the genre “email”, the genre “online meeting” or “video conferencing”, the genre “electronic documents”. This article details two genres: “corporate web portal” and “online meeting”. The conducted survey made it possible to determine the pragmatic nature of the considered corporate web portal hyper-genre – keeping to corporate culture, interactivity, speed. It has been established that due to the mentioned Internet genres emergence, a partial decrease in distance and erasing of the status line in the “head-subordinate” pair occurs. It is concluded that cyberspace is transforming the power-subordinate nature of administrative communication into democratic partnership, as well as there is the transformation of traditional genres with the advent of electronic communication in the field of management. It is concluded that the theory of speech genres is applicable to study of the evolution of administrative communication, and new techniques are required to take into account linguistic changes caused by the development of information technologies.

Key words: electronic mode, administrative Internet communication, Internet genre, hypergenre, corporate web portal, online meeting, conference call.

Citation. Evtushenko O.A., Pervukhina S.V. Electronic Mode of the Modern Administrative Discourse. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 5, pp. 99-109. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.9>

УДК 81'42:004.738.5
ББК 81.055.51.5

Дата поступления статьи: 18.09.2019
Дата принятия статьи: 25.05.2020

ЭЛЕКТРОННЫЙ МОДУС СОВРЕМЕННОГО АДМИНИСТРАТИВНОГО ДИСКУРСА

Оксана Александровна Евтушенко

Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград, Россия

Светлана Владимировна Первухина

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. Исследование выполнено в русле актуальных проблем современной дискуртологии и жанроведения, связанных с изучением эволюции административного дискурса, который понимается как гибрид

устной и письменной коммуникации. В статье представлены результаты анализа влияния Интернета на административный дискурс, которое выразилось в трансформации уже сложившихся жанров и формировании новых. Уточнено понятие административной интернет-коммуникации. Выделены функции административного Интернета: информирование, запрос информации, инициация обсуждений, организация управления, реклама. Описаны жанры административной интернет-коммуникации и подробно охарактеризованы востребованные в современном административном дискурсе информационные жанр и гипержанр (корпоративный интернет-сайт и корпоративный веб-портал, или интранет) и интерактивные жанры (селекторное совещание и онлайн-совещание). Определены их прагматические свойства – корпоративность, интерактивность, быстрота. Показано, как с появлением электронной коммуникации в сфере управления происходит изменение традиционных жанров. Установлено, что интернет-жанры способствуют уменьшению статусной дистанции между руководителем и подчиненным, что киберпространство трансформирует властно-подчинительный характер административной коммуникации в демократически-партнерский. Сделан вывод о том, что для изучения эволюции административной коммуникации применима теория речевых жанров и требуются новые методики, позволяющие учитывать лингвистические изменения, обусловленные развитием информационных технологий.

Ключевые слова: административный дискурс, административная интернет-коммуникация, интернет-жанр, гипержанр, корпоративный веб-портал, онлайн-совещание, селекторное совещание.

Цитирование. Евтушенко О. А., Первухина С. В. Электронный модус современного административного дискурса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 5. – С. 99–109. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.9>

Введение

Развитие информационных технологий послужило мощным толчком к формированию нового пространства – электронного, в рамках которого обеспечивается передача и хранение различной информации, а также обмен управленческими решениями.

В современном социуме ни одна область социальной деятельности не обходится без обращения к разнообразным документам, что делает современную цивилизацию полностью зависимой от документации. Сейчас общество переживает период перехода от «бумажной» к электронно-мультимедийной коммуникации. По мнению В.С. Соколова, в связи с тем, что у каждого типа общения имеются свои ограничения и преимущества, вскоре будет возможна комбинация всех типов социальной коммуникации (устной, документной, электронной) [Соколов, 2005, с. 10].

В целом ряде работ описывается лингвистика Интернета, то есть его языковые и коммуникативные особенности [Асмус, 2005; Войскунский, 2001; Галичкина, 2001; Горошко, 2010; Зуляр, 2006; Иванов, 2000; Смирнов, 2004; Соколов, 2005; Crystal, 2004; Herring, 1996; Thurlow, 2001; и др.]. В этих публикациях электронная коммуникация определяется как современная форма особого типа социального общения при замещении устной и

письменной формы электронной. Являясь прогрессивным и перспективным, рассматриваемый тип коммуникации последовательно развивается.

Информационные технологии оказывают непосредственное воздействие на административную сферу. Возникают такие термины, как «синхронизация электронных систем», «электронный архив организационно-распорядительной документации», «электронный отчет», «электронная подпись», «электронный протокол заседаний», «электронный документооборот», «электронный язык руководителя», «электронная деловая переписка», «онлайн-голосование». Административная коммуникация в сети Интернет направлена на информирование, запрос информации, инициацию обсуждений, организацию управления, рекламу, реализуя, таким образом, универсальные функции: информирующую, организующую, координирующую и контролирующую. В административной традиционной или интернет-коммуникации они являются первостепенными, так как суть управленческой деятельности сводится к постоянной координации работы департаментов организации и ее отдельных представителей для достижения общих целей.

Исследование, результаты которого представлены в статье, ориентировано на определение направления эволюции административного дискурса посредством описания жанров

электронного модуса современного административного дискурса.

Материал и методы исследования

В работе использовались следующие методы исследования: понятийное моделирование, интерпретативный анализ, внешнее анкетирование и опрос информантов, интроспекция.

Под интернет-жанром, вслед за Е.И. Горошко и Т.Л. Поляковой, понимаем «устойчивые типы текста, назначение которых определяет его форму и которые обслуживают типическую ситуацию коммуникации в сети Интернет» [Горошко, Полякова, 2015, с. 119]. Наличие большого количества классификаций интернет-жанров на основе различных критериев привело к трудностям их вычленения в виртуальном пространстве. Мы руководствовались комплексной моделью интернет-жанра, предложенной Л.Ю. Щипициной и предполагающей учет следующих его параметров: 1) медийных – синхронность, интерактивность, оформление жанра; 2) прагматических – хронотоп, коммуникативная цель; 3) структурно-семантических – структурные элементы; 4) языковых – языковые средства, специфические для этого жанра [Щипицина, 2009, с. 155–158]. Данная модель послужила базой для комплексного описания информационных жанров в нашей работе.

Система жанров в интернет-коммуникации многослойна и включает гипержанры, жанры и субжанры. Гипержанр объединяет в себе несколько жанров, в то время как субжанр – это минимальная единица [Дементьев, Седов, 1998; Кожевникова, 1979]. Согласно классификации Е.И. Горошко и Е.А. Жигалиной, к гипержанрам относятся: социальная сеть, электронная библиотека, блог, сайт [Горошко, Жигалина, 2010]. Можно предположить, что гипержанром является и «корпоративный веб-портал». Широкий репертуар жанров данного гипержанра формируют: объявление, информационное сообщение, деловое письмо, инструкция, распоряжение, приказ, видеосовещание, онлайн-собрание, блог руководителя, в том числе комментарии, и др.

Мы учитывали также классификации жанров административной интернет-коммуникации

в зависимости от их функции, в частности классификацию О.Н. Морозовой, которая выделяет информационные жанры (корпоративные сайты, административные документы, объявления, законодательные сайты, интранет) и интерактивные жанры (имейл, видеоконференция, онлайн-совещания или заседания) [Морозова, 2011, с. 158]. Наши наблюдения показывают, что наиболее востребованными в административной интернет-коммуникации являются информационные жанры «корпоративный интернет-сайт», «интранет» и интерактивный жанр «онлайн-совещание».

В качестве материала исследования использован корпус текстов, составленный в результате сплошной выборки из опубликованных материалов деловой коммуникации, включая тексты, размещенные в сети Интернет, из картотеки записей устной и письменной речи, а также из внешних опросов информантов, осуществленных интранет-порталом *inside-pr.ru* и порталом *www.rbc.ru*. Единицей исследования является текстовый фрагмент, в котором выражены конститутивные признаки институциональных административных отношений между участниками коммуникации.

Результаты и обсуждение

Информационные жанры

Корпоративные интернет-сайты – тип публичного внешнего и внутреннего общения субъектов управления. О.Н. Морозова выделяет следующие его преимущества: 1) размещение большого количества материала без временных и пространственных ограничений; 2) экономию усилий и времени при доставке информации, обновляемой в любой момент; 3) создание и поддержание имиджа организации; 4) оперативную взаимосвязь со своими подчиненными или вышестоящими органами управления [Морозова, 2011, с. 158–160].

В сфере административного общения появляется новый интернет-гипержанр – **корпоративный вебпортал, или интранет**. С технической точки зрения интранет – это «распределенная корпоративная сеть, предназначенная для обеспечения доступа сотрудников к корпоративным информационным ресурсам и использующая программные продук-

ты и технологии Интернет. Интранет позволяет контролировать доступ к корпоративной информации» (Интранет). По определению, представленному в словаре «Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus», Intranet – «a system of connected computers which works like the internet, and which allows people within an organization to communicate with each other and share information» – система объединенных компьютеров, работающая как Интернет, позволяет сотрудникам организации общаться и делиться информацией (перевод наш. – О. Е., С. П.). Таким образом, учитывая английское происхождение слова *интранет*, мы можем заявить об ориентированности данного технического достижения на коммуникацию. Обращаясь к медийным параметрам данного гипержанра, Л.Ю. Щипицина отмечает, что оформление веб-портала представляет собой интернет-платформу, которая объединяет множество программных элементов (HTTP Вебинтранет сервер, SMTP/IMAP e-mail почтовый сервер, сервер обмена сообщениями (MSN Messenger, Jabber), NNTP сервер новостей, VoIP сервер внутрикорпоративной телефонии) [Щипицина, 2009]. Это тип асинхронной коммуникации, то есть не требующей мгновенного ответа адресата, происходящей в веб-пространстве при неограниченном доступе к электронному контенту и имеющей публичную одно- или двунаправленность. Элементы программного обеспечения являются ключевыми факторами при создании текстов конкретного жанра. Например, при составлении текста документа автор использует имеющийся шаблон, предлагаемый программой, таким образом, элементы программного обеспечения всегда связаны с создаваемым текстом. Разделяя мнение О.Ю. Усачевой и Л.Ф. Компанцевой о том, что интранет, или корпоративный веб-портал, – это техническая платформа или формат для решения минимальных коммуникативных задач руководителем и подчиненным [Усачева, 2010], мы одновременно соглашаемся с М.А. Ульяновой в том, что термин «формат» не имеет прямого отношения к образованию дискурса и не влияет на протекание коммуникативных интеракций и, соответственно, «корпоративный веб-портал» имеет право на существование как административный интернет-гипержанр [Ульянова, 2014].

Корпоративный веб-портал – многоуровневый, многофункциональный интернет-гипержанр административного дискурса, обеспечивающий институциональную коммуникацию статусно-неравноправных участников, относящихся к одной организации и общающихся на заданную тему относительно функционирования данной организации, в которой культивируются корпоративные ценности и традиции, ставятся задачи, отдаются приказы, распоряжения и пр.

Л.Н. Кольцова выделяет базовые функции данного интернет-гипержанра: коммуникативную (виртуальные конференции, совещания и голосования); информационную (передача, хранение, поиск данных, обмен информацией, создание отчетов, рассылка приказов всем сотрудникам); контролируемую (увеличение скорости обмена информацией, принятие решений, реагирование на ситуацию, проведение опросов, рейтинговых голосований среди сотрудников компании, формирование архива опросов) [Кольцова, 2010].

Корпоративный веб-портал – это, прежде всего, административный инструмент для руководителя, значительно упрощающий его работу в силу объединения всех элементов корпоративной коммуникации. Коммуникативные потоки на веб-портале делятся на вертикальные и горизонтальные. К вертикальным относим те, что инициированы руководителем: издание приказов, распоряжений, внутренних инструкций, формулирование задач, информирование, оповещение о необходимости действий, контроль версий документов, запрос отчетов, управление или сопровождение выполнения заданий, управление знаниями сотрудников, делегирование полномочий и пр. Горизонтальные потоки коммуникации инициированы сотрудниками организации для внутреннего корпоративного общения: форумы, страницы поздравлений, созданные сотрудниками e-learning курсы, записи проведенных вебинаров.

Важной особенностью данного интернет-гипержанра является уменьшение дистанции, частичное стирание статусной грани в коммуникации «руководитель – подчиненный». Интернет-пространство смягчает строгость, официальность и властно-подчинительный характер административной коммуникации.

Подчиненный может обратиться к любому руководителю из всей иерархии руководящего звена, что в ситуации реального общения весьма затруднительно.

Интернет-гипержанр «корпоративный веб-портал» имеет сложную структуру, подчиненную основным целям данного административного жанра – управлению, интеграции, размещению, хранению, передаче информации. Приведем пример структурных элементов портала Rambler&Co: *Главная, Лента новостей, Поиск коллег, Сопровождения и встречи, Рабочий процесс, Электронные услуги и бонусы для сотрудников, Библиотека, Анонимный чат с руководством, Заявления на отпуск, Увольнения, Кадровые заявки, Единая база кандидатов, Оценка 360, Мероприятия, статистика посещения, Постановка КПЕ, Список проектов, Статистика*. Анализ структуры различных интранет-порталов (*inside-pr.ru, www.rbc.ru, ramblergroup.com*) показал, что составляющие ее единицы могут меняться в зависимости от целей конкретной организации, но контент сводится к следующим темам: документная, корпоративная, административная коммуникация.

Изучение результатов интернет-опроса топ-руководителей об эффективности интранета для ведения дел, осуществленного интранет-порталом *inside-pr.ru* и опубликованного в статье «Интранет: основные задачи и эффективные решения», размещенной на нем, позволило нам выявить прагматические свойства данного интернет-жанра. Он направлен на:

1) объединение и сплочение коллектива:

...Для успеха требуется сплочение команды, превращение работников в единомышленников. Поздравления с днем рождения, появлением на свет ребенка, окончанием испытательного срока и прочим, фотографии с корпоративных мероприятий, новости, планы компании – все это позволяет лучше сплотить коллектив (особенно если он рассредоточен по офисам) и сделать бизнес более «человечным», «живым» (Н. Ляховская, заместитель директора по маркетингу и рекламе кадрового агентства «Визави Консалт»);

2) воспитание и поддержание корпоративной культуры:

Эффективность использования внутреннего сайта как средства укрепления корпоративного духа

компании, передачи информации от руководства к подчиненным, а также обратной связи сегодня вряд ли может подвергаться сомнению. Для сравнения можно рассмотреть пример печатной корпоративной газеты. Ее основные недостатки – сравнительно невысокая оперативность (Е. Ганьшина, директор по связям с общественностью «Евразийского банка развития»);

К идеологическим целям, безусловно, относятся задачи развития корпоративной культуры организации, пропаганда ее ценностей, вовлечение сотрудников во внутреннюю жизнь компании (В. Зинченко, вице-президент «Номос-Банка»);

Интранет как никакой другой инструмент дает возможность каждому сотруднику ежедневно испытывать чувство причастности к одной команде, к одному большому делу благодаря вовлеченности во внутрикорпоративное информационное поле. И если стратегия развития компании предполагает такую важную составляющую, как корпоративные коммуникации, то интранет будет лучшим способом поддержки и развития корпоративной культуры (Е. Харитонова, пресс-секретарь управляющей компании «Арбат Капитал»);

3) интерактивность и легкодоступность:

Основное назначение любого корпоративного портала – обеспечить удобный и оперативный доступ сотрудника к необходимым ему материалам, а также наладить эффективное общение среди работников (А. Набока, генеральный директор компании «Designonline»);

4) продвижение корпоративных коммуникаций:

Цели, которые преследуют руководители, состоят в устранении внутренних информационных барьеров, обеспечении беспрепятственного и оперативного доступа к информации и повышении скорости и качества коммуникаций для решения любых вопросов – как производственных, так и социальных (А. Карпов, директор по персоналу «LG Electronics RUS»);

Преимущества у интранета много, но главное из них – это качественно другой уровень внутренних коммуникаций, что, безусловно, сильно облегчает решение многих как ежедневных, так и стратегических задач. А если идти дальше, то уровень развития внутренних коммуникаций напрямую коррелируется с уровнем развития корпоративной культуры компании, отражает ее подлинные интересы и приоритеты» (Ю. Григорьян, директор по управлению персоналом УК «Альфа-Капитал»).

Данному гипержанру присуща мультимедийность в полном объеме: внутри «веб-

портала» находятся фотографии сотрудников организации, текстовые материалы совещаний, звуковые файлы, картинки. Интерактивность данного гипержанра обусловлена целью его создания – объединением членов всей организации. Таким образом, в речевой деятельности одновременно принимает участие не менее двух субъектов административной коммуникации.

Итак, гипержанр «корпоративный веб-портал» обладает всеми параметрами, присущими интернет-жанру: мультимедийными, прагматическими, структурно-семантическими и языковыми. Автором данного гипержанра выступает руководитель, который инициирует коммуникацию со своим адресатом (подчиненным) и направляет ему аккумулированную систематизированную информацию в общем интернет-пространстве.

В связи со строгой конфиденциальностью и обязательством неразглашения информации, содержащейся на корпоративном веб-портале, нам представляется затруднительным дать полное описание всех его составляющих, провести лингвистический анализ текстовых документов, изучить структурно-семантические и языковые параметры интернет-жанров, создающих гипержанр «корпоративный веб-портал».

Интерактивные жанры

Современные информационные технологии открывают руководителю такие перспективы, которые дают возможность работать оперативно, быть доступным для своих подчиненных, позволяют увеличивать объемы информации, требуемой для решения административных задач. Правильная организация коммуникации должна вовлекать всех сотрудников в процесс достижения целей компании. Рассматриваемые интернет-жанры реализуются в вербально-визуальном общении, предоставляющем возможность информировать сотрудников всех филиалов и удаленно обсуждать текущие вопросы.

Существует такой вид интерактивных жанров, как *селекторные совещания*. И.С. Шевченко рассматривает жанры «селекторное совещание» и «аудиоконференция» в рамках корпоративного дискурса с позиции теории Ю. Хабермаса. Ученый определяет эти жан-

ры как речевые события с заданными ролями, стандартизированной ситуацией и сценарием, которые уже являются повседневной реальностью для многих организаций и все больше превращаются в необходимый инструмент оперативного управления, в удобное средство проведения виртуальных бизнес-встреч и совещаний [Шевченко, 2007, с. 13].

Согласно принципам критической теории стратегий и тактик, роли, социальный контекст находятся в прямой зависимости от внешних языковых и социокультурных факторов. В связи с этим образование данных жанров обусловлено совершенствованием функциональности оборудования, появлением новых технологий, интегрирующих с компьютерными приложениями.

В рамках этого жанра осуществляются все функции управления одновременно. Селекторное совещание – это жанр административного дискурса, в рамках которого разворачивается речевое событие во главе с руководителем и несколькими участниками, задача которых состоит в разработке плана, утверждении или согласовании действий. Подобные совещания носят формальный характер, так как их основными составляющими являются протоколы и отчеты, а быстрота принятия решений отличает селекторное совещание от традиционных видеоконференций.

Участники коммуникации в этих жанрах вступают в иерархическое административное общение, при котором исполнительность, системность и быстрота принятия решений реализуются на всех уровнях общения.

Рассмотрим пример селекторного совещания.

– Здравствуйте, уважаемые коллеги! Мы начинаем заседание рабочей группы правительственной комиссии в связи с чрезвычайной ситуацией, которая возникла на территории Московской области. В результате столкновения двух поездов: пассажирского и товарного, к сожалению, погибли и пострадали люди. Осуществляется полномасштабная спасательная операция, привлечены силы и средства МЧС России, Министерства внутренних дел, Минздрава, активно работает группировка сил Москвы и области... Яценко Виктор Николаевич, пожалуйста, доклад о состоянии на три часа дня.

– Уважаемый министр РФ, уважаемые коллеги, в половину первого в Нарофоминском райо-

не в результате схода с рельсов вагонов произошло столкновение... В поезде находилось триста девяносто четыре пассажира. По предварительным данным в результате аварии пострадало пятьдесят человек... В короткие сроки создана система антикризисного управления, организована работа рабочей группы... обстановка находится на контроле, доклад закончен.

– Виктор Николаевич, продолжаем масштабное реагирование, организуйте устойчивую систему управления в зоне ЧС... Об обстановке, сложившейся в зоне ЧС, Швецов Юрий Анатольевич, руководитель спасательной службы, слушаем Вас.

– Здравия желаю, находясь на месте, восемнадцать человек госпитализированы, пять погибших, работает восемь единиц воздушной техники... Доклад закончен.

– Так, дополнительные силы требуются в зоне ЧС?

– Не требуются.

– Так, коллеги, работу продолжаем. Начальник управления авиацией, я попрошу организовать воздушный коридор... Это первое. Второе, доклады каждый час. Следующее, я попрошу, МВД у нас на связи? Вижу вас. Организуйте транспортные коридоры в зону ЧС, это первое, второе, организуйте объездные пути. Нужна будет дополнительная поддержка и инструкции, обращайтесь. МИД на связи у нас? Организуйте прямую линию с Кишиневом... Коллеги, реагирование продолжается. Есть какие-то общие вопросы у нас?

Некоторое молчание.

– Если вопросов нет, в четыре часа дня заседание рабочей группы, я убываю в зону ЧС (Селекторное совещание).

Данный текстовый фрагмент демонстрирует, как в ходе обсуждения одновременно решаются все административные задачи: контроль (заслушиваются отчеты руководителей подразделений о ходе работы); планирование (на основе чего ставятся новые цели); организация (обговариваются способы их достижения, назначаются ответственные и сроки выполнения); мотивация (предпринимаются попытки побудить работников к активным действиям). Все речевые и языковые средства строго подчинены коммуникативной цели селекторного совещания – быстрому получению текущей информации и ее оценке. Четкость, лаконичность речи участников совещания обеспечены использованием форм и конструкций страдательного залога, двусоставных предложений (*Осуществляется полно-*

масштабная спасательная операция; Привлечены силы и средства; Реагирование продолжается; Я убываю), числительных (*находилось триста девяносто четыре пассажира, пострадало пятьдесят человек*), вводных слов, определяющих последовательность действий (*это первое, второе, следующее*). Стремительность селекторного совещания вербализуется не только посредством эпитетов (*активный, полномасштабный, короткий, устойчивый*), но и путем опускания некоторых членов предложения (*пожалуйста, доклад о состоянии на 15:00*), союзов (*Нужна будет дополнительная поддержка и инструкции, обращайтесь*). Конструкции в страдательном залоге акцентируют внимание участников на выполненных действиях и поставленных задачах (*создана система, организована работа, 18 человек госпитализированы*) и тем самым экономят время, отведенное на совещание. Техническая специфика проведения данного совещания предопределяет особенности коммуникации: проверка связи (*МВД у нас на связи? Вижу вас, МИД на связи у нас?*), акцентирование начала и окончания речи (*доклад закончен*). Речевые характеристики административного жанра селекторного совещания подчинены его техническим свойствам: онлайн-формату, темпу его проведения, скорости принятия решений.

Наряду с уже существующим жанром селекторного совещания, активно развивается еще один – *онлайн-совещание*. Это синхронный инструмент в виртуальном пространстве, где работники организации обсуждают управленческие вопросы. Данная форма коммуникации существует не так давно, не более 10 лет, и как самостоятельный интернет-жанр еще не была исследована. Размещенные на портале www.gbc.ru в статье «Хватит болтать: почему компании запрещают совещания» результаты анализа мнений руководителей разных уровней, представленного в глобальном исследовании, проведенном лондонской консалтинговой компанией «STL Microsoft Training» в 2017 г., показывают, что современные руководители видят пользу онлайн-совещаний и отдают им предпочтение по разным причинам:

1) лаконичность высказываний и их эмоционально-нейтральная окраска:

Текст – это принципиально другая коммуникация. Вживую люди могут выступать по 10 минут и не сказать вообще ничего. В тексте это сделать труднее, поэтому обсуждение становится более конкретным, предметным и качественным. Плюс оно почти лишено ненужных эмоций, которые часто возникают на деловых встречах (А. Козловский, руководитель отдела «Манго Телеком»);

2) эффективность коммуникаций:

Здесь нет варианта по пути за кофе заскочить к коллеге и поставить ему неожиданную задачку. И нет возможности забыть или потерять свою задачу: от всего остаются электронные следы» (М. Сундалов, руководитель онлайн-школы «Englishdom»);

3) активность коммуникаций:

В итоге это дает куда лучшие результаты: все задачи четко сформулированы, каждый комментирует по существу. В общем конференц-зале все молча сидели с блокнотами, а теперь со своих рабочих мест сотрудники активно обсуждают вопросы. Получается, что это удобнее и сотруднику, и руководителю (А. Банников, генеральный директор «Фотосклад.ру»);

4) экономичность коммуникаций:

Совещания были необходимы в доцифровую эпоху. С развитием интернета и систем по управлению проектами практика совещаний стала обременением для современного бизнеса, ведь любое совещание отнимает самое ценное – время (А. Першиков, директор фонда «KeyGroup»).

Онлайн-совещания – это гибрид устно-письменного синхронного полилога в виртуальном пространстве. Его участники играют различные коммуникативные роли, вступая в разнообразные речевые взаимодействия, имеют возможность прибегать к нескольким видам адресации. Полилоги административного дискурса моносемантически, поскольку направлены на решение одной проблемы и имеют лингвистические и экстралингвистические особенности. О.Н. Дубровская предлагает говорить о трансформации речевого жанра, в котором цели и задачи интернет-общения остаются теми же, что и во время реального общения, основные особенности жанра – лингвистическое выражение и цель использования жанра – сохраняются [Дубровская]. Мы согласимся в этом с ученым, добавив, что языковые и речевые изменения обусловлены техническими инновациями.

Заключение

Административный дискурс в современном социолингвистическом пространстве, пересекаясь с особой сферой общения – интернет-коммуникацией, предоставляет большие коммуникативные возможности в сфере административного общения, будучи неким гибридом устной и письменной коммуникаций, позволяет расширить их возможности и объединить различные виды информации. Данное пересечение приводит к трансформации некоторых традиционных жанров в интернет-жанры. Для их изучения, с одной стороны, применима теория речевых жанров, с другой стороны, необходимы новые методики, учитывающие появление в административной коммуникации электронного посредника и происходящие в связи с этим лингвистические изменения.

Исследование административного дискурса в интернет-пространстве демонстрирует, что даже самая консервативная сфера деятельности подвержена влиянию современных технологий и экстралингвистические факторы оказывают прямое воздействие на образование жанров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Асмус Н. Г., 2005. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства : дис. ... канд. филол. наук. Челябинск. 265 с.
- Войскунский А. Е., 2001. Развитие речевого общения как результат применения Интернета. URL: <http://www.psynet.by.ru/index.html> (дата обращения: 02.09.2019).
- Галичкина Е. Н., 2001. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Астрахань. 18 с.
- Горошко Е. И., 2010. Особенности создания текста ВЕБ-страницы // Материалы научно-практической конференции «Понимание в коммуникации». М. : МГГИИ. С. 26–27.
- Горошко Е. И., Жигалина Е. А., 2010. Виртуальное жанроведение: устоявшееся и спорное // Вопросы психолингвистики. № 12. С. 105–124.
- Горошко Е. И., Полякова Т. Л., 2015. К построению типологии жанров социальных медий // Жанры речи. № 12. С. 119–127.

- Дементьев В. В., Седов К. Ф., 1998. Социопрагматический аспект теории речевых жанров. Саратов : Изд-во Саратов. пед. ин-та. 107 с.
- Дубровская О. Н. Речевые жанры, речевые события и новые средства коммуникации. URL: https://www.sgu.ru/archive/old.sgu.ru/files/dubrovskaya_5.doc. (дата обращения: 25.08.2019).
- Зуляр Ю. А., 2006. Массовые коммуникации в рекламе. Иркутск : Оттиск. 405 с.
- Иванов Л. Ю., 2000. Язык Интернета: заметки лингвиста // Словарь и культура русской речи. М. : Азбуковник. С. 35–45.
- Кожевникова К. В., 1979. Об аспектах связности в тексте как целом // Синтаксис текста / отв. ред. Г. А. Золотова. М. : Наука. С. 49–67.
- Кольцова Л. Н., 2010. Внутренний веб-портал // Секретарь-референт. № 10. С. 18–25.
- Морозова О. Н., 2011. Политическая интернет-коммуникация: ее роль, функции и формы // Политическая лингвистика. № 1. С. 156–161.
- Смирнов Ф. О., 2004. Национально-культурные особенности электронной коммуникации на английском и русском языках : дис. ... канд. филол. наук. Ярославль. 220 с.
- Соколов В. С., 2005. Документационное обеспечение управления. М. : Форум-Инфра-М. 233 с.
- Ульянова М. А., 2014. Классификация жанров интернет-дискурса // Linguamobilis. № 3. С. 102–110.
- Усачева О. Ю., 2010. К определению понятия «жанр интернета» и построению модели жанра в среде интернет // Мир русского слова. № 1. С. 51–57.
- Шевченко И. С., 2007. Теория Юргена Хабермаса и критический анализ дискурса // Вестник ХНУ им. В.Н. Каразина. № 773. С. 12–15.
- Щипицина Л. Ю., 2009. Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации. Архангельск : Помор. ун-т. 238 с.
- Crystal D., 2004. The Language Revolution. Cambridge : Polity Press. 128 p.
- Herring S., 1996. Two Variants of an Electronic Message Schema // Computer-Mediated Communication: Linguistic, Social and Cross-Cultural Perspectives. Amsterdam : Routledge. P. 13–28.
- Thurlow C., 2001. The Internet and Language // Concise Encyclopedia of Sociolinguistics. [S. 1.] : Elsevier. P. 105–125.

ИСТОЧНИКИ

- Инtranет – Инtranет // Словарь IT : Интернет. URL: <http://edumarket.ru/glossary/internet/3301> (дата обращения: 30.08.2019).
- Селекторное совещание – Селекторное совещание по столкновению поездов. URL: <https://www.m24.ru/videos/dtp/20052014/51167> (дата обращения: 20.08.2019).
- Хватит болтать: почему компании запрещают совещания. URL: https://www.rbc.ru/own_business/17/01/2018/5a5c76e19a79472b3d4128b0 (дата обращения: 25.08.2019).
- RamblerGroup. URL: <https://ramblergroup.com/assets/media/afishadaily> (дата обращения: 23.08.2019).

REFERENCES

- Asmus N.G., 2005. *Lingvističeskie osobennosti virtual'nogo kommunikativnogo prostranstva: dis. ... kand. filol. nauk* [Linguistic features of virtual space. Cand. philol. sci. diss.]. Cheljabinsk. 26 p.
- Vojskunsij A. E., 2001. *Razvitie rečevogo obshhenija kak rezul'tat primenenija Interneta* [Development of speech communication as the result of the Internet use]. URL: <http://www.psynet.by.ru/index.html>.
- Galichkina E. N., 2001. *Specifika komp'juternogo diskursa na anglijskom i russkom jazykah: avtoref. dis. ... kand. filol. Nauk* [The specifics of computer discourse in English and Russian. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Astrahan'. 18 p.
- Goroshko E. I., 2003. *Osobennosti sozdanija teksta VEB-stranicy* [Features of creating web page text]. *Materialy nauchno-praktičeskoj konferencii "Ponimanie v kommunikacii"* [Materials of scientific conference «Understanding in communication»]. М. MGGII. pp. 26–27.
- Goroshko E.I., Zhigalina E.A., 2010. Virtual'noe zhanrovedenie: ustojavsheesja i spornoe [Virtual genre studies: well established and controversial]. *Voprosy psiholingvistiki* [Issue of psycholinguistics], no.12, pp. 105–124.
- Goroshko E.I., Poljakova T.L., 2015. K postroeniju tipologii zhanrov social'nyh medij [Towards a typology of social media genres]. *Zhanry reči* [Speech Genres]. №12. pp.119–127.
- Dement'ev V.V., Sedov K.F., 1998. *Sociopragmatičeskij aspekt teorii rečevykh zhanrov* [Sociopragmatic aspect of the theory of speech genres]. Saratov. 107 p.
- Dubrovskaja O.N. *Rečevye zhanry, rečevye sobytija i novye sredstva kommunikacii* [Speech genres, speech events and new means of communication]. URL: https://www.sgu.ru/archive/old.sgu.ru/files/dubrovskaya_5.doc.

- Zuljar Ju.A., 2006. *Massovye kommunikacii v reklame: Uchebnik dlja vuzov* [Mass Communications in Advertising: A Textbook for High Schools]. Irkutsk: Ottisk. 405 p.
- Ivanov L. Ju., 2000. Jazykinterneta: zametki lingvиста [Internet language: notes of a linguist]. *Slovar' i kul'tura russkoj rechi* [Vocabulary and culture of the Russian speech]. M.: Azbukovnik. pp. 35-45.
- Kozhevnikova K.V., 1979. Ob aspektah svjaznosti v tekste kak celom [On aspects of text connectivity as a whole]. *Sintaksisteksta* [Textsyntax] / otv. red. G.A. Zolotova. M.: Nauka, 1979. pp.49-67.
- Kol'cova L.N., 2010. Vnutrennij veb-portal [Internal web portal]. *Sekretar'-referent* [Secretary assistant]. № 10. pp.18-25.
- Morozova O.N., 2011. Politicheskaja internet-kommunikacija: eerol', funkcii i formy [Political Internet communication: its role, functions and forms]. *Politicheskajalingvistika* [Political linguistics]. 2011. no. 1. pp. 156-161.
- Smirnov F.O., 2004. *Nacional'no-kul'turnye osobennostij elektronnoj kommunikacii na anglijskom i russkom jazykah: dis. ... kand. filol. nauk* [National-cultural features of electronic communication in English and Russian Cand. philol. sci. diss.]. Jaroslavl'. 220 p.
- Sokolov V.S., 2005. *Dokumentacionnoe obespechenie upravlenija* [Management Documentation]. M.: Forum-Infra-M. 233 p.
- Ul'janova M.A., 2014. Klassifikacija zhanrov internet-diskursa [Classification of Internet Discourse Genres]. *Lingua mobilis*. 2014. no. 3. pp.102-110.
- Usacheva O.Ju., 2010. K opredeleniju ponjatija «zhanrinterneta» i postroenijumodeli zhanra v srede internet [To the definition of the concept of "Internet genre" and the construction of a model of the genre in the Internet]. *Mir russkogoslova* [World of Russian word]. 2010. no. 1. pp. 51-57.
- Shevchenko I.S., 2007. Teorija Jurgena Habermasa i kriticheskij analiz diskursa [Jürgen Habermas Theory and Critical Discourse Analysis]. *Vestnik HNU im. V.N. Karazina* [Herald of HNU of V.N. Karazin]. 2007. no. 773. pp. 12-15
- Shhipicina L. Ju., 2009. Zhanry komp'juternoposredovannoj kommunikacii : monografija [Genres of computer-mediated communication: a monograph]. *Pomorskij gos. un-t im. M.V. Lomonosova* [Pomorsk State University of M.V. Lomonosov]. Arhangel'sk : Pomor. un-t. 38 p.
- Crystal D., 2004. *The Language Revolution*. Cambridge : Polity Press, 2004. 128 p.
- Herring S., 1996. Two Variants of an Electronic Message Schema. *Computer-Mediated Communication: Linguistic, Social and Cross-Cultural Perspectives*. Amsterdam: Routledge, 1996. pp. 13-28.
- Thurlow C., 2001. The Internet and Language. *Concise Encyclopedia of Sociolinguistics*. Elsevier, 2001. p. 105-125.

SOURCES

- Intranet: osnovnye zadachi i effektivnye reshenija* [Intranet: Key Tasks and Effective Solutions]. URL: <https://inside-pr.ru/zhurnal/portaly-i-seti/intranet-portal/item/396-intranet-osnovnye-zadachi-i-effektivnye-resheniya> (data obrashcheniya: 25.08.2019).
- Intranet [Intranet]. *Slovar' IT: Internet* [IT Dictionary: Internet]. URL: <http://edumarket.ru/glossary/internet/3301/> (data obrashcheniya: 30.08.2019).
- Selektornoesoveshhaniepostolknovenijupoezdov* [Train collision conference call]. URL: <https://www.m24.ru/videos/dtp/20052014/51167> (data obrashcheniya: 20.08.2019).
- Hvatit boltat': pochemu kompanii zapreshhajut soveshhanija* [Stop talking: why companies ban meetings]. URL: https://www.rbc.ru/own_business/17/01/2018/5a5c76e19a79472b3d4128b0 (data obrashcheniya: 25.08.2019).
- RamblerGroup*. URL: <https://ramblergroup.com/assets/media/afishadaily> (data obrashcheniya: 23.08.2019).

Information About the Authors

Oksana A. Evtushenko, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Foreign Languages, Volgograd State Technical University, Prosp. Lenina, 28, 400066 Volgograd, Russia, ksenja22@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0001-6280-4731>

Svetlana V. Pervukhina, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of World Languages and Cultures, Don State Technical University, Gagarina Sq., 1, 344000 Rostov-on-Don, Russia, s_pervuhina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5475-8384>

Информация об авторах

Оксана Александровна Евтушенко, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, Волгоградский государственный технический университет, просп. Ленина, 28, 400066 г. Волгоград, Россия, ksenja22@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0001-6280-4731>

Светлана Владимировна Первухина, доктор филологических наук, профессор кафедры мировых языков и культур, Донской государственный технический университет, пл. Гагарина, 1, 344000 г. Ростов-на-Дону, Россия, s_pervuhina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5475-8384>

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.10>

UDC 811.111'42:34
LBC 81.432.1-51

Submitted: 11.07.2019
Accepted: 25.05.2020

VERBALIZATION OF PERFORMATIVE UNITS IN ENGLISH TEXTS OF INTERNATIONAL CONVENTIONS: MORPHOLOGICAL ASPECT

Milana E. Mosesova

Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

Tatyana A. Shiryaeva

Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

Abstract. The article presents the results of a study devoted to the analysis of the morphological features of the texts of international conventions operating within the English legal discourse. Close attention is paid to the characteristics of the main language means by which the aspect of performativity is actualized in legal context. The texts of international conventions relating to various special areas of the life of society comprise the material of the study. The analysis of empirical material has enabled the authors to identify the most frequent models of performative units in the texts of international conventions: 1) constructions with modal verbs; 2) constructions with infinitives; 3) adjectives / adverbs; 4) pronouns / prepositions (with semantics of default). The designated performative models are functionally aimed at the actualization of prohibition and prescription of certain actions. In addition, the authors describe the parts of speech classification of key linguistic units verbalizing the meaning of performativity in the analyzed legal documents. The database of performative units developed in the course of the study is of great importance. It contains 250 items, its fragment is presented in the article. The study can become the basis for further analysis of performative units in the context of their structural-semantic, lexical, grammatical features, as well as in lexicographical practice in compiling a bilingual legal dictionary, which includes, along with the actual legal terms, the professional vocabulary commonly used by communicants in legal sphere.

Key words: performative units, morphological characteristics, data base, international convention, law, legal discourse, English language.

Citation. Mosesova M.E., Shiryaeva T.A. Verbalization of Performative Units in English Texts of International Conventions: Morphological Aspect. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 5, pp. 110-121. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.10>

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ПЕРФОРМАТИВНЫХ ЕДИНИЦ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТАХ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНВЕНЦИЙ: МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Милана Эдуардовна Мосесова

Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск, Россия

Татьяна Александровна Ширяева

Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск, Россия

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, посвященного анализу лексико-морфологических особенностей текстов международных конвенций, функционирующих в англоязычном юридическом дискурсе. Пристальное внимание уделяется характеристике основных языковых средств, с помощью которых в юридическом контексте актуализируется перформативность. В качестве материала исследования выступают тексты международных конвенций, касающиеся различных специальных областей жизнедеятельности социума. Опираясь на анализ эмпирического материала, авторы выделяют наиболее частотные средства выражения перформативности в текстах международных конвенций, среди них: 1) конструкции с модальными глаголами; 2) конструкции с инфинитивами; 3) прилагательные / наречия; 4) местоимения / предлоги (с отрицательной семантикой). Обозначенные перформативные средства функционально нацелены на актуализацию запрета и предписания тех или иных действий. Авторами описана частеречная классификация ключевых вербализаторов значения перформативности в анализируемых правовых документах. Создана база данных, насчитывающая 250 наименований перформативных единиц; фрагмент базы данных представлен в статье. Материал и результаты исследования могут стать основой для дальнейшего анализа перформативных единиц в аспекте их структурно-семантических, лексических, грамматических особенностей, а также использоваться в лексикографической практике при составлении билингвального юридического словаря, включающего, наряду с собственно терминами области права, корпус профессиональной лексики, часто используемой коммуникантами в сфере юриспруденции.

Ключевые слова: перформативные единицы, морфологические характеристики, база данных, международная конвенция, право, юридический дискурс, английский язык.

Цитирование. Мосесова М. Э., Ширяева Т. А. Вербализация перформативных единиц в англоязычных текстах международных конвенций: морфологический аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языковедение. – 2020. – Т. 19, № 5. – С. 110–121. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.10>

Введение

На современном этапе развития научной мысли наблюдается рост исследовательского интереса к понятию «дискурс». В силу востребованности данного понятия в науке, создается иллюзия, что описание его природы, сущностных характеристик и языкового воплощения является исчерпывающим. Однако и по сей день феномен дискурса порождает множество дискуссионных вопросов.

В рамках настоящей статьи наше внимание сосредоточено на юридическом дискурсе, в отношении которого исследователи

не выработали единой позиции, хотя право выступает мощным рычагом регулирования ключевых областей жизнедеятельности человека [Керимов, 2003; Харт, 2017], имеет широкий спектр направлений и форм реализации.

Следует отметить, что юридический дискурс неоднократно попадал в фокус внимания лингвистов (см., в частности: [Абишева, Никитина, 2004; Губаева, 2015; Кожемякин, 2011; Колесникова, 2007; Палашевская, 2012; Попова, 2005; Черданцев, 2012; Kurzon, 1994; Mattila, 2013; Mey, 2017; Morawski, 1999; Tiersma, 1999; и др.]). Тем не менее большая часть работ, посвященных языку права, ориентирована на

стилистические особенности юридической коммуникации, специфику перевода и интерпретации юридического текста, что, безусловно, не отражает всей уникальности дискурса сферы права.

Обобщая результаты имеющихся исследований языка права, можно выделить наиболее проблемные, на наш взгляд, зоны. Во-первых, мнения ученых разнятся при описании природы юридического дискурса, поскольку одни подчеркивают его институциональный характер [Карасик, 2002; Косоногова, 2015; Палашевская, 2017; Ширяева, 2010; Cheng, Danesi, 2019; Tans, 2018; и др.], а другие говорят о персональности дискурса права [Крапивкина, 2012]. Мы, вслед за О.В. Косоноговой, рассматриваем юридический дискурс как «особый тип институционального дискурса, семиотическое пространство которого характеризуется совокупностью вербальных и невербальных знаков (и их вербальных коррелятов), формирующих различные формы общения, в которых субъект / объект, адресат / адресант речи (или одна из этих составляющих) имеют отношение к сфере юриспруденции» [Косоногова, 2008, с. 189]. Во-вторых, проблемную зону в поле юридического дискурса формирует наличие целого ряда субдискурсов (судебного, законотворческого, законоприменительного и т. д.), о чем неоднократно упоминали ведущие отечественные и зарубежные исследователи [Litvishko, Miletova, 2018; Hu Pi-Chan, 2018]. В-третьих, ученые по-прежнему не выработали единого мнения и универсальных критериев жанровой классификации текстов сферы юридической коммуникации.

Результаты изучения юридического дискурса недостаточно обобщены и систематизированы, соответственно, требуют количественной обработки. Данное исследование призвано решить задачу идентификации, интерпретации и исчисления языковых средств, участвующих в реализации значения перформативности в правовых документах на английском языке, оно также нацелено на создание корпуса единиц, оформленного в виде базы данных, содержащей перформативные конструкции, зафиксированные в конкретных юридических документах и представляющие собой средства выражения перформативности.

Методология и материал исследования

В качестве методологической базы исследования выступают фундаментальные идеи юридической лингвистики, корпусной лингвистики, лексикология, морфология, стилистики, теории и практики перевода, а также методы, используемые в указанных областях лингвистики: контент-анализ и жанровый анализ (при отборе материала), семантический компонентный анализ (при определении частеречных средств репрезентации перформативности), описательный метод (при интерпретации результатов и характеристики явления перформативности в текстах конвенций) и др. Применение перечисленных методов способствует идентификации, интерпретации и исчислению наиболее частотных средств выражения перформативности, зафиксированных в англоязычных правовых документах.

С помощью метода произвольной выборки для каждого этапа исследования был определен фактический материал. Первый и второй этапы строятся на анализе текстов 5 международных конвенций, затрагивающих актуальные для всего мирового сообщества проблемы. К конвенциям подобного рода мы отнесли следующие: The International Drug Control Conventions; UN Convention Against Corruption; Convention on the Prohibition of the Development, Production, Stockpiling and Use of Chemical Weapons and on Their Destruction; International Convention for the Suppression of Acts of Nuclear Terrorism; United Nations Convention Against Transnational Organized Crime.

На третьем, заключительном этапе с применением метода сплошной выборки был отобран материал для анализа, охватывающий тексты 50 конвенций различной тематики (общий объем анализируемых фактов – 149 380 слов), и сформирован корпус лексических единиц, включенных в базу данных перформативных конструкций, используемых в англоязычных текстах международных конвенций.

Помимо этого, все полученные в ходе исследования данные подверглись классификации посредством статистического метода, позволяющего выделить и описать языковые закономерности вербализации феномена перформативности в рамках англоязычного юридического дискурса.

Результаты и обсуждение

Анализ фактического материала производится в несколько этапов, коррелирующих с этапами, описанными выше.

На первом этапе методом произвольной выборки был определен фактический материал, представляющий собой 5 англоязычных текстов международных конвенций (см. раздел «Методология и материал исследования»).

Поскольку в сферу наших научных интересов входит изучение специфики вербализации феномена перформативности, под которой мы понимаем способность того или иного языкового средства сочетать в себе свойства высказываний и действий одновременно, нами был сформирован корпус из 250 перформативных единиц (далее – ПЕ) с учетом их функционального потенциала. Так, было установлено, что в англоязычных текстах международных конвенций перформативные конструкции служат для реализации в контексте предписаний и/или запретов. Количественная реализация указанных функций представлена в виде диаграммы (рис. 1).

Приведем примеры реализации предписаний и запретов:

Предписание

(1) Each State Party undertakes *to destroy chemical weapons it owns or possesses*, or that are located in any place under its jurisdiction or control, in accordance with the provisions of this Convention.

Each State Party undertakes *to destroy all chemical weapons it abandoned on the territory of*

another State Party (здесь и далее в примерах курсив наш. – М. М., Т. III.), in accordance with the provisions of this Convention (Convention on the Prohibition of the Development, Production, Stockpiling and Use of Chemical Weapons and on their Destruction).

В примере (1) утверждается, что каждая сторона, подписавшая данную конвенцию, согласно имеющимся положениям, должна предпринять все усилия для уничтожения химического оружия. В анализируемом фрагменте конвенции предписание эксплицитно вербализовано и сводится к требованию ликвидации всего арсенала химического оружия. На лексическом уровне функциональная установка «предписания» актуализируется с помощью инфинитива *to destroy*, поскольку, с одной стороны, осуществляется номинация конкретного действия, с другой – ожидается фактическое выполнение указанного действия.

Запрет

(2) Each State Party to this Convention *undertakes never under any circumstances:*

(a) *To develop, produce, otherwise acquire, stockpile or retain chemical weapons, or transfer, directly or indirectly, chemical weapons to anyone;*

(b) *To use chemical weapons;*

(c) *To engage in any military preparations to use chemical weapons;*

(d) *To assist, encourage or induce, in any way, anyone to engage in any activity prohibited to a State Party under this Convention* (Convention on the Prohibition of the Development, Production, Stockpiling and Use of Chemical Weapons and on their Destruction).

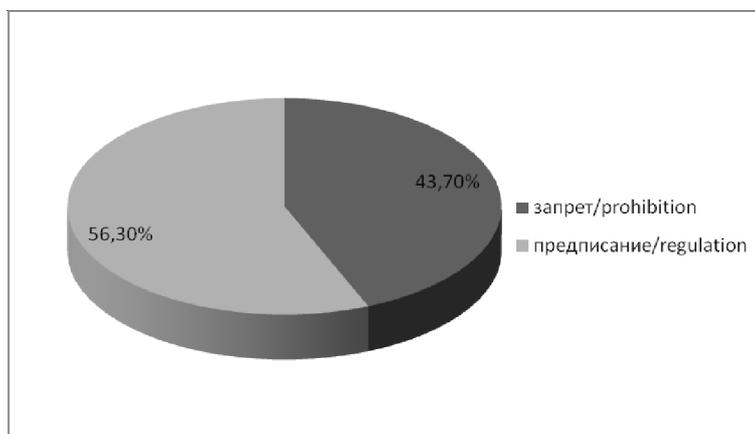

Рис. 1. Функциональная дистрибуция ПЕ в текстах международных конвенций

Fig. 1. Functional distribution of performative units in the texts of international conventions

В примере (2) вербализован строгий запрет на осуществление ряда действий применительно к химическому оружию: развивать, производить, хранить перевозить, использовать и др. Все указанные действия названы инфинитивными формами (*to develop, produce, to use* и др.). Однако непосредственно запрет, на наш взгляд, реализуется при помощи употребления наречия и местоимения со значением отрицания (*never under any circumstances / никогда, ни при каких обстоятельствах*).

На втором этапе исследования весь имеющийся арсенал перформативных единиц, полученный методом сплошной выборки из англоязычных текстов международных конвенций, был систематизирован и классифицирован на модели, исходя из морфологических особенностей лексических единиц, участвующих в выражении перформативности. Отметим, что мы значительно расширили спектр языковых механизмов единиц, актуализирующих перформативность в англоязычных правовых документах, выделив следующие:

- конструкции «shall (may) + глагол»;
- инфинитивные конструкции;
- прилагательные и наречия, относящиеся по семантическому и функциональному признаку к разряду определительных слов (*each, every*) и интенсификаторов (*fully* и др.);

– местоимения и предлоги, выражающие отрицание. Графически дистрибуция конструкций перформативных единиц в текстах англоязычных международных конвенций представлена в виде диаграммы (рис. 2).

Обратимся к примерам употребления каждой обозначенной модели в анализируемых правовых документах.

(3) States Parties shall consider implementing feasible measures to detect and monitor the movement of cash and appropriate negotiable instruments across their borders, subject to safeguards to ensure proper use of information and without impeding in any way the movement of legitimate capital. Such measures may include a requirement that individuals and businesses report the cross-border transfer of substantial quantities of cash and appropriate negotiable instruments (United Nations Convention against Transnational Organized Crime).

В приведенном фрагменте говорится о необходимости выработки надлежащих мер для обнаружения и контроля потока денежных средств, об отсутствии всяческих препятствий при движении законного капитала. В данном тексте реализованы конструкция «shall (may) + глагол» и конструкция с местоимением, выражающим семантику отрицания. С их помощью происходит вербализация четких установок, конкретных требований и условий,

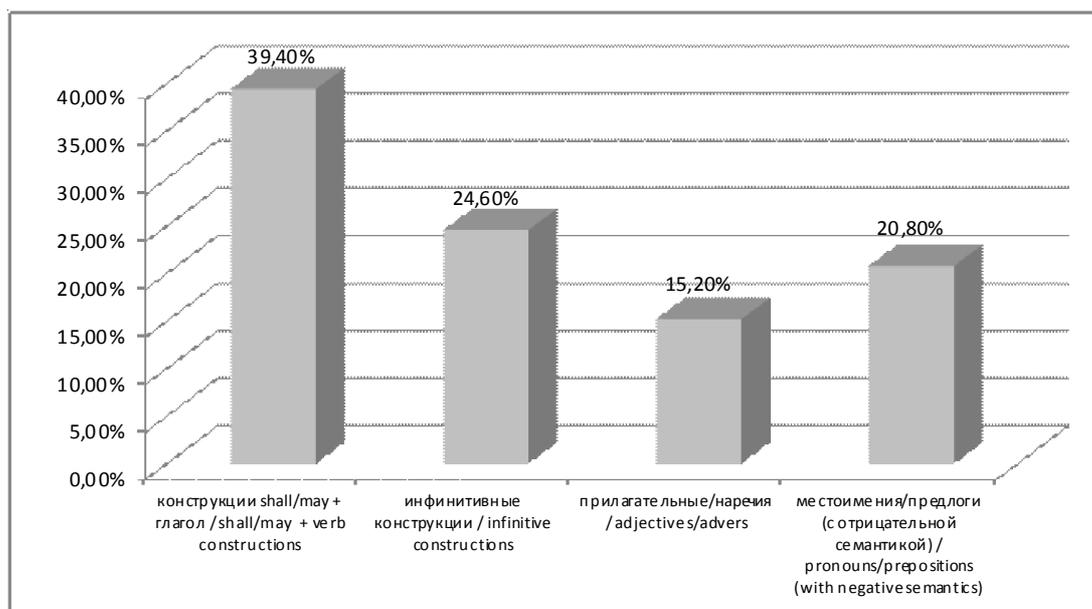

Рис. 2. Конструкции ПЕ в текстах международных конвенций
 Fig. 2. Performative units in the texts of international conventions

что в свою очередь делает контекст перформативно насыщенным.

(4) *Nothing* in this Convention entitles a State Party to undertake in the territory of another State Party the exercise of jurisdiction and performance of functions which are *exclusively* reserved for the authorities of that other State Party by its national law (International Convention for the Suppression of Acts of Nuclear Terrorism).

В примере (4) утверждается: ничто в настоящей Конвенции не наделяет государство-участник правом осуществлять на территории другого государства-участника юрисдикцию и функции, входящие в компетенцию властей исключительно этого другого. Местоимение *nothing*, выражающее отрицание, и наречие *exclusively* на уровне прагматики вводят четкие ограничения, придавая всему контексту категоричность и перформативность.

Подчеркнем, что представленные фрагменты международных конвенций сочетают в себе несколько средств, выражающих перформативность.

На третьем этапе исследования, целью которого явилась разработка базы данных, была значительно расширена анализируемая выборка. Выявлено 250 перформативных единиц, зафиксированных в 50 текстах международных конвенций. База данных представлена в форме таблиц (см. табл. 1–4) и включает следующие разделы: перформативная конструкция, перевод, средства выражения перфор-

мативности, индекс частотности в выборке, количество компонентов, сфера употребления. Область знания понимается нами широко – как право в целом; сфера применения сводится к конкретному случаю применения той или иной перформативной единицы в пределах конкретных правовых документов; в качестве базового критерия для определения количества компонентов выступает пробел между словами.

В таблице 1 представлены перформативные единицы с модальными глаголами, рекуррентно используемые в англоязычных текстах международных конвенций.

Таблица 2 содержит самые распространенные перформативные единицы с инфинитивами, выделенные в ходе анализа эмпирического материала.

В таблице 3 зафиксирован перечень самых употребительных перформативных единиц, вербализуемых с помощью прилагательных и наречий.

В таблице 4 указаны перформативные единицы, выраженные местоимениями и предложениями, частотные в текстах международных конвенций.

На четвертом (завершающем) этапе исследования была представлена морфологическая классификация перформативных единиц, репрезентирующая посредством конкретных частей речи ключевые вербализаторы феномена перформативности (рис. 3).

Таблица 1. Наиболее частотные перформативные конструкции с глаголами *shall / may*

Table 1. The most frequent performative constructions with verbs *shall / may*

№ п/п	Перформативная конструкция	Перевод	Средства выражения перформативности	Индекс частотности в выборке	Количество компонентов	Сфера употребления
1	<i>shall come into force</i>	вступит в силу	<i>shall</i> + глагол	1,2 %	4	International Conventions
2	<i>shall be ratified</i>	подлежит ратификации		0,8 %	3	
3	<i>shall take measures</i>	должен принять меры		1,0 %	3	
4	<i>shall have the right</i>	имеет право		0,9 %	4	
5	<i>shall enter into force</i>	вступает в силу		1,1 %	4	
6	<i>may require</i>	может потребовать	<i>may</i> + глагол	0,6 %	2	
7	<i>may reserve the right</i>	может оставить за собой право		0,5 %	4	
8	<i>may make requests for</i>	может делать запросы на		0,2 %	4	
9	<i>may be withdrawn</i>	может быть отозванным		0,5 %	3	
10	<i>may declare</i>	может объявлять		0,2 %	2	

Выводы

Результаты проведенного исследования позволяют авторам сформулировать следующие выводы:

1. Англоязычный юридический дискурс представляет собой особый вид институционального общения, в рамках которого находят свое практическое применение различные формы (устные / письменные) его реализации. Особый статус и уникальная природа коммуникации в области юриспруденции определяются сразу несколькими факторами: во-первых, чрезмерным влиянием и проникновением основ права во все сферы жизнедеятельности человека; во-вторых, острой необходимостью наличия

рычага регулирования различных процессов и явлений, обусловленной бурным ростом политических, экономических, социальных связей, наблюдаемых на международной арене; в-третьих, разнообразием базовых элементов области права (участники, жанры и др.), без которых невозможна полноценная коммуникация.

2. Перформативность выступает одной из существенных характеристик языка права в целом и текстов международных конвенций в частности. В анализируемых документах перформативные единицы, как правило, актуализируют *запрет* на совершение каких-либо действий и *предписание* к выполнению тех или иных действий. Обозначенные функции имеют различия в частотности реализации и

Таблица 2. Наиболее частотные перформативные конструкции с инфинитивами

Table 2. The most frequent performative constructions with infinitives

№ п/п	Перформативная конструкция	Перевод	Средства выражения перформативности	Индекс частотности в выборке	Количество компоненто в	Сфера употребления
1	to act under the provisions of	действовать в соответствии с положениями	инфинитивные формы инфинитивные конструкции	0,9 %	6	International Conventions
2	to impose effective sanctions on	наложить эффективные санкции на	инфинитивные конструкции	0,7 %	5	
3	to enter into agreements	войти в соглашения		0,5 %	4	
4	to perform the obligations	выполнять обязательства		0,9 %	4	
5	to conclude treaties on	заключать договоры о		0,4 %	4	

Таблица 3. Наиболее частотные перформативные единицы, выраженные прилагательными и наречиями

Table 3. The most frequent performative units expressed by adjectives and adverbs

№ п/п	Перформативная конструкция	Перевод	Средства выражения перформативности	Индекс частотности в выборке	Количество компоненто в	Сфера употребления
1	<i>each State Party</i>	каждое государство-участник	имена прилагательные / наречия	1,7 %	3	International Conventions
2	<i>each Member</i>	каждый Член		1,5 %	2	
3	<i>every procedure</i>	каждая процедура		0,5 %	2	
4	<i>each statement</i>	каждое утверждение		0,7 %	2	
5	<i>in each case</i>	в каждом случае		0,3 %	3	
6	<i>exclusively</i>	исключительно		0,6 %	1	
7	<i>simultaneously</i>	одновременно		0,2 %	1	
8	<i>immediately</i>	немедленно		0,3 %	1	
9	<i>freely</i>	свободно		0,2 %	1	
10	<i>equally</i>	в равной степени		0,3 %	1	

репрезентативности в масштабе выборки, что подтверждено количественными данными (46,3 % и 53,7 % соответственно).

3. В англоязычных текстах международных конвенций можно выделить следующие перформативные единицы: конструкции с модальными глаголами *shall / may*, на долю которых приходится 39,4 % от общего количества перформативов в выборке; перформативные единицы конструкции с инфинитивами

(24,6 % от общего количества примеров с перформативами в выборке); перформативные единицы, актуализируемые в контексте с помощью имен прилагательных и наречий (15,2 % от общего количества примеров с перформативами в выборке); перформативные единицы, выраженные местоимениями и предлогами, маркированными негативной семантикой (20,8 % от общего количества примеров с перформативами в выборке).

Таблица 4. Наиболее частотные перформативные единицы, выраженные местоимениями и предлогами

Table 4. The most frequent performative units expressed by pronouns and prepositions

№ п/п	Перформативная конструкция	Перевод	Средства выражения перформативности	Индекс частотности в выборке	Количество компонентов	Сфера употребления
1	<i>nothing in this Convention</i>	ничего в этой Конвенции	местоимение	0,9 %	4	International Conventions
2	<i>without delay</i>	безотлагательно	предлог	0,6 %	2	
3	<i>without right</i>	без права		0,7 %	2	
4	<i>without interference</i>	без вмешательства		0,5 %	2	
5	<i>any Contracting Party</i>	любая Договаривающаяся сторона	местоимение	1,1 %	3	
6	<i>any claims for</i>	любые претензии к		0,4 %	3	
7	<i>any obligation</i>	любое обязательство		0,5 %	2	
8	<i>with no advance notice</i>	без предварительного уведомления		0,2 %	4	
9	<i>any breach</i>	любое нарушение		0,3 %	2	
10	<i>no reservations</i>	без оговорок		0,2 %	2	

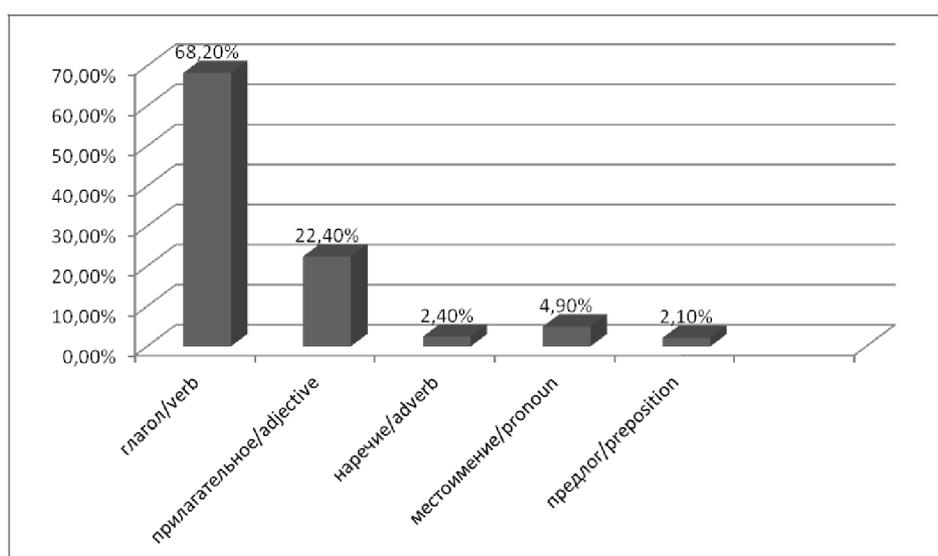

Рис. 3. Частеречная репрезентация ПЕ в текстах международных конвенций

Fig. 3. Partial representation of performative units in the texts of international conventions

4. С точки зрения морфологии главным вербализатором перформативности в англоязычных текстах международных конвенций выступает глагол. Однако, помимо глагола и глагольных конструкций, анализируемые документы маркированы наличием и иных языковых механизмов, средств, с помощью которых в контексте реализуется перформативность. К числу таких средств нами отнесены: прилагательные, наречия, местоимения, предлоги, поскольку они четко регламентируют определенные условия, необходимые для выполнения тех или иных действий и касающиеся конкретных исполнителей, сроков и т. д., тем самым устанавливая безальтернативные ограничения. Подчеркнем, что природа полученных в ходе исследования перформативных единиц, а также их частотность в англоязычных текстах международных конвенций различны: глагол – эксплицитный вербализатор перформативности; прилагательные, наречия, местоимения, предлоги – имплицитные, поскольку передают значение перформативности, которое формируется в контексте и задается им.

В рамках статьи внимание авторов было сконцентрировано на языковых средствах реализации перформативных единиц. В качестве вектора дальнейших исследований юридического дискурса рассматриваем изучение перформативности с учетом структурно-семантических, лексических, грамматических свойств языковых единиц, а также их последующую систематизацию и количественный анализ при составлении билингвального юридического словаря, включающего корпус терминологической и профессиональной лексики сферы юриспруденции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абишева Н. М., Никитина С. А., 2004. Общие особенности юридического дискурса // Проблемы и перспективы. М. : Наука. 288 с.
- Губаева Т. В., 2015. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. М. : Норма : ИНФРА-М. 176 с.
- Карасик В. И., 2002. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена. 477 с.
- Керимов Д. А., 2003. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. М. : СГА. 521 с.
- Кожемякин Е. А., 2011. Юридический дискурс как культурный феномен: структура и смыслообразование // Юрислингвистика-11 : Право как дискурс, текст и слово : межвуз. сб. науч. тр. Кемерово : Кемер. гос. ун-т. С. 131–144.
- Колесникова Л. В., 2007. Юридический дискурс как результат категоризации и концептуализации действительности: на материале предметно-терминологической области «Международное частное право» : дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь. 166 с.
- Косоногова О. В., 2008. Юридический дискурс: лингвопрагматика имени собственного // Знание. Понимание. Умение. Проблемы филологии, культурологии и искусствоведения. № 3. С. 188–192.
- Косоногова О. В., 2015. Характеристики юридического дискурса: границы, содержание, параметры // Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 7, № 1. С. 61–65.
- Крапивкина О. А., 2012. Оппозиция «институциональное vs. персональное» в юридическом дискурсе // Современная наука: актуальные вопросы теории и практики. Гуманитарные науки. № 3. С. 71–74.
- Палашевская И. В., 2012. Судебный дискурс: функции, структура, нарративность. Волгоград : Парадигма. 346 с.
- Палашевская И. В., 2017. Юридические дефиниции: функциональные и типологические характеристики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 3. С. 131–141. DOI: 10.15688/jvolsu2.2017.3.13.
- Попова Л. Е., 2005. Юридический дискурс как объект интерпретаций: семантический и прагматический аспект : дис. ... канд. филол. наук. Краснодар. 166 с.
- Харт Г. Л. А., 2017. Философия и язык права. М. : Канон+ РООИ «Реабилитация». 384 с.
- Черданцев А. Ф., 2012. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М. : НОРМА ; ИНФРА-М. 320 с.
- Ширяева Т. А., 2010. Современное состояние и особенности осмысления понятия «дискурс» в гуманитарной парадигме // Язык. Текст. Дискурс : науч. альм. Ставропол. отд-ния РАЛК / под ред. Г. Н. Манаенко. Ставрополь : Изд-во СГПИ. Вып. 8. С. 129–140.
- Cheng L., Danesi M., 2019. Exploring Legal Discourse: A Sociosemiotic (Re)construction. Introduction // Social Semiotics. Vol. 29, № 3. P. 279–285. DOI: 10.1080/10350330.2019.1587841.
- Hu Pi-Chan, 2018. An Investigation of Interruption in Courtroom Discourse // International Journal of Legal Discourse. Vol. 3. P. 213–234. DOI: 10.1515/ijld-2018-2009.

- Kurzon, D., 1994. Linguistics and Legal Discourse: An Introduction // *International Journal for the Semiotics of Law*. Vol. 7, № 1. P. 5–12.
- Litvishko O., Miletova E., 2018. Structural Peculiarities of Terminological System of International Law (Based on ILO Conventions) // *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*. Vol. LVIII – SCTCMG. P. 2324–2335. DOI: 10.15405/epsbs.2019.03.02.268.
- Mattila H., 2013. Comparative Legal Linguistics: Language of Law, Latin and Modern Lingua Francas. [S. l.]: Ashgate Publishing. 512 p.
- Mey J. L., 2017. Discourse, Interests, and the Law: Some Pragma-Legal Reflections // *International Journal of Legal Discourse*. Vol. 2, № 1. P. 13–27. DOI: 10.1515/ijld-2017-0004.
- Morawski L., 1999. Law, Fact and Legal Language // *Law and Philosophy*. № 18 (5). P. 461–473.
- Tans O., 2018. Knowledge Construction in Legal Reasoning: A Three Stage Model of Law's Evolution in Practical Discourse // *International Journal for the Semiotics of Law*. Vol. 31, № 1. P. 1–19. DOI: 10.1007/s11196-017-9516-y.
- Tiersma P. M., 1999. *Legal Language*. Chicago: University of Chicago Press. 328 p.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- Convention on the Prohibition of the Development, Production, Stockpiling and Use of Chemical Weapons and on their Destruction. URL: <https://www.opcw.org/chemical-weapons-convention> (date of access: 01.07.2019).
- International Convention for the Suppression of Acts of Nuclear Terrorism. URL: <https://treaties.un.org/doc/db/Terrorism/english-18-15.pdf> (date of access: 01.07.2019).
- The International Drug Control Conventions. URL: https://www.unodc.org/documents/commissions/CND/Int_Drug_Control_Conventions/Ebook/The_International_Drug_Control_Conventions_E.pdf (date of access: 01.07.2019).
- UN Convention Against Corruption. URL: https://www.unodc.org/documents/brussels/UN_Convention_Against_Corruption.pdf (date of access: 01.07.2019).
- United Nations Convention Against Transnational Organized Crime. URL: https://www.unodc.org/documents/middleeastandnorthafrica/organised-crime/UNITED_NATIONS_CONVENTION_AGAINST_TRANSNATIONAL_ORGANIZED_CRIME_AND_THE_PROTOCOLS_THERETO.pdf (date of access: 01.07.2019).

REFERENCES

- Abisheva N.M., Nikitina S.A., 2004. Obshhie osobennosti juridicheskogo diskursa [General features of legal discourse]. *Problemy i perspektivy* [Problems and prospects]. Moscow, Nauka Publ. 288 p.
- Gubaeva T.V., 2015. *Jazyk i pravo. Iskusstvo vladenija slovom v professional'noj juridicheskoy dejatel'nosti* [Language and law. The art of mastering the word in professional legal activity]. Moscow, Norma, INFRA-M Publ. 176 p.
- Karasik V.I., 2002. *Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena Publ. 477 p.
- Kerimov D.A., 2003. *Metodologija prava. Predmet, funkcii, problemy filosofii prava* [Methodology of law. Subject, functions, problems of legal philosophy]. Moscow, SGA Publ. 521 p.
- Kozhemjakin E.A., 2011. Juridicheskij diskurs kak kul'turnyj fenomen: struktura i smysloobrazovanie [Legal Discourse as a Cultural Phenomenon: Structure and Meaning]. *Jurislingvistika-11: Pravo kak diskurs, tekst i slovo* [Legal Studies-11: Law as Discourse, Text and Word]. Kemerovo, pp. 131–144.
- Kolesnikova L.V., 2007. *Juridicheskij diskurs kak rezul'tat kategorizacii i konceptualizacii dejstvitel'nosti: na materiale predmetno-terminologicheskoy oblasti «Mezhdunarodnoe chastnoe pravo»: dis. ... kand. filol. nauk* [Legal discourse as a result of categorization and conceptualization of reality: on the material of the subject-terminological field “private International law». Cand. philol. sci. diss.]. Stavropol'. 166 p.
- Kosonogova O.V., 2008. Juridicheskij diskurs: lingvopragmatika imeni sobstvennogo [Legal discourse: linguopragmatics of the proper name]. *Znanie. Ponimanie. Umenie. Problemy filologii, kul'turologii i iskusstvovedenija* [Knowledge. Understanding. Skill. Problems of philology, cultural studies and art history], no. 3, pp. 188–192.
- Kosonogova O. V., 2015. Harakteristiki juridicheskogo diskursa: granicy, sodержanie, parametry [Characteristics of legal discourse: boundaries, content, parameters]. *Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'* [Historical and socio-educational thought], vol. 7, no 1, pp. 61–65.
- Krapivkina O.A., 2012. Opozicija «institucional'noe vs. personal'noe» v juridicheskom diskurse [Opposition “institutional vs. personal” in legal discourse]. *Sovremennaja nauka: aktual'nye voprosy teorii i praktiki. Gumanitarnye nauki* [Modern science: current

- issues of theory and practice. Humanitarian sciences], no. 3, pp. 71–74.
- Palashevskaja I.V., 2012. *Sudbnyj diskurs: funkcii, struktura, narrativnost'* [Judicial discourse: functions, structure, narrativity]. Volgograd, Paradigma Publ. 346 p.
- Palashevskaja I.V., 2017. *Juridicheskie definicii: funkcional'nye i tipologicheskie harakteristiki* [Legal definitions: functional and typological characteristics]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Jazykoznanie* [Bulletin of Volgograd State University. Series 2: Linguistics], no 3, pp. 131-141. DOI: 10.15688/jvolsu2.2017.3.13.
- Popova L.E., 2005. *Juridicheskij diskurs kak ob'ekt interpretacij: semanticheskij i pragmaticheskij aspekt: diss. ... kand. filol. nauk* [Legal discourse as an object of interpretation: semantic and pragmatic aspects. Cand. philol. sci. diss.]. Krasnodar. 166 p.
- Hart G.L.A., 2017. *Filosofija i jazyk prava* [Philosophy and language of law]. Moscow, Kanon+ ROOI «Reabilitacija» Publ. 384 p.
- Cherdancev A.F., 2012. *Logiko-jazykovye fenomeny v jurisprudencii* [Logical-linguistic phenomena in the law]. Moscow, NORMA, INFRA-M Publ. 320 p.
- Shirjaeva T.A., 2010. *Sovremennoe sostojanie i osobennosti osmyslenija ponjatija «diskurs» v gumanitarnoj paradigme* [The current state and features of understanding the concept of “discourse” in the humanitarian paradigm]. *Jazyk. Tekst. Diskurs: nauchnyj al'manah Stavropol'skogo otdelenija RALK* [Language. Text. Discourse: scientific almanac of Stavropol branch of RAS]. Pod red. G.N. Manaenko. Stavropol', SGPI Publ., no. 8, pp. 129-140.
- Cheng L., Danesi M., 2019. Exploring legal discourse: a sociosemiotic (re)construction. Introduction. *Social semiotics*, vol. 29, no. 3, pp. 279-285. DOI: 10.1080/10350330.2019.1587841.
- Hu Pi-Chan, 2018. An investigation of interruption in courtroom discourse. *International journal of legal discourse*, vol. 3, pp. 213-234; DOI: 10.1515/ijld-2018-2009.
- Kurzon, D., 1994. Linguistics and legal discourse: An introduction. *International Journal for the Semiotics of Law*, vol. 7, no.1, pp. 5-12.
- Litvishko O., Miletova E., 2018. Structural peculiarities of terminological system of international law (based on ILO conventions). *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*, vol. LVIII – SCTCMG, pp. 2324-2335. DOI: 10.15405/epsbs.2019.03.02.268.
- Mattila H., 2013. Comparative legal linguistics: language of law, Latin and modern lingua Francas, Ashgate Publishing, 512 p.
- Mey Jacob L., 2017. Discourse, interests, and the law: Some pragma-legal reflections. *International journal of legal discourse*, vol. 2, no. 1, pp. 13-27. DOI: 10.1515/ijld-2017-0004.
- Morawski L., 1999. Law, Fact and Legal Language. *Law and Philosophy*, no.18 (5), pp. 461-473.
- Tans O., 2018. Knowledge Construction in Legal Reasoning: A Three Stage Model of Law's Evolution in Practical Discourse. *International Journal for the Semiotics of Law*, vol. 31, no. 1, pp. 1-19. DOI: 10.1007/s11196-017-9516-y.
- Tiersma P.M., 1999. *Legal Language*. Chicago, University of Chicago Press Publ. 328 p.

SOURCES AND DICTIONARIES

- Convention on the Prohibition of the Development, Production, Stockpiling and Use of Chemical Weapons and on their Destruction. URL: <https://www.opcw.org/chemical-weapons-convention> (accessed July 1, 2019).
- International Convention for the Suppression of Acts of Nuclear Terrorism. URL: <https://treaties.un.org/doc/db/Terrorism/english-18-15.pdf> (accessed July 1, 2019).
- The International Drug Control Conventions. URL: https://www.unodc.org/documents/commissions/CND/Int_Drug_Control_Conventions/Ebook/The_International_Drug_Control_Conventions_E.pdf (accessed July 1, 2019).
- UN Convention against Corruption. URL: https://www.unodc.org/documents/brussels/UN_Convention_Against_Corruption.pdf (accessed July 1, 2019).
- United Nations Convention against Transnational Organized Crime. URL: https://www.unodc.org/documents/middleeastandnorthafrica/organised-crime/UNITED_NATIONS_CONVENTION_AGAINST_TRANSNATIONAL_ORGANIZED_CRIME_AND_THE_PROTOCOLS_THERETO.pdf (accessed July 1, 2019).

Information About the Authors

Milana E. Mosesova, Postgraduate Student, Department of English Language and Professional Communication, Pyatigorsk State University, Prosp. Kalinina, 9, 357532 Pyatigorsk, Russia, milanamosesova@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7441-7034>

Tatyana A. Shiryayeva, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of English Language and Professional Communication, Pyatigorsk State University, Prosp. Kalinina, 9, 357532 Pyatigorsk, Russia, shiryayevat@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5508-8407>

Информация об авторах

Милана Эдуардовна Мосесова, аспирант кафедры английского языка и профессиональной коммуникации, Пятигорский государственный университет, просп. Калинина, 9, 357532 г. Пятигорск, Россия, milanamosesova@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7441-7034>

Татьяна Александровна Ширяева, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английского языка и профессиональной коммуникации, Пятигорский государственный университет, просп. Калинина, 9, 357532 г. Пятигорск, Россия, shiryayevat@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5508-8407>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.11>

UDC 81'42:070.431
LBC 81.055.51.5

Submitted: 25.03.2019
Accepted: 25.05.2020

KNOWLEDGE MANAGEMENT IN NEWS DISCOURSE: A SOCIO-COGNITIVE VIEW

Tatiana I. Semenova

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

Abstract. The article considers news discourse as one of the leading genres of the media sphere, of particular concern is the issue of ideologically biased news reports. It focuses on how ideology and knowledge are managed in news discourse production and comprehension. The theoretical perspective of the paper is the critical epistemic discourse analysis proposed by T.A. van Dijk. The paper considers mental representation of the event nominated in British and American mass media as “Russian spy poisoning”. The author offers the issue that knowledge may be relative to the members and the criteria of different epistemic communities, and one of the strategies of persuasion is to define beliefs as knowledge of facts. The paper reveals the communicative function and pragmatic potential of epistemic modality and evidentiality in the ideological control of news discourse. It is argued that evidentials do not always come alone but may be part of complex evidential strategies. The author claims that the evidence-epistemic markers with the semantics of knowledge / possibility / probability / likelihood in mental representation of the event “Russian spy poisoning” aim at manipulating and misleading the addressee. The article is an initial step toward analyzing the role of knowledge and beliefs in the formation of mental event models in ideologically based news discourse.

Key words: news discourse, knowledge, information, opinion, social cognition, epistemic modus, evidentiality.

Citation. Semenova T.I. Knowledge Management in News Discourse: A Socio-Cognitive View. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 5, pp. 122-132. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.11>

УДК 81'42:070.431
ББК 81.055.51.5

Дата поступления статьи: 25.03.2019
Дата принятия статьи: 25.05.2020

УПРАВЛЕНИЕ ЗНАНИЕМ В НОВОСТНОМ ДИСКУРСЕ: СОЦИОКОГНИТИВНЫЙ ВЗГЛЯД

Татьяна Ивановна Семенова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. Новостной дискурс рассматривается в статье как форма конструирования информационной (новостной) картины мира, которая воздействует на модель мира адресата, систему ценностей, убеждений, знаний. В фокусе внимания автора находятся идеологически маркированные способы интерпретации событий как конструирование ситуативных ментальных моделей. Теоретической и методологической базой исследования является социокогнитивная концепция Т.А. ван Дейка о релятивности знания, в соответствии с которой знание имеет прагматическую и дискурсивную основу. Аргументируется взгляд на знание как на разделяемое в эпистемическом сообществе обоснованное мнение. Объектом изучения избраны высказывания с эксплицитными модусами знания и мнения, в которых синтаксическое дефокусирование модусных и диктумных пропозиций обуславливает производство социальных когниций. Определены когнитивно и коммуникативно значимые эпистемические критерии новостного сообщения, которые влияют на интерпретацию реципиентами мнения как знания. В результате анализа дискурсивного конструирования медиасобытия «Russian spy poisoning» («Отравление бывшего шпиона») установлены когнитивные механизмы конструирования идеологизированной ментальной модели новостного события. Материал и методика его изучения, апробированная в статье, могут быть использованы в дальнейших исследованиях коммуникативно-эпистемических характеристик новостного дискурса.

Ключевые слова: новостной дискурс, знание, информация, мнение, социальные когниции, эпистемический модус, эвиденциальность.

Цитирование. Семенова Т. И. Управление знанием в новостном дискурсе: социокогнитивный взгляд // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 5. – С. 122–132. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.11>

Введение

Понимание дискурса как процесса социально обусловленного взаимодействия и воспроизводства социальной когниции, восходящее к работам Т.А. ван Дейка и Н. Фэйрклоу [Dijk, 1988; 2014; Fairclough, 1992; 2015], высвечивает феномен дискурса как явления когнитивного, то есть имеющего дело с передачей знаний, с оперированием знаниями особого рода и, главное, с созданием новых знаний [Кубрякова, 2012, с. 122]. Такой подход к дискурсу задает его эпистемологическое измерение, предполагающее когнитивный и социальный анализ порождаемого в дискурсивной деятельности знания. Изучение эпистемических параметров дискурса и их языкового воплощения направлено на объяснение того, каким образом получение знаний о мире взаимодействует с формированием, организацией, трансформированием социальных знаний – мнений, оценок, верований, убеждений. Цель статьи состоит в исследовании в новостном дискурсе когнитивно-эпистемических механизмов смыслопорождения идеологического социокультурного знания как системы социально релевантных норм, ценностей, целей и принципов.

Материал и методы исследования

Новостной дискурс выделяется как «особый вид дискурса, относящийся к специфической социокультурной деятельности» [Дейк ван, 1989, с. 112]. Он признается «стержневым компонентом массмедийного дискурса» [Добросклонская, 2016, с. 13]. Как коммуникативное событие новостной дискурсе порождается совокупностью новостных текстов в единстве языковых и экстралингвистических характеристик, социального контекста, дающего представление об участниках коммуникации, процессах производства и восприятия новостного сообщения [Дейк ван, 1989; Добросклонская, 2016; Dijk, 1988; Fowler, 1991]. Тек-

сты новостей исследуются как зарубежными, так и российскими лингвистами в аспекте дискурсивных стратегий представления новостной информации [Баженова, 2013; Ильинова, 2018], с точки зрения структурно-смысловых и прагматических характеристик, композиционной, информационной структуры новостных сообщений [Дейк ван, 1989; Дускаева, 2014; Слинина, 2015; Dijk, 1988], в ракурсе разработки и применения информационной модели анализа новостного дискурса [Добросклонская, 2016]. В рамках критического дискурс-анализа исследовательское внимание сконцентрировано на роли языка в конструировании социальной и политической реальности в текстах новостей, анализе идеологической природы новостных сообщений, прагматических и идеологических критериях новостной ценности, социокогнитивных факторах производства и интерпретации новостных сообщений [Dijk, 1988; Дейк ван, 1989; Fairclough, 1992; Fowler, 1991].

Однако, как отмечает Т.А. ван Дейк, новостные сообщения едва ли когда анализировались с эпистемической точки зрения [Dijk, 2014, р. 202]. По мнению ученого, наряду с прагматикой и семантикой дискурса объектом исследования может являться и эпистемика дискурса (discourse epistemics) как конституирующая характеристика дискурса новостного [Dijk, 2014, р. 17]. Отметим, что коммуникативно-эпистемические параметры отдельных типов дискурса получают научное освещение: например, исследуются эпистемика научного, политического, лирического дискурсов [Задворная, 2000; Кожемякин, 2011]. Социально-эпистемологический подход к порождению социальной когниции в новостном дискурсе позволит объяснить, какое знание и в каком контексте доходит до адресата, как в новостном дискурсе реализуется отношение между ранее введенным и новым знанием, как происходит формирование социально релевантных знаний, репрезентаций, предубеждений. В процессе дискурсивной деятельности происходит постоянная когнитивная обработка и перера-

ботка информации (ее структурирование и интерпретация), результатом чего являются объективируемые в языковой форме социокультурные знания, такие как мнения, оценки, верования, убеждения.

Социальная природа конструируемого в ходе дискурсивной практики знания коррелирует с конструктивистским подходом П. Бергера и Т. Лукмана, в соответствии с которым знание не «добывается», а непрерывно (часто незримо) конструируется во всех социокоммуникативных практиках [Berger, Luckmann, 1991]. В рамках социокогнитивной парадигмы декларируется отказ от дихотомии «истинное / ложное» в понимании знания, что получает дальнейшее развитие в концепции релятивности естественного знания (natural knowledge) Т.А. ван Дейка [Dijk, 2014]. Оно в перспективе социокогнитивного подхода понимается ученым как знание, которым оперируют реальные люди в реальных ситуациях, в реальных эпистемических сообществах в отличие от абстрактного понятия знания, определяемого в терминах «достоверное, истинное представление» (true beliefs). Т.А. ван Дейк предлагает понимать знание как обоснованное мнение, разделяемое членами определенного эпистемического сообщества [Dijk, 2014, p. 18], делая таким образом акцент не на семантической и логической основе знания, а на прагматической и дискурсивной его основе.

Для нашего исследования значимым является подход к дискурсу, в том числе и новостному, как к практике не только репрезентации, но и означивания, конструирования мира [Fairclough, 1992; Fowler, 1991]. Репрезентация, будучи когнитивной операцией в медийном дискурсе, представляет собой конструктивистскую дискурсивную практику, суть которой заключается в том, что новость – это не естественный феномен, возникающий в реальности, а социальный продукт. Новости, согласно Р. Фаулера, не собирают, не обнаруживают, их делают [Fowler, 1991, p. 13]. Ученый оперирует понятием «репрезентация» в прототипическом смысле, в аспекте ментальных репрезентаций (news representation) и в аспекте языковых репрезентаций, высвечивая когнитивную роль языка в обеспечении ментальной репрезентации опыта (news as reality-

construction through language) [Fowler, 1991, p. 223]. Интерпретативная сущность когнитивных механизмов конструирования и репрезентации, по мнению Р. Фаулера, заключается в том, что новостное событие не может быть свободным от ценностей отражением фактов (value-free) [Fowler, 1991, p. 4]. Дискурсивное конструирование медиасобытия отражает специфику его идеологического видения и интерпретации. В лингвистическом плане термин «идеологический» коррелирует с категорией идеологической модальности, маркирующей оценочные отношения, «которые строятся на основе определенных политических взглядов и идеологических ценностей» [Добросклонская, 2009, с. 86]. Новости, как подчеркивает Т.А. ван Дейк, «не только описывают текущие события и их возможные последствия, но и существенным образом дают оценку действиям и выражают мнения политической, экономической, военной и социальной властных групп» [Дейк ван, 2015, с. 58].

Вариативность процессов категоризации и концептуализации событий в новостных текстах сквозь призму социально-идеологических факторов позволяет Т.А. ван Дейку трактовать производство новостей как специфическую социальную и дискурсивную практику воспроизводства идеологий [Dijk, 1988, p. 182], а Н. Фэйрклоу – как форму медиатизированной власти (mediated power) [Fairclough, 2015, p. 80–82]. Власть медиадискурса в социальном взаимодействии может иметь и легитимный, и манипулятивный характер [Дейк ван, 2015; Fairclough, 1992]. Понимание Т.А. ван Дейком идеологии как формы социальной когниции задает перспективу исследования роли новостного дискурса в управлении и воспроизводстве идеологических социальных знаний, которые в совокупности представляют «системы убеждений или мнений, принадлежащих не индивидам, а главным образом, членам социальных формаций и институтов» [Дейк ван, 2015, с. 54]. В новостном дискурсе выбор перспективы, ракурса «видения» событий задан институциональными и социальными структурами, которые определяют задачи журналиста в конструировании новостных событий. Следовательно, понятия репрезентации, конструирования новостного события закрепляют роль субъекта познания

в процессе ментального конструирования и языковой репрезентации медиасобытия.

Коммуникативную задачу по формированию в новостном дискурсе мнений, знаний, убеждений, системы ценностей адресата реализует категория модуса как языковое воплощение личностного начала в значении предложения, являясь, по словам Н.Д. Арутюновой, «знаком связи субъекта с суждением» [Арутюнова, 1988, с. 108]. Модусная, или оценочная, категоризация объективирует способы интерпретации знаний человеком и закрепляет механизмы этой интерпретации в категориальном пространстве языка в виде модусных категорий. К ним Н.Н. Болдырев относит, например, отрицание, аксиологические (собственно оценочные) категории, категории аппроксимации, эвиденциальности, в основе формирования которых лежат соответствующие модусные концепты [Болдырев, 2005]. В наших предыдущих работах показано, что посредством модусной категоризации говорящий (модусный субъект) задает субъективно-модальную интерпретацию содержания высказывания, референтом которого является некоторое положение дел [Семенова, 2007, с. 86]. Модусная категоризация получает дальнейшее развитие в концепции лингвистического метареферентирования, суть которой заключается в модусном профилировании пропозиции в свете определенного модуса (подробно см.: [Клепикова, 2008, с. 190–191]).

В целях выявления стратегий управления знанием в новостном дискурсе обратимся к дискурсивному конструированию резонансного события об отравлении бывшего двойного агента ГРУ Сергея Скрипаля и его дочери, номинируемого в англоязычном новостном дискурсе как «Russian spy poisoning» («Отравление бывшего шпиона»).

Результаты и обсуждение

Когнитивный механизм фокусирования / дефокусирования в конструировании идеологически предвзятой модели события

В соответствии со схемой новостного дискурса моделирование новостей начинается с заголовка, когнитивной функцией которого является создание макроструктуры мен-

тальной модели события [Дейк ван, 1989, с. 145]. Заголовки новостных статей по «делу об отравлении бывшего шпиона» задают идеологические ориентиры восприятия новостной информации: *Britain blames Moscow for poisoning of former Russian spy* (III); *Only conclusion is Russian state behind spy poisoning – British PM* (VI). Ключевая пропозиция *Russia is behind spy poisoning* формирует идеологически пристрастную ментальную модель, в которой отравление концептуализируется как преднамеренный акт, вина за который возлагается на Россию.

Репрезентация референтного события предполагает формирование ментальной модели как когнитивного коррелята ситуации, которая, однако, является, по мнению Т.А. ван Дейка, не копией события, не зеркальным отражением действительности, а ментальным конструктом на основе восприятия, опыта, социокультурного знания [Dijk, 2014, p. 38]. Когнитивной основой новостных сообщений становится ситуационная ментальная модель как структура знания о ситуации относительно ее участников, их действий, характеристик события, определяемых конкретными пространственными и временными параметрами. Содержание новостного дискурса контролируется контекстной моделью, которая включает прагматические и когнитивные аспекты ситуации: цели, интересы, установки, предполагаемые знания участников дискурса, их социальные и коммуникативные роли, уровень информированности. Контекстная модель задает способ интерпретации ситуации, создавая тем самым механизм по стратегическому контролю знания в ходе интеракции [Dijk, 2014, p. 303].

Ситуационная ментальная модель события «Russian spy poisoning» («Отравление бывшего шпиона») объективирована пропозициями, содержащими фактуальную информацию о том, что Сергей Скрипаль и его дочь Юлия были найдены без сознания на скамейке в торговом центре Солсбери и доставлены в больницу: *Sergei Skripal and his 33-year-old daughter were found in an unconscious state on a bench in a shopping center in Salisbury on March 4 and were taken to hospital* (III). Фактуальный характер события имплицитно определяется, говоря словами Т.В. Шмелевой, «самим фактом отсутствия показателей достоверно-

сти» [Шмелева, 1994, с. 34]. Однако в ходе дискурсивного конструирования референтного события фактуальная информация соотносится с интенциональным контекстом, и имплицитный модус достоверности сменяется эксплицитными ментальными модусами знания и мнения.

Обратимся к фрагменту новостного сообщения от 12 марта 2018 г., в котором Тереза Мэй, премьер-министр Великобритании, в обращении к парламенту выдвигает в отношении России официальное обвинение в отравлении Скрипалей, заявляя, что отравляющее вещество, известное как «Новичок», относится к военному типу и производится в России: *It is now clear that Mr. Skripal and his daughter were poisoned with a military nerve agent developed by Russia, which is part of the group of nerve agents known as the "Newcomer"* (III) (здесь и далее в примерах полужирный курсив наш. – Т. С.). Эксплицитный модус в начальной позиции (*It is now clear*), вербализованный прилагательным с перцептивной семантикой 'clear' ('ясно'), профилирует эпистемический смысл 'знание'. Сенсорный предикат в модусной функции актуализирует прагматическую задачу говорящего нейтрализовать попытку собеседника оспорить суждение (подробнее о типах модусов см.: [Арутюнова, 1988, с. 119]).

Модус знания имеет следствием указание на источник знания, что способствует повышению доверия к речевому сообщению. Ссылка на «категоричное мнение» экспертов из химической лаборатории Портон-Даун относительно российской природы отравляющего вещества становится доказательной базой для выдвижения официального обвинения России: *Boris Johnson claimed scientists at the UK's military research laboratory at Porton Down had been "absolutely categorical" in telling him there was "no doubt" the novichok nerve agent used in the Salisbury attack was manufactured in Russia* (III). Пресуппозиция доверия к источникам информации относительно локализации отравляющего военного вещества на территории России содержится и в высказывании Терезы Мэй: *Eight days after the Skripals collapsed, Prime Minister Theresa May identified the poison as Novichok, developed in the last years of the*

Soviet Union (III). Стратегия медиарепрезентации «дела Скрипалей», на наш взгляд, заключается в том, чтобы дискурсивными способами акцентировать те элементы ментальных моделей, которые соответствуют интересам власти. Представление информации о российской природе «Новичка» в модусе знания выполняет функцию когнитивного манипулятивного воздействия на ментальную модель мира адресата, поскольку достоверным является лишь факт наличия этого вещества у Советского Союза, но именно эта информация подается как ключевой аргумент относительно применения Россией отравляющего вещества в Солсбери.

В дискурсивном конструировании ситуации «отравления бывшего шпиона» манипулятивным потенциалом обладают суждения, в которых модусный глагол *conclude* с семантикой умозаключения вводит пропозицию с модальным значением вероятности: *Mrs. May said in the House of Commons "The government has concluded that it is highly likely that Russia was responsible for the act against Sergei and Yulia Skripal* (III); *A public inquiry concluded in 2016 that Putin had "probably approved" the killing of Alexander Litvinenko* (II). Содержание диктумных пропозиций представлено в модусе эпистемической возможности, однако адресат принимает предлагаемое вероятностное суждение как данность и формирует пропозиции в модусе знания: «Россия несет ответственность за покушение»; «Путин одобрил убийство Литвиненко». Отсылка к прецедентной ситуации убийства А. Литвиненко (*the killing of Alexander Litvinenko*) выступает как свернутая аргументация причастности российской власти к отравлению в Солсбери. С точки зрения теории метарепрезентации диктумная пропозиция «получает определенную модусную проекцию (перспективизацию)» [Клепикова, 2008, с. 191]. Когнитивный механизм распределения внимания в предложениях с модусно-диктумной организацией О.К. Ирисханова исследует в терминах «синтаксическое фокусирование / дефокусирование» [Ирисханова, 2014]. В результате сдвига фокуса внимания в анализируемых примерах вероятностная модальность подчиненной пропозиции дефокусируется, и, как следствие, подчиненная

пропозиции «наследует» от модусной пропозиции модальность факта.

В конструировании идеологически предвзятой модели медиасобытия задействован и эксплицитный модус мнения. Прототипически модус мнения / полагания присоединяет пропозиции, содержание которых представляет вероятностное суждение с модально-прагматическим значением неуверенности в истинности суждения. Оценка события как эпистемически возможного выносится в том случае, когда у говорящего нет точных данных о ситуации, «эпистемическая возможность проистекает из ограниченности знаний говорящего субъекта» [Шатуновский, 1996, с. 174]. Модусные предикаты *believe, think, highly / most / overwhelmingly likely* своим лексическим значением актуализируют модальность предположения, то есть диктумная пропозиция, грамматически маркированная как факт, «наследует» от эксплицитного модуса мнения модальность проблематической достоверности, ср.: *Я думаю / полагаю, что он пришел* воспринимается как вероятностное, а не фактуальное суждение. В новостном дискурсе содержание пропозиций, вводимых модусом мнения, получает в модели мира адресата не вероятностную, а истинностную эпистемическую оценку, которая оказывается под идеологическим контролем контекстной модели. Идеологический фон конструирования «дела Скрипалей» вербализован пропозициями, содержание которых эксплицирует не просто конфликт между государствами, а идеологическое противостояние между либеральными ценностями Великобритании и отсутствием таковых в политической системе России: *This is not just a conflict of state against state, but one of liberal values against their negation* (III). Читатели, получая информацию из новостных сообщений об отравлении в Солсбери, конструируют модель события, в которой «невинные мирные граждане исторического британского городка» (*innocent civilians of the historical British town*) противопоставлены «мафиозному государству Россия» (*Russian mafia state*), которое представляет угрозу «национальной безопасности» (*It is an assault on the United Kingdom's sovereignty. <...> It threatens the security of us all*) (III). Ситуация отравления моделиру-

ется как «преступление против Соединенного Королевства» (*a crime against the United Kingdom*). На фоне политической идеологической поляризации суждение возможности интерпретируется реципиентами как достоверная информация, то есть содержание пропозиций получает в ментальной модели адресата эпистемический статус социального знания: *The United States believes that Russia is responsible for the attack on two people in the United Kingdom using a military-grade nerve agent* (III); *Britain's prime minister said on Monday that it was "highly likely" that Moscow was to blame for the poisoning of a former Russian spy* (III). В приведенных контекстах содержание подчиненных пропозиций, вводимых модусом мнения, вербализует ключевую для адресата информацию об ответственности России за покушение, что обуславливает формирование социальных репрезентаций, среди которых важнейшими являются витальные ценности: национальная безопасность, суверенитет страны, якобы подвергающиеся угрозе со стороны России, они и оказываются в коммуникативном фокусе, в то время как модусная пропозиция реализует дискурсивную функцию, маркируя когнитивное состояние модусного субъекта.

М. Саймонс, анализируя эвиденциальные значения глаголов мысли и речи (*says / believes / suggests*), обращает внимание на коммуникативную важность подчиненной пропозиции [Simons, 2007]. Результатом выведения главного предложения из фокуса внимания является «когнитивное депрофилирование как изменение когнитивной и коммуникативной выделенности модуса в полипропозициональной структуре с сентенциональным компонентом» [Клепикова, 2008, с. 162]. Профилированию (фокусированию) подвергается подчиненная пропозиция, содержание которой указывает на социально значимые проблемы. Подчиненная пропозиция получает когнитивное профилирование в силу идеологической ориентации, что позволяет влиять на структуры ментальных моделей событий «путем перекладывания ответственности за события таким образом, чтобы это отвечало интересам манипулирующих» [Дейк ван, 2015, с. 265]. Содержание подчиненной пропозиции, вводимой модусом мнения, наделяется эпистеми-

ческим статусом знания вследствие его соотнесенности с идеологической картиной мира реципиента, в которой формируется убеждение о масштабах угрозы, связанной с покушениями на мирных жителей «на улицах Великобритании и на улицах Европы» (*on the streets of the UK, on the streets of Europe*). Новостные сообщения о ходе расследования покушения на Скрипалей со ссылкой на Дина Хейдона, главу контртеррористического отдела Скотленд-Ярда (*Dean Haydon counterterrorism coordinator*) (V), индуцируют в когнитивной модели реципиентов представление о России как об источнике террористической угрозы. Следовательно, некритически мыслящий адресат принимает вероятностное суждение как данность, формируя в субъективной модели события убеждение об ответственности России как государства-агрессора за покушение на мирных граждан, на суверенитет страны. Модус мнения позволяет «выдавать» вероятностное суждение за знание, оказывая, таким образом, влияние на когнитивные и рациональные способности адресата, с тем чтобы заставить его поверить не в реальное положение дел, а в суждение по поводу реального положения дел.

Эпистемические критерии новостного сообщения

Возможность управления знанием в дискурсе Т.А. ван Дейк объясняет релятивностью человеческих знаний, суть этой концепции заключается в том, что «принципиально важным является не то, насколько убеждения соотносятся с некоторым положением дел, а насколько данные убеждения разделяются среди других членов данного сообщества – сообщества, основанного на знании» [Дейк ван, 2015, с. 292]. Релятивность знания в идеологически нагруженном новостном дискурсе приводит к «размыванию» границ между знанием и мнением, то есть утверждение, поданное как факт, как знание о положении дел, может на самом деле не иметь истинностной оценки, а мнения, наоборот, могут расцениваться как соответствующие действительности и получать статус достоверности.

Важной для понимания коммуникативно-эпистемических параметров новостного дис-

курса представляется мысль Т.А. ван Дейка о том, что естественное знание релятивно по отношению к эпистемическим критериям эпистемического сообщества: верное знание для одного эпистемического сообщества может быть верным или неверным для другого сообщества [Dijk, 2014, p. 34–35]. Именно поэтому в рамках эпистемического сообщества «некоторые убеждения, соответствующие критериям и получившие определенный статус, могут считаться знанием даже в тех случаях, когда с точки зрения лиц, находящихся за пределами данной группы, подобное знание имеет статус субъективных убеждений, мнений или даже предрассудков» [Дейк ван, 2015, с. 292].

Какие же эпистемические критерии новостного сообщения оказываются когнитивно значимыми при интерпретации реципиентами мнения как знания? Как реципиенты определяют, могут ли мнения, в основе которых те или иные источники информации, расцениваться как знание? Обоснованность мнения базируется на таких эпистемических критериях эпистемического сообщества, как надежное наблюдение, ссылка на источники информации, логическое умозаключение. Традиционная категоризация источников информации на прямые и косвенные [Козинцева, 1994; Aikhenvald, 2004] получает дальнейшее развитие в терминах когнитивных моделей коммуникантов. Когнитивный аспект эвиденциальности связан с ментальными моделями говорящих, экспликацией источников информации, заложенных в ментальных моделях [Dijk, 2014, p. 337]. Эвиденциальность в новостном дискурсе служит реализации социальной функции «эпистемического авторитета». Эпистемические авторитеты представлены авторитетными организациями, институциями, структурами, акторами (правительство, эксперты, важные политические фигуры), имеющими эпистемический доступ к источникам информации. Мнение специалиста или известного человека воспринимается адресатом как более достоверное и вызывает доверие. Так, апелляция к Гэри Эйткенхеду, руководителю британского центра исследований отравляющих веществ Портон-Даун, заявившему об ответственности России за отравление, способствует повышению доверия к официальному мнению и в целом к новостному сообщению, являясь эффективным способом убежде-

ния: *Gary Aitkenhead, the chief executive of the government's Defence Science and Technology Laboratory (DSTL), said the government had reached its conclusion that Russia was responsible for the poisoning* (I). Эвиденциальные маркеры реализуют ходы, повышающие доверие к дискурсивным источникам, они составляют часть эвиденциальной стратегии [Dijk, 2014, p. 346]. В перспективе модуса мнения суждение вероятности определяется адресатом как фактуальная информация в силу того, что мнения воспринимаются как знания в зависимости от убедительности доказательств и надежности источников [Dijk, 2014, p. 47].

Дискурсивное воздействие на модель мира адресата, в которой ответственность за ситуацию с отравлением возлагается на Россию, свидетельствует о том, что манипулятивный эффект достигнут. Опрос общественного мнения, проведенный аналитическим агентством «Opinium» в конце марта 2018 г. показал, что рейтинг Терезы Мэй на 2 % опережает рейтинг лидера оппозиции лейбористов Джереми Корбина, чья осторожная позиция по отношению к обвинению России в деле Скрипалей (*more cautious response in blaming Moscow directly for the Salisbury nerve agent attack*) не нашла отклика в модели мира британцев. Тереза Мэй, по данным опроса, оказалась более решительной в отстаивании национальных интересов (*is seen as better equipped to stand up for the national interest*) (IV). Посредством дискурсивного конструирования события, отвечающего интересам власти, консервативная партия добилась позитивных изменений в отношении к ней избирателей.

Заключение

Результаты анализа эпистемических параметров новостного дискурса свидетельствуют о динамическом взаимодействии ментальных модусов знания, мнения и эвиденциальности. Эксплицитные эпистемические модусы знания и мнения подчинены стратегии формирования идеологизированной ментальной модели события. Когнитивным механизмом конструирования идеологического социального знания является фокусирование / дефоку-

сирование модусной и диктумной пропозиции, что влияет на истинностную оценку вводимых ментальными модусами пропозиций. Смена фокуса в модусно-диктумных высказываниях влияет на восприятие и понимание новостных сообщений, что в свою очередь способствует формированию социального знания, отвечающего интересам доминирующих групп и обуславливает стратегию управления знанием в новостном дискурсе.

Перспективным представляется выявление когнитивных и языковых механизмов, обеспечивающих дискурсивное управление знанием в различных типах и жанрах дискурса. Эпистемическое измерение дискурса необходимо для понимания и объяснения того, как социально значимый опыт в совокупности социальных убеждений, мнений, оценок дискурсивно конструируется в языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н. Д., 1988. Типы языковых значений : Оценка. Событие. Факт. М. : Наука. 341 с.
- Баженова Е. Ю., 2013. Структурная организация сетевого новостного текста // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 85, серия «Филология. Искусствоведение». № 35. С. 11–15.
- Болдырев Н. Н., 2005. Категории как форма репрезентации знаний в языке // Концептуальное пространство языка : сб. науч. тр., посвящ. юбилею проф. Н. Н. Болдырева / под ред. Е. С. Кубряковой. Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина. С. 16–39.
- Дейк ван Т. А., 1989. Анализ новостей как дискурса // Язык. Познание. Коммуникация. М. : Прогресс, 1989. С. 111–160.
- Дейк ван Т. А., 2015. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Изд. 2-е. М. : УРСС : ЛИБРОКОМ. 352 с.
- Добросклонская Т. Г., 2009. Лингвистические способы выражения идеологической модальности в медиатекстах // Вестник Московского университета. Серия 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 2. С. 86–94.
- Добросклонская Т. Г., 2016. Новостной дискурс как объект медиалингвистического анализа // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования : II Международная научно-практическая конференция. Актуальные проблемы современной медиалингвистики и меди-

- акритики в России и за рубежом : II Международный научный семинар. Белгород, НИУ «БелГУ», 5–7 октября 2016 г. : сб. науч. работ / под ред. Е. А. Кожемякина, А. В. Полонского. Белгород : ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2016. С. 13–22.
- Дускаева Л. Р., 2014. Речевая структура новостных текстов сетевых изданий // Вестник Пермского университета. Серия: Российская и зарубежная филология. Вып. 1 (25). С. 179–183.
- Задворная Е. Г., 2000. Субъект высказывания и дискурса: человек говорящий и человек мыслящий. Минск : Изд-во БГУ. 201 с.
- Ильинова Е. Ю., 2018. Полиmodusность дискурсивной репрезентации медийного события // Когнитивные исследования языка. № 35. С. 280–287.
- Ирисханова О. К., 2014. Игры фокуса в языке: семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М. : Яз. слав. культуры. 320 с.
- Клепикова Т. А., 2008. Лингвистические метаре-презентации. СПб. : Астерион. 250 с.
- Кожемякин Е. А., 2011. Производство знания в политическом дискурсе: социально-эпистемологический взгляд // Политическая лингвистика. № 4 (38). С. 52–56.
- Козинцева Н. А., 1994. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 92–104.
- Кубрякова Е. С., 2012. В поисках сущности языка : Когнитивные исследования. М. : Знак. 208 с.
- Семенова Т. И., 2007. Лингвистический феномен кажимости. Иркутск : ИГЛУ. 237 с.
- Слинина Л. Я., 2015. Новостное сообщение сегодня – семантическая структура, композиция, дискурс // Вестник Московского государственного лингвистического университета. № 20 (731). С. 260–269.
- Шатуновский И. Б., 1996. Семантика предложения и нерелевантные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика). М. : Яз. рус. культуры. 400 с.
- Шмелева Т. В., 1994. Семантический синтаксис. 2-е изд. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та. 47 с.
- Aikhenvald A. Y., 2004. Evidentiality and Challenges // *Linguistics Today – Facing a Greater Challenge*. Amsterdam : John Benjamin's Publishing Co. P. 1–29.
- Berger P. L., Luckmann T., 1991. *The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge*. N. Y. : Penguin Books Ltd. 249 p.
- Dijk T. A. van, 1988. *News as Discourse*. Hillsdale, N. J. : Lawrence Erlbaum Associates Inc. 200 p.
- Dijk T. A. van, 2014. *Discourse and Knowledge: A Sociocognitive Approach*. Cambridge : Cambridge University Press. 549 p.
- Fairclough N., 1992. *Language and Social Change*. Cambridge : Polity Press. 259 p.
- Fairclough N., 2015. *Discourse and Power*. L. ; N. Y. : Routledge. 264 p.
- Fowler R., 1991. *Language in the News: Discourse and Ideology in the Press*. L. ; N. Y. : Routledge, 1991. 254 p.
- Simons M., 2007. Observations on Embedding Verbs, Evidentiality and presupposition // *Lingua*. № 117. P. 1034–1056.

ИСТОЧНИКИ

- I – *The Guirdian*. URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2018/apr/03/porton-down-experts-unable-to-verify-precise-source-of-novichok> (date of access: 03.04.2018).
- II – *The Guardian*. URL: <https://www.gov.uk/government/news/pm-statement-on-the-anniversary-of-the-the-incident-in-salisbury> (date of access: 04.03.2019).
- III – *The New York Times*. URL: <https://www.nytimes.com/2018/03/12/world/europe/uk-russia-spy-poisoning.html> (date of access: 12.03.2018).
- IV – *Opinium*. URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2018/apr/04/russia-looks-to-discredit-uk-with-special-meeting-of-un-security-council> (date of access: 04.04.2018).
- V – *Tremont Herald*. URL: <https://tremontherald.com/world/still-multiple-leads-in-skripal-poisoning-case-says-scotland-yard/3605> (date of access: 14.06.2018).
- VI – *US news*. URL: <https://www.usnews.com/news/world/articles/2018-03-19/uk-primmay-says-only-conclusion-is-russian-state-behind-spy-poisoning> (date of access: 19.03.2018).

REFERENCES

- Arutyunova N.D., 1988. *Tipy jazykovyh znachenij: Ocenka. Sobytie. Fakt* [Types of language values: Assessment. Event. Fact]. Moscow, Nauka Publ. 341p.
- Bazhenova E.Ju., 2013. Strukturnaja organizacija setevogo novostnogo teksta [Structural organization of online news text]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Vypusk 85, serija «Filologija. Iskusstvovedenie»*, no. 35, pp. 11-15.
- Boldyrev N.N., 2005. Kategorii kak forma reprezentatsii znaniy v yazyke [Categories as a form of knowledge representation in language]. *Kontseptual'noye prostranstvo yazyka: sb.*

- nauch. tr., posv. yubileyu professora N.N. Boldyreva / pod red. Ye.S. Kubryakovy [The Conceptual Space of Language: Collection of Papers: Dedicated to the Jubilee of Professor Nikolai Nikolayevich Boldyrev / ed. E.S. Kubryakova]. Tambov, Derzhavin TSU Publ., pp. 16-39.
- Dijk T.A. van, 1989. Analiz novostey kak diskursa [Analysis of news as a discourse]. *Yazyk. Poznaniye. Kommunikatsiya* [Language. Cognition Communication], Moscow, Progress, pp. 111-160.
- Dijk T.A. van, 2015. *Diskurs i vlast'. Rerezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and power. Representation of dominance in language and communication]. II ed. Moscow, URSS, LIBROCOM Book House, 2015. 352p.
- Dobrosklonskaya T. G., 2009. Lingvisticheskie sposoby vyrazheniya ideologicheskoy modal'nosti v mediatekstakh. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, no. 2, pp. 86-94.
- Dobrosklonskaya T.G., 2016. Novostnoy diskurs kak obyekt medialingvisticheskogo analiza [News discourse as an object of mediallyingvistic analysis]. *Diskurs sovremennykh mass-media v perspektive teorii, sotsial'noy praktiki i obrazovaniya: II Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya. Aktual'nyye problemy sovremennoy medialingvistiki i mediakritiki v Rossii i za rubezhom: II Mezhdunarodnyy nauchnyy seminar* [Discourse of modern mass media in terms of theory, social practice and education: II International Scientific and Practical Conference. Actual problems of modern mediallyingvistics and media criticism in Russia and abroad: II International scientific seminar]. Izdatel'svo: ID «Belgorod», pp. 13-22.
- Duskaeva L.R., 2014. Rechevaya struktura novostnykh tekstov setevykh izdaniy [Speech structure of news texts of network publications]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*, no. 1 (25), pp. 179-183.
- Mel'nikova Ye.A., 2016. *Kognitivno-diskursivnyye osobennosti mediareprezentatsii sobytiya v angloyazychnom tekste novostnogo soobshcheniya* [Cognitive-discursive features of the media presentation of the event in the English news item text]. Cand. philol. sci. diss. abstr. Volgograd. 23p.
- Zadvornaya Ye. G., 2000. *Subyekt vyskazyvaniya i diskursa: chelovek govorjashhij i chelovek mysljashhij* [The subject of utterance and discourse: Homo dicens and Homo sapiens]. Minsk, Izd-vo BGU. 201 p.
- Il'inova E.Yu., 2018. Polimodusnost' diskursivnoj reprezentatsii medijnogo sobytija [Multimode capacity in discourse representation of media event]. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka*, no. 35, pp. 280-287.
- Irishanova O.K., 2014. *Igry fokusa v yazyke: semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya* [The focus games in the language: semantics, syntax and pragmatics of defocusing]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury. 320 p.
- Klepikova T.A., 2008. *Lingvisticheskiye metareprezentatsii* [Linguistic metarepresentations]. St. Petersburg, Asterion. 250 p.
- Kozhemyakin Ye.A., 2011. Proizvodstvo znaniya v politicheskom diskurse: sotsial'no-epistemologicheskij vzglyad [Knowledge production in political discourse: socio-epistemological view]. *Politicheskaya lingvistika*, 2011. no. 4 (38). Belgorod, pp. 52-56.
- Kozinceva, 1994. Kategorijaj evidencial'nosti (problemy tipologicheskogo analiza) [The category of evidentiality (Problems of typological analysis)]. *Voprosy jazykoznanija*, no. 3, pp. 92-104.
- Kubryakova Ye.S., 2012. *V poiskakh sushchnosti yazyka: Kognitivnyye issledovaniya* [In search of the essence of language: cognitive research]. Moscow, Znak Publ. 208 p.
- Semenova T.I., 2007. *Lingvisticheskiy fenomen kazhimosti* [Linguistic phenomenon of see mingnes]. Irkutsk, ISLU. 237p.
- Slinina L.Ja., 2015. Novostnoe soobshhenie segodnja - semanticheskaja struktura, kompozitsija, diskurs [News report today – semantic structure, composition, discourse]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, no. 20 (731), pp. 260-269.
- Shatunovskiy I.B., 1996. *Semantika predlozheniya i nereferentnyye slova (znachenije, kommunikativnaya perspektiva, pragmatika)* [Semantics of a sentence and non-reference words (meaning, communicative perspective, pragmatics)]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury. 400 p.
- Shmeleva T.V., 1994. *Semanticheskij sintaksis* [Semantic syntax]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Univ. Publ. 47p.
- Aikhenvald A.Y., 2004. Evidentiality and challenges. *Linguistics today – facing a greater challenge*. Amsterdam, John Benjamin's Publishing Co, pp. 1-29.
- Berger P. L., Luckmann T., 1991. *The Social construction of reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge*. New York, Penguin Books Ltd. 249 p.
- Dijk T.A. van, 1988. *News as discourse*. Hillsdale, New Jersey, Lawrence Erlbaum Associates Inc., Publishers. 200 p.

Dijk T.A. van, 2014. *Discourse and knowledge: A sociocognitive approach*. Cambridge University Press. 549 p.

Fairclough N., 1992. *Language and social change*. Cambridge, Polity Press. 259 p.

Fairclough N., 2015. *Discourse and power*. London, New York, Routledge. 264 p.

Simons M., 2007. Observations on embedding verbs, evidentiality and presupposition. *Lingua*, no. 117, pp. 1034-1056.

SOURCES

The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2018/apr/03/porton-down-experts-unable-to-verify-precise-source-of-novichok> (date of access 03.March.2018).

The Guardian URL:<https://www.gov.uk/government/news/pm-statement-on-the-anniversary-of-the-incident-in-salisbury>(date of access 04.03.2019).

The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2018/03/12/world/europe/uk-russia-spy-poisoning.html>(accessed 12. March.2018).

Opinium. URL:<https://www.theguardian.com/uk-news/2018/apr/04/russia-looks-to-discredit-uk-with-special-meeting-of-un-security-council>(accessed 04.April.2018).

Tremont Herald. URL:<https://tremontherald.com/world/still-multiple-leads-in-skripal-poisoning-case-says-scotland-yard/3605> (accessed 14.June.2018).

US news. URL:<https://www.usnews.com/news/world/articles/2018-03-19/uk-pm-may-says-only-conclusion-is-russian-state-behind-spy-poisoning> (date of access 19.March .2018).

Information About the Author

Tatiana I. Semenova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of English Philology, Irkutsk State University, Lenina St, 8, 664025 Irkutsk, Russia, tisemenova54@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8929-699X>

Информация об авторе

Татьяна Ивановна Семенова, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Иркутский государственный университет, ул. Ленина, 8, 664025 г. Иркутск, Россия, tisemenova54@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8929-699X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.12>

UDC 81'373.2:659.123.4
LBC 81.053.16

Submitted: 27.05.2019
Accepted: 25.05.2020

LINGUISTIC AND PRAGMATIC POTENTIAL OF ADVERTISING NAMES (AS EXEMPLIFIED BY NAMES OF COSMETIC GOODS)

Marina Yu. Krinitskaya

Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia

Abstract. The article focuses on specifics of advertising names given to cosmetic products. The purpose of work is to study the efficiency of the considered linguistic units influence on the addressee's perception, and to analyze the information value of these nominations. The associative experiment was carried out among Russian women within the framework of the study. The word trademarks of cosmetic products formed from toponyms and adjectival and genitive phrases were the stimulus material for the experiment. As a result, it was found out that the majority of advertising names for hair dyes, lipsticks, and lip gloss should be recognized ineffective from the point of view of informative value, because the ideas about color are noticeably different from the objective information which manufacturer or consumers demonstrate. The results of the study are of interest to advertising experts, marketing specialists and linguists, as well as the presented information can be useful in translation practice and creation of new advertising names. Conclusions are drawn that effectively operating advertising name is such a name that should be easily remembered, cause positive associations, be understandable to consumers, have emotional and evaluative connotation, which can appeal to the addressee's emotions, values.

Key words: onomastics, advertising name, proper name, pragmatic aspect, color naming, language impact.

Citation. Krinitskaya M.Yu. Linguistic and Pragmatic Potential of Advertising Names (As Exemplified by Names of Cosmetic Goods). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 5, pp. 133-144. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.12>

УДК 81'373.2:659.123.4
ББК 81.053.16

Дата поступления статьи: 27.05.2019
Дата принятия статьи: 25.05.2020

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕКЛАМНЫХ ИМЕН (НА ПРИМЕРЕ НАЗВАНИЙ КОСМЕТИЧЕСКИХ ТОВАРОВ)

Марина Юрьевна Криницкая

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, г. Владивосток, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию специфики рекламных имен косметических товаров с целью проследить эффективность воздействия изучаемых единиц на сознание адресата коммуникации, а также рассмотреть информативность таких номинаций. Проанализированы данные ассоциативного эксперимента среди российских женщин. Стимульным материалом послужили переведенные с французского и английского языков словесные товарные знаки косметических товаров, созданные на базе топонимов и словосочетаний адъективного и генетивного типов. В результате было установлено, что большинство рекламных имен красителей для волос, помад и блесков для губ следует признать неэффективными с точки зрения

информативности, так как представления о цвете косметического продукта, отраженные в реакциях информантов, существенно отличаются от объективной информации, которая дана производителем или потребителями. Результаты проведенного исследования составляют интерес для специалистов в области рекламы, маркетинга, лингвистики, а также могут быть полезны при переводе и разработке новых рекламных имен. Показано, что эффективно действующим рекламным именем является такое наименование, которое легко запоминается, вызывает положительные ассоциации, понятно потребителям, имеет эмоционально-оценочную коннотацию, способную апеллировать к эмоциям, ценностям и интересам адресата.

Ключевые слова: ономастика, рекламное имя, имя собственное, прагматический аспект, цвето-обозначение, языковое воздействие.

Цитирование. Криницкая М. Ю. Лингвопрагматический потенциал рекламных имен (на примере названий косметических товаров) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 5. – С. 133–144. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.12>

Введение

В условиях бурно развивающихся рыночных отношений производителям приходится конкурировать на рынке. Именно условия жесткой конкуренции вынуждают косметические компании отказаться от однотипных наименований и предлагать такие названия, которые позволяют подчеркнуть преимущества и уникальные свойства новых продуктов. Анализируя природу рекламного дискурса, В.И. Карасик замечает: «Борьба за потребителя ведется с применением аргументативных и суггестивных, открытых и манипулятивных приемов убеждения» [Карасик, 2015, с. 33]. В связи с этим номинация косметических товаров заслуживает особого внимания со стороны исследователей.

Прежде всего стоит прояснить толкование используемого в работе термина «рекламное имя». Вслед за И.В. Крюковой оно понимается нами как коммерческое название, собственное имя любого товара в широком смысле слова [Крюкова, 2004, с. 7]. В лингвистических исследованиях упоминаются и другие термины: товарный знак [Соболева, Суперанская, 1986], словесный товарный знак [Глухова, 2008, с. 106; Евсюкова, 2014, с. 9; Мордвина, 2015, с. 261; Подольская, 1988, с. 127; Стадильская, 2007, с. 82; и др.], коммерческая номинация [Новичихина, 2003; Яковлева, 2006, с. 96], прагматоним [Врублёвская, 2015, с. 56; Ермакова, 2015, с. 100], бренд, коммерческое имя [Горяев, Бугешу, 2018, с. 279].

Весьма подробно анализ проблем, связанных с рекламным именем, представлен в статье Т.П. Романовой [Романова, 2014, с. 31–34]. Автор детально рассматривает эволюцию

понятия, приводит разные точки зрения отечественных лингвистов и приходит к выводу, что термины «бренд» и «товарный знак» употребляются в работах по маркетингу и юриспруденции. Для сравнительной характеристики терминов нами были привлечены данные из электронной библиотеки научных публикаций eLIBRARY.RU, которые позволяют утверждать, что вышеуказанные понятия используются также в публикациях по менеджменту, искусствоведению и культурологии.

Не исключено, что именно существование некоего множества терминов, обозначающих подчас один и тот же объект, привлекает внимание лингвистов и свидетельствует о бурном развитии такого раздела языкознания, как ономастика. Ведь, как отмечают С.О. Горяев и А. Бугешу: «Отечественная ономастика находится “на передовой” в разработке данной тематики» [Горяев, Бугешу, 2018, с. 277].

При кажущейся многоаспектности и обширности исследований еще многие свойства и механизмы воздействия на сознание потребителя рекламных имен недостаточно изучены и требуют дополнительного описания. Глубокий и всесторонний анализ специфики рекламного имени содержится в трудах И.В. Крюковой. Введенный ею термин «рекламное имя», как полагает Т.П. Романова, «органично вписывается в систему ономастической терминологии: собственное имя – рекламное имя» [Романова, 2014, с. 34]. Именно он отражает лингвистическую специфику номинации, ее отнесенность к определенной ономастической группе слов. Более того, при использовании этого термина утрачиваются основания для дискуссий, связанных с отнесением номинации товара к проприальной или апеллятивной лексике.

ке. Напротив, внимание исследователя сосредоточивается на функционировании единицы, ее особенностях в ряду других лексем.

Любое рекламное имя содержит определенную информацию, которая может быть выражена как эксплицитно, так и имплицитно. Именно она, по задумке номинатора, служит важным сигналом, который способен привлечь внимание адресата. «Грамотно» разработав воздействующее на сознание покупателя рекламное имя, номинатор способен успешно реализовать свой товар. Процедура имятворчества, безусловно, является стихийным процессом, контролировать который весьма сложно. Зачастую в него вовлекаются специалисты в области рекламы, психологии, маркетинга. Их задача – воплотить в жизнь потребности заказчика, а также создать имя, способствующее возникновению адекватных восприятию о товаре ассоциаций в сознании потенциального покупателя.

В ряде работ предпринята попытка рассмотрения вопросов восприятия рекламных имен. Так, Н.А. Стадульская выделяет следующие методики: употребление слова-символа, прецедентных имен, шарад и каламбуров. Они позволяют создать attractive название и завоевать доверие потребителя [Стадульская, 2007]. В свою очередь И.Н. Кайгородова и М.Г. Курбанова полагают, что для создания вызывающих благоприятные ассоциации именованных активно используются имена собственные ядерных разрядов, а для формирования эмоционально-экспрессивного компонента значения – разговорные лексемы, приемы языковой игры, смешения латиницы и кириллицы и др. [Кайгородова, Курбанова, 2012, с. 27].

И.В. Крюкова приходит к выводу, что в языкознании к настоящему времени определились три направления исследования прагматики имени собственного: установление прагматического компонента, анализ отношений автора и адресата и изучение взаимодействия имени с контекстом. Ученый выдвигает гипотезу о том, что положенные в основу рекламных имен коннотативные компоненты, возникшие в разных лингвокультурах, универсальны и «зависят не столько от национально-культурной специфики, сколько от характера объекта номинации» [Крюкова, 2011, с. 140].

Мы разделяем точку зрения о том, что словесные товарные знаки оказывают рек-

ламное воздействие на адресата. Какое же воздействие оказывают на российских потребителей переводные рекламные имена и какова информативность таких обозначений? Ответам на эти вопросы и посвящено наше исследование.

Материал и методы исследования

Объектом исследования стало рекламное имя, выступающее в функции цветообозначения косметических продуктов. Материалом для изучения послужили рекламные имена (словесные товарные знаки) косметических товаров (названия красителей для волос, помад и блесков для губ), которые извлечены из русскоязычных каталогов косметических фирм «L’Oreal Paris» (Франция) и «Maybelline New York» (США). Отметим, что эти имена собственные возникли путем дословного перевода с французского и английского языков; именно так они закреплены в торговле: употребляются в русскоязычных каталогах товаров на упаковках и ценниках косметических продуктов.

Анализируя ранее структурно-семантические типы наименований косметических товаров, мы пришли к выводу, что часть однокомпонентных названий (52 %) создана путем трансонимизации на базе имен собственных, например: *Лолита*, *Мулен Руж*, *Исландия* и др. [Криницкая, Ковалёва, 2018, с. 49–50]. Т.В. Евсюкова замечает: «Переносы имен собственных из одной предметной сферы в другую происходили и происходят и стихийно, в порядке индивидуального словотворчества, и организованно и системно, но и в этом случае отношение имен, подвергшихся переносу, к языку и речи требуют специального осмысления» [Евсюкова, 2017].

С точки зрения привлечения внимания к товару и воздействия на сознание потребителя нас заинтересовали два типа наименований косметических средств: лексемы, образованные от топонимов, и лексемы, созданные на базе словосочетаний по типу согласование или генетивное управление. Такого рода языковые единицы были отобраны для направленного ассоциативного эксперимента среди российских женщин (всего 22 языковых стимула). В опросе приняли участие

380 женщин: 200 женщин в возрасте 17–22 лет и 180 женщин в возрасте 28–50 лет. Младшая возрастная группа – студентки Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (ВГУЭС) разных направлений подготовки бакалавриата, старшая возрастная группа – сотрудники вуза. Эксперимент проводился среди женщин как потенциальных потребителей косметических товаров. В рамках опроса было объявлено, что в анкете представлены названия, обозначающие оттенки красителей для волос, помад и блесков для губ. Respondents should answer the question, what color can be compared with the given

onyms in the survey by words-stimuli, and give an explanation of their answer.

Результаты и обсуждение

Associations of respondents were compared with objective information about the colorant, presented either by the manufacturer of the product on the official website of the cosmetic company, or by consumers through reviews on specialized sites in the Internet (for example, www.irecommend.ru and др.), oriented to exchange impressions about goods. Summary results of the survey are presented in tables 1 and 2 (for 100 % accepted

Таблица 1. Количественная характеристика ассоциаций на стимул – топонимные рекламные имена

Table 1. Quantitative characteristics of associations for stimulus – advertising names formed from toponyms

Стимулы	Объективная информация	Результаты эксперимента			
		Младшая группа		Старшая группа	
		Ассоциация	Количество реакций, %	Ассоциация	Количество реакций, %
ГОЛЛИВУД	Очень светло-русый	Золотой	27	Золотой	41
		Желтый	13	Желтый	13
БАЙКАЛ	Светло-русый с бежевым оттенком	Синий	45	Голубой	51
		Голубой	42	Синий	36
ПАРИЖ	Чистый каштановый	Розовый	24	Серый	28
		Серый	16	Розовый	15
		Желтый	15		
МУЛЕН РУЖ	Глубокий темно-каштановый	Красный	39	Красный	77
		Розовый	12		
МАДРИД	Темно-русый без переливов	Оранжевый	21	Красный	38
		Зеленый	18	Желтый	18
		Желтый	15		
		Красный	15		
БЕРЛИН	Золотистый блонд с мягкими жемчужными переливами	Серый	40	Серый	51
		Черный	21	Коричневый	21
ЛОС-АНДЖЕЛЕС	Светло-светло-русый	Желтый	15	Зеленый	15
		Зеленый	13	Желтый	13
				Золотой	10
ШАНГРИЛА	Соблазнительный медный	Нет ассоциации	39	Нет ассоциации	26
СТОКГОЛЬМ	Ультраохлажденный с жемчужным отливом без желтизны	Зеленый	16		
		Серый	22	Серый	23
НОТР-ДАМ	Цвет красного дерева с пепельным оттенком	Нет ассоциации	17	Нет ассоциации	17
		Серый	25	Серый	36
		Нет ассоциации	17	Черный	12

количество слов-реакций, полученных по каждому слову-стимулу, обозначающему краситель; единичные реакции в таблице не приводятся).

Все ответы испытуемых были распределены следующим образом: 1) полное соответствие реакций объективной информации о цвете, представленной производителем / потребителем косметического товара; 2) частичное совпадение реакций испытуемых с заявленной информацией о цвете; 3) отличие реакций с объективными данными о косметическом товаре.

Полное соответствие реакций объективной информации о цвете обнаруживают рекламные имена ГОЛЛИВУД, ЛОС-АНДЖЕЛЕС, ЯГОДНАЯ ВСПЫШКА, БРЫЗГИ ШАМПАНСКОГО, ПОЦЕЛУЙ ВАМПИРА (23 % от общего количества рекламных имен).

Оттопонимные рекламные имена красителей для волос ГОЛЛИВУД и ЛОС-АНДЖЕЛЕС, по заявлению производителя, должны ассоциироваться с очень светло-русый и светло-русый цветом соответственно. Срав-

Таблица 2. Количественная характеристика ассоциаций на стимул – рекламные имена-словосочетания

Table 2. Quantitative characteristics of associations for stimulus – advertising names formed from word combinations

Стимулы	Объективная информация	Результаты эксперимента			
		Младшая группа		Старшая группа	
		Ассоциация	Количество реакция, %	Ассоциация	Количество реакция, %
ЯГОДНАЯ ВСПЫШКА	Темно-малиновый	Красный	38	Красный	40
		Малиновый	23	Малиновый	38
		Розовый	17		
НАСТОЯЩАЯ ЛЕДИ	Перламутрово-розовый	Белый	31	Белый	28
		Розовый	15	Красный	13
		Бежевый	13		
ПУСТЫННЫЙ ЦВЕТOK	Розово-бежевый	Желтый	37	Желтый	33
СУРОВЫЙ ЛЮБОВНИК	Розовый			Песочный	10
		Красный	29	Черный	23
		Черный	16	Нет ассоциации	20
		Синий	16	Синий	15
				Красный	13
БРЫЗГИ ШАМПАНСКОГО	Полупрозрачный с блестками	Коричневый	13	Коричневый	13
		Золотой	30	Золотой	35
		Желтый	29	Желтый	23
ВЕРХ СОВЕРШЕНСТВА	Светло-розовый	Белый	30	Белый	30
		Золотой	12	Нет ассоциации	25
		Нет ассоциации	11		
ГЛАМУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ	Нюдово-бежевый	Розовый	64	Розовый	35
		Красный	12		
СЛАДКИЙ ДУРМАН	Амарантовый	Розовый	32	Розовый	23
				Нет ассоциации	15
ДИВНЫЙ ПИОН	Коричнево-бежевый	Розовый	49	Розовый	53
		Красный	14	Бордовый	18
		Фиолетовый	13		
ЗАВОРАЖИВАЮЩАЯ ФУКСИЯ	Малиново-красный	Фиолетовый	32	Ярко-розовый	33
		Ярко-розовый	26	Фуксия	23
		Фуксия	9		
НЕЖНЫЙ КАШЕМИР	Темно-красный	Бежевый	37	Бежевый	28
				Розовый	18
ПОЦЕЛУЙ ВАМПИРА	Красный	(Кроваво-) красный	76	(Кроваво-) красный	75
		Черный	10		

ните: *русый* – «светло-коричневый (о волосах)» (БТС); светло-русый – «русый со светлым оттенком» (БТС). На слова-стимулы ГОЛЛИВУД, ЛОС-АНДЖЕЛЕС словами-реакциями послужили *золотой, золотистый, желтый*. У испытуемых ГОЛЛИВУД ассоциировался с *цветом золотых монет, драгоценностей, цветом статуэтки «Оскар»* (премия Американской академии кинематографических искусств и наук), *светом ярких, софитов, вспышек фотокамер, актрисой-блондинкой Мерлин Монро* и т. п. Наименование ЛОС-АНДЖЕЛЕС соотносится с золотым / желтым цветом, так как весьма близко с топонимом Лос-Анджелес, где есть *огни большого города и большое количество солнечных дней в году*.

Рекламные имена блеска для губ ассоциировались со следующими цветами: малиновый, красный, розовый – ЯГОДНАЯ ВСПЫШКА (по отзывам – темно-малиновый цвет); золотой / золотистый, желтый, белый – БРЫЗГИ ШАМΠΑНСКОГО (золотистый, полупрозрачный с блестками, согласно отзывам). Объяснения респондентов таковы: ЯГОДНАЯ ВСПЫШКА – *цвет лесных ягод, «Ягода малина»* (прецедентная фраза, название популярной песни 1987 г., упоминается в ответах женщин старшего возраста); БРЫЗГИ ШАМПАНСКОГО – *цвет игристого вина*. Безусловно, образность рекламному имени ЯГОДНАЯ ВСПЫШКА придает лексема *вспышка*, в переносном значении называющая «внезапное, бурное возникновение чего-либо» (ТСЕ).

На стимул ПОЦЕЛУЙ ВАМПИРА была получена реакция – кроваво-красный (75 %), мотивированная лексемой *вампир* – «сказочный оборотень, мертвец, который, выходя из могилы, сосет кровь живых людей» (ТСУ).

Частичное совпадение реакций испытуемых с заявленной информацией о цвете обнаруживают рекламные имена СТОКГОЛЬМ, НОТР-ДАМ, НАСТОЯЩАЯ ЛЕДИ, ЗАВОРАЖИВАЮЩАЯ ФУКСИЯ (18 % от общего количества рекламных имен).

Почти 23 % испытуемых ответили, что СТОКГОЛЬМ ассоциируется у них с серым цветом. Обоснование реакции было вызвано цветовым представлением о городе: *город брусчатчно-замочной серой Европы*.

17 % респондентов не ассоциируют СТОКГОЛЬМ с каким-либо цветовым оттенком, что, видимо, обусловлено географической удаленностью объекта. В свою очередь производитель заявляет, что этот краситель для волос является ультрахолодным с жемчужным отливом. Это отражает стереотипное представление о жителе Швеции как имеющем светло-русые жемчужные волосы.

С серым цветом ассоциируется также стимул НОТР-ДАМ (цвет красного дерева с пепельным оттенком, по заявлению производителя). Были получены такие объяснения: *серый Собор Парижской Богоматери; много памятников культуры серого цвета; цвет готики и средневековья*.

Ассоциациями на рекламное имя НАСТОЯЩАЯ ЛЕДИ являются белый, розовый, бежевый, красный цвета. Белый цвет респонденты объяснили так: *в ней нет ничего вульгарного; благородный цвет чистоты; Мерлин Монро*. Зафиксированы и ассоциации с черным цветом, мотивированные образом *Коко Шанель* и ее известным *строгим маленьким черным платьем*. Однако оттенок блеска для губ НАСТОЯЩАЯ ЛЕДИ – оттенок перламутрово-розового цвета.

Краситель блеска для губ ЗАВОРАЖИВАЮЩАЯ ФУКСИЯ испытуемые описали как фиолетовый и ярко-розовый, а также указали слово-реакцию *фуксия* – «декоративное растение с яркими, преимущественно красными цветками» (ТСО). В последнее время при указании на цвет товара (предметов одежды и др.) используются не прилагательные, а существительные, называющие фрукты, ягоды, цветы и напитки, которые имеют такой же цвет, например черника, лимон, кофе и т. п. Чрезвычайно важную роль в наименовании блеска для губ ЗАВОРАЖИВАЮЩАЯ ФУКСИЯ играет причастие *завораживающая*, так как именно оно несет образную нагрузку, привлекая внимание потребителей. Сравните синонимы к данной лексеме: «колдовской, обволакивающий, обволаживающий, очаровывающий, пленяющий, сводящий с ума, чарующий» и др. (ССРЯ).

Отличие реакций от данных о косметическом товаре обнаруживают рекламные имена БАЙКАЛ, ПАРИЖ, МУЛЕН РУЖ, МАДРИД, БЕРЛИН, ШАНГРИЛА, ПУСТЫННЫЙ ЦВЕТОК, СУРОВЫЙ ЛЮБОВНИК,

ВЕРХ СОВЕРШЕНСТВА, ГЛАМУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, СЛАДКИЙ ДУРМАН, ДИВНЫЙ ПИОН, НЕЖНЫЙ КАШЕМИР (59 % от общего количества рекламных имен).

Российские женщины на слово-стимул БАЙКАЛ дали прогнозируемые ответы: голубой, синий. Байкал для них – *глубокое синее озеро, в котором кристально чистая вода и отражается небо*. Кроме этого, близость Дальневосточного региона к озеру Байкал сказывается и в индивидуальных ответах-реакциях: *я родилась возле него, я знаю настоящий цвет воды* и т. п. Производитель заявляет, что это краситель для волос светлорусый с бежевым оттенком. Полагаем, что в этом случае лексема БАЙКАЛ отражает стереотипные представления о цвете волос русских.

Краситель для волос ПАРИЖ производитель характеризует как чистый каштановый. Каштановый цвет – «цвет спелого каштана» (ТСО); «светло-коричневый, рыже-бурый» (ТСУ). Испытуемые дали такие ответы: *серый (цвет Эйфелевой башни, зданий серого цвета), розовый (цвет нежности, романтики; все должно быть мило и сказочно), желтый (огни Эйфелевой башни)*. Последний оттенок зафиксирован в младшей возрастной группе.

Каштановый оттенок указывает номинатор и в названии красителя для волос МУЛЕН РУЖ, характеризуя его как глубокий темно-каштановый, то есть «каштановый с темным оттенком» (ТСЕ). Данный стимул получил реакцию *красный* (39 % в младшей возрастной группе и 77 % в старшей группе): *Moulin Rouge – «Красная мельница»*. Испытуемые указали также и другие ассоциации: *яркие шоу, перья, цвет страсти, красные юбки, танцы в красном здании, яркий фильм «Мулен Руж» с Н. Кидман и Ю. Макгрегором*.

Ассоциации на стимул МАДРИД: *красный (коррида, кровь, цвет плаща торедора, цвет формы футболистов мадридского «Реала»), оранжевый (МАДРИД напоминает мандарин; там растут апельсины), желтый (солнечный город; цвет песка), зеленый (в футбол играют на зеленом газоне)*. Производитель красителя для волос определяет оттенок как темно-русый цвет.

Ассоциации к слову-стимулу БЕРЛИН – серый, черный и коричневый цвета. Очевидно, что темные оттенки в сознании респондентов связаны с печальными событиями истории, а именно с *Великой Отечественной войной 1941–1945 годов*. Кроме этого, серый цвет ассоциируют с *цветом каменных зданий, Берлинской стеной, пасмурной погодой, пылью* и т. п. Производитель краски для волос, напротив, заявляет светлый оттенок – золотистый блонд с мягкими жемчужными переливами. Полагаем, что данное название отражает стереотипные представления о цвете волос немцев.

Слово-стимул ШАНГРИЛА (название вымышленной страны из романа Дж. Хилтона «Потерянный горизонт», 1933 г.) для российских информантов оказалось наименее информативным: респонденты отметили, что ассоциация отсутствует. Кроме того, они обозначили оттенок зеленого цвета и предложили следующее объяснение: *пальмы, много растительности, тропические леса, чай растет*. Особый интерес представляют индивидуальные ассоциации с коричневым цветом: в ответах содержится указание на звуковое соответствие со словом *горилла* (обезьяна, имеющая темный, коричневый цвет). Производитель красителя для волос ШАНГРИЛА обозначает на упаковке медный оттенок. Ср.: *«медный – это красновато-желтый с блестящим отливом, цвета меди»* (ТСО). Реакции *медный (оранжевый, рыжий)* не отмечается.

Рекламное имя ПУСТЫННЫЙ ЦВЕТОК, согласно отзывам покупателей, принадлежит блеску для губ, который имеет розово-бежевый тон. Респонденты же отмечают, что продукт с таким названием может иметь желтый цвет, так как ассоциируется с *пустыней, цветом песка и солнца, пылью, засохшими цветами*.

Краситель для губ СУРОВЫЙ ЛЮБОВНИК испытуемым представляется красным (*цвет любви и страсти, едкая ревность, гнев, ярость, красное вино, цвет крови*), черным (*темный цвет волос, черная борода*), синим (*цвет холода, Синяя борода – коварный персонаж одноименной сказки*). В некоторых ответах респондентов наблюдается отсутствие ассоциации с цветом. Один из ин-

формантов поясняет: *У него нет цвета, так как нет сердца!* Возможно, лексическое значение прилагательного *суровый* обуславливает ассоциации с четкими контрастными оттенками. Ср.: «очень строгий, серьезный, угрюмый, сердитый» (ТСЕ); «твердый, непреклонный, не знающий снисходительности к себе и другим» (БТС). В действительности СУРОВЫЙ ЛЮБОВНИК – это блеск спокойного розового цвета.

Согласно отзывам покупателей, краситель ВЕРХ СОВЕРШЕНСТВА имеет светло-розовый цвет. Результаты эксперимента не соответствуют объективной информации: респонденты указывают белый (*цвет одежды Иисуса, стерильный, идеальный цвет – «не придерешься»*) и золотой (*как медаль, цвет идеального металла*, упоминается русская пословица *Слово – серебро, а молчание – золото*, а также отмечается, что *«верх совершенства» не имеет цвета*).

Словосочетание ГЛАМУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ассоциируется с розовым цветом, который закрепился в сознании носителей русского языка как роскошный, шикарный, модный благодаря сложившимся стереотипным представлениям. Информанты так объяснили свой выбор: *цвет гламура; мода; вспомните Зверева...* (Сергей Зверев – российский шоумен, стилист); *кукла Барби; шик*. Кроме этого, стимул ГЛАМУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ассоциируется с красным цветом и *красной помадой*. Потребители же в свою очередь описывают цвет красителя как нюдово-бежевый. Слово *нюд* (с англ. *nude* – обнаженный) недавно вошло в активное употребление и означает «в косметической индустрии цвет близкий к натуральному тону кожи» (ССЯ).

Цвет красителя для губ СЛАДКИЙ ДУРМАН покупатели характеризуют как амарантовый. Амарантом называют «грязно-красноватую древесину, которая под влиянием света и воздуха приобретает красновато-фиолетовый тон» (БСЭ). Данные эксперимента показывают, что такое рекламное имя может принадлежать розовому красителю, так как ассоциируется с *цветом сладости, сладкой ваты, весенним цветущим садом, фруктом дуриан* (возможно, присутствие фонетического созвучия *дурман – дуриан*) и состоянием, когда человек пребывает в *розовых*

очках. Ср.: «смотреть сквозь розовые очки, то есть представлять все в приятном виде, смотреть на все жизнерадостно, не замечая плохого» (ТСО).

Слово-стимул ДИВНЫЙ ПИОН ассоциируется у испытуемых с розовым цветом (*традиционный для пиона цвет, приторный цвет*); с красным и фиолетовым цветом – в младшей возрастной группе и с бордовым цветом – в старшей группе. Прилагательное *дивный* – «вызывающий удивление, поразительный, восхитительный» (БТС) – в составе товарного знака придает ему некую образность. Потребители красителя для губ ДИВНЫЙ ПИОН указывают, что данный краситель имеет коричнево-бежевый цвет.

Бежевый цвет испытуемые ассоциируют с красителем НЕЖНЫЙ КАШЕМИР. Они полагают, что это оттенок нежного цвета: *это цвет уюта, тепла, цвет плюшевого мишки*; он является *спокойным и благородным*. Полагаем, что оттенки бежевого можно найти и в других реакциях: *кремовый, телесный, персиковый*. Информанты старшей возрастной группы ассоциируют этот тон с розовым цветом, который у них вызывает связь с *женственностью, с элегантным классическим стилем*. Покупатели же указывают, что эта помада имеет темно-красный цвет.

Заключение

Всякое рекламное имя, в том числе наименование красителя косметического товара, является коммуникативным, так как заключает в себе некое сообщение, несущее (порой имплицитно) информацию о цвете. Сведения, которые извлекает из коммуникации и которые одновременно воспринимает и осознает потребитель товара, должны быть понятны, а образы узнаваемы. Они могут производить глубокое впечатление на покупателя: затрагивать его переживания, личные чувства или вызывать желаемую психоэмоциональную реакцию. Таким образом, номинатор достигает коммуникативного эффекта, который способствует приобретению этого товара. Очевидно, поэтому в названиях красителей для губ используются имена прилагательные, имеющие образное значение (*завораживающий, дивный, страстный* и др.) и вызывающие

яркую и насыщенную эмоциональную реакцию, что способно привлечь адресатов-женщин. При выпуске косметической продукции для женщин номинатор, как правило, учитывает их психологические особенности. Для сравнения: названия красителей для волос для мужчин содержат точное указание на оттенок цвета (например, русый, каштановый), дополнительная образная информация при этом отсутствует.

Основываясь на результатах эксперимента, предлагаем следующие критерии «эффективности» рекламного имени: оно должно легко запоминаться, вызывать положительные ассоциации, быть понятным потребителям, иметь эмоционально-оценочную коннотацию, которая способна апеллировать к эмоциям адресата, его ценностям и повседневным интересам.

Очевидно, что для потребителей французского рынка словесные товарные знаки красителей для волос, образованные от топонимов, имеют ценностно значимую культурную информацию, которая воспринимается носителями русского языка не так, как заявляет иностранный производитель (только два названия российские респонденты верно соотнесли с оттенком). Переход имени собственного из одного разряда ономастической лексики в другой (из топонима в рекламное имя), его семантический заряд, включенный в фоновую составляющую семантики, оказались не вполне удачными для товаров, ориентированных на российский рынок. Дополнительное вновь обретенное значение не актуализировалось в сознании российских потребителей, оно не соответствует комплексу их знаний о мире. Несомненно, прагматика рекламного имени не в полном объеме совпадает с коммуникативным намерением номинатора. Полагаем, что подобные рекламные имена целесообразно адаптировать под запросы этнокультурных соответствий менталитета потребителей, так как эти особенности важно учитывать при успешном осуществлении речевого взаимодействия продавца (номинатора) – покупателя. При этом следует избегать дословного перевода. Адаптировать подобные имена возможно путем подбора фоновой лексики для верного отображения соотношения «цвет → назва-

ние», при этом важно учитывать не только значение ментального лексикона, но и подвижность границ для сохранения соответствия выбранной речевой стратегии. Таким образом, изучение восприятия потребителей, проведение психолингвистических опросов с последующим осуществлением лингвистического анализа, который будет выявлять степень информативности словесных товарных знаков, становятся весьма значимыми.

Именно лингвопрагматический потенциал рекламного имени является результатом тщательного отбора содержания сообщения, которое стремится передать номинатор. При этом важно учитывать и способы его вербального выражения, когда требуется правильно отобразить лексические единицы, которые должны обладать не только предметно-логическим, но и коннотативным значением, чтобы установить очевидные смысловые связи между товаром и его номинацией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Врублёвская О. В., 2015. Современность как основной критерий модного прагматонима // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». № 1 (35). С. 56–59.
- Глухова О. В., 2008. Словесный товарный знак: апеллатив или онома // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 76-1. С. 106–111.
- Горяев С. О., Бугешу А., 2018. Коммерческое имя в мировой ономастике: современное состояние // Коммуникативные исследования. № 3 (17). С. 276–290. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.3.276-290.
- Евсюкова Т. В., 2014. Репрезентация концептосферы русской культуры в словесных товарных знаках // Язык и коммуникация в контексте культуры : материалы V Всерос. науч.-практ. конф. (Ростов-на-Дону, 28 апр. 2014 г.). Ростов н/Д : Ростов. гос. экон. ун-т «РИНХ». С. 9–11.
- Евсюкова Т. В., 2017. Проблема омонимии имен собственных и имен нарицательных в речевых наименованиях // Научный журнал КубГАУ. № 132 (8). URL: <http://ej.kubagro.ru/2017/08/pdf/70.pdf> (дата обращения: 15.04.2019). DOI: 10.21515/1990-4665-132-070.
- Ермакова Л. Р., 2015. К вопросу об употреблении прагматонимов в рекламных текстах // Науч-

- ные ведомости. Серия: Гуманитарные науки. № 24 (221), вып. 28. С. 100–103.
- Кайгородова И. Н., Курбанова М. Г., 2012. К вопросу о функции языкового воздействия эргонимов // Гуманитарные исследования. Журнал фундаментальных и прикладных исследований. № 1 (41). С. 25–29.
- Карасик В. И., 2015. Самопрезентация в рекламном дискурсе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. № 4 (20). С. 32–43.
- Криницкая М. Ю., Ковалёва Т. В., 2018. Словацетообозначения в русском языке (на примере наименований косметических товаров) // Балтийский гуманитарный журнал. Т. 7, № 2 (23). С. 48–52.
- Крюкова И. В., 2004. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности : монография. Волгоград : Перемена. 288 с.
- Крюкова И. В., 2011. Прагматика онима: направления исследования и методика анализа // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия: Филологические науки. № 8 (62). С. 139–142.
- Курбанова М. Г., 2012. Эргонимы современного русского языка в коммуникативно-прагматическом аспекте // Гуманитарные исследования: журнал фундаментальных и прикладных исследований. № 1 (41). С. 29–35.
- Мордвинова Н. Г., 2015. Морфолого-синтаксическая характеристика словесных товарных знаков алкогольной продукции // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 13 дек. 2015 г.). Чебоксары : Центр науч. сотрудничества «Интерактив плюс». С. 261–262.
- Новичихина М. Е., 2003. Коммерческая номинация : монография. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та. 192 с.
- Романова Т. П., 2014. Рекламное именование как инструмент рекламной коммуникации // Активные процессы в социальной и массовой коммуникации. Ярославль : Яросл. гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского. С. 30–54.
- Соболева Т. А., Суперанская А. В., 1986. Товарные знаки. М. : Наука. 176 с.
- Стадильская Н. А., 2007. Ассоциативная основа воздействующей функции эффективных товарных знаков // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Филология. № 4. С. 82–87.
- Яковлева О. Е., 2006. Коммерческая номинация в рамках дифференцированного семиотического подхода // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 5, вып. 2. С. 96–103.
- СЛОВАРИ**
- БСЭ* – Большая советская энциклопедия. URL: <https://gufo.me/dict/bse> (дата обращения: 25.04.2019).
- БТС* – Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб. : Норинт, 2008. 1536 с. URL: <http://enc-dic.com/kuznecov> (дата обращения: 25.04.2019).
- Подольская* – Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М. : Наука, 1988. 192 с.
- ССРЯ* – Словарь синонимов русского языка / под ред. З. Е. Александровой. М. : Мир и Образование, 2019. 816 с. URL: <https://gufo.me/dict/synonyms> (дата обращения: 25.04.2019).
- ССЯ* – Словарь современного языка Myslang. URL: <http://myslang.ru/> (дата обращения: 29.04.2019).
- ТСЕ* – Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2 т. М. : Рус. яз., 2001. 2310 с. URL: <http://www.efremova.info/> (дата обращения: 26.04.2019).
- ТСО* – Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М. : Мир и Образование, 2018. 736 с. URL: <http://slovariki.org/tolkovyj-clovar-ozegova> (дата обращения: 25.04.2019).
- ТСУ* – Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка. М. : Дом слав. кн., 2014. 960 с. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov> (дата обращения: 25.04.2019).
- REFERENCES**
- Vrubljovskaja O.V., 2015. *Sovremennost' kak osnovnoj kriterij modnogo pragmatonima [Modernity as the main criterion of fashionable pragmatonym]. Jelektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal VGSPU Grani Poznaniya*, no. 1 (35), pp. 56-59.
- Gluhova O.V., 2008. *Slovesnyj tovarnyj znak: apelljativ ili onoma [Word trademark: appellative or onym]. Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. A.I. Gercena*, no. 76-1, pp. 106-111.
- Gorjaev S.O., Bugeshu A., 2018. The commercial name in world onomastics: modern status. *Communication Studies*, no. 3 (17), pp. 276-290. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.3.276-290.
- Evsjukova T.V., 2014. *Reprezentacija konceptosfery russkoj kul'tury v slovesnyh tovarnyh znakah [Representation of the Russian culture sphere of concepts in verbal trademarks]. Jazyk i kommunikacija v kontekste kul'tury: materialy V serossijskoj nauchno-praktičeskoj konferencii [Language and communication in the*

- context of culture: materials of the 5th All-Russian scientific and practical Conf.]. Rostov-on-Don, Rostovskiy gosudarstvennyy ekonomicheskij universitet «RINKh», pp. 9-11.
- Evsjukova T.V., 2017. The problem of homonymy of proper nouns and common nouns in individual speech nominations. *Scientific Journal of KubSAU*, no. 132 (8). Available at: <http://ej.kubagro.ru/2017/08/pdf/70.pdf> (Accessed: 15 April 2019). DOI: 10.21515/1990-4665-132-070.
- Ermakova L.R., 2015. K voprosu ob upotreblenii pragmatonimov v reklamnyh tekstah [To the question about the use of pragmatonyms in advertising texts]. *Nauchnye vedomosti. Serija Gumanitarnye nauki*, no. 24 (221), is. 28, pp. 100-103.
- Kajgorodova I.N., Kurbanova M.G., 2012. K voprosu o funkcii jazykovogo vozdejstvija jergonimov [On the question of the language function of ergonyms]. *Gumanitarnye issledovanija: zhurnal fundamental'nyh i prikladnyh issledovanij*, no. 1 (41), pp. 25-29.
- Karasik V.I., 2015. Samoprezentacija v reklamnom diskurse [Self-presentation in advertising discourse]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*, no. 4 (20), pp. 32-43.
- Krinickaja M.Ju., Kovaljova T.V., 2018. Slova-cvetooboznachenija v ruskom jazyke (na primere naimenovaniy kosmeticheskikh tovarov) [The colour names in Russian (the case of names of cosmetic goods)]. *Baltijskij gumanitarnyj zhurnal*, vol. 7, no. 2 (23), pp. 48-52.
- Krjukova I.V., 2004. *Reklamnoe imja: ot izobretenija do precedentnosti* [Advertising name: from invention to precedent]. Volgograd, Peremena Publ., 288 p.
- Krjukova I.V., 2011. Pragmatika onima: napravlenija issledovanija i metodika analiza [Pragmatics of onym: area of research and analysis methods]. *Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Serija Filologicheskie nauki*, no. 8 (62), pp. 139-142.
- Kurbanova M.G., 2012. Jergonimy sovremennogo russkogo jazyka v kommunikativno-pragmaticheskom aspekte [Ergonyms of the modern Russian language in the communicative-pragmatic aspect]. *Gumanitarnye issledovanija: zhurnal fundamental'nyh i prikladnyh issledovanij*, no. 1 (41), pp. 29-35.
- Mordvinova N.G., 2015. Morfoloogo-sintaksicheskaja karakteristika slovesnyh tovarnyh znakov alkogol'noj produkcii [Morphological and syntactic characteristics of the word trademarks of alcoholic beverages]. *Nauka, obrazovanie, obshhestvo: tendencii i perspektivy razvitija: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Science, education,
- society: trends and development prospects: materials of the Int. scientific and practical Conf.]. Cheboksary, Tsentr nauchnogo sotrudnichestva «Interaktiv plus», pp. 261-262.
- Novichihina M.E., 2003. *Kommercheskaja nominacija* [Commercial nomination]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 192 p.
- Romanova T.P., 2014. Reklamnoe imenovanie kak instrument reklamnoj kommunikacii [Advertising naming as a tool for advertising communication]. *Aktivnye processy v social'noj i massovoj kommunikacii* [Active processes in social and mass communication]. Yaroslavl, Yaroslavl State Pedagogical University Publ., pp. 30-54.
- Podol'skaja N.V., 1988. *Slovar' russkoj onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. Moscow, Nauka Publ., 192 p.
- Soboleva T.A., Superanskaja A.V. *Tovarnye znaki* [Trademarks]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 176 p.
- Stadul'skaja N.A., 2007. Associativnaja osnova vozdeystvujushhej funkcii jeffektivnyh tovarnyh znakov [The associative basis of the effective function of effective trademarks]. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki. Filologija*, no. 4, pp. 82-87.
- Jakovleva O.E., 2006. Kommercheskaja nominacija v ramkah differencirovannogo semioticheskogo podhoda [Commercial nomination in the framework of a differentiated semiotic approach]. *Vestnik NGU. Serija Istorija, filologija*, vol. 5, is. 2, pp. 96-103.

DICTIONARIES

- Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija* [Big Soviet Encyclopedia]. Available at: <https://gufo.me/dict/bse> (accessed 25 April 2019).
- Kuznecov S.A., ed. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka* [Big Explanatory Russian Dictionary]. St. Petersburg, Norint Publ, 2008. 1536 p. Available at: <http://enc-dic.com/kuznecov> (accessed 25 April 2019).
- Podol'skaja N.V. *Slovar' russkoj onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 192 p.
- Aleksandrova Z.E., ed. *Slovar' sinonimov russkogo jazyka* [Dictionary of Russian Synonyms]. Moscow, Word and Education Publ., 2019. 816 p. Available at: <https://gufo.me/dict/synonyms> (accessed 25 April 2019).
- Slovar' sovremennogo jazyka Myslang* [Dictionary of Modern Language Myslang]. Available at: <http://myslang.ru/> (accessed 29 April 2019).

Efremova T.F. *Novyj slovar' russkogo jazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj. V 2-h tt* [New Russian Dictionary. Interpretation and Word-building]. Moscow, Russian Language Publ., 2001. 2310 p. Available at: <http://www.efremova.info/> (accessed 26 April 2019).

Ozhegov S.I. *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka* [Explanatory Russian Dictionary]. Moscow,

Word and Education Publ., 2018. 736 p. Available at: <http://slovariki.org/tolkovyj-clovar-ozegova> (accessed 25 April 2019).

Ushakov D.N. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka* [Big Explanatory Russian Dictionary]. Moscow, House of Slavic books Publ., 2014. 960 p. Available at: <https://gufo.me/dict/ushakov> (accessed 25 April 2019).

Information About the Author

Marina Yu. Krinitskaya, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Russian Language, Vladivostok State University of Economics and Service, Gogolya St, 41, 690014 Vladivostok, Russia, Marina.Krinitskaya@vvsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7265-1932>

Информация об авторе

Марина Юрьевна Криницкая, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, ул. Гоголя, 41, 690014 г. Владивосток, Россия, Marina.Krinitskaya@vvsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7265-1932>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.13>

UDC 81'42:655.3.066.12
LBC 81.055.51.5

Submitted: 22.08.2019
Accepted: 25.05.2020

UNIFIED IMAGE OF THE SOVIET WOMAN IN WARTIME NEWSPAPER DISCOURSE MARKERS

Valery M. Amirov

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Abstract. The purpose of the article is to study the system of lexical markers, characteristic of female image formation in the Soviet media of the Great Patriotic War period. Critical discourse analysis method is applied to investigating the leading Soviet newspapers publications devoted to the role of women in the Great Patriotic War. In total over 300 publications issued during 1941–1943 were selected for analysis according to keywords and thematic relevance. The system of lexical markers, comprising the unified female image creation ways, is defined and analyzed. Ideology domination and militarization are noted to have been essential for unified image formation in the Soviet newspaper discourse of the Great Patriotic War period. The paper reveals the markers that reflect the dynamics of female image transformation: from a rear toiler replacing the man who had left for the front in the first period, to the soldier, the woman capable of taking the place of the fallen fighter in next war period. Classification and description of the markers are presented. The author points out, that the unified image is viewed as the ‘image-function’ deprived of characteristic female features, traditionally represented in journalistic texts. A conclusion is drawn upon designing the unified ‘image-function’: it was worked out only pursuing propaganda goals, with the main one – mobilization of women on fight against the enemy threatening the very existence of the state.

Key words: discourse analysis, newspaper discourse, discourse marker, image, ideologization, militarization.

Citation. Amirov V.M. Unified Image of the Soviet Woman in Wartime Newspaper Discourse Markers. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 5, pp. 145-154. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.13>

УДК 81'42:655.3.066.12
ББК 81.055.51.5

Дата поступления статьи: 22.08.2019
Дата принятия статьи: 25.05.2020

УНИФИЦИРОВАННЫЙ ОБРАЗ СОВЕТСКОЙ ЖЕНЩИНЫ В СИСТЕМЕ МАРКЕРОВ ГАЗЕТНОГО ДИСКУРСА ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Валерий Михайлович Амиров

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Россия

Аннотация. В статье на основе метода критического дискурс-анализа исследуются публикации центральных советских газет, посвященные роли женщин в Великой Отечественной войне. Всего к анализу привлечено более 300 номеров за 1941–1943 гг., из которых по ключевым словам и тематической отнесенности отобран материал для изучения. Определен и проанализирован инструментарий создания унифицированного образа женщины – система лексических маркеров. Выявлено, что в советском газетном дискурсе периода Великой Отечественной войны унифицированный образ женщины создавался посредством его идеологизации и милитаризации. Показана его динамика: в публикациях начального этапа войны доминируют маркеры, способствующие созданию образа женщины – труженицы тыла, заменившей мужчину, ушедшего на фронт, в публикациях последующих этапов доминируют маркеры, способствующие созданию образа женщины-солдата, заменившей мужчину, погибшего на поле боя. Установлено, что унифицированный образ представляет собой образ-функцию: он лишен традиционно репрезентируемых в журналистских текстах женских черт. Делается вывод о том, что конструирование унифицированного образа-функции осуществлялось

исключительно для решения пропагандистских задач, главная из которых – мобилизация женщин на борьбу с врагом, угрожающим самому существованию государства.

Ключевые слова: дискурс-анализ, газетный дискурс, маркер дискурса, образ, идеологизация, милитаризация.

Цитирование. Амиров В. М. Унифицированный образ советской женщины в системе маркеров газетного дискурса военного времени // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 5. – С. 145–154. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.13>

Введение

Непрерывно растущее количество публикаций СМИ, посвященных проблематике современных военных конфликтов, актуализирует задачу изучения газетного дискурса Великой Отечественной войны. Его особенностью является детерминированность идеологическими концептами, а также тем обстоятельством, что перед газетами, находившимися под строгим партийно-политическим контролем, стояла задача информационного обеспечения успешного противостояния Красной армии немецко-фашистской военной машине, угрожавшей самому существованию советского государства.

Одним из показателей предельной мобилизации Советским Союзом сил для борьбы с фашизмом является привлечение к фактически ненормированному труду на производстве и к непосредственному участию в боевых действиях женщин. Агитация, обращенная к женщинам, которых руководство страны зовет на заводы, фабрики, в шахты и на поля, а позднее и на фронт, – важнейшая часть газетного дискурса.

Материал и методы исследования

В работе анализируются публикации в ведущих советских газетах 1941 г. (начальный период войны) и 1943 г. (стратегический перелом в ходе боевых действий) для выявления политических маркеров, фиксирующих роль женщин в достижении победы над грозным врагом. Всего изучено более 300 номеров газет «Красная Звезда», «Правда» и «Комсомольская правда», из которых по ключевым словам и тематической отнесенности отобраны публикации, посвященные женщинам на войне. Показательны заголовки этих публикаций: «Девушки, вас ждут заводы!», «Анна Лаптева и ее подруги», «Марина Абрамова», «Жен-

щины на партийной работе», «Стахановские дела творцов оружия – Антонины Тихоновой и ее подруг», «Славные дела советских патриотов», «Девушки, на производство!», «Советская женщина – великая сила», «Фашизм – злейший враг женщин. Смерть фашизму!», «Учительница из Жашкова», «Письма Наташи Ковшовой» и мн. др.

Исследование базируется на принципах критического дискурс-анализа, модель которого была впервые предложена философом Мишелем Фуко. В соответствии с его концепцией дискурс – это «совокупность высказываний, принадлежащих к одной и той же системе формаций» [Фуко, 1996, с. 108], то есть конкретному историческому периоду или какому-то социуму. В качестве ключевых элементов, определяющих дискурс по Фуко, исследователи выделяют идентичность, субъективность, дискурсивное событие, дискурсивные практики, дискурсивные формации и т. д. [Савельева, 2015, с. 93].

Развивая идеи М.Фуко, Р. Водак предложила в ряде своих работ дискурсивно-исторический подход, который позволяет рассматривать дискурс с учетом социального, политического, исторического аспектов (см.: [Wodak, 2015]). Об этом же пишут и многие российские ученые, например В. Чернявская, указывающая на то, что смысл дискурс-анализа заключается в соотношении текста «с экстралингвистическим фоном, со спецификой коммуникативной ситуации, социокультурными, историческими, этническими и прочими факторами» [Чернявская, 2017, с. 84–85].

В ряде работ, посвященных проблематике освещения вооруженных конфликтов в СМИ, отмечается резкое усиление в такие периоды контроля за медиа со стороны государства. В частности, Н.С. Авдониная пишет о том, что «посредством СМИ происходит внедрение в массовое сознание необходимых

идеологических клише» [Авдони́на, 2012, с. 17]. Ключевую важность СМИ как «информационного оружия» подчеркивает Д.В. Соколова, которая указывает на то, что «в условиях вооруженных столкновений СМИ не просто информируют аудиторию о происходящих событиях, роль медиа значительно трансформируется, и в некотором смысле СМИ становятся одной из сторон конфликта, используя потенциал информационного оружия» [Соколова, 2019, с.187].

Американским исследователем Дж. Лаккоффом была выделена когнитивная модель «сказки о справедливой войне», в которой герой вынужден противостоять агрессору, совершающему преступление, защищая или себя или жертву [Lakoff, 1991]. Эта модель обсуждалась в публикациях многих российских ученых, среди которых Э.В. Будаев, констатирующий следующее: «в рамках риторического направления политической лингвистики было показано, что в основе конструируемой в политическом дискурсе “Сказки о справедливой войне” лежит необходимость в морализации конфронтации» [Будаев, 2007, с. 19].

Публикации периода Великой Отечественной войны опираются именно на образ справедливой, праведной войны, на что обращают внимание в своем исследовании Л.А. Бурганова и П.А. Корнилов, подчеркивая, что такой образ является одним из самых популярных в пропаганде. При этом «образ войны включен в образ мира и, в свою очередь, распадается на множество субобразов» [Бурганова, Корнилов, 2003, с. 56], в качестве которых, согласно мысли авторов, могут быть образы солдата, офицера, военачальника, труженика тыла и т. д.

Анализируя особенности работы СМИ в период вооруженных конфликтов, А.И. Ломовцев указывает, что «типичными приемами СМИ в годы войны были: героизация реального поступка; унификация, универсализация и художественная реализация героического образа; создание собирательного образа врага; иерархичность и избирательность героических образов» [Ломовцев, 2002, с. 4].

Для выявления особенностей конструирования образа женщины в военном газетном дискурсе важно также понятие медиатизации. Термин был введен российскими исследовате-

лями. Он означает выход информации того или иного содержания в главные темы медиаповестки. В годы Великой Отечественной войны такой информацией стали сведения о военных событиях. Военная информация не просто доминирует в газетном дискурсе, но и определяет психологию всего общества. Такое доминирование Н.Н. Борщева и О.А. Постникова называют «массмедийным насилием» [Борщева, Постникова, 2016, с. 23].

Исследуя публикации в советских газетах периода Великой Отечественной войны, мы можем говорить об изучении газетного дискурса, поскольку ограничиваемся четко очерченными временным отрезком, анализируем особую совокупность высказываний с учетом политического и идеологического контекста военного времени.

Одной из важнейших черт этого дискурса является обращение журналистов военного периода к образу женщины, поскольку представительницы прекрасного пола заменили мужчин у станков, в шахтах, на полях и участвовали в боевых действиях на фронтах Великой Отечественной войны. Образ женщины при наличии константных черт претерпевает трансформации, определяемые положением дел, складывающимся на передовой.

Особенности женского военного образа в настоящее время составляют предмет исследований представителей многих гуманитарных наук. В частности, о смене гендерных стереотипов в публикациях о войне пишет К.В. Игаева, полагая, что инверсия гендерных ролей была вызвана военной необходимостью разделения обязанностей, которые традиционно воспринимались как мужские [Игаева, 2018, с. 249].

Проблематика трансформации образа героя в журналистских произведениях под влиянием складывающихся обстоятельств достаточно хорошо изучена в теории журналистики. Так, Е.В. Зеленина указывает на то, что отражение определенной эпохи, социальной среды – это необходимый фон, сопутствующий человеку, о судьбе которого говорит журналист в материале. При этом «образ не описывает всего богатства характеристик объекта, так как сам оригинал намного глубже и шире. На уровне чувств образ – это ощущение, восприятие, представление, а в плане

логического мышления – понятие, суждение, умозаключение» [Зеленина, 2014, с. 34].

Опираясь на представленные исследования, рассмотрим тексты советских газет военного периода в аспекте создания образа женщины.

Результаты и обсуждение

Образ, формируемый публикациями газет военного периода, является унифицированным, то есть представляет всех женщин Советского Союза, вне зависимости от их социального статуса, уровня образованности, этнонациональной принадлежности и т. д.

Кроме того, можно утверждать, что речь идет также о конструировании унифицированного образа-функции: женщины – труженицы тыла и женщины-солдата. Образ-функция принципиально отличается от публицистического образа, создаваемого в журналистском тексте тем, что не содержит или почти не содержит каких-то индивидуальных черт, присущих конкретному персонажу публикации: внешних характеристик, особенностей внутреннего мира и др. Задача конструирования такого образа в публикациях военного времени решается посредством идеологизации и милитаризации, максимального упрощения характера героя, сведения его к набору идеологических функций, использования языковых клише.

Конструирование унифицированного образа-функции, хотя и осуществляется в журналистских текстах, имеет сугубо пропагандистскую цель – в условиях нехватки мужчин, направленных в воюющую армию, мобилизовать женщин на борьбу с врагом и на предприятиях, выпускающих военную продукцию, и непосредственно на фронтах. Следовательно, газетный дискурс в условиях монополии государства на средства массовой информации в значительной степени является пропагандистским, большое влияние на него оказывает критическая ситуация, складывающаяся в войне.

Унифицированный образ-функция создается в советском военном газетном дискурсе с использованием инструментария идеологизации и милитаризации. Охарактеризуем каждый из этих инструментов.

Идеологизация образа

Образ представляется в публикациях газет «Комсомольская правда», «Правда» и «Красная Звезда» идеологизированным, что определяется маркерами *комсомолка*, *советская* и *патриотка*:

(1) ...Сотни тысяч **патриоток** нашли ту или иную форму своего участия в Отечественной войне (Советская женщина – великая сила // Правда. 1941. 8 окт.);

(2) ...**Советские патриотки** должны давать отпор малейшим вражеским вылазкам (Советская женщина – великая сила // Правда. 1941. 8 окт.);

(3) ...Судьбы **советской** женщины и ее детей неразрывно связаны с судьбами **советской** страны (Советская женщина – великая сила // Правда. 1941. 8 окт.).

Патриотизм, в соответствии с публикациями газет того времени, поддерживает силы работающих для фронта женщин и позволяет им добиваться невиданно высоких трудовых результатов, которые не могли быть достигнуты без мобилизующего патриотического начала:

(4) В годы войны с удесятеренной силой проявился патриотизм славных советских женщин (Карпова Н. Женщины на партийной работе // Правда. 1941. 10 окт.);

(5) ...Советские патриотки заменили здесь мужчин, ушедших на фронт, показывают замечательные образцы в работе, добиваются не только выполнения, но и перевыполнения плана (Васильева А. Славные дела советских патриоток // Правда. 1941. 23 окт.).

Идеологизации образа способствует характеристика женщин посредством маркера партийности – *комсомолка*:

(6) **Комсомолка** считала своим долгом рассказать населению района о докладе товарища Сталина (Верная дочь советского народа – Лиза Чайкина // Комсомольская правда. 1941. 30 дек.).

Строго говоря, комсомол не являлся партией, однако эта общественная организация называлась «ленинским коммунистическим союзом молодежи», работала под организационным и идейным руководством коммунистической партии и рассматривалась как ее ближайший кадровый резерв.

Маркер партийности актуализирует такую черту женщины, как преданность делу коммунистической партии и ее вождя:

(7) Четырнадцать селений обошла Лиза, разнося слова сталинской правды, вселяя надежду в наших людей, словно набатным колоколом поднимая их на борьбу за родную Отчизну (Верная дочь советского народа – Лиза Чайкина // Комсомольская правда. 1941. 30 дек.).

Практического значения поступок героини, судя по тексту, не имел, однако показывал вдохновенность девочки-подростка услышанными и прочитанными словами вождя и готовность к большим и самоотверженным усилиям для передачи смысла и духа этих слов.

Родина ассоциируется в публикациях не с семьей, родственниками и близкими, знакомыми с детства местами, а с партийным правительством и личностью руководителя страны:

(8) Храбрая дочь Родины Марина Раскова отвечала на эту заботу и ласковое, отеческое внимание вождя беспредельной преданностью Родине, партии, Сталину. Она работала над укреплением мощи военно-воздушных сил, не зная усталости (Памяти Героя Советского Союза Марины Расковой // Комсомольская правда. 1943. 9 янв.).

Образ героини упрощается, теряет глубину, женственность и эмоциональную основу, становясь образом-функцией: женщина представляется как живущая долгом и ожиданием возможности совершить подвиг. Такой образ является милитарным – это образ солдата, лишённого индивидуальных черт, личных переживаний и готового к любым лишениям и даже смерти за идею.

Дискурс фиксирует активное применение средствами массовой информации маркера *советская*, призванного подчеркнуть особенность советских женщин в их отношении к труду и обороне страны, высоту моральных качеств и твердость духа:

(9) Наш долг, долг **советских** женщин, – заменить их (отцов и братьев. – В. А.) у станков и дать им столько вооружения и боеприпасов, сколько требуется для разгрома врага (Девушки, на производство! // Комсомольская правда. 1941. 12 нояб.).

Идеологизация образа в газетном дискурсе военного времени осуществляется также

посредством маркера *патриотка*, при этом во многих текстах он используется наряду с двумя другими маркерами – *комсомолка* и *советская*:

(10) Лучшие **патриотки** доказали, что советской девушке, воспитаннице большевистской партии, всякая работа по плечу (Девушки, вас ждут заводы! // Комсомольская правда. 1941. 14 нояб.).

Выстраивается линия взаимосвязанных маркеров: *патриотка* – *советская* – *комсомолка* (*член молодой гвардии / большевистской партии*).

Идеологические маркеры пронизывают публикации советских газет всего военного периода, практически не претерпевая изменений. Они константны. Мы можем видеть их в газетных материалах и победного 1945 года. При этом образ женщины – участницы трагических событий войны – трансформируется. Если в начале Великой Отечественной войны (1941 г.) в публикациях актуализируется образ женщины-труженицы, которая работает в цеху и в поле для фронта вместо мужчин, то в более поздних материалах (1943 г.) – образ женщины-солдата.

Милитаризация образа

Выделим несколько черт такого коллективного публицистического образа, создаваемого СМИ в 1941 году. В первую очередь отметим акцентирование газетных публикаций на формировании патриотического порыва, способствующего массовому приходу женщин на производство вместо мобилизованных в армию мужчин:

(11) Святая обязанность каждой патриотки работать в тылу так, чтобы фронт ни в чем не знал недостатка (Девушки, вас ждут заводы! // Комсомольская правда. 1941. 14 нояб.).

Особо подчеркивается добровольность патриотического трудового выбора. Условия такого труда крайне тяжелы, и в материалах акцентируется внимание на самоотверженности женщин, героической составляющей их труда, имеющего прямое отношение к обороне:

(12) Женщина помогает фронту, женщина – крепкий тыл (Советская женщина – великая сила // Правда. 1941. 8 окт.);

(13) ...Нет буквально такого участка в производственной и общественной жизни, где советские патриотки не смогли бы заменить ушедшего на фронт бойца (Карпова Н. Женщина на партийной работе // Правда. 1941. 10 окт.).

Одновременно в текстах отражена широта вовлечения представительниц прекрасного пола в такую работу:

(14) Сотни тысяч девушек уже нашли свое место в боевом строю народа. Они заменили своих отцов и братьев на шахтах, у станков, у буровых скважин (Девушки, вас ждут заводы! // Комсомольская правда. 1941. 14 нояб.).

Однако только производственными задачами использование женского труда не ограничивалось. Кроме работы на заводах, советская женщина героически выполняла значительные вспомогательные военные функции, в том числе и связанные с опасностью для жизни:

(15) ...Они проявляют себя в санитарных дружинах, отрядах медицинских сестер, поваров, в организации противовоздушной обороны (Советская женщина – великая сила // Правда. 1941. 8 окт.).

Несмотря на огромное напряжение на фронте, в публикациях 1941 г. не обнаружено свидетельств о значительной мобилизации женщин для выполнения боевых задач. Факты участия женщин в сражениях единичны, количество женщин в шинелях ничтожно мало по сравнению с количеством привлекаемых на предприятия.

Такие публикации появляются в советских газетах несколько позже, начиная с 1943 года. Когда потери на фронтах стали столь велики, что понадобилось заменять уже не только мужчин-рабочих, но и мужчин-солдат. Газетный дискурс отражает ситуативные изменения – к идеологизированному образу добавляются новые мотивирующие элементы. Среди них добровольный отказ от образа жизни, характерного для женщины того времени, во имя выполнения патриотического долга по защите Отечества:

(16) Послушайте рассказ о 19-летней советской девушки, которая пришла на фронт, сменив иглу белошвейки на автомат бойца... С тех пор не раз ходила она в разведку, выполняя ответственные задания (Корольков Ю. Комсомолка Володя Рыбинский // Комсомольская правда. 1941. 26 дек.).

В газетных публикациях конструируется образ женщины, уничтожающей врага:

(17) Доблестная защитница Севастополя снайпер Людмила Павлюченко уничтожила 309 немцев (Мишакова О. Советская женщина в Великой Отечественной войне // Комсомольская правда. 1943. 8 марта);

(18) Капитан гвардии, дважды орденносец Вера Крылова – отличный автоматчик, пулеметчик, истребитель танков (Мишакова О. Советская женщина в Великой Отечественной войне // Комсомольская правда. 1943. 8 марта).

В описании боевых ситуаций, в которых участвуют женщины-воины, нет места колебаниям, сложным психологическим оценкам и нравственным терзаниям относительно противоестественности самого факта уничтожения людей, являющихся солдатами противника, сожаления об отнятых войной жизнях.

Образ женщины-солдата конструируется в публикациях советских газет военного периода параллельно с конструированием образа труженицы тыла, постепенно выдвигаясь на первый план и становясь главным. Быть труженицей тыла – почетно и правильно, но воевать на фронте – еще почетнее. Для конструирования образа женщины-солдата используются те же маркеры, что и при конструировании образа женщины-труженицы – *советская, патриотка, комсомолка*, но к ним добавляются еще и такие маркеры, которые характеризуют воина, бойца, например *отважная, храбрая и смелая*:

(19) Тысячи **смелых, отважных советских** женщин с оружием в руках встали на защиту Родины. Они овладевают искусством истреблять врага, упорно и настойчиво изучают оружие (Мишакова О. Советская женщина в Великой Отечественной войне // Комсомольская правда. 1943. 8 марта);

(20) Командование высоко оценило подвиг **советской патриотки**. Она была награждена орденом «Красной Звезды». **Храбрая** девушка вступила в ряды партии... Она погибла, как солдат в своем родном полку, с которым не раз ходила в атаку (Гвардии капитан Вольфсон. Дочь Латвии // Комсомольская правда. 1941. 15 апр.).

Активно применяется нетипичный для конструирования женского образа маркер *мужественная*, который способствует пониманию читателем того, что женщина выполняет

на фронте традиционно мужскую солдатскую функцию – уничтожение врага:

(21) Во многих боях участвовали девушки-снайперы. Они **мужественно** сражались, истребили десятки немцев, обучили целую группу молодых снайперов (Письма Наташи Ковшовой // Комсомольская правда. 1943. 23 мая).

При этом тексты публикаций концентрируют внимание на добровольности ухода женщин на фронт, их личном желании сражаться с фашистами. В материалах газет нет обращения к гражданам страны призыва отправляться в бой, но презентуются в качестве образца проявления патриотизма многочисленные примеры таких поступков:

(22) У Григория Григорьевича есть дочь – комсомолка Клавдия. Теперь она доброволец, боец противовоздушной обороны (Карташов А. Отец и дочь // Комсомольская правда. 1943. 30 мая).

Женщинами-солдатами гордятся их семьи, жители родных для них мест и трудовые коллективы, из которых они вышли:

(23) Жители деревни Великий Двор Тихвинского района Ленинградской области могут гордиться своей землячкой – отважным солдатом, умелым снайпером (Капитан Гюне Л. Чижик и ее подруги // Комсомольская правда. 1943. 1 июня);

(24) Как мать горжусь Тосей. Она честно выполняет мой материнский наказ – истреблять немецкую гадину (Капитан Гюне Л. Чижик и ее подруги // Комсомольская правда. 1943. 1 июня).

Желание противостоять гитлеровцам на поле боя, лицом к лицу с опасностью для женщин добровольное, но совершенно необходимое, это естественное проявление патриотического воспитания, любви к Родине.

Особого внимания требуют примеры использования журналистами газет фронтового периода при конструировании образа женщины-солдата маркера *жертвенность*. С его помощью фиксируется не только готовность советской женщины отдать жизнь для победы над врагом, но и презрение к смерти:

(25) В последнем своем бою Наташа Ковшова и Мария Полеванова оказались в окружении. Расстреляв весь запас патронов, отважные патриотки предпочли смерть позорному немецкому плену (Письма Наташи Ковшовой // Комсомольская правда. 1943. 23 мая).

Нужно констатировать, что жертвенность понимается в прямом значении – пожертвовать собой, отдать жизнь, умереть, а не в более привычном для образа женщины – жертвенность как материнство, через готовность пожертвовать своими интересами для ребенка, семьи, родных и близких. Жертвенность в журналистских текстах периода Великой Отечественной войны – это именно жертвенность солдата.

Отметим применение по отношению к женщинам, выполняющим боевые задачи в армейских подразделениях, военных терминов, определяющих армейские статус и специальности, – *боец, солдат, снайпер, пулеметчик, автоматчик, истребитель*. Это обстоятельство также указывает на унификацию образа и конструирование его как образа-функции. Образ воюющей женщины не нуждается в репрезентации «женских» черт, в нем нет места гуманистическим аспектам, эмоциям, обычно обязательно выраженным в «немилитарных» публикациях, создающих портрет женщины. Использование при конструировании образа женщины сугубо военной терминологии подчеркивает критичность ситуации, необходимость отказаться от любых проявлений женственности, от любых сомнений для сосредоточения на главной задаче – смертельной битве с врагом.

Выводы

Таким образом, можно констатировать, что образ женщины в газетном дискурсе периода Великой Отечественной войны создается в системе идеологизированных и милитаризированных маркеров. Описанные маркеры можно рассматривать как систему, поскольку они способствуют сакрализации единого медиапространства, формируют локации эталонных состояний для реализации единой цели – мобилизации женщин на борьбу с врагом через самоотверженный труд или непосредственное участие в боевых действиях. Этот образ является унифицированным, лишенным каких-то характерных для журналистских материалов «немилитарных» периодов индивидуальных черт. Задачей создателей унифицированного образа стала мобилизация женщин на трудовые, а затем и на боевые подвиги. Рассматриваемый образ представляет

собой не публицистический портрет, а образ-функцию с набором функциональных черт женщины, обеспечивающей производство в интересах фронта, и женщины-солдата.

Выявление идеологизированных и милитаризированных маркеров составляет важную научную задачу, актуализированную как обилием в современном российском медиапространстве журналистских текстов о войнах и боевых конфликтах последнего времени, наличием в них пропагандистских и мобилизационных концептов, так и обращением исследователей различных областей знания к теме Великой Отечественной войны в год 75-летия со дня ее окончания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авдолина Н. С., 2012. Журналистика и политика вооруженного конфликта: сравнительный анализ американской и отечественной прессы: дис. ... канд. полит. наук. СПб. 269 с.

Борщева Н. Н, Постникова О. А., 2016. Современная военная журналистика: тенденции развития и профессиональные стандарты // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. № 2. С. 23–25.

Будаев Э. В., 2007. Сказка о справедливой войне в средневековом политическом дискурсе // Политическая лингвистика. Вып. 3 (23). С. 19–22.

Бурганова Л. А., Корнилов П. А., 2003. Реконструирование структуры образа военного конфликта (по материалам СМИ) // Социологические исследования. № 6. С. 56–63.

Игаева К. В., 2018. Гендерные исследования «новых войн»: воспроизводство маскулинности или переосмысление представлений о мужестве // Социология власти. № 1. С. 245–251.

Зеленина Е. В., 2014. «Портрет героя»: ценностно-смысловые и творческие аспекты // Вопросы теории и практики журналистики. № 2. С. 33–52.

Ломовцев А. И., 2002. Средства массовой информации и их воздействие на массовое сознание в годы Великой Отечественной войны: на материалах Пензенской области : дис. ... канд. ист. наук. Пенза. 200 с.

Савельева Е. Б., 2015. О взглядах Мишеля Фуко на теорию дискурса // Вестник Московского института лингвистики № 2. С. 92–95.

Соколова Д. В., 2019. Медиатизация войн во Вьетнаме и Афганистане // Известия Уральского федерального университета. Серия 1, Проблемы

образования, науки и культуры. Т. 25. С. 187–189.

Фуко М., 1996. Археология знания. Киев : Ника-Центр. 208 с.

Чернявская В. Е., 2017. Операционализация контекста в дискурсивном анализе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Т. 9, вып. 4. С. 83–93. DOI: 10.17072/2037-6681-2017-4-83-93.

Lakoff G., 1991. Metaphor and War: The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf// VietNam Generation Journal & Newsletter. URL: http://www2.iath.virginia.edu/sixties/HTML_docs/Texts/Scholarly/Lakoff_Gulf_Metaphor_1.html (date of access: 10.04.2019).

Wodak R., 2015. The Politics of Fear: What Right-Wing Populist Discourses Mean. L. : Sage. 238 p.

ИСТОЧНИКИ

Антонова Ц., Кронгауз Р. Анна Лаптева и ее подруги // Комсомольская правда. 1941. 26 нояб.

Васильева А. Славные дела советских патриотов // Правда. 1941. 23 окт.

Верная дочь советского народа – Лиза Чайкина // Комсомольская правда. 1941. 30 дек.

Вольфсон. Дочь Латвии // Комсомольская правда. 1941. 15 апр.

Гвардии капитан Вольфсон. Дочь Латвии // Комсомольская правда. 1941. 15 апр.

Гюне Л. Чижик и ее подруги // Комсомольская правда. 1943. 1 июня.

Девушки, вас ждут заводы! // Комсомольская правда. 1941. 14 нояб.

Девушки, на производство! // Комсомольская правда. 1941. 12 нояб.

Капитан Гюне Л. Чижик и ее подруги // Комсомольская правда. 1943. 1 июня.

Карпова Н. Женщины на партийной работе // Правда. 1941. 10 окт.

Карташов А. Отец и дочь // Комсомольская правда. 1943. 30 мая.

Корольков Ю. Комсомолка Володя Рыбинский // Комсомольская правда. 1941. 26 дек.

Марина Абрамова // Комсомольская правда. 1941. 30 нояб.

Мишакова О. Советская женщина в Великой Отечественной войне // Комсомольская правда. 1943. 8 марта.

Памяти Героя Советского Союза Марины Расковой // Комсомольская правда. 1943. 9 янв.

Письма Наташи Ковшовой // Комсомольская правда. 1943. 23 мая.

Советская женщина – великая сила // Правда. 1941. 8 окт.

Стахановские дела творцов оружия – Антонины Тихоновой и ее подруг // Правда. 1941. 24 окт.
Учительница из Жашкова // Комсомольская правда. 1941. 18 нояб.
Фашизм – злейший враг женщин. Смерть фашизму! // Комсомольская правда 1941. 9 сент.

REFERENCES

- Avdonina N.S., 2012. *Zhurnalistika i politika vooruzhennogo konflikta: sravnitel'nyj analiz amerikanskoj i otechestvennoj pressy* [Journalism and policy of armed conflict: comparative analysis of the American and domestic press]: dissertacija ... kandidata politicheskikh nauk. Saint Petersburg. 269 p.
- Borshheva N.N., Postnikova O.A., 2016. *Sovremennaja voennaja zhurnalistika: tendencii razvitiya i professional'nye standarty* [Modern war reporting: trends of development and professional standards]. *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i social'no-jekonomicheskikh nauk*, no. 2, pp. 23-25.
- Budaev Je.V., 2007. *Skazka o spravedljivoj vojne v srednevekovom politicheskom diskurse* [The tale of fair war in a medieval political discourse]. *Politicheskaja lingvistika*, iss. 3 (23), pp. 19-22.
- Burganova L.A., Kornilov P.A., 2003. *Rekonstruirovanie struktury obraza voennogo konflikta (po materialam SMI)* [Reconstruction of structure of an image of the military conflict (on materials of media)]. *Sociologicheskie issledovanija*, no. 6, pp. 56-63.
- Igaeva K.V., 2018. *Gendernye issledovanija "novyh vojn": vosproizvodstvo maskulinnosti ili pereosmyslenie predstavlenij o muzhestve* [Gender researches of "new wars": reproduction of a maskulinnost or reconsideration of ideas of courage]. *Sociologija vlasti*, no. 1, pp. 245-251.
- Zelenina E.V., 2014. «Portret geroja»: cennostno-smyslovye i tvorcheskie aspekty ["Hero's portrait": valuable and semantic and creative aspects]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, no. 2, pp. 33-52.
- Lomovcev A.I., 2002. *Sredstva massovoj informacii i ih vozdejstvie na massovoe soznanie v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: na materialah Penzenskoj oblasti* [Mass media and their impact on mass consciousness in days of the Great Patriotic War: on materials of the Penza region]. Diss. kand. ist. nauk. Penza. 200 p.
- Savel'eva E.B., 2015. *O vzgljadah Mishelja Fuko na teoriju diskursa* [About Michel Foucault's views of the theory of a discourse]. *Vestnik Moskovskogo instituta lingvistiki*, no. 2, pp. 92-95.
- Sokolova D.V., 2019. *Mediatizacija vojn vo V'etname i Afganistane* [Mediatization of the wars in Vietnam and Afghanistan]. *Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta. Serija 1, Problemy obrazovanija, nauki i kul'tury*, vol. 25, pp. 187-189.
- Fuko M., 1996. *Arheologija znaniya* [Knowledge archeology]. Kiev, Nika-Centr Publ. 208 p.
- Chernjavskaia V.E., 2017. *Operacionalizacija konteksta v diskursivnom analize* [Context operationalization in the diskursivny analysis]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija*, vol. 9, iss. 4, pp. 83-93. DOI: 10.17072/2037-6681-2017-4-83-93.
- Lakoff G., 1991. *Metaphor and War: The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf*. *VietNam Generation Journal & Newsletter*. URL: http://www2.iath.virginia.edu/sixties/HTML_docs/Texts/Scholarly/Lakoff_Gulf_Metaphor_1.html.
- Wodak R., 2015. *The Politics of Fear: What Right-Wing Populist Discourses Mean*. L.: Sage. 238 p.

SOURCES

- Antonova Ts., Krongauz R. Anna Lapteva and her Friends. *Komsomolskaya Pravda*. November 26, 1941.
- Vasilyeva A. Glorious Deeds of Soviet Female Patriots. *Pravda*. October 23, 1941.
- The Faithful Daughter of Soviet People - Liza Chaikina. *Komsomolskaya Pravda*. December 30, 1941.
- Wolfson. The Daughter of Latvia. *Komsomolskaya Pravda*. April 15, 1941.
- Guards Captain Wolfson. The Daughter of Latvia. *Komsomolskaya Pravda*. April 15, 1941.
- Gune L. Chizhik and her Friends. *Komsomolskaya Pravda*. June 1, 1943.
- Girls, the Factories await you! *Komsomolskaya Pravda*. November 14, 1941.
- Girls, the Production Calls for You! *Komsomolskaya Pravda*. November 12, 1941.
- Captain Gune L. Chizhik and her Friends. *Komsomolskaya Pravda*. June 1, 1943
- Karpova N. Women at Party Work. *Pravda*. October 10, 1941.
- Kartashov A. Father and Daughter. *Komsomolskaya Pravda*. May 30, 1943.
- Korolkov Y. A Female Member of the Komsomol Named Volodya Rybinsky. *Komsomolskaya Pravda*. December 26, 1941.
- Marina Abramova. *Komsomolskaya Pravda*. November 30, 1941.
- Mishakova O. A Soviet Woman in the Great Patriotic War. *Komsomolskaya Pravda*. March 8, 1943.

In Commemoration of the Hero of the Soviet Union Marina Raskova. *Komsomolskaya Pravda*. January 9, 1943.

The Letters from Natasha Kovshova. *Komsomolskaya Pravda*. May 23, 1943.

A Soviet Woman is a Great Force. *Pravda*. October 8, 1941.

Outstanding Deeds of Weapon Producers: Antonina Tikhonova and her Friends. *Pravda*. October 24, 1941

A Teacher from Zhashkov. *Komsomolskaya Pravda*. November 18, 1941.

Fascism is the Worst Enemy of Women. Death to Fascism! *Komsomolskaya Pravda*. September 9, 1941.

Information About the Author

Valery M. Amirov, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Periodicals and Online Medias, Ural Federal University, Lenina St, 51, 620000 Yekaterinburg, Russia, Valery.Amirov@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3371-2939>.

Информация об авторе

Валерий Михайлович Амиров, кандидат филологических наук, доцент кафедры периодической печати и сетевых изданий, Уральский федеральный университет, ул. Ленина, 51, 620000 г. Екатеринбург, Россия, Valery.Amirov@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3371-2939>.

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.14>

UDC 81'37
LBC 81.003

Submitted: 20.12.2019
Accepted: 25.05.2020

IMAGE OF THE HUMAN WORLD AND SEMANTIC ORGANIZATION OF LEXICON IN INTERDISCIPLINARY LINGUISTICS

Irina V. Shaposhnikova

Institute of Philology of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

Abstract. The article deals with the issues related to the development of principles and methods of semantic organization of lexicon in order to create linguistic resources of various types: dictionaries, databases, corpora, etc. Different techniques of semantic organization of lexicon are viewed as methodological bases for interdisciplinary approaches to investigation of the human image of the world. The issues are studied with reference to different approaches that concern fundamental contradictions between the language and conceptual models of representing the world. Using the reverse dictionary of the associative-verbal database SIBAS, the author conducts a statistical macro-level analysis to stratify the verbal units (the nodes of the SIBAS associative-verbal network) according to the intensity and extension of their incoming links. Thus identified at different levels of stability, SIBAS associative-verbal dominants are matched with the frequency ratings of the relevant lexical items in the textual basis of the Russian National Corpus; they are also matched with the associative dimensions of the Russian language personality, which were discovered earlier on the model of the Russian associative-verbal network in the epoch of perestroika. The author analyzes the part-of speech statistics of the associative dominants, their correlations with the ontogenetically basic concepts, as well as with the glottochronologically basic lexical meanings. Against this background, the author assesses the methodological significance and heuristic potential of the techniques of analysis on the experimentally obtained Russian associative-verbal network, where the conceptual and linguistic models of the world are balanced naturally as a spontaneous (instinctive) manifestation of the intentionality of the Russian language personality.

Key words: language model of the world, conceptual model of the world, semantic organization of lexicon, associative dominants, lexeme, meanings of the lexeme, image of the world: methods of interdisciplinary research.

Citation. Shaposhnikova I.V. Image of the Human World and Semantic Organization of Lexicon in Interdisciplinary Linguistics. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 5, pp. 155-172. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.14>

УДК 81'37
ББК 81.003

Дата поступления статьи: 20.12.2019
Дата принятия статьи: 25.05.2020

ОБРАЗ МИРА ЧЕЛОВЕКА И СЕМАНТИЧЕСКОЕ УПОРЯДОЧЕНИЕ ЛЕКСИКИ В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Ирина Владимировна Шапошникова

Институт филологии Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск, Россия

Аннотация. Статья затрагивает вопросы разработки принципов и методов семантического упорядочения лексики в целях создания лингвистических ресурсов разного типа: словарей, баз данных, корпусов и пр.

Способы упорядочения лексики рассматриваются в качестве методологической основы для различных междисциплинарных подходов к исследованию образа мира человека. Дается оценка комплементарности разных подходов в контексте фундаментальных противоречий в соотношении языковой и концептуальной моделей мира. Опираясь на экспериментально полученную базу данных обратного словаря СИБАС, автор проводит стратификацию вербальных единиц, представляющих собой узлы ассоциативно-вербальной сети, на основе статистики интенсивности и разветвленности входящих связей. Выявленные таким образом разнопорядковые ассоциативные доминанты СИБАС сопоставляются с рейтингом соответствующих лексических единиц в частотном словаре НКРЯ и с параметрами русской языковой личности, которые были получены ранее на модели русской ассоциативно-вербальной сети в годы перестройки; анализируется частеречный состав ассоциативных доминант, их связи с развитием онтогенетически базисных концептов, а также лексикой, базисной в глоттохронологическом аспекте. На этом фоне дается оценка методологической значимости и эвристическому потенциалу приемов статистического упорядочения и системного описания лексики на экспериментально полученной модели ассоциативно-вербальной сети, в которой концептуальная и языковая модели мира сбалансированы естественным путем на основе интенциональности русской языковой личности.

Ключевые слова: языковая модель мира, концептуальная модель мира, семантическое упорядочение лексики, ассоциативная доминанта, лексема, значения лексем, методы исследования образа мира.

Цитирование. Шапошникова И. В. Образ мира человека и семантическое упорядочение лексики в междисциплинарной лингвистике // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 5. – С. 155–172. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.14>

Введение

Одним из условий успешного междисциплинарного сотрудничества является выработка общей понятийно-категориальной и терминологической базы. К числу значимых для разных наук о человеке понятий можно отнести «образ мира». Это понятие связывают с сознанием человека. Как видоспецифичная организация психических процессов, сознание познается на фоне разных стадий и уровней развития психики у живых организмов нашей планеты.

Психика человека не только активна по отношению к природе, но и характеризуется направленностью, ведущей к упорядоченности психических образов по степени их значимости для человека, саморегуляцией через построение образа себя на фоне других членов общества, трудовой и сопровождающей ее социокоммуникативной деятельностью, включая ее высшую форму – речевую, которая позволяет человеку оперировать специфическими орудиями воздействия на сознание себе подобных – телами языковых знаков. В онтогенезе у человека говорящего благодаря взаимодействию двух сигнальных систем формируется когнитивная и речевая способности при условии включенности в социокоммуникативную среду человеческого общества. Этот инструмент наполняет содержани-

ем образ мира, опосредующий жизнедеятельность человека, позволяющий ему ориентироваться в окружающей среде и регулировать свое поведение и поведение других членов общества. Образ мира представляет собой сложное динамическое смысловое образование, которое отражает интенциональность сознания, его социокультурную детерминированность, другоцентричность и оценочность на основе когнитивной и коммуникативно-дискурсивной мыслительной деятельности, упорядочивающей смысловые единицы сообразно их значимости для субъекта.

Как смысловая структура образ мира может изучаться лингвистикой в аспекте развития его содержания, подвижности, устойчивости, направленности (интенциональности, детерминированности), этнокультурной и личностной специфики. В нем можно выделить культурно-историческую и психически актуальную составляющие. Для изучения образа мира в концептуальном и вербальном воплощениях исследователи создают модели его смысловой структуры. При их построении используются термины *концептуальная модель мира* (далее – КММ) и *языковая модель мира* (далее – ЯММ) (см. например: [Караулов, 2010, с. 246; с. 267–274]). Часть КММ, отражающая научно значимые закономерности и связи, строится с применением специальной научной методики на логической

основе и помогает ориентироваться в решении научных задач. Поэтому понятие КММ носит более общий характер и несводимо к научной картине мира. КММ более упорядочена и отличается большим единством у разных индивидов и народов по отношению к их ЯММ, которая формируется на основе концептуальной и наследует многие свойственные коммуникативно-когнитивной деятельности человека признаки, обладая своей спецификой. В целом мы будем исходить из представления о несводимости КММ к ЯММ, поскольку обратное противоречило бы имеющимся у современной науки знаниям об эволюции человека. Для овнешнения бесконечно модифицирующегося содержания КММ человек оперирует конечным набором языковых знаков, сложно организованных в способную к гибкой модификации систему. В какой мере и как именно определяются и разрешаются возникающие при этом противоречия между КММ и ЯММ в разных отраслях лингвистики? Одним из инструментов научного исследования этой проблемы является семантическое упорядочение лексики естественного языка. В разных лингвистических отраслях оно выполняется по-разному, имеет разные методологическую значимость и эвристический потенциал.

Ассоциативно-вербальная сеть и упорядочение лексики в актуальной диахронии

Обратимся к результатам статистического упорядочения всего массива вербальных единиц экспериментально полученной ассоциативно-вербальной сети (далее – АВС) по данным обратного словаря СИБАС. Анализ проводился по следующему алгоритму: 1) выявление ассоциативных доминант (опорных узлов сети) по интенсивности (частоте актуализации) связей; экстенсивности (разветвленности) связей (см. табл. 1); 2) выявление текстозависимых частотных показателей ассоциативных доминант по данным частотного словаря НКРЯ (см. табл. 2); 3) соотнесение ассоциативных доминант с базисной лексикой в аспекте онтогенеза, глоттогенеза и культурогенеза (см. табл. 1); 4) выявление опорных узлов параметризации русской языковой личности в АВС (см. табл. 3).

В отечественной ассоциативной лексикографии сложилась практика упорядочения лексики на модели АВС в целях параметризации образа мира русской языковой личности для дальнейшего выявления его национально-культурной специфики в ходе межъязыковых сопоставлений. Упорядоченная таким образом лексика получила название в прецедентных, с точки зрения применяемой методики, работах А.А. Залевской «ядро лексикона человека» [Залевская, 2005, с. 109–112]. Такое ядро было получено ею сначала на материале английского языка, факт наличия ядер-коррелятов у других языков подтвержден при межъязыковых сопоставлениях. Ядро определялось на основе обратного ассоциативного словаря, дающего возможность статистической обработки входящих связей (реакция ← стимул), в отличие от прямого словаря, где представлены исходящие связи (стимул → реакция). Эта методика использована для составления сначала английского, а впоследствии и русского ассоциативного тезауруса на основе трехэтапных массовых экспериментов. Установленная таким способом сетевая организация лексикона описывалась А.А. Залевской как «гетерархия», то есть система иерархий, вершины которых представлены единицами ядра лексикона [Залевская, 2005, с. 112], и подвергалась рассмотрению с разных точек зрения: в частности, был проведен частеречный анализ с учетом специфики ассоциативно доминирующих значений и с отсылкой к данным разных наук о фило- и онтогенезе речевой способности у человека. Выяснилось, что в составе ядра лексикона абсолютно доминируют имена существительные – примерно 60–70 % в разных сопоставляемых языках [Залевская, 2005, с. 111]; ср. с нашими данными по частеречному составу ассоциативных доминант СИБАС, приведенными в столбце 2 таблицы 1. Результаты анализа ядра в частеречном аспекте обнаруживают проблему роли предметных значений в формировании ядра лексикона в фило(онто)генетическом плане. После создания в 90-е гг. XX в. русского ассоциативного тезауруса (далее – РАС) стало возможным полномасштабное выявление ядра лексикона русских. Ядро РАС представляет собой модель топосов образа мира русской

языковой личности, в работах авторов проекта оно получило название «ядро языкового сознания русских» (об истории развития проекта см.: [Уфимцева, 2017]). Лейтмотивом работ Н.В. Уфимцевой, посвященных исследованию ядра языкового сознания русских, можно считать подход к слову как инструменту культуры, а ядру лексикона как ключу к пониманию системности культуры в процессе ее становления.

Диапазону ядра языкового сознания русских, можно считать подход к слову как инструменту культуры, а ядру лексикона как ключу к пониманию системности культуры в процессе ее становления.

Таблица 1. Макроструктура ABC СИБАС (статистически упорядоченная по уровням устойчивости входящих связей модель)¹

Table 1. Macro-level structure of the SIBAS associative-verbal network (the levels are statistically ranked according to stability of incoming links)

Уровень	Структура ABC			
	по количеству реакций (интенсивность соответствующих вербальных узлов)		по количеству стимулов (экстенсивность вербальных связей)	
	Диапазон	Единицы	Диапазон	Единицы
Первый	11 000–2 000	4 слова: <i>человек, деньги, дом, друг</i>	600–200	10 слов: <i>человек, жизнь, дом, деньги, хорошо, плохо, друг, нет, мир, я</i>
Второй	1 999–1 500	3 слова: <i>день, мир, домой</i>	199–150	14 слов: <i>время, работа, любовь, сила, радость, мужчина, смерть, есть, зло, ребёнок, день, много, человека, город</i>
Третий	1 499–1 000	10 слов: <i>жизнь, плохо, время, хорошо, язык, большой, любовь, вода, дело, вопрос</i>	149–100	58 слов: <i>счастье, большой, хороший, люди, дело, всегда, ум, предмет, страх, жизни, путь, боль, машина, взгляд, умный, парень, разговор, характер, отдых, учеба, свет, быстро, ответ, враг, успех, жить, все, лес, труд, дорога, дурак, дома, вода, мой, стол, мужик, фильм, девушка, плохой, урок, вещь, помощь, ужас, вопрос, сон, долго, красивый, свобода, долг, власть, красота, большая, людей, Россия, народ, мальчик, ложь, да</i>
Четвертый	999–750	19 слов: <i>ложь, ребенок, еда, я, отдых, город, работа, жизни, боль, зло, Россия, мужчина, свет, дверь, характер, машина, цвет, парень, лес</i>	99–50	271 слово: <i>добрый, один, семья, телефон, злой, надо, папа, глупость, голос, выбор, магазин, делать, далеко, автомобиль, вечер, солнце, моя, место, дела, еда, земля, чувство, добро, друзья, дети, всё, он, мысли, мозг и пр.</i>
Пятый	749–500	54 слова: <i>письмо, быстро, болезнь, радость, страх, смерть, власть, вид, много, поступок, фильм, стул, телефон, далеко, разговор, поезд, сила, море, предмет, все, война, экзамен, дорога, помощь, умный, взгляд, счастье, есть, жить, красивый, родной, стол, путь, камень, белый, птица, случай, хлеб, ответ, человека, дождь, моя, России, хороший, ум, большая, денег, семья, нет, писатель, дерево, голос, красный</i>	49–1	49 290 слов; из них только 6 160 имеют не менее 5 связей
Шестой	499–250	198 слов		–
Седьмой	249–1	49 369 слов (97 слов выступали в качестве реакций не менее 200 раз; 609 слов – не менее 100 раз; 1 519 слов – не менее 50 раз; 6 316 – не менее 10 раз; 21 519 – не менее 2 раз): <i>знания, кот, лень, гордость, номер, класс, длинная, яйцо</i> и пр.	–	Части речи: имен существительных примерно 75,6 %; прилагательных – 7,31 %; наречий – 8,53 %; местоимений – 2,4 %; глаголов – 2,4 %
Итого	7 уровней, 1–5 – ассоциативные доминанты		5 уровней, 1–3 – ассоциативные доминанты	

Таблица 2. Рейтинг ассоциативных доминант СИБАС в частотном словаре ²

Table 2. SIBAS associative dominant rating in frequency dictionary

Уровень	Частотность, ipm	Единицы
Первый	35801.8–11311.9	я (5): входит в первую десятку самых употребительных слов
Второй	8354.0–2723	все (35), человек (39): входят в первые 50 самых частотных слов
Третий	2015.7–1006.1	время (52), мой (60), дело (65), жизнь (66), день (71), работа (87), большой (96): входят в первую сотню самых частотных слов
Четвертый	874.2–471.4	друг (106), нет (107), вопрос (114), да (116), дом (118), жить (126), мир (128), случай (131), ребенок (137), сила (140), вид (145), всегда (147), город (156), женщина (171), деньги (178), машина (187), хорошо (190), вода (191), много (196), хороший (199): входят во вторую сотню самых частотных слов
Пятый	450.8–330.1	дверь (210), власть (216), все (218), война (219), голос (221), стол (237), народ (252), свет (272), путь (274), белый (290), дорога (300): входят в третью сотню самых частотных слов
Шестой	324.9–221.6	язык (306), любовь (307), взгляд (308), письмо (333), помощь (338), труд (357), смерть (363), разговор (374), семья (378), ответ (396), быстро (412), мужчина (416), долго (417), вещь (434), красный (442), плохой (487): входят в 500 самых частотных слов
Седьмой	213.3–107.4	девушка (509), лес (512), фильм (571), характер (588), мальчик (597), красивый (632), свобода (644), дерево (659), домой (669), телефон (676), писатель (685), далеко (688), цвет (697), море (720), предмет (756), сон (769), ум (772), успех (780), счастье (784), дома (832), парень (849), страх (868), радость (874), камень (910), плохо (947), мужик (956), родной (993), боль (1065), враг (1096), болезнь (1105), хлеб (1130): преимущественно входят в первую 1000 самых частотных слов; несколько не вошедших в нее слов не опускаются в частотном рейтинге ниже 1130 позиции

Таблица 3. Параметры русской языковой личности (сравнение ассоциативных доминант СИБАС с единицами ядра языкового сознания РАС) ³

Table 3. Dimensions of the Russian language personality (comparison of the SIBAS associative dominants with the core units of the Russian language consciousness from RAS)

Группы доминант	РАС	СИБАС	Группы доминант	РАС	СИБАС
Персоналии	человек	человек	Оценки	плохо	хорошо
	друг	друг		хорошо	плохо
	дурак	я		много	много
	мужчина	мужчина		быстро	всегда
	ребенок	ребенок		всегда	быстро
	парень	человека		очень	долго
	я	люди			
	женщина	парень			
	мальчик	враг			
	девушка	дурак			
мужик	мужик				
муж	девушка				
он	людей				
	народ				
	мальчик				
Реалии	дом	жизнь	Действия	говорить	есть
	жизнь	дом		есть	жить
	деньги	деньги		жить	
	лес	мир		думать	
	день	время		идти	
	любовь	работа	Качества	большой	большой
	работа	любовь		хороший	хороший
	вода	сила		плохой	умный
	радость	радость		старый	плохой
	дело	смерть		умный	красивый
смерть	зло	сильный	большая		
стол	день	маленький			
дорога	город				
мир	счастье				
дерево	дело				

В анализе АВС СИБАС мы оперируем термином *ассоциативные доминанты*, выводя в обратном словаре СИБАС параметры экстенсивности и интенсивности связей. Поскольку СИБАС на текущий момент содержит данные только одного из трех необходимых для получения тезауруса этапов массового эксперимента, ассоциативные доминанты СИБАС при всем их сходстве с рядом характеристик ядра лексикона, с нашей точки зрения, могут быть истолкованы как *прототип ядра*, то есть рабочая модель, которой можно пользоваться до получения данных на следующих этапах эксперимента.

Методологическая роль ассоциативных доминант (ядра языкового сознания) заключается в том, что они, с одной стороны, служат материалом и средством для познания того, как именно входит конкретная вербальная этническая культура в ребенка и, с другой стороны, каким образом он сам вживляется в нее, «опрокидывая» ее системно-функциональные отношения внутрь себя и наполняя свою КММ этим содержанием. Ядро лексикона в психически актуальном смысле – значимый инструмент межъязыковых сопоставлений движения значений в актуальной диахронии (в пределах 3–4 поколений) и измерения флуктуаций системного плана в структуре овнешняемых смыслов образа мира усредненной этнокультурной языковой личности.

Смысл и слово

В отечественной психолингвистической традиции, идущей от фундаментальных положений Л.С. Выготского о единицах анализа речемыслительных процессов, всегда осознавалась нелинейность связи значений со словами, их эксплицирующими. Это выражается, в частности, в таких сентенциях А.Н. Леонтьева, как «язык не демиург значений», «значения ведут двойную жизнь», «два вида движения значений» и др. [Леонтьев, 2005, с. 100–103]. Представление о функционировании значений в двух планах – психическом (как части отношений системы деятельности и сознания конкретных индивидов) и лингвистическом (общественном, культурно-историческом, наиндивидуальном, непсихическом по своей сути) – сохраняет свою актуальность и в ре-

лиях сегодняшней науки. Значения психического плана предметны, так как они представляют собой, по определению А.Н. Леонтьева, «идеальные производные от предметности мира с помощью чувственной ткани» [Леонтьев, 2005, с. 100]. К этому определению психологи добавляют «биодинамическую ткань живого движения и действия» [Зинченко, 2010, с. 251], которая также «сворачивается» в структуре психически актуального значения. Оно и существует в виде личностного смысла, то есть значения для субъекта, в отношении к мотиву, как составляющая рефлексивного слоя сознания, продукт невозможного вне индивида взаимодействия его первой и второй сигнальных систем. Значения, которые изучаются лингвистикой, с точки зрения психологии надпсихологичны, надиндивидуальны, абстрагированы, «отторгнуты» от реальности и начали «свое самостоятельное движение в истории языка, истории общества, культуры и науки» [Леонтьев, 2005, с. 101]. Они отражают уже ушедшую в прошлое предметную реальность. Такие значения и предъявляются ребенку в онтогенезе в виде готовых культурно-специфичных идеальных объектов, подлежащих интериоризации и осмыслению в актуальной для него предметной и социокоммуникативной реальности, то есть начинают использоваться в качестве *операторов (инструментов)*, манипулируя которыми человек отражает мир, вращает в него, синхронно формируя его образ, насыщая его смыслами.

В работах А.И. Новикова смысл рассматривается как динамичный процесс в качестве междисциплинарного объекта в силу его составляющих: знаний о предметной реальности (предметный опыт человека, intersубъективный по своему источнику) и жизненных установок носителей смысла по отношению к предметным реалиям мира. «Эти две составляющие смысла лежат в основе межиндивидуального общения, а потому откладываются в сознании и фиксируются как устойчивые, повторяющиеся компоненты, постоянно воспроизводимые в речи» [Новиков, 2000, с. 34]. В отличие от знаний, с несколькими степенями опосредованности отражающих действительность, смысл имеет более непосредственное отношение к ней. «По сути, он совершается в этой действительности, так

как непосредственно связан с образным способом отражения конкретных объектов и ситуаций, но не самих по себе, а как бы вплетенных в множество связей и отношений, формирующихся в процессе жизнедеятельности человека и взятых в совокупности и одновременно. ...Таким образом, и смысл, и концептуальные модели являются средством отражения действительности, но они по-разному членят эту действительность (курсив наш. – И. Ш.)» [Новиков, 2000, с. 37].

Языковое значение задает диапазон оперирования предметным содержанием, создает платформу для смыслообразования; в то время как концептуальная система упорядочивает содержание с аналитической, расчленяющей действительность стороны, смысл у человеческой личности имеет доминантность, он целостен. Стало быть, существует некий разрыв между вербальным (языковым) и когнитивным (концептуальным) содержанием. Как разрешается это противоречие в психолингвистике? А.И. Новиков рассматривает *общение* как процесс преодоления разрыва между языковым содержанием и ментальным. Таким образом, хотя КММ и несводима к ЯММ, но разрыв между ними постоянно преодолевается в живой речевой деятельности. Аналогично проблема соотношения языка и мышления была поставлена и в работах Н.И. Жинкина, относившего ее к процессу речевой деятельности, а не к системе языка с ее уровнями. На каждом из них могут узнаваться культурно-исторически сформировавшиеся значения, но порожденный на фоне оперирования ими смысл понимается в живом ситуативно-коммуникативном процессе речемыслительной деятельности. Исследуя устройство словесных раздражителей, Н.И. Жинкин ввел в оборот психолингвистики термин *универсальный предметный код* (далее – УПК) для универсального языка внутренней речи человека, с которого возможны переводы на все другие языки [Жинкин, 1964, с. 35–36]. Главную мысль автора, видимо, следует понимать так: УПК, не имеющий материальных признаков слов естественного языка в виде последовательности знаков, вырастает из образов предметной реальности и человеческой интенциональности по отношению к этим реалиям.

Примечательно, что фундаментальные положения о соотношении КММ и ЯММ, о природе речемыслительных процессов развивались в отечественной науке задолго до появления современной когнитивной лингвистики в западной традиции изучения языка и мышления. В трудах А.Д. Кошелева, побуждающих к дискуссии по поводу разработки единой мультидисциплинарной теоретической платформы для построения адекватной современному уровню знаний теории языка, уже в когнитивных терминах развиваются базовые положения отечественной науки применительно к онтогенезу когнитивных способностей человека [Кошелев, 2017; 2019]. Автору удалось показать, каким образом в онтогенезе формируются и развиваются базовые концепты языка конкретной культуры, по сути его исследование позволяет перевести в доступный для понимания широкой аудитории формат описание тех явлений, которые открыты и названы Н.И. Жинкиным УПК. Развитие языка рассматривается А.Д. Кошелевым в связи со становлением всех других подсистем психики человека, в особенности с деятельностью. Автор выводит и обосновывает схемы развития базовых концептов (предметов и действий) у детей, постепенное наполнение ими детской КММ и ее последующее схватывание языком (ЯММ). Значение здесь описано в рамках динамической онтогенетической модели в процессе становления и развития его базисной смысловой оболочки (сферы) как основы для вербального выведения психически актуальных когнитивных процессов во внешнюю реальность. Эта модель позволяет продемонстрировать превращение значений и смыслов, их движение в онтогенезе и дальнейшее обращение по циклу «психически актуальное когнитивное ↔ лингвистическое». Таким образом, несводимость КММ к ЯММ имеет онтогенетическое обоснование.

Слово, будучи каноническим носителем значений естественного языка, способно емко наполняться многообразным смысловым содержанием разного порядка. Слово можно сравнить с талантливо перевоплощающимся актером, у которого для этих целей имеется большой гардероб. Разные одежды слова-актера ассоциируются у нас с разными его перевоплощениями, но для того, чтобы сыграть

роль, решить текущую задачу смысловоплощения, актеру нужно разобраться в своем гардеробе, упорядочить его под ролевую задачу. Так и в лингвистике, многомерность слова позволяет проводить упорядочение лексики под разные задачи. Упорядочение слов по частоте использования в текстах напоминает гардероб, где все одежды разложены в таком порядке, который соответствует тому, сколько раз и по какому случаю каждый наряд уже был использован. В АВС лексические единицы предстают перед нами в богатом разнообразии смысловых одежд, не упорядоченных строгими логическими установками, а потому зачастую разношерстных и аляповатых, но подчиненных жизненной логике интенций и мотивов, системе актуальных смысловых доминант усредненной (здесь – русской) языковой личности. Таким образом, языковая модель мира в узлах АВС представлена вербальными единицами, стихийно упорядоченными в сознании в соответствии с системой отношений в их психически актуальной КММ. Сами *цепочки ассоциатов* – актуальные для носителя языка *операторы смыслообразования*, а организованные по уровням устойчивости *ассоциативные доминанты* – *опорные точки базисной для актуальной диахронии концептуальной системы*.

Движение значений в глубинной диахронии

Упорядочение лексики, позволяющее решать задачи глубинной диахронии при подборе материала для сравнительно-сопоставительного исследования и реконструкции, определении родства и времени расхождения сравниваемых языков и их семей, осуществляется в рамках так называемых списков М. Сводеша, предложившего выделять в словаре языка специальную (основную) часть. Первоначальные принципы выделения такой лексики были существенно пересмотрены позднее другими исследователями на основе применения целого ряда уточняющих критериев. Так, список был подвержен критической оценке по параметру устойчивости, когда выяснилось, что не все единицы списка могут быть одинаково устойчивыми в один и тот же промежуток времени. В этой связи

С.А. Старостин ввел понятие «индекс стабильности значения» [Старостин, 2007, с. 839]. Этот индекс применяется для ранжирования значений по степени их устойчивости и представляет собой отношение максимального числа языков, использующих для данного значения один и тот же корень, к общему числу языков в семье. В работах исследователей, оперирующих этим списком, указывается, что при любой разновидности методики ранжирования значений выделяется максимально стабильная часть, которая включает в себя чуть больше 20 % от единиц в исходном 100-словном списке, чьи значения максимально устойчивы в трех и более семьях [Старостин, 2007, с. 839]. Список лексем, формирующийся в ходе такого упорядочения, носит название *базисной лексики* и противопоставляется в глоттогенетическом плане «культурной» лексике как достоверно установленное ядро незаимствованных лексем, соотносимых с наиболее элементарными понятиями, в отличие от лексем, исторически более изменчивых и часто заимствованных вместе с культурными реалиями более позднего времени слоев лексики [Старостин, 2007, с. 782]. С.А. Старостин отмечает, что в случае замены базисной лексики практически происходит смена языка в сообществе. Особая устойчивость базисных лексем позволяет заниматься более верифицируемыми процедурами выявления фонетических закономерностей при установлении и описании родства языков. Поскольку устойчивость значений зависит от целого ряда факторов, к списку слов для лексикостатистических исследований лингвистам приходится применять разные уточняющие критерии, связанные преимущественно с синонимическими отношениями в изучаемом языке: регистрационная немаркированность отобранных единиц, отсутствие у них идиоматической связанности, исключение супплетивов, антропоцентричность смыслов, подбор функциональных антонимов, оценка частотности квазисинонимов и др. (см., например: [Kassian et al., 2010, p. 48–49]). Для нас важно, что с точки зрения смыслового содержания рассматриваемые единицы отождествляются со своими именами-архетипами, соотносимыми с архетипическим же наполнением образа мира у древних сообществ в глубинной диахронии. Этот образ кон-

струируется из вербальных маркеров реалий, с максимальной вероятностью повторяющихся при оперировании смыслами на уровне языков семей и даже макросемей. Слово предстает перед нами в своем исходном, элементарном, конкретно-предметном первобытном одеянии (своего рода «набедренной повязке»), лишенным смыслового богатства разнообразных закрепленных в сознании современных поколений дискурсивно-контекстуальных коннотаций. Для дальнейшего уточнения таких реалий и поиска корректных межязыковых лексических эквивалентов для списка М. Сводеша исследователи оперируют уточняющими семантико-синтаксическими контекстами. Например, для лексемы *язык* дается уточнение, какой именно смысл вкладывается в данное слово: «часть тела, не ‘речь’», и приводятся соответствующие семантико-синтаксические контексты: *Он показал ему язык; Когда он упал, он прикусил язык. Ему больно* [Kassian et al., 2010, p. 81]. Культурно редуцированное для решения лексикостатистических задач значение слова базисно с точки зрения своего исходного архетипа, материально-предметного смысла, способного устойчиво воспроизводиться на больших макростатистически обозримых диахронических глубинах при параллельной реконструкции на основе комплексных данных от разных наук о человеке исходного образа мира обитателей древней прародины народов языковой семьи (макросемьи).

Естественно, что столь жестким критериям отбора соответствуют далеко не все частотные во всей своей смысловой наполненности в современном языке и тем более актуально-активные в ассоциативно-вербальной сети единицы. Из нашего списка ассоциативных доминант только несколько единиц входят в упорядоченный по устойчивости значений список базисной в глоттохронологии лексики для русского языка⁴:

Язык (0,93); **я** (0,71); **красный** (0,47); **вода** (0,37); **есть** (0,36); **дождь** (0,34); **мужчина** (0,34); **белый** (0,32); **человек** (0,30); **дорога** (0,28); **птица** (0,28); **камень** (0,27); **дерево** (0,24); **много** (0,19); **большой** (0,15); **хороший** (0,13).

Удельный вес архетипического значения в современных употреблениях этих слов не все-

гда очевиден. Так, в ассоциативном поле **Язык** (обратный ассоциативный словарь – СИБАС) наблюдаем следующие показатели активации связей слов-стимулов со значением «часть тела», с физическими качествами и исходной функцией: *рот* 37, *показать* 24, *зуба* 7, *жест* 3, *попробовать* 3, *большой*, *гибкий*, *кислый*, *короткий*, *соль*, *сосать*. Всего – 80 реакций словом *язык*. Это составляет 6,75 % от их общего количества (1 184), полученного на 11 разных стимулов, (11,8 % от их общего количества – 93). Даже и в этом скудном на фоне общих данных наборе связей есть двусмысленность: при их развертывании в контексты может активироваться как архетипическое значение «часть тела», так и иные значения этого слова: «речь», «язык в качестве пищевого продукта». Это показывает, насколько далеко ушло современное слово в своем смысловом репертуаре от архетипа и насколько трудно оперировать содержательным материалом при анализе движения значений в глубинной диахронии.

Генеалогическое и логическое: интегративные модели протокультуры

Упорядочение лексики на больших глубинах времени имеет особое методологическое значение для решения конкретных задач сравнительно-сопоставительных исследований лингвистического материала. Вместе с тем глубинная компаративистика, как считают работающие в этой сфере ученые, – одна из немногих наук о доисторическом человеке, его языковых возможностях в дописьменный период [Starostin, 1999, p. 61], поэтому ее междисциплинарное значение измеряется вкладом в человековедение на стыке разных дисциплин, дающих нам представление об антропогенезе и этногенезе. Видимо, с лексикостатистической точки зрения можно вести речь о *базисной лексике* как генетическом (генеалогическом) ядре, отражающем *глубинно диахроническую доминанту вербальной культуры* носителей языка (группы языков, семьи, макросемьи). Как соотносятся такие блоки лексики языка с моделью мира далеких прародичей человека? Это вопрос о применимости и объеме лексики, релевантной для реконструкции и анализа при опреде-

ленных условиях не только разноуровневой праязыковой субстанции, но и смысловых реалий протокультуры. Индоевропейская семья, которая включает в себя 97 языков, довольно хорошо изученных этимологически, рассматривается в глоттохронологии как семья среднего хронологического уровня [Старостин, 2007, с. 834], что позволяет получить данные о смысловой сфере протоиндоевропейской культуры с довольно высокой степенью достоверности. Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванов создали прецедент реконструкции семантического словаря индоевропейского праязыка и протокультуры на основе метода, который они назвали «методом лингвистической палеонтологии культуры» [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 834]. В его основе лежит формально-семантическая реконструкция с опорой на логический анализ в рамках подхода по типу «сильной семантики»⁵. Авторы рассматривают базисную лексику в контексте мифологической и ритуальной интенциональности, то есть в связи с мотивами ритуально-мифологических практик, в которых участвуют денотаты этих лексем. Установление и сравнительный анализ мифологических и ритуальных мотивов может проходить и без участия конкретных слов, такой анализ в комплексе с установлением вербально-семантических архетипов мифологем и ритуалов позволяет вести речь не только о сугубо материальном вещном мире, но и о некой общей картине духовного мира и представлений, фрагментов системы воззрений на мир древних индоевропейцев [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 460–491]. Лексика упорядочивается при решении таких задач по определенным семантическим группам (полям), соотносимым с элементами и группами элементов логического порядка, зоологической и социальной иерархии (классификации) фрагментов внешнего мира. При этом авторы подчеркивают принципиально не метаязыковой характер полученной таксономии элементов, а ее принадлежность смысловому полю системы воззрений на мир [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 491], то есть, по сути, *фрагментам архаической КММ*. В ней человек принадлежит миру живого, куда также входят боги и животные. Люди и домашние животные объединены в субкатегорию недиких существ. Будучи суще-

ствами говорящими, разумными и двуногими, люди противопоставлены по этим признакам неговорящим неразумным четвероногим (животным). В качестве смертных и земных существ они противопоставлены бессметным и небесным богам, а будучи свободными по отношению к животным, они несвободны по отношению к богам. Весь индоевропейский этимологический словарь разбит на рубрики, связанные с реалиями внешнего мира: животный, растительный мир, явления географической среды, реалии хозяйственной деятельности, социальной организации, экономики, системы родства, духовной сферы, мифологической модели мира и пр. Таким образом, протокультура предстает перед читателем в интегрированном виде как система организующих ее основных фрагментов модели мира, что позволило авторам на фоне соотнесения данных лексико-семантической реконструкции с другим культурно-историческим, этнологическим и археологическим материалом обосновать свою гипотезу о доисторической прародине индоевропейцев. По всей видимости, базисная лексика в рамках такого подхода упорядочивается и отбирается на вероятностной этимологической основе с учетом репрезентативности рассматриваемых единиц по отношению к протокультурным реалиям, при условии сверки лингвистических данных с содержательной фактической информацией из других междисциплинарных источников.

Ахроничное упорядочение лексики на логической основе

Опосредованное техническими средствами взаимодействие современных людей обнажает противоречие между машинными алгоритмами оперирования информацией и необходимостью подготовить машину к общению с человеком на его естественном языке. Возникает потребность в построении логических моделей естественного языка, его логических начал и формальной семантики, переводе языковых единиц разного типа и уровня сложности на языки логики, имеющие свои уровни представления информации разного порядка. Здесь обнаруживается глубокое несоответствие между формальной логикой и обыденным языком, множество трудно-

стей, возникающих на стыке логических моделей концептуальной сети, где главным оператором и элементом комбинирования смыслов является понятие, и сети связей и отношений языковых единиц, где операторами и элементами комбинирования выступают лингвистические значения. В этой сфере также создаются и востребованы *динамические модели* развертывания семантики, работающие, например, при интерпретации дискурса с динамикой отношений между операторами смысла, основанные на идее об изменении интерпретации в процессе развертывания фразы или фрагмента диалога за счет изменения объема доступной информации [Андреев, Митрофанова, Соколов, 2014, с. 59]. Оценивая попытки логико-философского подхода «исследовать смысл на субстанциональном уровне» при его соотнесении с психическими процессами у человека, А.И. Новиков определяет важнейший интегрирующий признак смысла как принцип доминантности [Новиков, 2007, с. 53]. Однако остается неясным, откуда берется доминантность? Она экстралингвистична по своей природе и задается языковой личностью с ее интенциональностью. Несомненно, она соотносится с рядом выводимых на логической основе категорий психолингвистики текста, но проявляет себя прежде всего в том, как оперирует лингвистическими значениями конкретная языковая личность. Например, объясняя с помощью доминантности такое фундаментальное свойство текста, как его целостность, А.И. Новиков отмечает, что при порождении текста доминантность «обеспечивается единством замысла, а при восприятии и понимании – целостностью образа содержания текста» [Новиков, 2007, с. 223], то есть так называемым «встречным текстом», «встречной проекцией сознания на текст в виде определенных ментальных структур, в частности системы связей и отношений» [Новиков, 2007, с. 21], формирующейся у читателя под воздействием его собственного коммуникативно-когнитивного опыта в ответ на исходную авторскую проекцию смысла текста. Поскольку встречная проекция в значительной степени зависит от субъекта восприятия, его интенций и доминантных установок, попытки свести это явление к общеконцептуальным и тем более сугубо формально-логическим ка-

тегориям не дадут нам модели, исчерпывающей глубину процесса. Таким образом, субстанциональная ориентация на оценку объема доступной информации с точки зрения психолингвистики текста оказывается несамодостаточной.

Логика как способ получения и обработки информации о мире, образе мира человека и мышлении нуждается в онтологии сущностей, представляя их в виде логических, обобщенных форм познания мира (понятий), а также в установлении связей и отношений между ними. Характер и природа абстрактного мышления человека приводят его к построению иерархических уровневых и сетевых моделей на формально-логических основаниях. Установка на исследование логических начал в естественном языке заставляет рассматривать значение как репрезентацию логических форм, связей и отношений и привлекать слово постольку, поскольку оно является лексикализатором соответствующего концептуального содержания. Упорядоченные на логической основе концептуальные лингвистические ресурсы называются *онтологиями* и *тезаурусами, понятийными словарями*. Такие словари, как правило, дают толкования гипо-гиперонимических (родовидовых), меронимических (часть-целое), синонимических, антонимических, частично ассоциативных отношений (ср.: RuThes; RuWordNet; ruTenTen; РОСС, а также [Баранов, 2014] и обзор в: [Лукашевич, 2011, с. 28–38]). В построенной на логических основаниях сети имеются гнездовые (опорные) понятия, которые в свою очередь используются для образования других понятий и рассматриваются авторами словарей как лексический минимум, «полигон при изучении русского языка и классификации понятий» [Баранов, 2014]. Работающие над созданием таких ресурсов специалисты сталкиваются с типичным явлением, когда, с одной стороны, не все представленные в концептуальной сети понятия лексикализованы в конкретном естественном языке, с другой стороны, существует множество различных неподдающихся формализации отношений (в особенности ассоциативных) между имеющимися в этом языке вербальными единицами. Фактическая информация об объеме и качественном составе концептуальных ресурсов сама по себе свидетельствует о глубин-

ном несовпадении вербального и концептуального начал. Например, объем тезауруса RuTез составляет 158 тыс. слов и выражений, уложенных в сеть 55 тыс. понятий, между которыми вручную установлено более 210 тыс. отношений (RuThes). Те понятийные сущности, которые логикой генерализации могут относиться к какому-то одному уровню (ярус), по вербальной «логике» могут воплощаться вхождением одной и той же единицы на разные ярусы и уровни логической сети. Таким образом, в процедуре формально-логического упорядочения лексикона естественных языков возникает не только проблема собственно выразимости явлений естественного языка средствами логики, но и проблема идентификации и взаимодействия различных носителей и компонентов лингвистических значений, подлежащих формализации: лексических и грамматических, лексико-семантических вариантов лексем, контекстуальных приращений смыслов в связи с глубинной и поверхностной валентностями языковых единиц, смысловых перевоплощений при переходе с одного языкового уровня представления семантики к другому и мн. др. Вопросы ограничений, селекции и кластеризации разных содержательных компонентов при порождении смысла составляют отдельную проблему. Это видно на примере реализованного Дж. Пустейовским в 1990-е гг. проекта генеративного лексикона, упоминаемого в ряде источников при обсуждении общетеоретических вопросов создания разных систем автоматической обработки текста [Андреев, Митрофанова, Соколов, 2014; Сокирко, 2003]. Как «логическая альтернатива классической лексической семантике» в смысле адаптации к задачам автоматической обработки текста и динамическая модель, основанная на дистрибутивных и композиционных свойствах лексического значения, генеративный лексикон противопоставляется жестким алгоритмам описания значений. Термин «генеративность» ассоциирует модель с гибким порождением новых смыслов в виде формализованных многоярусных структурных образцов, способных показывать механизмы функционирования многозначных слов в разнородных текстах. Критические отзывы о применении такой модели обусловлены отсутствием в ней ограни-

чений на порождение смыслов и, как следствие, возможностью содержательной интерпретации фраз, неприемлемых в конкретных естественных языках [Андреев, Митрофанова, Соколов, 2014, с. 78] (развернутый критический анализ дается в: [Сокирко, 2003]). Наибольшими возможностями вычисления семантических связей между понятиями обладают, как нам думается, *векторные дистрибутивные модели извлечения семантических отношений* между словами и иными сущностями *из текстов*. Они заслуживают особого рассмотрения вне рамок данной статьи именно в связи с возможностью вычисления дистрибутивных векторов слов (о проекте см.: RusVectōrēs, а также: [Kutuzov, Kuzmenko, 2017]).

Концептуальные словари, формальные онтологии и тезаурусы создаются как ресурсы, которые могут быть востребованы в компьютерных системах для автоматической обработки текста в разных целях: информационно-поисковых, переводческих и др. Все они имеют общую для этих систем проблемную специфику, которая, с нашей точки зрения, вызвана несводимостью КММ к ЯММ, а также невозможностью решить задачу балансировки КММ и ЯММ наличными формально-логическими средствами. Отбор и упорядочение лексики проводится в них с привлечением лингвистических словарей и больших корпусов текстов, включая текстовые сетевые ресурсы Интернет, с широким использованием частотной статистики. Как исходные текстовые ресурсы, так и создаваемые на их основе формально-логически упорядоченные лексиконы (часто многоярусные сетевые модели) представляют собой отчужденный от конкретной языковой личности продукт ее речевой деятельности. Установление связей и отношений между единицами здесь вторично по отношению к живой речевой деятельности, оно опосредовано исходными параметрами текстов и задачами тех сфер деятельности, которые обслуживаются создаваемыми для них компьютерными ресурсами, а также потенциалом применимости технологий и методов формализации семантики к реалиям естественного языка. При теоретической разработке вопросов формализации связей и отношений концептуальной сети с соответству-

ющими вербальными коррелятами ученые вынуждены оперировать материалом лингвистических значений лексических единиц (с их текстовыми репрезентациями), предлагая их в качестве лексификаторов логико-понятийных феноменов. Даже динамические модели этого типа представляют движение значений в отчужденной от живой языковой личности схематично генерализованной форме. В отличие от схемы движения значений, у живой языковой личности при содержательном наполнении образа мира в процессе смысловых перевоплощений онто- и психокогнитивного плана (*лингвистическое значение ↔ психологическое значение ↔ лингвистическое значение*) даже в самых продуктивных формально-логических подходах исчезает психологическое звено смыслообразования. Таким образом, выпадает из рассмотрения *интенциональность* языковой личности, а вместе с ней и *доминантность смыслопорождения* со всеми психически актуальными импликациями, логически и статистически непредсказуемыми селективными ограничениями на оперирование лингвистическим материалом.

Особо интересны в контексте нашего обсуждения компромиссные проекты словарей на основе НКРЯ и иных сетевых ресурсов (АС; Sensefreq), направленные на экспликацию семантики через установление взаимоотношений лексических значений слов, а также лексических и грамматических значений в контекстах. Сюда следует отнести масштабный проект активного словаря, выводящего толкования лексем для широкого пользователя с установкой на полноту описания и моделирования значения слова как статистически структурированного текстозависимого феномена. Статистическая упорядоченность толкований показывает в этом словаре не только интенсивность использования в текстах лексической единицы как таковой, но и относительную частоту активации различных ее лексико-семантических вариантов. Авторами выделяются приемы описания связей между лексемами и их вариантами через специально введенную рубрику «лексический мир»⁶ лексем, приводятся данные по синтаксической реализации связей, богатый иллюстративный контекстный материал. Особую значимость имеет реализуемая в активном слова-

ре концепция лексикографических типов. По нашим наблюдениям, в АС при всем богатстве представления семантического багажа слов существуют те же ограничения, что и в других логически ориентированных подходах, однако характер представленности движения лингвистических значений в АС позволит, как думается, со временем по мере реализации этого проекта, с одной стороны, и расширения ассоциативно-вербальных баз данных, с другой, использовать эти два вида источников как комплементарные ресурсы при оценке изменчивости и устойчивости лингвистических значений отдельных слов, построении ассоциативного профиля ряда лексикографических типов (которые, возможно, и не будут совпадать с имеющимися в материалах АС).

Подводя итоги экскурсу в логическую сферу лексики, отметим, что богатый «гардероб» слова упорядочивается в ней по категориям и формирующим их признакам разного уровня обобщения, аналогично разным видам одежды: юбки, блузки, платья, брюки и т. п.; с рукавом, манжетами, воротником или без оных; по степени пригодности для общих и специальных случаев, по носкости, качеству ткани; и т. п. Это не столько подготовка к одному живому, актуально трогающему сознание зрителя образу, сколько общее упорядочение гардероба в соответствии с формальными, отвлеченными от личностно-ролевыми и тесно связанными с ними социокоммуникативными установками рубриками.

Выводы

Образ мира человека как смысловая реальность исследуется междисциплинарно на концептуальных и языковых моделях разными отраслями лингвистики. В зависимости от постановки исследовательских проблем и решаемых в их поле задач разные отрасли оперируют разными вариантами упорядочения вербального материала. Лексикостатистика формирует список архетипических значений и правил их локализации в современном лексическом материале; по мере повышения хронологического уровня расширяются возможности оперирования базисным списком для субстанциональной реконструкции протоязыка и протокультуры. Онтолингвистика

представляет базисную лексику как психокогнитивный субстрат для дальнейшего развития речемыслительной деятельности и содержательного наполнения образа мира языковой личности. Компьютерная лингвистика и формальная семантика упорядочивают лексикон на логической основе, подготавливая материал естественных языков для осуществления опосредованных машинными алгоритмами видов деятельности. Характерны для современного состояния всех упомянутых отраслей попытки построить динамические модели (почти всегда с опорой на статистическую упорядоченность) с тем, чтобы максимально полно охватить смысловую воплощенность языковых единиц или, наоборот, обеспечить точную селективность признаков при необходимости сведения смыслового содержания к определенным граням. Все подходы обнажают в той или иной мере несводимость КММ к ЯММ, противоречия между необходимостью оперировать лингвистическими значениями как объективно данной (внешней) языковой реальностью и попытками эксплицировать внутренний психически детерминированный механизм смыслопорождения. Макроуровневый анализ АВС дает возможность получить «копию» с внутреннего лексикона усредненной русской языковой личности, в котором КММ и ЯММ сбалансированы естественным путем, поскольку статистическая упорядоченность единиц базируется на детерминированности смысловой структуры образа мира, отражающей интенциональность русской языковой личности в виде психически актуальных и активных в актуальной диахронии ассоциативных доминант. В этом проявляется специфика подхода со стороны ассоциативной лексикографии. Каждый способ упорядочения лексики и выделения ее базисных (ядерных) компонентов имеет свою методологическую значимость. Комплементарное использование данных разных отраслей необходимо, например, при построении учебного курса междисциплинарной лингвистики, дающего широкую перспективу закономерностей, выявленных при разных ракурсах рассмотрения языка (филогенетическом и онтогенетическом, историко-этносоциокультурном и психокогнитивном). Все эти аспекты имеют единую смысловую основу – это разные грани человеко-

образования, процесса, воплощающегося в образе мира языковой личности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Модель строится на основе статистики обратного словаря СИБАС. В столбце 1 приведены данные о частоте реагирования словами, включенными в список ассоциативных доминант. Эти слова распределены по уровням в зависимости от частоты их актуализации в качестве слов-реакций (диапазоны частот приводятся для каждого уровня в отдельной ячейке), входящие в этот уровень единицы перечислены в порядке убывания частоты. Предельный показатель для вхождения в число ассоциативных доминант по частоте – 500 (не ниже пятого уровня). Все слова-реакции ниже этого уровня актуализации в число ассоциативных доминант не входят. В столбце 2 показаны уровни упорядочения в соответствии с количеством вербальных связей у слов-доминант. Предельный показатель для вхождения в число ассоциативных доминант по экстенсивности связей – 100 (не ниже третьего уровня). Единицы, соотносимые со списком Сводеша (генеалогическое ядро), выделены полужирным шрифтом.

² Данные приводятся по частотному списку слов, представленному в: (Ляшевская, Шаров, 2009). Диапазоны частот для разных слоев показаны в *ipm* (частота встречаемости на 1 млн словоупотреблений), после каждого слова приводится его порядковый номер в частотном списке словаря, где слова упорядочены по частоте встречаемости в текстах НКРЯ. Увеличение номера сигнализирует о понижении частотного ранга слова в этом списке. В таблицу включены только те единицы из частотного списка, которые являются доминантами АВС СИБАС. Полужирным курсивом помечены единицы, доминирующие только по экстенсивности связей.

³ Данные РАС приводятся по: [Уфимцева, 2017, с. 47–49]. Отмеченные в таблице 2 единицы, представляющие архетипические значения в списке М. Сводеша, входят и в параметры РЯЛ в АВС.

⁴ Для сопоставления с ассоциативными доминантами СИБАС подборка слов из списка М. Сводеша для русского языка осуществлялась по ГЛБД. В скобках после каждого слова указаны индексы устойчивости соответствующих требованиям глоттохронологии значений этих слов для индоевропейских языков, данные приводятся по: [Старостин, 2007, с. 834]. Полужирным шрифтом выделены единицы, имеющие в СИБАС статус ассоциативных доминант только по показателю интенсивности.

⁵ Здесь имеется в виду деление логических (формально-семантических) подходов к естественному языку на «сильную» и «слабую» семантику. Первая исходит из возможности применения к описанию языка тех же понятий и концепций, что и в логике, поскольку язык рассматривается в соотнесенности его категорий с действительностью, внешним миром, объективной реальностью, вторая – возводит его значения не столько к действительности, сколько к сущностям, хранящимся в сознании говорящего. Подробнее о реализации таких подходов на стыке философии логического и лингвистического анализа с математикой и логикой в целях исследования логических начал естественного языка см., например, в: [Андреев, Митрофанова, Соколов, 2014, с. 4–6].

⁶ «Это – условное название для большого класса лексических единиц, связанных с ключевой лексемой в словаре данного языка различными семантическими отношениями» [Апресян, 2014, с. 28].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев А. В., Митрофанова О. А., Соколов К. В., 2014. Введение в формальную семантику. СПб. : СПбГУ. РИО. Филол. фак. 88 с.
- Апресян Ю. Д., 2014. Об активном словаре русского языка // Активный словарь русского языка. Т. 1 / В. Ю. Апресян [и др.]; отв. ред. Ю. Д. Апресян. М. : Яз. слав. культуры. С. 5–36.
- Баранов О. С., 2014. Русский тезаурус. Электронное издание. URL: <http://thesaurus.wallst.ru/> (дата обращения: 19.12.2019).
- Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс., 1984. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. В 2 ч. Ч. 2. Семантический словарь общеиндоевропейского языка и реконструкция индоевропейской протокультуры. Тбилиси : Изд-во Тбилис. ун-та. 889 с.
- Жинкин Н. И., 1964. О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. № 6. С. 26–38.
- Залевская А. А., 2005. Психолингвистические исследования. Слово. Текст : Избранные труды. М. : Гнозис. 543 с.
- Зинченко В. П., 2010. Сознание и творческий акт. М. : Яз. слав. культур. 592 с.
- Караулов Ю. Н., 2010. Общая и русская идеография / отв. ред. С. Г. Бархударов. Изд. 2-е. М. : ЛИБРОКОМ. 360 с.
- Кошелев А. Д., 2017. Очерки эволюционно-синтетической теории языка. М. : Изд. дом ЯСК. 528 с. (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning).
- Кошелев А. Д., 2019. О генезисе мышления и языка : Генезис понятий и пропозиций. Аристотель и Хомский о языке. Влияние культуры на язык. М. : Изд. дом ЯСК. 264 с. (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning).
- Леонтьев А. Н., 2005. Лекции по общей психологии. М. : Смысл ; КДУ. 511 с.
- Лукашевич Н. В., 2011. Тезаурусы в задачах информационного поиска. М. : Изд-во Моск. ун-та. 396 с.
- Новиков А. И., 2000. Смысл как особый способ членения мира в сознании // Языковое сознание и образ мира : сб. ст. / отв. ред. Н. В. Уфимцева. М. : Ин-т языкознания РАН. С. 33–38.
- Новиков А. И., 2007. Текст и его смысловые доминанты / под ред. Н. В. Васильевой, Н. М. Нестеровой, Н. П. Пешковой. М. : Ин-т языкознания РАН. 224 с.
- Сокирко А., 2003. Семантические словари в автоматической обработке текста (по материалам системы ДИАЛИНГ). URL: <http://www.aot.ru/docs/sokirko/sokirko-candid-2.html#2-4> (дата обращения: 19.12.2019).
- Старостин С. А., 2007. Труды по языкознанию. М. : Яз. слав. культур. 928 с. (Классики отечественной филологии).
- Уфимцева Н. В., 2017. Этнопсихолингвистика как раздел теории речевой деятельности // Бубнова И. А., Зыкова И. В., Красных В. В., Уфимцева Н. В. (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем : коллектив. моногр. / под ред. В. В. Красных. М. : Гнозис. С. 21–96.
- Kassian A., Starostin G., Dybo A., Chernov V., 2010. The Swadesh Wordlist. An Attempt at Semantic Specification // Вопросы языкового родства. № 4. P. 46–89.
- Kutuzov A., Kuzmenko E., 2017. WebVectors: A Toolkit for Building Web Interfaces for Vector Semantic Models // Analysis of Images, Social Networks and Texts. AIST 2016. Communications in Computer and Information Science / ed. by D. I. Ignatov [et al.]. Vol. 661. P. 155–161. [S. l.] : Springer International Publishing AG 2017. DOI: 10.1007/978-3-319-52920-2_15.
- Starostin S. A., 1999. Methodology of Long-Range Comparison // Historical Linguistics and Lexicostatistics / ed. by V. Shevoroshkin, P. J. Sidwell. Melbourne : [s. n.]. P. 61–66.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

АС – Активный словарь русского языка. Т. 1 / В. Ю. Апресян [и др.]; отв. ред. Ю. Д. Апресян. М. : Яз. слав. культуры, 2014– . Т. 1. 408 с. ; Т. 2. 736 с.

- ГЛБД* – Глобальная лексико-статистическая база данных. 2011–2019 : [онлайн-ресурс]. М. : ВШЭ ; Санта Фе : Институт Санта Фе / под ред. Г. С. Старостина. URL: <http://starling.rinet.ru/new100/mainr.htm> (дата обращения: 19.12.2019).
- Ляшевская О. Н., Шаров С. А., 2009. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М. : Азбуковник. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения: 19.12.2019).
- НКРЯ* – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 19.12.2019).
- РАС* – Русский ассоциативный словарь / сост. Ю. Н. Караулов [и др.]. Т. 1–2. – М. : Астрель : АСТ, 2002. URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения: 19.12.2019).
- РОСС* – Леонтьева Н. Н., 2003. Русский общесемантический словарь. URL: www.aot.ru/docs/goss.html (дата обращения: 19.12.2019).
- СИБАС* – Русская региональная ассоциативная база данных. Сибирь и Дальний Восток – 2008–2020 / авт.-сост. : И. В. Шапошникова, А. А. Романенко. URL: <http://adict.ru.nsu.ru> (дата обращения: 19.12.2019).
- RuThes* – Тезаурус RuThes. URL: <https://www.labinform.ru/pub/ruthes/index.htm> (дата обращения: 19.12.2019).
- RuWordNet* – Тезаурус русского языка RuWordNet. URL: <http://ruwordnet.ru/ru> (дата обращения: 19.12.2019).
- RusVectōrēs* – RusVectōrēs. URL: <https://rusvectores.org/ru/> (date of access: 19.12.2019).
- ruTenTen* – The Russian Web Corpus (ruTenTen). URL: <https://www.sketchengine.eu/rutenten-russian-corpus/> (date of access: 19.12.2019).
- Sensefreq* – База частот значений слов для многозначных существительных, глаголов, прилагательных (Sense Frequencies. Based on the Active Dictionary of Russian). URL: <http://sensefreq.ruslang.ru/> (date of access: 19.12.2019).
- Baranov O.S., 2014. *Russkij tezaurus. Elektronnoe izdanie* [Russian Thesaurus. Electronic Edition]. URL: <http://thesaurus.wallst.ru/> (accessed 19 December 2019).
- Gamkrelidze T.V., Ivanov Vjach. Vs., 1984. *Indoevropskij jazyk i indoevropjcy. Rekonstrukcija i istoriko-tipologicheskij analiz prajazyka i protokul'tury. V 2 ch. Ch 2. Semanticheskij slovar' obshheindoevropskogo jazyka i rekonstrukcija indoevropskoj protokul'tury* [Indo-European and the Indo-Europeans. A Reconstruction and Historical Typological Analysis of a Protolanguage and a Protoculture. In 2 Parts. Part 2. Semantic Dictionary of the Proto Indo-European Language and Reconstruction of the Indo-European Culture]. Tbilisi, Izd-vo Tbilisskogo universiteta. 889 p.
- Zhinkin N.I., 1964. *O kodovyh perehodah vo vnutrennej rechi* [On Code Transitions in Inner Speech]. *Voprosy jazykoznanija* [Issues of Linguistics], no. 6, pp. 26-38.
- Zalevskaja A.A., 2005. *Psiholingvističeskie issledovanija. Slovo. Tekst: Izbrannye Trudy* [Psycholinguistic Research. The Word. Text: Selected Works]. Moscow, Gnozis Publ. 543 p.
- Zinchenko V.P., 2010. *Soznanie i tvorčeskij akt* [Consciousness and a Creative Act]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur Publ. 592 p.
- Karaulov Yu.N., 2010. *Obshhaja i russkaja ideografija* [General and Russian Ideography]. Moscow, LIBROKOM Publ. 360 p.
- Koshelev A.D., 2017. *Očerki jevoljucionno-sintetičeskoj teorii jazyka* [Issues on an Evolutionary Synthetic Theory of Language]. Moscow, Izdatelskij dom YaSK. 528 p. (Razumnoe povedenie i jazyk [Language and Reasoning]).
- Koshelev A.D., 2019. *O genezise myshlenija i jazyka: Genezis ponjatij i propozicij. Aristotel' i Homskij o jazyke. Vlijanie kul'tury na jazyk* [On the Genesis of Mind and Language: Geneses of Concepts and Propositions. Aristotel and Chomsky about Language. Influence of Culture on Language]. Moscow, Izdatelskij dom YaSK. 264 p. (Razumnoe povedenie i jazyk. Language and Reasoning).
- Leontyev A.N., 2005. *Lektsii po obščej psichologii* [Lectures on General Psychology]. Moscow, Smysl Publ., KDU Publ. 511 p.
- Lukashevich N.V., 2011. *Tezaurusy v zadachah informacionnogo poiska* [Thesauri and the Goals of Search for Information]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo universiteta. 396 p.
- Novikov A.I., 2000. *Smysl kak osobyj sposob chlenenija mira v soznanii* [Sense as a Special

REFERENCES

- Andreev A.V., Mitrofanova O.A., Sokolov K.V., 2014. *Vvedenie v formal'nuju semantiku* [Introduction into Formal Semantics]. Saint Petersburg, SPbGU. RIO. Filologičeskij fakul'tet. 88 p.
- Apresjan Ju.D., 2014. *Ob aktivnom slovare russkogo jazyka* [About Active Dictionary of the Russian Language]. Apresjan Ju.D., ed. *Aktivnyj slovar' russkogo jazyka. T. 1* [Active Dictionary of the Russian Language. Vol. 1]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., pp. 5-36.

- Way of Segmentation of the World and Consciousness]. Ufimceva N.V., ed. *Jazykovoje soznanie i obraz mira: sb. st.* [Language Consciousness and Image of the World. Collected Articles]. Moscow, Institut yazykoznanija RAN, pp. 33-38.
- Novikov A.I., 2007. *Tekst i ego smyslovye dominanty* [Text and Its Semantic Dominants]. Moscow, Institut yazykoznanija RAN. 224 p.
- Sokirko A., 2003. *Semanticheskie slovari v avtomaticheskoy obrabotke teksta (po materialam sistemy DIALING)* [Semantic Dictionaries in the Automatic Processing of Texts (On the Materials of DIALING)]. URL: <http://www.aot.ru/docs/sokirko/sokirko-candid-2.html#2-4> (accessed 19 December 2019).
- Starostin S.A., 2007. *Trudy po jazykoznaniju* [Works on Linguistics]. MOSCOW, Yazyki slavyanskikh kultur Publ. 928 p. (Klassiki otechestvennoj filologii [Classics of the Russian Philology]).
- Ufimceva N.V., 2017. *Jetnopsiholingvistika kak razdel teorii rechevoj dejatel'nosti* [Ethnopsycholinguistics as a Branch of the Theory of Speech Activity]. Bubnova I.A., Zyкова I.V., Krasnyh V.V., Ufimceva N.V., eds. *(Neo)psiholingvistika i (psih)lingvokul'turologija: novye nauki o cheloveke govoryashhem: kollektiv. monogr.* [(Neo)psycholinguistics and (Psycho)-linguoculturology: New Sciences About Homo Loquens. Collective Monograph]. Moscow, Gnoziz Publ., pp. 21-96.
- Kassian A., Starostin G., Dybo A., Chernov V., 2010. The Swadesh Wordlist. An Attempt at Semantic Specification. *Voprosy jazykovogo rodstva* [Journal of Language Relationship], no. 4, pp. 46-89.
- Kutuzov A., Kuzmenko E., 2017. WebVectors: A Toolkit for Building Web Interfaces for Vector Semantic Models. Ignatov D.I. et al., eds. *Analysis of Images, Social Networks and Texts*. AIST 2016. Communications in Computer and Information Science. [S. l.], Springer International Publishing AG, 2017, vol. 661, pp. 155-161. DOI: 10.1007/978-3-319-52920-2_15.
- Starostin S.A., 1999. Methodology of Long-Range Comparison. *Historical Linguistics and Lexicostatistics*. Melbourne, [s. n.], pp. 61-66.
- Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2014, vol. 1. 408 p.: vol. 2. 736 p.
- Starostin G.S., ed. *Global'naja leksiko-statisticheskaja baza dannyh. 2011–2019: [onlain resurs]* [The Global Lexicostatistical Database. 2011–2019: [online source]]. Moscow, VShE, Santa Fe, Institut Santa Fe. URL: <http://starling.rinet.ru/new100/mainr.htm> (accessed 19 December 2019).
- Ljashevskaja O.N., Sharov S.A., 2009. *Chastotnyj slovar' sovremennogo russkogo jazyka (na materialah Nacional'nogo korpusa russkogo jazyka)* [Word Frequencies in the Modern Russian Language (Based on the Russian National Corpus)]. Moscow, Azbukovnik Publ. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (accessed 19 December 2019).
- Nacional'nyj korpus russkogo jazyka* [The Russian National Corpus]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed 19 December 2019).
- Karaulov Ju.N., Sorokin Ju.A., Tarasov E.F., Ufimceva N.V., Cherkasova G.A., eds. *Russkij asociativnyj slovar'* [Russian Associative Dictionary]. Vol. 1–2. Moscow, Astrel Publ., AST Publ., 2002. URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php> (accessed 19 December 2019).
- Leont'eva N.N., 2003. *Russkij obshhesemanticheskij slovar* [Russian General Semantics Dictionary]. URL: www.aot.ru/docs/ross.html (accessed 19 December 2019).
- Shaposhnikova I.V., Romanenko A.A. *Russkaja regional'naja asociativnaja baza dannyh. Sibir' i Dal'nij Vostok – 2008–2020* [Russian Regional Associative Database. Siberia and Far East – 2008–2020]. URL: <http://adictru.nsu.ru> (accessed 19 December 2019).
- Tezaurus RuThes* [RuThes Thesaurus]. URL: <https://www.labinform.ru/pub/ruthes/index.htm> (accessed 19 December 2019).
- Tezaurus russkogo jazyka RuWordNet* [Thesaurus of Russian Language RuWordNet.]. URL: <http://ruwordnet.ru/ru> (accessed 19 December 2019).
- RusVectōrēs*. URL: <https://rusvectores.org/ru/> (accessed 19 December 2019).
- The Russian Web Corpus (ruTenTen)*. URL: <https://www.sketchengine.eu/rutenten-russian-corpus/> (accessed 19 December 2019).
- Baza chastot znachenij slov dlja mnogoznachnyh sushhestvitel'nyh, glagolov, prilagatel'nyh* [Sense Frequencies. Based on the Active Dictionary of Russian]. <http://sensefreq.ruslang.ru/> (accessed 19 December 2019).

SOURCES

Apresjan Ju.D., ed. *Aktivnyj slovar' russkogo jazyka. T. 1* [Active Dictionary of the Russian Language].

Information About the Author

Irina V. Shaposhnikova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Chief Researcher, Institute of Philology of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Nikolaeva St, 8, 630090 Novosibirsk, Russia, i.shaposhnickowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3519-1209>

Информация об авторе

Ирина Владимировна Шапошникова, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт филологии Сибирского отделения РАН, ул. Николаева, 8, 630090 г. Новосибирск, Россия, i.shaposhnickowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3519-1209>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.15>

UDC 81'42
LBC 81.055.51

Submitted: 29.11.2019
Accepted: 25.05.2020

ENGAGEMENT STANCE IN THE ILLEGITIMATE DISCOURSE PRACTICE¹

Pavel A. Katyshev

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Natalya A. Bozhenkova

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Abstract. The paper deals with an interpersonal approach to the study of mediated political communication, that is aimed at the description of text impact capacity considered as tool of influence on group characteristic of an engaged object through the acceptance of the involving person's attitudes. The goal of the study was reached through rhetorical analysis, the methodology of critical discourse analysis and sociolinguistic theory of membership categorization. The concept of "engagement stance" is introduced and considered as metadiscourse characteristics of a communicative artefact reflecting the initiative of the subject (an initiator of engagement) whose purpose is to involve the audience to the ideology and practice of a terrorist organization. The study takes into account linguistic-parametric signs, significant for law enforcement practice, which make it possible to externalize the mindset to involve others in committing the crimes of an extremist (terrorist) orientation and to identify its verbal indicators. Rhetorical analysis of the engagement stance proves, that adaptation of the text type depends on the communicative intentions of the corporate author and shows text capacity for genre transformations caused by public circumstances, it is presented in the following characteristics: a) asymmetry as an interactional feature of the corporate subject and the object of an engagement action; b) perception of the corporate subject as an absolute truth holder, whose views acceptance is positioned as the only right decision for the object; c) the regulatory nature of the message aimed at receiving responses controlled by the sender (the corporate subject of an engagement).

Key words: engagement, engagement stance, critical discourse analysis, membership categorization theory, metadiscourse, terrorist organization, genre.

Citation. Katyshev P.A., Bozhenkova N.A. Engagement Stance in the Illegitimate Discourse Practice. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 5, pp. 173-182. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.15>

УДК 81'42
ББК 81.055.51

Дата поступления статьи: 29.11.2019
Дата принятия статьи: 25.05.2020

ПОЗИЦИЯ ВОВЛЕЧЕНИЯ В НЕЛЕГИТИМНОЙ ДИСКУРСИВНОЙ ПРАКТИКЕ¹

Павел Алексеевич Катышев

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Наталья Александровна Боженкова

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье представлен интерперсональный подход к изучению опосредованной политической коммуникации. Применение риторического анализа, учитывающего методологию критических исследований дискурса и социолингвистическую теорию категоризации членства, реализует цель работы – описать воздействующий потенциал текста как способа изменения групповых характеристик объекта вовлечения на основе принятия им установок вовлечателя. Для достижения поставленной цели вводится понятие «позиция вовлечения», посредством которого описываются метадискурсивные характеристики

коммуникативного артефакта, отражающие инициативу адресанта, направленную на приобщение аудитории к идеологии и практике террористической организации. Одновременно учитываются значимые для правоприменительной практики лингвопараметрические признаки, позволяющие экстернализовать установку на вовлечение в совершение преступлений экстремистской (террористической) направленности и определить ее вербальные показатели. Анализ позиции вовлечения показал, что приспособление текстотипа к коммуникативным намерениям корпоративного автора демонстрирует ситуативную предрасположенность жанрового ресурса к преобразованию, вследствие чего результирующий текст эксплицирует: а) асимметрию как черту взаимодействия корпоративного субъекта и адресата; б) представление о корпоративном субъекте как носителе готовой истины, принятие которой является для адресата единственно верным решением; в) регулирующий характер сообщения, направленный на получение реакций, контролируемых адресантом.

Ключевые слова: вовлечение, позиция вовлечения, критический дискурс-анализ, теория категоризации членства, метадискурс, террористическая организация, жанр.

Цитирование. Катышев П. А., Боженкова Н. А. Позиция вовлечения в нелегитимной дискурсивной практике // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 5. – С. 173–182. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.15>

К постановке проблемы

Вовлечение как степень участия интрактивных в коммуникации [Гуляева, 2016] составляет сущность межличностного диалогического общения. Однако установка на включение индивида в разговор, а также в различные виды социально-предметной деятельности характеризует не только непосредственную коммуникацию, но и опосредованную [Engagement..., 2019; Hyland, Jiang, 2016; Suau-Jiménez, Dolón, 2007]. Более того, состояние вовлеченности определяет коммуникативный обмен между субъектами, имеющими как одинаковый, так и неравный социально-ролевой статус [Боженкова и др., 2019; Agaeva et al., 2018].

Политический дискурс как сфера приложения субъектов, наделенных властными полномочиями или обладающих претензиями на власть, предполагает реализацию сценариев вовлечения, определяющих взаимодействие между разностатусными участниками политического процесса. Для его эффективного осуществления могут привлекаться метадискурсивные техники, соответствующие положению институционального субъекта на политической арене². В данной статье внимание сосредоточено на таких сценариях вовлечения, которые используются идеологами террористических организаций для продвижения интересов радикального сообщества. В этом контексте будут рассмотрены сценарии *фоновового вовлечения и вовлечения-расположения* (склонения). В первом случае вовле-

чение составляет фон для дальнейших манипуляций с вовлекаемым (адресант, воздействуя на реципиента, исходит из групповой идентичности с ним). Во втором случае субъект вовлечения отказывает вовлекаемому в равенстве по статусу, осведомленности, мировоззренческой зрелости и т. д., поэтому вовлечение приобретает черты расположения, направленного на формирование у адресата готовности разделить с вовлекающим какие-либо взгляды на что-либо, действовать совместно с ним или в соответствии с его побуждениями и т. д. Полагаем, что различие в способах организации рассматриваемой дискурсивной деятельности зависит как от позиции, занимаемой адресантом в отношении вовлечения, так и от степени погруженности вовлекаемого в организационный (корпоративный) контекст.

Указанные обстоятельства, несомненно, свидетельствуют об актуальности исследований политического дискурса с учетом практик вовлечения аут-групп и сплочения членов ин-группы, что в конечном счете позволит представить политические феномены сквозь призму институциональных культур вовлечения. Отметим, что степень изученности инклюзивных феноменов зависит от легитимности вовлекателя. Так, коммуникативно-семиотические инструменты электоральной риторики, определяющей участие избирателей в предвыборных кампаниях, изучены лучше, нежели способы вовлечения в деятельность запрещенных в государстве сообществ (организаций). Вместе с тем уровень и характер исследованности явлений инклюзии подкреп-

ляется экспертной практикой по делам о подстрекательстве к деятельности экстремистской (террористической) направленности, в результате чего предпринимаются усилия по судебной-лингвистической параметризации вовлечения, описанию его коммуникативно-семиотических механизмов, характеризующих, прежде всего, устную интеракцию представителей террористических сообществ [Хазимуллина, 2016]. В этой связи известные нам модели описания нелегальных практик вовлечения требуют корректировки с учетом особенностей опосредованной коммуникации, поскольку остается открытым вопрос о том, как исследовать (разбирать) проявления подстрекательства (в частности, побуждение к сближению с нелегальной группой), если непосредственный контакт между лицами отсутствует.

Цель статьи заключается в том, чтобы представить вовлечение – а именно побуждение к участию кого-либо в деятельности экстремистской (террористической) направленности – как слабое тех усилий, которые предпринимает институциональный вовлекающий (адресант) для мотивации вовлекаемого (адресата). При этом деятельность вовлекающего, направленная на придание опосредованной коммуникации диалогических характеристик, рассматривается в аспекте реализуемого адресантом сценария взаимодействия с адресатом. Это позволяет диагностировать в исследуемом объекте определенную **позицию вовлечения** как некий дискурсивно значимый антропокомпонент (то есть систему дискурсивных параметров и процедур), благодаря которому порождается текст, создающий условия для сближения точки зрения реципиента с точкой зрения адресанта.

Концептуальные предпосылки исследования

Асимметрия социальных позиций особенно остро ощущается при рассмотрении таких дискурсивных практик, которые применяются агентами нелегальных организаций в отношении управляемой аудитории. В российском уголовном законодательстве понятийным ядром категории вовлечения выступает идея о целенаправленной деятельности, ори-

ентированной на формирование у объекта воздействия решимости или готовности участвовать в совершении общественно опасного деяния [Селиванова, 2010]. При этом учитывается, что подстрекательство к деятельности в интересах нелегальной группы может быть реализовано и дискурсивным путем (см., в частности, п. 14 постановления Пленума Верховного суда РФ от 09.02.12 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности»). Иными словами, в сфере права сформировано представление о вовлечении как социальном, когнитивном и дискурсивном феномене, в силу чего понятийные аспекты рассматриваемой аналитической категории предполагают включение в дефиницию ряда признаков, свидетельствующих:

1) об особенностях общего социокоммуникативного контекста, ориентирующего общество в целеполагании и способах достижения поставленных целей;

2) о стадиях инклюзивного воздействия, обеспечивающих укоренение установки на пополнение и сплочение сообщества;

3) о метадискурсивном (интерперсональном) устройстве коммуникации как:

– **институциональной культуре** – системе моделей поведения, принятых в нелегальном сообществе;

– **дискурсивной практике** вовлечения, определяющей закономерности использования коммуникативно-семиотических средств с учетом **дискурсивных процедур**, направленных на конструирование взаимодействия между адресантом и адресатом;

– **дискурсивном строе** – совокупности всех типов дискурсов, которые используются в каком-либо нелегальном сообществе для достижения инклюзивных целей.

Именно расширение толкования интерперсональной коммуникации до некоей семиотической практики обуславливает введение регуляционного параметра «позиция, занимаемая адресантом в отношении вовлечения», или **позиция вовлечения**. Через нее определяется, в частности, то, как адресант (автор текста) представляет себя и другого в качестве участников процесса социальной интеракции. Данный параметр имеет комплексный характер и ус- танавливает процедуры, связанные:

– с фокусировкой адресанта на инклюзивной интенции;

– отбором такого пропозиционального содержания высказывания, которое имеет отсылки к сфере вовлечения;

– использованием коммуникативно-семиотических средств, направленных на выравнивание, сближение адресата и адресанта-подстрекателя.

Кроме того, в состав позиции вовлечения (для более частных случаев) могут быть включены процедуры, касающиеся:

– выбора адресантом целевой аудитории и способов ее репрезентации;

– распределения статусов и ролей адресанта и адресата в условиях совершаемого коммуникативного действия;

– установления определенного отношения к реципиенту;

– указания на степень и характер близости сообщаемого и корпоративных (организационных) ценностей адресанту и реципиенту (их отождествления с источником сообщения или расподобления с ним);

– отнесения к членам референтной («правильной») группы реципиента с возможным указанием: а) на ее предпочтения и ценности; б) способы вхождения в нее; в) важные для нее личностные качества; г) условия членства; д) обязательства пребывания в ней.

Идея выделения параметра «позиция вовлечения» и его составляющих восходит к разнообразным теоретическим конструктам, связанным с осмыслением феномена коллективной деятельности:

– *металингвистической концепции* М.М. Бахтина об интертекстовых феноменах, обладающих двойной референцией к чужому слову (в том числе другой смысловой позиции) и авторскому отношению к нему [Бахтин, 1979, с. 212–215];

– *интерперсональной концепции метадискурса* К. Хайланда, позволяющей рассмотреть письменный текст как практику использования языка, обусловленную фактором реципиента [Hyland, 2005; 2017];

– ряду аналитических категорий, в числе которых:

а) *интерперсональность* и *близость* как понятия, позволяющие рассматривать формирование и формулирование текстового

содержания в связи с его ориентацией на сознание определенного реципиента; при этом под *близостью* понимается такое свойство текстовой категории образа автора, которое определяет причастность субъекта к содержанию сообщения и принадлежность к представляемому им сообществу, а под *интерперсональностью* – предрасположенность автора текста к моделированию взаимодействия с читателем с целью передачи сообщаемого [Hyland, 2010];

б) *сообщество* как термин, обозначающий самоорганизованную группу, соединенную убеждениями, интересами и обязательствами [Bhatia, 2011, p. 127] и сформированную посредством набора правил и процедур, которые допускают лиц к членству в группе и тем самым к получению в ней должностей [Jayyusi, 1984, p. 26]; *инклюзивное сообщество* – термин, определяющий такую группу, которая преследует цели, соответствующие благу, достигаемому и осваиваемому сообществом, а потому расширяет свой состав за счет включения с помощью агитации, уговоров и др. действий новых членов [Олсон, 1995, с. 94];

в) *референтная группа* – понятие, характеризующее реальную или воображаемую социальную общность, выступающую для индивида эталоном, образцом для подражания, источником формирования социальных норм и ценностных ориентаций [Кравченко, Поликарпова, Науменко, 2019].

Таким образом, дискурсивная практика вовлечения в текстах письменной коммуникации предполагает моделирование интеракции, инициируемой одним из коммуникантов (адресантом), и диктуется процедурами, входящими в комплексный параметр позиции вовлечения.

Материал и методы исследования

Данные для изучения взяты из корпуса письменных текстов, созданных с целью передачи и продвижения идеологии террористической организации «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», признанной запрещенной на территории Российской Федерации решением Верховного суда от 14 февраля 2003 года. Доступ к текстам получен в ходе проведения экспертных мероприятий (назначенных исследова-

ний и экспертиз). Обоснование релевантности комплекса признаков, представляющих позицию вовлечения, осуществляется с опорой на критический анализ публикации «Диалог в аль-Хараме», размещенной в журнале «Аль-Ваъй» (2009, № 274) (далее – Объект). Это издание публикует материалы, которые содержат информацию, относящуюся к идеологии и деятельности террористической организации «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами». Некоторые из номеров журнала внесены в Федеральный список экстремистских материалов (по данным на 28.08.2019 рассматриваемый номер не внесен в Федеральный список экстремистских материалов); журнал издается в том числе на русском языке. Публикация по форме представляет собой жанр сократического диалога, вербальная информация организована в виде нарратива, передается от лица рассказчика, излагающего содержание беседы, которая состоялась у него во время паломничества в Мекку. По коммуникативной цели анализируемый текст является императивным (агитационно-инструктирующим). Его характерной стилевой чертой выступает интердискурсивность, связанная с заимствованием жанра сократического диалога и его адаптацией к задачам дискурсивной практики вовлечения, внедренной в деятельность радикальной организации.

Переориентация жанра, его использование для решения политических задач указывают на многомерную организацию речевого вовлечения (и шире – взаимодействия), осуществляемого в условиях опосредованной письменной коммуникации. Поэтому анализ такого воздействия требует подходящей методологии, которая складывается не только из общей методики коммуникативно-риторического анализа с его вниманием к фактору адресата, но и из специализированных процедур критического дискурс-анализа и анализа социальной категоризации.

1. Критический дискурс-аналитический подход позволяет рассмотреть текст как средство доступа к социально-политическим явлениям и отношениям, связанным с деятельностью политического субъекта внутри и вне созданных им институциональных структур (В.К. и А. Бхатия, Р. Водак, Т.А. ван Дейка, Н. Фэрклафа). Применение критического

дискурс-анализа дает возможность: охарактеризовать позицию, занимаемую адресантом в отношении (со)участия реципиента в деятельности организации; представить жанровые признаки высказывания (как и другие коммуникативно-семиотические средства) в качестве показателей интерперсональности асимметричного типа.

2. Агональный характер института политики, по словам А. Бхатия, порождает множество разграничительных категорий, посредством которых устанавливается приоритет одной из версий реальности над другими [Bhatia, 2011, p. 121]. Данная категоризация может приводить к тому, что одна группа способна заявить о своем абсолютном праве на власть. Поэтому для выявления намерений и идеологии группы, создающей и распространяющей свои представления о реальности и обстоятельствах членства в сообществе, используются отдельные принципы и процедуры анализа социальной категоризации (Л. Джайюси, Х. Сакс, Э.А. Щеглофф). Так, рассмотрение социальной категоризации, реализуемой через дискурс, состоит, как показано исследователями, из описания процедур, необходимых людям для осмысления деятельности других людей, и акцентирует внимание на прагматическом компоненте, поскольку ориентируется на практические действия, позволяющие людям отделять свои моральные, социальные и религиозные характеристики от чужих [Leudar, Marsland, Nekvapil, 2004, p. 244]. Следовательно, анализ социальной категоризации можно трактовать как текстовый разбор категорий, которые используются с целью утверждения власти и идеологии некоторой группы в рамках заданных общественно-политических отношений.

Результаты и обсуждение

Целеустановка рассматриваемого высказывания коррелирует с его обращенностью к неограниченному адресату, имеющему ту же конфессиональную принадлежность, что и адресант: *Пусть каждый из нас приготовится отвечать перед Аллахом... Пусть каждый из нас вспомнит о Рае и огне... Давайте... откроем страницы величия мусульман...* Это означает, что индивиды, отличающиеся друг

от друга степенью участия в деятельности группы, способны извлечь из текста смыслы, соответствующие положению адресата в организационном контексте. Учет возможных ожиданий, соотносимых с когнитивно-волевыми состояниями групп читающей аудитории, обуславливает разнообразные амплуа автора текста, способность субъекта высказывания совмещать в себе черты адресанта-агитатора и адресанта-инструктора. Соответственно, Объект обладает следующими признаками, дающими представление о позиции вовлечения:

1) инклюзивная интенция адресанта совпадает с целью высказывания, которая выражается в основном тезисе как утверждение обязанности мусульман *сотрудничать с организацией: ...работа вместе с Хизб-ут-Тахрир, с партией, которая работает для осуществления правления по законам Аллаха на земле, является фардом* (то есть обязанностью мусульманина);

2) при этом информация об участии в работе организации входит в область действия модальности должностования (...*является фардом*), чем обеспечивается включение адресата (мусульманина) в деятельность, имеющую нелегитимный характер;

3) высказывание ориентировано на тех, кто, как и автор, входит в одну профессиональную группу, в связи с чем в фокус аргументативной ситуации выносятся утверждение, что соблюдение законов ислама предполагает работу в организации;

4) адресант эксплуатирует некоторую общность апперцепции (конфессиональную, экзистенциальную, организационную) для создания условий, обеспечивающих ментальную конверсию (согласие, присоединение) реципиента либо его работу в качестве агитатора;

5) адресант выступает в качестве члена организации, от лица которой он ведет агитацию и инструктаж;

6) между адресантом и реципиентом существует прекоммуникативная дистанция, связанная с тем, что адресат не включен в группу адресанта, не обладает опытом для ведения агитации;

7) адресант и реципиент находятся в отношениях неравноправия (адресант исходит из неравенства реципиента по принадлежности к референтной группе, наделенности необходи-

мыми ценностными ориентирами либо по положению в группе, сформированности компетенций и т. д.);

8) адресант искренне заинтересован в реализации своей интенции и убежден в важности ее осуществления (в тексте имеются фрагменты, передающие переживания автора относительно несправедливого миропорядка и отсутствия значительных шагов на пути возрождения былого величия ислама);

9) реципиент разделяет взгляды адресанта на наличие границ между государствами, население которых исповедует ислам, интересуется тем, как исправить сложившуюся ситуацию, характеризуется открытостью позиции в отношении сообщаемого адресантом, исходит из серьезности намерений собеседника, считает его авторитетом; вместе с тем реципиент либо не знает о путях изменения сложившейся ситуации, либо не владеет способами агитации;

10) ценность референтной группы определяется по ее особому значению для представителя конфессии: она *соблюдает законы Ислама, добивается их претворения в жизнь* (то есть ведет работу по *установлению Халифата путем уничтожения марионеточных государств*), вхождение в ее ряды *спасет от наказания Аллаха*, поэтому членство в организации не только приближает индивида к коллективному благу, которое станет доступным с возрождением халифата, но и требует от последователя приложения усилий, соблюдения определенных обязательств ради достижения совместной цели;

11) адресант для воплощения агитационно-инструктирующей интенции прибегает к средствам интерперсональности, позволяющим донести до адресата интенции автора текста.

Одним из таких средств выступает использование жанра сократического диалога, макроструктура которого ситуативно преобразуется (реконтекстуализируется) для передачи идей адресанта. Иными словами, усилия автора направлены на то, чтобы трансформировать жанрообразующие признаки заимствованного ресурса, адаптировав их к обстоятельствам ситуации воздействия, в силу чего направления реконтекстуализации связаны:

– с монологизацией диалогического регистра, происходящей вследствие предьявле-

ния одной из сторон претензий на владение готовой истиной (в рассматриваемом тексте субъект речи, совпадающий с адресантом сообщения, выступает транслятором идеологии террористической организации, планов этой партии, ее техник расположения первичной аудитории);

– наделением вовлекаемого чертами состоявшегося идеолога и, наоборот, приписыванием вовлекаемому идеологической незрелости, проявляющейся в растерянности, нерешительности, ведомости адресата передаваемого диалога;

– реализацией образа застывшей идеи, воспроизводимой как универсальный «рецепт» изменения миропорядка, не знающей себе альтернатив и не вступающей в диалог с другими идеями, способными расширить кругозор вовлекаемого;

– выдвиганием сюжетной ситуации диалога (исключительной, критической ситуации) как фактора, создающего необходимые условия для проведения агитации;

– использованием приемов контролируемого получения коммуникативных реакций для некритичного принятия идей группы. Представим более развернутое описание таких приемов.

Структурная организация вовлекающего диалога. Несомненно, основная функциональная нагрузка в реализации агитационно-инструктирующей цели высказывания приходится на композиционно-тематическую структуру диалога, включенного в контекст рассказа. Передаваемая рассказчиком беседа отражает способ упорядоченного представления диалогических ходов, направленных на то, чтобы: а) поставить проблему недолжного положения дел в исламе; б) призвать к действиям для восстановления порядка, обеспечивающего интересы адресатов; в) указать на силу, которая способна восстановить необходимый порядок; г) побудить адресатов присоединиться к партии, деятельность которой отвечает их чаяниям и интересам. Соответственно, в технике построения диалога прослеживается намерение адресанта инициировать присоединение реципиента к организации посредством обещания желаемого блага (*беспрепятственного доступа к святыням*), которое, однако, можно получить только пу-

тем включения в коллективную деятельность (*вместе с партией «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»*) и при соблюдении обязанностей, обеспечивающих успех дела (в качестве обязанностей называется следующее: *работа в рядах партии «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»; устранение границ между государствами с традиционно исламским вероисповеданием; освобождение Палестины; ликвидация нынешних правительств и назначение одного правителя; создание единого мусульманского государства* и т. д.).

Использование реплик, провоцирующих желательные коммуникативные реакции. Направляемый характер беседы предполагает контроль за реакциями адресата (их стимулирование и управление ими), чему способствует техника провокации, посредством которой автор получает желаемую обратную связь, предопределяющую дальнейшие аргументативные ходы и реплики субъекта воздействия.

Контроль за реакциями устанавливается на уровне коммуникативно-семиотической организации стимульных высказываний путем использования ритуализованных реплик, вопросов, побуждений.

Например, используются вопросы, актуализующие такое положение вещей в мире, опровержение которого бессмысленно (*Почему вы лишились возможности читать намаз в аль-Акъса и довольствуетесь этим, в то время как намаз в ней подобен тавафу? И что вы сделали, чтобы устранить препятствие? Вы устранили его?*).

Показательно и включение в текст императивных высказываний, организация которых ограничивает произвольный характер ответных речевых действий: призыв *Вставайте, пойдём сейчас в аль-Акъса!* является заведомо неэффективным речевым актом (*Они ответили: «Нет, мы не можем»*), поскольку при его производстве преднамеренно нарушается подготовительное условие успешности речевого акта: выдвигаемая коммуникативная цель (*побуждение немедленно идти из Мекки в Иерусалим*) формулируется без учета объективного положения дел (наличия границ, препятствующих свободному перемещению мусульман из одной святыни в другую).

Особенности аргументации и состояния приемлемости аргумента. Управление

ние реакциями собеседников, связанное с соблюдением / несоблюдением условий успешности регулирующих речевых актов, позволяет агитатору (по представлениям автора текста) включать в диалог идеи, значимые для сообщества, на фоне устанавливающегося консенсуса с адресатом. В качестве примера приведем один из фрагментов Объекта:

«...А как быть, если аль-Акьса оккупирована Израилем? Знаете ли вы, что я на протяжении десяти лет не читаю намаз в аль-Акьса в то время, как я живу на расстоянии полчаса езды на автомобиле? Поистине, евреи, окружив ее, не дают мусульманам читать намаз в ней!». Они сказали: «Пусть Аллах поможет вам!». И стали читать ду'а против евреев и призывать о помощи палестинцам. Они сказали: «Наши сердца с вами и мы молимся за вас!». Я сказал им: «Вы думаете, что мольбы для Палестины достаточно, чтобы освободить ее?». Они ответили: «Нет!». Я спросил у них: «Достаточно ли чтения Корана, чтобы освободить ее?». Они ответили: «Нет!». И я сказал: «В таком случае, как освободить её, когда на неё набросились народы, помогая евреям в её оккупации? Мое послание вам заключается в том, что Палестина не для жителей Палестины, ибо мы, жители Палестины, не можем освободить ее. Мы в Палестине не нуждаемся в еде, одежде, лекарствах и скорой помощи, а нуждаемся в многочисленной армии, которая освободит её. Палестина не нуждается в застраивании, а нуждается в освобождении!»

Пример демонстрирует, что воздействие на адресата осуществляется поэтапно:

сначала адресант обеспечивает эмоционально-рассудочное принятие идеи о необходимости освобождения Палестины, провоцируя выражение солидарности с ее народом (*Они сказали: «Пусть Аллах поможет вам!»*). И стали читать ду'а против евреев и призывать о помощи палестинцам. Они сказали: «Наши сердца с вами и мы молимся за вас!») и вынуждая согласиться с тем, что для освобождения Палестины недостаточно обращений к Аллаху и чтения Корана (*Я сказал им: «Вы думаете, что мольбы для Палестины достаточно, чтобы освободить ее?»*). Они ответили: «Нет!». Я спросил у них: «Достаточно ли чтения Корана, чтобы освободить ее?». Они ответили: «Нет!»);

затем, обеспечив себя субъективными предпосылками для выдвижения приемлемого тезиса (то есть создав необходимую атмосферу консенсуса), адресант призывает удовлет-

ворить потребность жителей Палестины в многочисленной армии, способной отвоевать захваченную Израилем территорию (...*Мое послание вам заключается в том, что... Мы в Палестине... нуждаемся в многочисленной армии, которая освободит её. Палестина... нуждается в освобождении!*).

Заключение

Дискурсивный анализ позиции вовлечения выявил отдельные аспекты функционирования текстовых структур в изначально асимметричной коммуникативной среде. Так, стало очевидно, что адаптация жанра к задачам вовлечения, свойственным определенному институциональному контексту, подчинена корпоративным стандартам, принятым в радикальном сообществе для установления связи с аут-группой и обучения представителей ин-группы. В частности, особой значимостью характеризуются сценарии фонового вовлечения и расположения первичной аудитории. Будучи совмещенными в рамках рассматриваемого Объекта, они демонстрируют ситуативную предрасположенность жанрового ресурса к преобразованию: а) для передачи интенций, свойственных в большей степени монологической речи (см. интенции побуждения к коллективной деятельности, инструктирования); б) наделения речевого воздействия чертами предсказуемости и регулируемости; в) трансляции готовой, идеологически окрашенной «истины», приводящей к усилению значимости референтной группы и отрицанию ценности какой-либо иной общности.

Исследование опосредованной политической коммуникации с точки зрения ее интерперсональных характеристик, сфокусированных в понятии «позиция вовлечения», представляется весьма перспективным для разработки диагностического комплекса, с опорой на который возможно проведение судебных лингвистических экспертиз по делам, связанным с подстрекательством в деятельность экстремистской (террористической) направленности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья выполнена в рамках гранта РФФИ № 18-012-00574 «Лингвокультурные доминанты ле-

гитимных / нелегитимных политических дискурсивных практик в пространстве русскоязычной коммуникации: типологическое исследование».

This study was carried out as part of RFBR grant No. 18-012-00574 “Linguo-cultural dominants of legitimate / illegitimate political discursive practices in the Russian-speaking communication space: a typological study”.

² Ряд методологических подходов и отдельные метадискурсивные техники вовлечения были описаны в работе: [Катыхов, 2019].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бахтин М. М., 1979. Проблемы поэтики Достоевского. М. : Сов. Россия. 320 с.
- Боженкова Н. А., Катыхов П. А., Ионова С. В., Афанасьева Э. М., Саакян Л. Н., 2019. Русский политический дискурс в фокусе лингвоэкологии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 18, № 3. С. 76–92. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.6>.
- Гуляева М. А., 2016. Теоретические основы изучения вовлеченности в коммуникацию // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 9–10 (113). С. 65–69.
- Катыхов П. А., 2019. Жанр в дискурсивной практике вовлечения: критическое исследование политической коммуникации // Русский язык за рубежом. № 4. С. 33–40.
- Кравченко А. И., Поликарпов В. А., Науменко Л. И., 2019. Группа референтная // Гуманитарная энциклопедия : Концепты. Центр гуманитарных технологий. URL: <https://gtmarket.ru/concept/6931> (дата обращения: 28.09.2019).
- Олсон М., 1995. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М. : Фонд Экон. Инициативы. 165 с.
- Селиванова М. А., 2010. К вопросу о понятии вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений // Известия Иркутской государственной экономической академии. № 2 (70). С. 146–149.
- Хазимуллина Е. Е., 2016. Механизм речевого вовлечения в деятельность экстремистских организаций // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. Т. 12, № 3. С. 453–469.
- Araeva L. A., Katyshev P. A., Osadchiy M. A., Olenev S. V., 2018. Recontextualization of the Religious Term ‘Ziyarat’: Critical Discourse Study // European Journal of Science and Theology. Vol. 14 (5). P. 137–147.

- Bhatia A., 2011. Building Community in International Politics: A Study of Political Press Conferences // *Ibérica*. Vol. 21. P. 117–140.
- Engagement in Professional Genres, 2019. Pragmatics & Beyond New Series. xiv, 373 p. DOI: 10.1075/pbns.301.
- Hyland K., 2005. Stance and Engagement: A Model of Interaction in Academic Discourse // *Discourse Studies*. Vol. 7 (2). P. 173–192.
- Hyland K., 2010. Constructing Proximity: Relating to Readers in Popular and Professional Science // *Journal of English for Academic Purposes*. Vol. 9 (2). P. 116–127. DOI: 10.1016/j.jeap.2010.02.003.
- Hyland K., 2017. Metadiscourse: What is it and Where Is It Going? // *Journal of Pragmatics*. Vol. 113. P. 16–29. DOI: 10.1016/j.pragma.2017.03.007.
- Hyland K., Jiang F., 2016. “We Must Conclude That...”: A Diachronic Study of Academic Engagement // *Journal of English for Academic Purposes*. Vol. 24. P. 29–42. DOI: 10.1016/j.jeap.2016.09.003.
- Jayyusi L., 1984. Categorization and the Moral Order. L. : Routledge & Kegan Paul. 275 p.
- Leudar I., Marsland V., Nekvapil J., 2004. On Membership Categorization: ‘Us’, ‘Them’ and ‘Doing Violence’ in Political Discourse // *Discourse & Society*. Vol. 15 (2-3). P. 243–266. DOI: 10.1177/0957926504041019.
- Suau-Jiménez F., Dolón R., 2007. The Importance of Metadiscourse in the Genre ‘Promotion of Touristic Services and Products’: Differences in English and Spanish // *Languages for Specific Purposes : Searching for Common Solutions / ed. by D. Galová*. [S. l.] : Cambridge Scholars Publishing. P. 71–79.

REFERENCES

- Bakhtin M.M., 1979. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky’s Poetics]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ. 320 p.
- Bozhenkova N.A., Katyshev P.A., Ionova S.V., Afanasyeva E.M., Saakyan L.N., 2019. Russkij politicheskij diskurs v fokuse lingvojekologii [Russian Political Discourse in the Focus of Linguistic Ecology]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 18, no. 3, pp. 76–92. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.6>.
- Gulyaeva M.A., 2016. Teoreticheskie osnovy izucheniya vovlechnosti v kommunikatsiyu [Theoretical Foundations of Study of Involvement in Communication]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo*

- universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], no 9–10 (113), pp. 65–69.
- Katyshev P.A., 2019 Zhanr v diskursivnoi praktike вовлечения: kriticheskoe issledovaniye politicheskoi kommunikatsii [Genre in the Discursive Practice of Involvement: Critical Political Communication Research]. *Russkiy yazyk za rubezhom* [The Russian Language Abroad], no. 4, pp. 33–40.
- Kravchenko A.I., Polikarpov V.A., Naumenko L.I., 2002–2019. Gruppy referentnaya [Reference Group]. *Gumanitarnaya entsiklopediya: Kontsepty. Tsentr gumanitarnykh tekhnologii* [Humanitarian Encyclopedia: Concepts. Center for Humanitarian Technologies]. URL: <https://gtmarket.ru/concept/6931> (accessed 28 September 2019).
- Olson M., 1995. *Logika kollektivnykh dejstvij. Obshchestvennye blaga i teoriya grupp* [The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups]. Moscow, Fond Ekonomicheskoi Initsiativy. 165 p.
- Selivanova M.A., 2010. K voprosu o ponyatii вовлечения nesovershennoletnikh v sovershenie prestuplenii [About the Term of Juvenile Involvement in the Commission of Crime]. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy jekonomicheskoy akademii* [Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy], no 2 (70), pp. 146–149.
- Khazimullina E.E., 2016. Mekhanizm rechevogo вовлечения v deyatel'nost' ekstremistskikh organizatsii [Mechanism of Speech Involvement by Extremist Organizations]. *Acta linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy*, vol. 12, no. 3, pp. 453–469.
- Araeva L.A., Katyshev P.A., Osadchiy M.A., Olenev S.V., 2018. Recontextualization of the Religious Term 'Ziyarat': Critical Discourse Study. *European Journal of Science and Theology*, vol. 14 (5), pp. 137–147.
- Bhatia A., 2011. Building Community in International Politics: A Study of Political Press Conferences. *Ibérica*, vol. 21, pp. 117–140.
- Engagement in Professional Genres*, 2019. Pragmatics & Beyond New Series. xiv, 373 p. DOI: 10.1075/pbns.301.
- Hyland K., 2005. Stance and Engagement: A Model of Interaction in Academic Discourse. *Discourse Studies*, vol. 7 (2), pp. 173–192.
- Hyland K., 2010. Constructing Proximity: Relating to Readers in Popular and Professional Science. *Journal of English for Academic Purposes*, vol. 9 (2), pp. 116–127. DOI: 10.1016/j.jeap.2010.02.003.
- Hyland K., 2017. Metadiscourse: What Is It and Where Is It Going? *Journal of Pragmatics*, vol. 113, pp. 16–29. DOI: 10.1016/j.pragma.2017.03.007.
- Hyland K., Jiang F., 2016. "We Must Conclude That...": A Diachronic Study of Academic Engagement. *Journal of English for Academic Purposes*, vol. 24, pp. 29–42. DOI: 10.1016/j.jeap.2016.09.003.
- Jayyusi L., 1984. *Categorization and the Moral Order*. London, Routledge & Kegan Paul. 275 p.
- Leudar I., Marsland V., Nekvapil J., 2004. On Membership Categorization: 'Us', 'Them' and 'Doing Violence' in Political Discourse. *Discourse & Society*, vol. 15 (2–3), pp. 243–266. DOI: 10.1177/0957926504041019.
- Suau-Jiménez F., Dolón R., 2007. The Importance of Metadiscourse in the Genre 'Promotion of Touristic Services and Products': Differences in English and Spanish. *Languages for Specific Purposes: Searching for Common Solutions*. [S. 1.], Cambridge Scholars Publishing, pp. 71–79.

Information About the Authors

Pavel A. Katyshev, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St, 6, 117485 Moscow, Russia, katpa@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2492-6495>

Natalya A. Bozhenkova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St, 6, 117485 Moscow, Russia, natalyach@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2381-5865>

Информация об авторах

Павел Алексеевич Катышев, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия, katpa@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2492-6495>

Наталья Александровна Боженкова, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия, natalyach@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2381-5865>

Журнал «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание» издается для широкого ознакомления научного сообщества с новыми исследованиями отечественных и зарубежных авторов, связанными с приоритетными лингвистическими направлениями, что способствует развитию современного гуманитарного знания и международного научного взаимодействия, а также созданию творческой дискуссионной площадки для реализации комплексного подхода в решении проблем языкознания на основе соединения традиций российской университетской и академической филологической науки с достижениями современной лингвистики.

Редакционная политика журнала направлена на распространение достижений российской и мировой лингвистики, опирающихся на современную научную методологию и широкий круг лингвистических источников, чему способствует:

– обеспечение доступности опубликованных статей независимо от географического положения и языковой принадлежности их авторов и читателей: развитие журнала по типу научного издания «открытого доступа» (Open Access), расширение присутствия журнала в международных базах данных и открытых электронных ресурсах, публикация статей на английском языке, увеличение объема аннотации (Abstract) и дублирование списка литературы в латинском алфавите (References);

– поддержание высоких стандартов публикаций благодаря их экспертной оценке и профессиональной редакционно-издательской обработке;

– публикация научно-теоретических, научно-практических и экспериментальных работ по актуальным проблемам развития и функционирования русского и других языков, межкультурной коммуникации и сопоставительному изучению языков, теории языка, научных дискуссий по проблемам приоритетных направлений лингвистики, междисциплинарных исследований.

Уважаемые читатели!

Подписка на I полугодие 2021 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 20986.

Стоимость подписки на I полугодие 2021 года 1920 руб. 60 коп.
Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

Science Journal of Volgograd State University. Linguistics is published to introduce high priority linguistic topics and current innovative results of Russian and foreign researchers to scientific community, which contributes to developing humanitarian issues and international science communications, enhancing debates and discussions, offering solutions on linguistic issues based on Russian scholarly and academic traditions in Philology combined with modern advances in Linguistics.

Editorial policy of the journal is intended to promote Russian and world achievements in Linguistics that are gained with relevance to modern research methods and broad scale of linguistic sources.

It is facilitated with:

- ensuring accessibility to the published articles irrespective of the geographic location or language of authors and readers;
- introducing an open access journal policy;
- extending inclusion of the journal into international data bases and open digital resources;
- publishing articles in English, duplicating References in Latin, enlarging Abstracts;
- maintaining high publishing standards due to expertise, professional editorial and technological processes;
- publishing scholarly and theoretical, scholarly and practical works and experimental results in current issues on functional linguistics of the Russian and other languages, intercultural communication, comparative language studies, linguistic theory, handling scientific discussions on prioritized trends in linguistics, cross-disciplinary studies.

Dear readers!

Subscription for the 1st half of 2021 is carried out through
“The United Catalog. Russian Press. Newspapers and Journals”. Vol. 1.
The subscription index is 20986.

The cost of subscription for the 1st half of 2021 is 1920.60 rubles.
Distribution of the journal is carried out through the address system.

**УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ
В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК ВолГУ.
Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ»**

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik2@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются **в открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik2@volsu.ru является формой **акцента оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей смотрите на сайте журнала <https://l.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS OF PUBLICATION
IN *SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY. LINGUISTICS*

1. The Editorial Staff of *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik2@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in **the Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik2@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* print periodical.

The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing and publication of academic articles please refer to the journal's website <https://l.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. Linguistics
is indexed by:

